VISIT…

LANZAROTE
Caliente.COM

Михаэль и Бернгард
ГРЖИМЕК

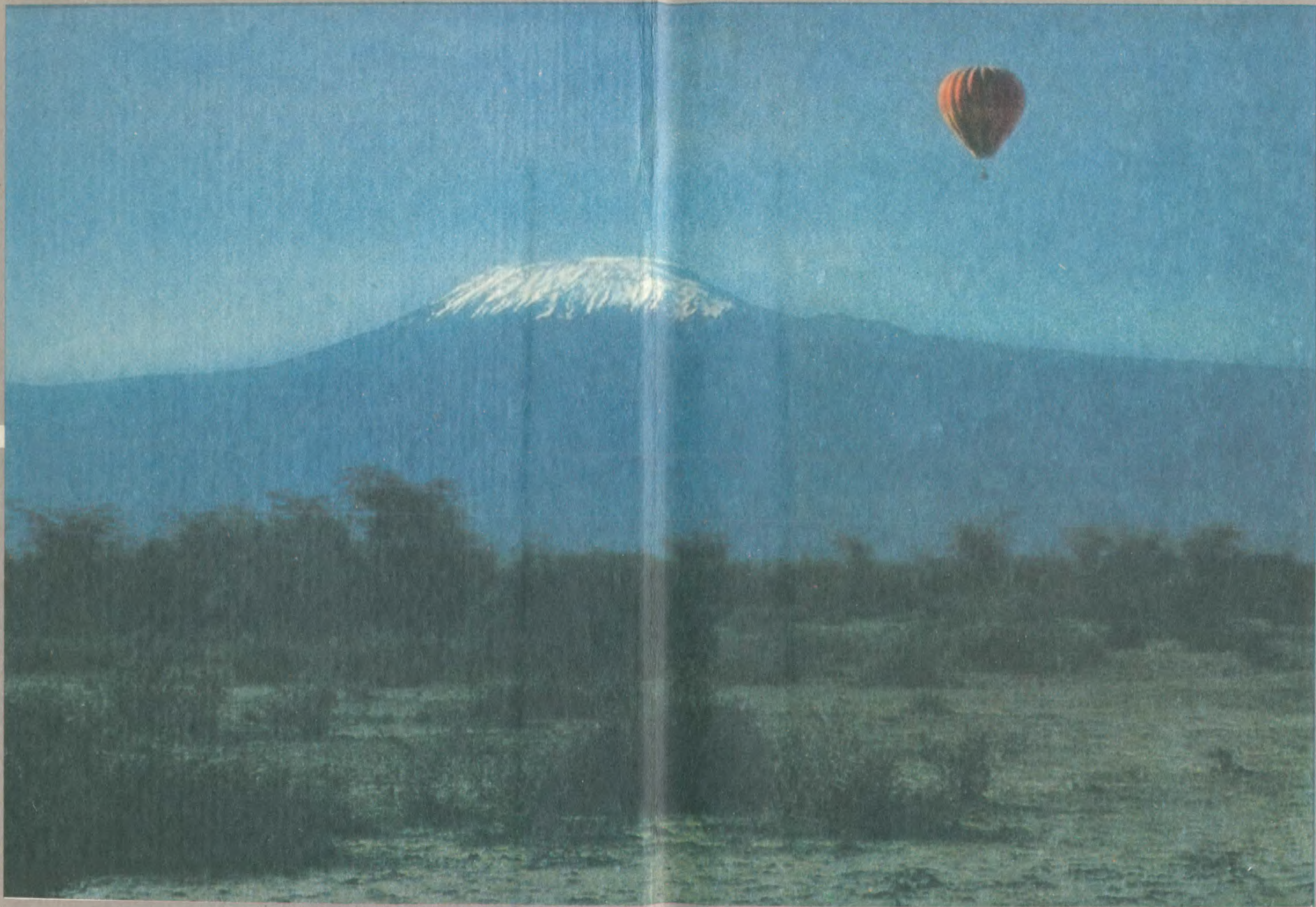

Серенгети не должен умереть

Бернгард
ГРЖИМЕК

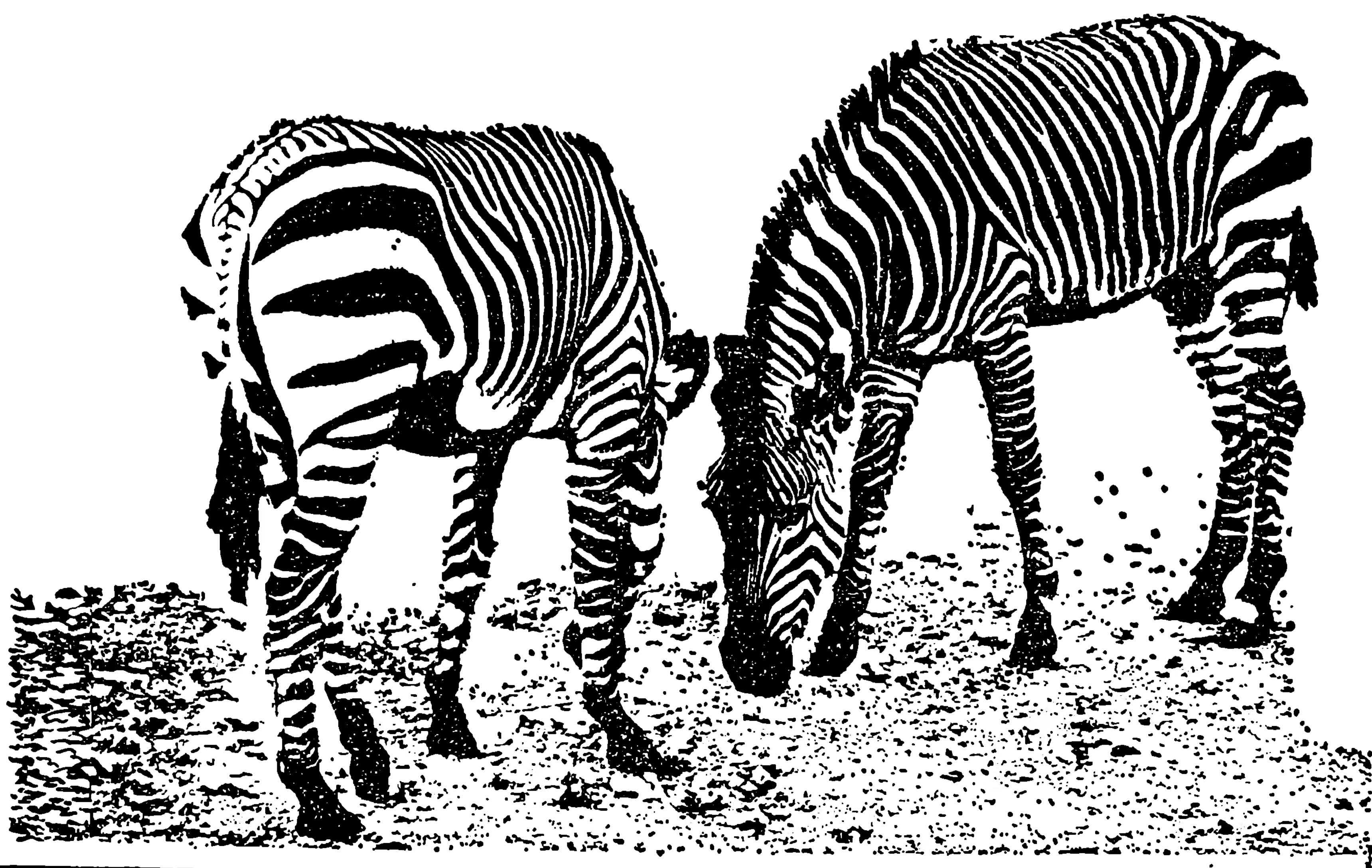
Не щадя сил

Михаэль и Бернгард
ГРЖИМЕК

Серенгети не должен умереть

Издание третье

Бернгард
ГРЖИМЕК

Не щадя сил

Москва "Мысль" 1986

ББК 28.688
Г 81

РЕДАКЦИИ ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Prof. Dr. Dr. Bernhard und Michael GRZIMEK

SERENGETI DARF NICHT STERBEN

Berlin—Frankfurt / M.—Wien, 1964

Prof. Dr. Dr. Bernhard GRZIMEK

EINSATZ FÜR AFRIKA

Neue Erlebnisse mit Wildtieren

Verlegt bei Kindler, München, 1980

Перевод с немецкого Е. А. ГЕЕВСКОЙ

Научные консультанты,
авторы послесловия и комментариев
доктор биологических наук А. Г. БАННИКОВ,
кандидат исторических наук А. М. ПЕГУШЕВ

Книги печатаются с некоторыми сокращениями

Г $\frac{1905020000\text{-}049}{004\,(01)\text{-}86}$ 151-86

© 1980 by Kindler Verlag GmbH, München
© Перевод на русский язык,
послесловие, комментарии.
Издательство «Мысль», 1986

Михаэль и Бернгард
ГРЖИМЕК

Серенгети не должен умереть

Сыновьям Михаэля Гржимека — Стефану Михаэлю и Кристиану Бернгарду посвящается

«Какой бы увлекательной ни была любая школьная экскурсия, но, если тебя потом заставляют писать о ней сочинение, она сразу же может ужаснс опротиветь. Вот и сейчас мой отец требует, чтобы я описал, как мне пришлось самостоятельно вывозить из Африки во Франкфурт отловленных для зоопарка животных...» — такими словами мой сын Михаэль начинал последнюю главу в моей книжке «Полет в страну шимпанзе». Я поручил написать ему о том, как я вынужден был оставить его, шестнадцатилетнего парнишку, одного в Африке, в районе Берега Слоновой Кости, среди людей, говорящих на чужом языке. На его попечении оставались все отловленные для нашего зоопарка животные, а в его распоряжении был всего лишь один бой. И все же он сумел благополучно погрузиться на французское грузовое судно и в целости и сохранности доставить все в Гамбург.

А теперь Михаэль — соавтор книги, которую Вы сейчас держите в руках. За несколько дней до его трагической гибели мы условились работать над нею вместе. Неважно, что он не успел написать в ней ни строчки,— во всем, о чем здесь говорится, мой сын принимал живейшее участие, им проделана бóльшая часть нашей работы. Так что его имя с полным правом стоит рядом с моим на титульном листе.

Нам очень хочется верить, что эта книга поможет спасти и сохранить то, ради чего мы трудились.

Я же могу только пожелать всем отцам иметь такого сына, каким был мой,— верного помощника и друга, который все понимает с полуслова. Я бесконечно благодарен судьбе даже за те недолгие годы, которые нам посчастливилось прожить рядом.

Бернгард ГРЖИМЕК

ПОЛЕТ ТУДА

Итак, в свои сорок восемь лет я впервые решился сесть за руль самолета. Пасмурным утром 11 декабря 1957 года я отправился в нашем одномоторном самолете вдоль Рейна на юг, в сторону Швейцарии. Лечу на высоте 200 метров. Желтые концы пропеллера вписывают матово-прозрачный круг в серовато-лиловый ландшафт, виднеющийся сквозь ветровое стекло. Слева со скоростью 200 километров в час скользит горная дорога. Но сейчас вдоль нее не видно той буйно цветущей зелени, которой мы всегда любовались во время наших весенних полетов,— сейчас здесь все пусто, голо и неуютно.

Рядом со мной сидит мой сын Михаэль и, так же как и я, держит свою рукоятку управления между колен. Легкий нажим рукой на черный шарик металлической трубки — и правое крыло едва заметно накреняется. Мы подлетаем ближе к Рейну. Придерживаясь реки, наш самолет с пути не собьется, так что есть возможность поразмышлять.

Мне несколько не по себе. Ведь мы решились на весьма опасный перелет. Наш самолет должен преодолеть расстояние в 10 тысяч километров: пересечь Средиземное море, Египет, Центральную Африку и опуститься за экватором!

Я человек пожилой, особенным охотником до воздушных приключений никогда не был и, кроме верховой езды, никаким спортом не увлекался. Ни за что раньше бы не поверил, что вдруг решусь, как заправский летчик, сесть в этакий не внушающий доверия самолетишко да еще отправиться на нем до самого озера Виктория! Однако дело вот в чем.

Я очень рано женился — двадцати одного года. И теперь мои сыновья уже совсем большие. Михаэлю, который сидит сейчас рядом со мной в своей меховой безрукавке,— двадцать три. Он не только мой сын, это мой единственный настоящий друг. Еще совсем маленьким мальчиком он помогал мне в моих опытах с волками и собаками [1]. Несколько позже он превзошел меня в фотографировании животных и перешел к киносъемке. Когда ему было всего семнадцать лет, его любительские фильмы уже отмечались как выдающиеся. А потом у него засела в голове мысль отснять цветной фильм по мотивам моей книги «Для диких животных места нет».

Книги, даже если это бестселлеры, прочитывает только несколько десятков тысяч, ну, может быть, 100 тысяч человек. Нам же хотелось, чтобы многие миллионы людей Европы и Америки узнали о том, что львы и слоны, носороги и жирафы, эти удивительные существа, которыми все так восхищаются, постепенно исчезают с лица земли и что последнее их прибежище — национальные парки — все сужается. Осведомить же об этом миллион-

[1] *Grzimek B.* Wolf Dschingis, Stuttgart, 1943 und 1955.

ные массы можно только при помощи кино, телевидения и иллюстрированных журналов.

Государственное гарантийное учреждение, которое в то время финансировало художественные фильмы, взяло на себя поручительство перед банками лишь за половину стоимости нашего фильма. Вернувшись из Африки, мы, к своему ужасу, узнали, что одновременно с нами фильм об африканских животных снимал знаменитый Уолт Дисней. Этот фильм под названием «Тайны степей» должен был демонстрироваться в кинотеатрах одновременно с нашим.

Первое же кинопрокатное общество в Мюнхене, которому мы показали часть отснятых в Африке кадров, от нашего фильма отказалось. В конце концов Михаэлю пришлось подписать вексель на 100 тысяч марок, чтобы получить возможность смонтировать фильм, изготовить цветные копии, озвучить его и выпустить на экран.

Кинодеятели были в претензии на нас за то, что мы показали диких животных слишком мирными. Ведь во всех фильмах об Африке зритель привык видеть, как каждые две минуты хищник нападает на жертву, гигантские змеи душат людей, а злобных, агрессивных слонов в последний момент приканчивают метким выстрелом. Но мы, зоологи, можем показывать животных только такими, какие они есть на самом деле, а не так, как их принято демонстрировать публике с целью пощекотать ей нервы. Так что, когда мы все-таки решились послать свои фильмы на кинофестиваль в Берлин, сердце у каждого из нас екало.

«Для диких животных места нет» демонстрировался в последний день фестиваля в кинотеатре на Курфюрстендамме. Перед этим мы пригласили представителей прессы на завтрак в Берлинский зоопарк, но ровно в 10 часов разразилась такая гроза, что никто не отважился пробежать через весь парк до ресторана. Так мы и просидели вдвоем перед огромными горами бутербродов...

Потом, на дебюте нашего фильма, мы притаились в самом последнем ряду кинотеатра, чувствуя себя как школьники, сидящие на пасху в актовом зале, когда объявляют, кого перевели в следующий класс, а кто остался на второй год.

Когда три жирафа, словно в теневом театре, медленно проплыли на фоне красного заката, зрители начали горячо аплодировать. Михаэль радостно сжал мое колено.

Кончилось тем, что его вызвали на сцену, и он там стоял в свете прожекторов в своем черном костюме, неумело раскланивался и решительно не знал, что ему делать с огромными букетами сирени, которые ему совали в руки.

Как зачарованные, мы шли потом по Курфюрстендамму в Фестивальный комитет, где раздавали призы. Зал был уже наполовину пуст. Журналисты накинулись на нас с упреками: куда это мы запропастились, они нас ищут уже около часа? Оказывается, фильм получил приз «Золотой медведь», потому что собрал большинство голосов; другим призом его удостоило между-

народное жюри, состоящее из специалистов; кроме того, фильму присудили еще и республиканскую премию.

Словом, все шло хорошо. Фильм «Для диких животных места нет» шел в Мюнхене 12 недель подряд в одном и том же кинотеатре, его показывали в 63 странах мира. Когда его привезли в Южную Африку, местная цензура хотела из него кое-что убрать, но газеты выразили протест, и министр внутренних дел был вынужден распорядиться, чтобы ни одного метра пленки не вырезали.

Мы все думали над тем, как сделать так, чтобы миллионы зрителей, просмотревшие наш фильм, могли оказать какую-нибудь действенную помощь диким животным Африки,— ведь у них, безусловно, возникало такое желание. И придумали: пусть деньги, которые они платят за билет, пойдут в пользу наших любимых животных. Ведь фильм протестовал против того, чтобы британское правительство Танганьики [1] сократило на одну треть национальный парк Серенгети — последнее пристанище диких животных, а оно собиралось это сделать. И вот мы решили на ту часть денег от проката фильма, которая полагалась на нашу долю, выкупить у английских властей окружающие заповедник земли и присоединить их к нему. Узнав об этом, директор национальных парков Танганьики Питер Моллой приехал со специальным визитом во Франкфурт и предложил использовать эти деньги для гораздо более важной цели.

Дело в том, что в степях Серенгети пасется свыше миллиона крупных животных [2], однако их огромные стада все время перекочевывают с одного места на другое. Картина здесь постоянно меняется: то степь до самого горизонта заполняется антилопами гну, то они куда-то исчезают, и на несколько месяцев степь словно вымирает. Существует много разных предположений относительно того, откуда эти животные приходят и куда держат путь. Согласно этим гипотезам и были предложены новые, более узкие границы парка. Но никто до сих пор не нашел способа проследить дальше массовые миграции этих животных. Во время сезона дождей даже на вездеходе невозможно проехать по тем немногим «дорогам», которые здесь имеются, а уж через затопленные равнины, через горы и ущелья и вовсе не проберешься.

У правительства Танганьики нет денег для подобных исследований, да и у какого правительства на свете найдутся деньги для львов, жирафов, зебр и гну?

Я помню, мы часто лежали на нашем балконе, задрав ноги высоко на перила, и ломали себе голову над тем, как решить эту задачу.

---

[1] В книге речь идет о событиях, происходивших до 1959 года включительно. Страны Танганьика, Кения и Уганда, о которых автор пишет как о колониях, стали независимыми государствами соответственно в 1961, 1963 и 1962 годах. В 1964 году Танганьика и Занзибар создали Объединенную Республику Танзанию.— *Прим. пер.*

[2] Теперь их уже более двух миллионов.— *Прим. пер.*

— Мы должны научиться летать,— как-то вдруг осенило Михаэля.

Меня это несколько ошеломило, но я понял, что он прав. Десяток лет назад он же вынудил меня научиться водить машину.

В течение нескольких недель у нас шли ожесточенные бои с женами, но победа осталась за нами. И вот в одно прекрасное утро я уже стоял на спортивном аэродроме Эгельсбах, в 20 километрах от Франкфурта. Собственно, он ничем не напоминал аэродром. Это была обычная зеленая лужайка, не очень ровная и даже не огороженная забором. На краю ее — малюсенькая гостиница, где под потолком на веревке болтается целый лес галстуков: здесь принято срезать галстук у каждого новичка после его первого самостоятельного полета.

Я предполагал, что сначала последует какая-нибудь лекция, этакое теоретическое обучение «катанию на лыжах в комнатных условиях», но не успел я оглянуться, как уже сидел с преподавателем в маленьком двухместном самолетике «Пайпер кап». И вот я уже пересекаю наискось высоковольтную линию и железнодорожное полотно.

Такой «Пайпер кап» производит очень несерьезное впечатление, словно его купили в игрушечном магазине: весь он как-то наскоро сварганен из тонких железных стержней и холста. Но зато в нем удивительно мало рычагов, циферблатов и прочих механизмов, так что «не ошибаться» в нем довольно легко.

Летать, как выяснилось, дело абсолютно простое, и ему, собственно говоря, и учиться-то незачем. Затруднительны только взлет и посадка. Мне потребовалось вдвое больше летных часов, чем Михаэлю, пока я наконец сумел продемонстрировать перед государственным экзаменатором все положенные крутые виражи и посадку с выключенным мотором точно в указанном месте.

А потом — первый самостоятельный перелет на другой аэродром. До чего же страшно удаляться от своего родного аэродрома, где все заучено — и уголок леса, и крыша ангара, и соседняя деревенька! Боишься не найти дорогу назад, словно воробей, впервые вылетевший из гнезда. Деревни до того похожи одна на другую! Я стараюсь держаться автострады, по которой уж во всяком случае можно будет отыскать дорогу домой. Во время посадки в Кобленце на горном плато над рекой Мозель ветер подхватил мой самолетик, и не успел я опомниться, как он уже стоял задом наперед на посадочной дорожке.

Несколькими днями позже я должен был в течение получаса продержаться на высоте 3 тысяч метров. Тут надо внимательно следить за тем, чтобы не попасть «под ноги» самолетам гражданской авиации, которые с этой высоты начинают снижаться для посадки на большом Франкфуртском аэродроме. Отсюда уже виден Франкфурт, а сразу за ним — Майнц и Висбаден. Как густо заселены эти места! Запломбированный аппарат за моей спиной отмечает, точно ли я держусь на заданной высоте.

Нет, действительно, летать на «Пайпер кап» совсем не трудно. Сложна только теория, которую необходимо для этого освоить.

Для сдачи государственных экзаменов я прибыл в Дармштадт, где с восьми утра до шести вечера просидел в большом зале правительственного здания, отделенный справа и слева на три метра от соседних экзаменующихся (чтобы мы не могли друг у друга списывать).

Еще четыре недели назад я даже не подозревал, что в ФРГ есть Богемские горы, а сейчас знаю наизусть, что самая высокая вершина Богемского Леса носит название Арбер и достигает высоты 1457 метров. Ведь я должен уметь на большой слепой карте рядом со всеми городами, реками, каналами и горами проставить их названия. Я даже запомнил, что притоки реки Прегеля называются Анграпа и Инструч,— это на всякий случай, потому что, по слухам, один из экзаменаторов родом из Восточной Пруссии. Я могу с линейкой и циркулем в руках высчитать на миллиметровой бумаге, за сколько времени я — теоретически — могу добраться из Франкфурта в Гамбург, если мне навстречу под углом 63 градуса дует северо-восточный ветер, и сколько мне на это потребуется бензина. Я прочно усвоил, кто кому обязан уступить дорогу, если встречаются одновременно стратостат, планер, самолет и дирижабль.

Я знал тысячу вещей и сдал экзамены с отличием. А два опытных летчика, которые пришли только за тем, чтобы продлить летные удостоверения, провалились, хотя наверняка летали лучше меня во много раз. Я занимался очень усердно, так как знал, что, если провалюсь, об этом обязательно сообщат в газетах и многие знакомые будут смеяться надо мной до упаду.

Наконец настает день, когда вам вручают коричневато-желтое летное удостоверение, вы прячете его в свой бумажник и чувствуете себя заправским пилотом. Но ни один человек почему-то об этом не догадывается, и никто у вас никогда не спрашивает этого документа.

И все же вождение самолетов накладывает кое-какой отпечаток на вашу личную жизнь. Я, например, совершенно отвык от завтраков и позволяю себе выпивать утром только одну скромную чашечку кофе. Ведь в таком самолетике нет никаких специальных удобств ни для мужчин, ни для дам. Как-то из-за этого я в отчаянии решился на посадку в Бингер-Лохе, а в ФРГ вынужденная посадка вне аэродрома влечет за собой самые неприятные последствия. Даже если вам удалось благополучно приземлиться на клеверное поле, вы должны сразу же бежать в ближайшую деревню и сообщить по телефону свои координаты в Агентство гражданской авиации в Брауншвейге, затем дождаться приезда полиции и получить официальное разрешение для старта. И только после этого вы можете наконец попробовать снова подняться в воздух. Словом, значительно проще отказаться от завтрака...

Я стою на лужайке аэродрома в Эгельсбахе рядом с нашим

преподавателем, который занят тем, что аккуратно отмечает время вылета и приземления канареечно-желтых самолетиков. Я приехал сюда, потому что уже несколько недель меня мучают «проклятые сомнения».

— Скажите мне, пожалуйста, господин Реппле, достаточно ли подготовлен Михаэль, чтобы сейчас лететь в Африку? Отпустили ли бы вы его, будь он вашим собственным сыном?

Разумеется, я для того и учился летать, чтобы не отпускать Михаэля одного. Я бы дома ни одной ночи не мог заснуть спокойно, зная, что он летит совершенно один над бескрайней пустыней. Может быть, я учился еще и потому, что отцы обычно не любят, чтобы сыновья их в чем-то переплюнули. Поездку откладывать нельзя, потому что работу в Серенгети нужно начинать немедленно, лучше сегодня, чем завтра, иначе за это время может быть принято окончательное решение о сокращении площади заповедника. Купить или нанять самолет в Африке мы не сможем, потому что нам нужна особая машина, которая способна в случае надобности лететь совсем медленно и приземляться в любых условиях без всякого аэродрома. Может быть, разумнее было бы отправить наш самолет пароходом?

— Но тогда вам пришлось бы тренироваться над безлюдными дебрями Африки, где нет никакой надежды на чью-либо помощь. Нет, я считаю Михаэля одним из своих лучших учеников. Летное мастерство у него в крови. Будете ли вы в дальнейшем летать над нашей страной или над странами Средиземноморья — это совершенно безразлично.

Словом, без такого полета нам все равно не обойтись. В конце концов многие рисковали и бо́льшим ради значительно менее благородных целей. Так что, прежде чем несколько необычным способом обследовать серенгетские степи, нам предстоит еще не менее необычный спортивный трюк. Это хоть и заманчиво, но и страшновато — прямо в дрожь бросает.

И вот мы сидим в своей новой красивой машине и не спеша тарахтим вверх по Рейну. Нас сопровождает только наш «бушбэби» — ручной галаго *. Я все еще жду, когда мы долетим до определенного ориентира, указанного в автомобильном атласе, а под нами уже вырастает огромное четырехугольное здание с надписью «ГАЙГИ». Это швейцарский конкурент наших фармакологических фирм «Мерк» в Дармштадте и Хёхсте. Один из совладельцев этой гигантской «дьявольской кухни», исследователь Африки, университетский профессор, биолог, недавно рассказывал мне, как под его руководством ежедневно вскрывают сотни мух цеце и аккуратно вытаскивают и сортируют их кишки, желудки и другие органы.

Найти дорогу из Базеля в Женеву для нас не представляет никакого труда. Дело в том, что мы вмонтировали в свой самолет радиокомпас, так что мне достаточно только поискать в справочнике длину волны Женевского аэродрома и радиомаяков по дороге к нему. Михаэль настраивает компас на эту волну, и

стрелка на циферблате приходит в движение. Она стоит ровно на нуле, если нос нашего самолета обращен прямо к невидимой радиостанции. Если мы над ней пролетели, стрелка делает полный оборот вокруг всего циферблата. Все идет гладко, как в сказке. Но в Африке, к сожалению, нет радиомаяков, и, если радиоволны ближайшего аэродрома не будут нас достигать, радиокомпас станет совершенно бесполезным. Однако пока мы еще не в Африке, а в Швейцарии, и наш самолет доставляет нам совсем другие хлопоты.

Кстати, я должен его сначала представить. Похож он на обычный спортивный самолет, только больше, весь из металла и более современной формы. В нем свободно помещаются шесть человек. Обычная его скорость — 220 километров в час. Однако с выпущенными закрылками ее можно снизить до 50 километров в час (это, разумеется, удается только тому, кто хорошо владеет машиной). Поэтому его можно посадить даже на картофельном поле, по которому ни на каком автомобиле не проедешь. Правда, у этого самолета всего один мотор, но в случае, когда он отказывает, мы сейчас же выпускаем закрылки и плавно, словно на планере, скользим к земле.

Ей-богу, на таком самолете до смешного безопасно летать, но, как мы ни старались объяснить это нашим женам, они почему-то нам не верили. У него такие длинные ноги, что даже в случае посадки в кустарник или на кочковатую почву пропеллер не погнется. Сидим мы в кабине из сплошного плексигласа, расположенной несколько ниже высоких крыльев. Иногда мне начинает казаться, что я вишу на стуле прямо в воздухе: боковые окна доходят до самого пола и прямо под своей коленкой с 800-метровой высоты я вижу маленькие деревенские домишки.

Называется наша машина «D — Ente» («D — Утка»). В ФРГ все самолеты получают букву «D» как первый опознавательный знак, а затем через тире четыре буквы. Нам разрешили самим выбрать слово из четырех букв. Мы хотели, чтобы это было животное, и выбрали «утку». И только позже мне пришло в голову, что мы с таким же успехом могли остановиться на слове «осел», в котором тоже всего четыре буквы...

Вертикальная хвостовая часть, согласно предписанию, окрашена в немецкие традиционные черно-красно-желтые цвета, а весь самолет мы выкрасили под зебру: он белый в черную полоску. Может быть, в таком виде животным Серенгети, где бегают тысячи зебр, он не покажется слишком уж инородным телом. Но сделано это главным образом для того, чтобы в случае аварии в дебрях Африки эту небольшую штуковину легче было отыскать.

Правда, на такой «летающей зебре» неловко приземляться на приличном международном аэродроме в Женеве. К счастью, мы еще не успели облачиться в свои тропические костюмы, а то бы наше появление могло произвести несколько странное впечатление.

На стартовых дорожках стоят 10 огромных пассажирских са-

молетов, в залах ожидания толкутся сотни пассажиров. Вообще-то эти тяжеленные «ящики» должны были приземлиться в Милане, но в связи с тем, что над Италией поднимается волна холода и в долине По бушуют ураганы, их переправили в Женеву.

Над Ниццей, говорят, дождевые облака нависли на высоте 120 метров, видимость резко ухудшилась. Марсель передает, что мимо них даже пролететь невозможно, так что ничего не поделаешь — придется провести эту ночь в дождливой Женеве.

На следующее утро все кругом, вплоть до самых гор, затянуто серыми тучами. Только в глубокой низине, расположенной южнее, они не достигают земли. В эту дыру мы и решаем нырнуть. Но зеленый лес на склоне горы оказывается вдруг угрожающе близко, нам становится как-то неуютно, и мы поднимаемся несколько выше. Но тут мы сразу же попадаем в тучи и слепнем в молочно-белом тумане. Когда наконец немного проясняется, мы снова снижаем нашу «Утку», переваливаем через горы и направляемся в Лион.

Час вниз по Роне — и мы в Марселе, где светит холодное солнце. В мрачноватом гостиничном номере мы покрываем весь истоптанный ковер картами Италии. Над Сицилией нависли сплошные низкие облака, там бури и грозы. Если мы полетим вдоль итальянского побережья, дорогу нам то и дело будут преграждать военные запретные зоны.

Таким образом, вместо Африки нам вначале пришлось вплотную ознакомиться с Марселем — к сожалению, перед самым рождеством и без зимних пальто!

Напротив нашей гостиницы стоит церковь, построенная лет 80 назад. Однако на самом деле это вокзал. В наше же время все делается наоборот: сейчас не строят вокзалов, похожих на кафедральные соборы, а сооружают церкви, напоминающие вокзалы...

Флажки на метеорологической карте в диспетчерской башне аэропорта никак не хотят сдвинуться с места. Штормовая низкая облачность словно застыла над Италией. А нам страшно хочется выбраться наконец из этой дождливой Европы. Ничего не попишешь, придется сделать большой крюк через Испанию и Гибралтар.

И вот наша «зебра» потихоньку тарахтит вдоль французского побережья. Мы с удовольствием сократили бы себе путь — отправились бы прямо через Лионский залив. Но вода там, внизу, выглядит такой холодной и враждебной, что мы не отваживаемся на это и каждый раз снова поворачиваем рычаг управления вправо, ближе к береговой полосе. Я подсчитал, что тысячу километров от Марселя до Картахены мы с попутным ветром пролетели ровно за четыре часа и израсходовали при этом 280 литров бензина.

С военного аэродрома, куда мы приземлились, услужливые испанцы повезли нас в Картахену; рычаг скоростей в нашем так-

си был защемлён маленькими деревяшками, чтобы не выскакивал.

Отчаянно сигналя, нас провезли по улицам этого маленького городка и доставили в самый большой его отель. Здесь нас покормили, прямо надо сказать, по-княжески: нам подали два стакана вина, три различных горячих блюда, свежих крабов, два кофе. Все это стоило только 2,5 марки. После этого мы еще на две марки взяли омаров. Оказывается, в такой «мертвый сезон», зимой, в Испании не бывает повышенных цен для туристов.

Телефон на тумбочке возле моей кровати работает, только когда придерживаешь рукой штепсель, но это не помешало нам соединиться с Франкфуртом. Мы сообщили своим женам, что застряли в Испании и сидим в уютном отеле у подножия средневековой крепости.

Теперь они долго не услышат наших голосов.

Испанские летчики вводят нас в искушение:

— Чего ради вы собираетесь делать крюк через Гибралтар? Ведь гораздо проще лететь прямиком через Средиземное море на Оран!

— Но ведь в Алжире сейчас происходят военные действия. Разве можно без специального разрешения лететь в Оран? *

— Да бросьте вы! Туда уже многие не раз летали, и ничего. Мы заранее сообщим о вашем прилете по радио.

Мы с Михаэлем смотрим друг на друга. Нас гложут одинаковые сомнения, но искушение слишком велико. Ведь и так уже потеряно три дня из-за проклятой низкой облачности над Сицилией. Мы соглашаемся.

Я распаковываю оранжевые пробковые жилеты, мы натягиваем их на себя и завязываем на животе. Пояснение, как пользоваться этой новинкой, написано по-английски вверх ногами, так что прочесть его можно, только глядя сверху вниз на свой живот. В специальных карманах находятся свисток и батарея, автоматически включающая в воде лампочку, которая может гореть целую ночь; прилагается и специальное окрашивающее вещество, которое пятном расплывается по морской поверхности и облегчает поисковым самолетам найти потерпевших аварию. Кроме того, у нас с собой маленькая резиновая лодка; попав в воду, она (согласно инструкции) автоматически надувается. Михаэль привязывает к ней еще сумку с хлебом, яблоками и пакетом печенья. Туда же он сует дымовую шашку и пару брикетов из какой-то гадости, отпугивающей акул. Эти брикеты мы специально выписали из Америки.

Мы ввинчиваемся высоко в воздух над Картахеной, и Испания под нами делается все меньше и меньше. Высота — 3300 метров, выше нельзя, а то воздух станет слишком разреженным и мы будем лететь значительно медленнее. Мы поворачиваем черно-белый нос нашей «Утки» точно на юг и вот уже летим над открытым морем.

Нам предстоит покрыть расстояние в 300 километров — это добрых полтора часа лету. На карте такое расстояние выглядит совсем ничтожным — кошка и та перескочит! Но вот уже исчезла из глаз береговая полоса. Только небо и море, больше ничего. В это время года вода в Средиземном море не синяя и теплая, а серая и холодная — градусов десять, не больше. Если в такой поплавать, то через час или два совсем окоченеешь и потеряешь сознание. И куда ни кинь взгляд — нигде ни одного корабля.

Меня почему-то начинает интересовать гул мотора, и мне уже чудится, что в нем прослушиваются какие-то перебои. Невольно бросаю встревоженный взгляд на Михаэля.

С годами я все больше и больше начинаю полагаться на него. Я знаю, что, когда он сидит за рулем, всегда все идет отлично. Михаэль смотрит прямо перед собой сквозь круг, который чертит пропеллер. У него еще нет морщинок у глаз; на лоб, как всегда, свисает прядь волос, а сзади, на макушке, тоже как обычно, торчит смешной вихор. Этот вихор ему никогда не удавалось пригладить, даже когда Михаэль был еще совсем ребенком и гордо отправлялся гулять с нашим волком Чингисом.

Внезапно что-то дернулось, затарахтело, и стук мотора прекратился. Мне показалось, что вместе с ним перестало стучать и мое сердце. Как выбраться из этой металлической «Утки»,если надо будет бросаться в воду? Справа от меня, над дверью, красная ручка, запломбированная тонкой проволокой. «АВАРИЙНЫЙ СБРОС ДВЕРИ» — написано на ней.

Михаэль нажимает на кнопку вспомогательного бензонасоса. Раздается жужжание. Насос с силой загоняет бензин в мотор, и тот снова начинает работать. Он вышел из строя всего на каких-нибудь пять-шесть секунд. Но это были долгие секунды!

Летя над морем, мы не решались выключить вспомогательный бензонасос, хотя мотор, возможно, прекрасно работал бы и без него. Мы боялись даже слово проронить, пока наконец стрелка радиокомпаса не настроилась на длину волны Орана и берег Северной Африки не начал медленно (ужасно медленно!) приближаться.

Над Ораном нависли три мрачным грозовых облака. Из каждого широкой полосой лил дождь. Где же аэродром? Та площадка, на которую мы только что собрались сесть, оказалась предназначенной для строевого обучения, а на других подходящих местах стояли военные самолеты.

Мы делаем два огромных виража вокруг низины, где расположен город Оран. Ну вот, это наконец должен быть аэродром! Я озираюсь по сторонам, чтобы нам не столкнуться с какой-нибудь другой машиной, идущей на посадку. Михаэль в наушниках внимательно слушает указания человека с командного пункта. Оттуда всегда сообщают, с какой стороны и какой силы дует ветер у земли, чтобы можно было сесть против ветра, можно ли идти на посадку или подождать, какую посадочную дорожку занять и другие подобные вещи. Этот голос в эфире нелегко понять, потому что все говорится сокращенно, цифрами, числами

и закодированными обозначениями и по международному соглашению на английском языке. А здесь наушники почему-то картавят по-французски.

Когда мы уже буквально в холодном поту находим наконец нужную посадочную дорожку и спускаемся на нее, голос в наушниках неожиданно спрашивает на этот раз уже по-английски:

— How do you pronounce your name? (Как вы, собственно говоря, произносите свое имя?)

Если ваша фамилия Гржимек, то к таким вопросам успеваешь привыкнуть. В Америке и Франции меня часто уверяли, что англичанин или француз такой фамилии даже выговорить не может. Я успокаивал этих людей тем, что и немец тоже не может. Но здесь, прямо в воздухе, этот вопрос меня огорошил.

Оран уже более тысячи лет смотрит с побережья Африки на Испанию. 280 лет город был испанским, затем 40 лет — турецким, а с 1831 года он французский. Шофер такси, который везет нас в город с аэродрома,— француз, но Франции никогда не видел. Его отец и дед родились в Северной Африке. Здесь живут два миллиона французов и семь миллионов алжирцев *.

— В Оране теперь все тихо,— успокаивает нас шофер, проезжая на волосок от навьюченного всяким скарбом осла.

Все отели переполнены беженцами и офицерами, так что мы были рады получить у мавританского владельца третьеклассной гостиницы даже нетопленую комнатушку возле кухни.

Портье здесь настоящий фокусник. Пока Михаэль с ним объяснялся, он своим широким рукавом незаметно смахнул со стола обменный чек. Когда мой сын, усмехаясь, нагнулся за ним, бумажки на полу уже не оказалось. Она очутилась в ящике стола, прикрытая книжкой...

Наша «летающая зебра» пытается пробиться в Алжир, но повсюду еще висят темные, мокрые облака. Они становятся все плотнее и спускаются все ниже. Мы едва успеваем заметить, что ущелье, по которому мы пролетаем, внезапно кончается отвесной стеной гор. У нас, слава богу, еще хватило времени сделать вираж и полететь назад.

В то время как на автомобиле всегда можно дать задний ход, для летчика попасть в тупик означает смерть. Самолеты уже не раз терпели аварию именно вот в таких ущельях, потому что часто бывало поздно набрать высоту, необходимую, чтобы перевалить через препятствие, а чтобы развернуться, ущелье оказывалось слишком тесным.

Мы решили попробовать пробраться к Алжиру вдоль берега, над самым морем, но и здесь клочья облаков опустились так низко, что местами сливались с морской пеной.

Спустя полтора часа, совершенно вымотанные, мы вернулись на аэродром в Оран. Служащий аэродрома качает головой:

— Вам следовало держаться над горами хотя бы на высоте

триста метров! Радуйтесь, что вас не подстрелили. Только три недели назад тут угробился один такой лихач.

На другое утро мы стараемся держаться на почтительном расстоянии от опасных гор. Мы летим вдоль берега, и нам видно, что наделала разбушевавшаяся стихия: мосты напрочь снесены, улицы размыты, в горах и на холмах ни одного более или менее крупного животного. А ведь прежде отсюда, с моря, мореплаватели могли наблюдать за антилопами и даже львами. Еще в 1892 году вот там, напротив, на горе Эду, близ алжирского порта Бон, встречали львов. Последние львы Марокко, весьма мирного нрава, продержались в тех местах даже до 1922 года. Эти черногривые берберийские львы по праву считались самыми красивыми львами в Африке. Их кровь и сейчас еще течет в жилах некоторых обитателей зоопарков.

Нам еще несколько раз приходится попадать в кратковременные ливни. При этом Михаэль старается пролетать под тучами, я же за то, чтобы обойти их стороной.

Дело в том, что дверка, которая надо мной, пропускает воду. Под давлением свистящего ветра дождевая вода просачивается в стыках сквозь пенопластовую прокладку. Мне приходится держать над головой тряпку и время от времени ее выжимать. В такой позе рука быстро затекает, и кончается дело тем, что вода мне все-таки попадает за шиворот. А сторона, где сидит Михаэль, остается сухой.

Так мы пробиваемся мимо Алжира, вдоль всего берега, до Туниса, а затем идем к югу. Наконец мы выбрались из этой «хляби небесной». Пускай ливень путешествует дальше по Италии и мочит даже Балканы. Мы же летим туда, где светит солнце, и никакая «небесная постирушка» больше нас не задержит.

На аэродроме в Триполи мы уже не впервые. Нам не раз случалось торчать здесь ночью около часа, когда мы прилетали в Африку на большом пассажирском самолете. На рифленой жести ворот аэровокзала еще сохранились следы от пуль со времени африканских походов Роммеля. А на банкнотах нового королевства Ливии можно полюбоваться изображением старого короля Идриса эль-Сенусси с феской на голове, но по ним нельзя угадать, сколько пиастров они стоят, потому что цифры обозначены только по-арабски. Хотя и считается, что мы тоже пользуемся арабскими цифрами, но настоящие арабские выглядят совсем по-другому.

Теперь нам хочется семимильными шагами наверстать все наши вынужденные задержки в пути. К счастью, у нашей бравой «зебры» есть «второе дыхание»: мы встроили перед двумя задними сиденьями большой запасной бак для горючего. С помощью маленького ручного насоса из него можно перекачивать бензин наверх, в те два бака, которые размещены справа и слева в крыльях. Таким образом мы сможем без посадки долететь до Тобрука и даже, может быть, до Александрии в Египте.

По воздуху добираешься очень быстро, вот только на противных аэродромах постоянно застреваешь! Вечно одна и та же волокита! Сначала нужно разыскать бензоколонку и набрать горючего. Потом таможня. Затем следует визит к метеорологам, которые должны нам выдать секреты направления ветра и состояния облачности. И наконец вверх по лестнице, в командный пункт. Там нужно заполнить план полета и получить его одобрение.

В качестве конечного пункта я вписываю Тобрук, но начальник заявляет, что там военный аэродром. Он зачеркивает «Тобрук» и вписывает вместо него «Бенгази». Теперь остается только заплатить налоговые сборы и выписать чек на бензин. На все это уходит не менее двух часов. И вот когда мы наконец со вздохом облегчения снова оказываемся в воздухе, то вспоминаем, что забыли поесть. Поскольку моей жены здесь нет, я чувствую себя обязанным проявлять материнскую заботу по отношению к Михаэлю. Итак, я предлагаю ему бутерброд с сыром, правда уже несколько зачерствевший, потому что приобретен он еще в Марселе. Сын отказывается его есть. Это у него от матери: волнение у них всегда отражается на желудке. Конечно, этот длительный полет его очень волнует, хотя он и виду не подает. Но яблоко он все-таки соглашается съесть. Затем открывает маленькое окошко из плексигласа, врезанное слева от него в ветровое стекло, и яблочный огрызок летит вниз, прямо на прекрасную асфальтированную дорогу, которую когда-то Муссолини проложил здесь вдоль берега. А за ней лежит пустыня... бескрайняя пустыня... Огромное песчаное королевство Ливия.

Дорога пуста. Лишь изредка можно встретить одинокий грузовик. Ни одного селения, только тут и там палатки бедуинов. Ровно через каждые 15 минут под крылом появляется четырехугольное здание постоялого двора; они похожи одно на другое как две капли воды. Как-то много лет назад я уже видел в иллюстрированном журнале эти элегантные «отели пустыни».

Нажимаю на рычаг управления и прохожу над одним из них очень низко. Теперь там хозяйничают бедуины; во дворе гора пустых железных бочек, а из-под веранды выскакивают козы.

Ручной насос что-то забастовал, и нам приходится искать место для посадки, чтобы канистрами перелить бензин из запасного бака в основные. В нашей летной карте указано, что здесь должна быть запасная посадочная площадка у Марбл-Арч. Тут не селение, а, как и указывает название, только арка. Это и есть та самая огромная триумфальная арка из белого мрамора, которую Муссолини в свою честь воздвиг прямо посреди дороги, идущей вдоль берега. Рядом заброшенный аэродром, оставшийся, как видно, со времен последней войны. Он построен, по всей вероятности, немцами. Мы идем на посадку и пролетаем на высоте трех метров над широкими асфальтированными дорожками. Они все потрескались, из щелей пробиваются густые пучки травы. Вокруг одни руины домов и казино. Кто, интересно, здесь жил? Кто здесь погиб?

Мы выбираем более или менее ровный отрезок посадочной полосы и приземляемся. Совсем рядом бедуины пасут стадо дромадеров. Они приводят нам двух ослов, и мы все вместе плетемся за длинноухими к домику из рифленой жести. И какой сюрприз — это действительно бензоколонка! На канистрах аккуратно помечено по-немецки: «Наполнено в мае 1956 г.». Значит, это горючее уже полтора года хранится здесь рядом с забытой триумфальной аркой дуче...

На ослах канистры доставляют к нашей «Утке». Кстати сказать, счет за эти услуги вместе с дюжиной других счетов из 12 различных стран по истечении года прибыл к нам во Франкфурт.

Сколько, интересно, осталось до захода солнца? Нам объясняют на пальцах: примерно два часа. Но когда мы уже в воздухе проверяем это по справочникам, выясняется, что солнце в этих местах исчезает за горизонтом значительно раньше. Красный шар все быстрее и быстрее скатывается к краю пустыни.

Для этих кочевников там, внизу, оно давно уже зашло. Когда радиокомпас наконец настраивается на Бенгази, становится почти темно. Там, на аэродроме, специально для нас освещают посадочную полосу. Как две нитки бус, сверкают два ряда керосиновых ламп, из которых языками выбивается пламя.

— Кто из вас командир корабля? — строго спрашивают нас на командном пункте. И затем еще строже:

— Где это вы были так долго?

В столь длительную задержку в Марбл-Арч усатый шотландец решительно не верит.

— Если ваш самолет делает двести двадцать километров в час, почему же вы тогда в Триполи записали в своем летном плане, что вам нужно семь часов до Бенгази? Ведь на самом деле требовалось только четыре?

Они, конечно, подозревают, что мы нарочно указали неверное время, чтобы тайком пошпионить по стране.

Весьма удрученные, мы ложимся спать в роскошном бенгазийском отеле. И вот перед сном Михаэля внезапно осеняет: когда начальник диспетчерской башни в Триполи вычеркнул в нашем летном плане «Тобрук» и поставил вместо него «Бенгази», он забыл выправить указанное ранее время!

Над Киренаикой мы с Михаэлем попеременно сменяем друг друга у штурвала, чтобы иметь возможность повнимательнее высматривать животных. Но там, внизу, пасутся лишь одни верблюды, больше никого не видно, не считая нескольких птиц. Тем, что эта территория теперь покрыта зеленью, она, как ни странно, обязана последней войне. Вместе с кормом для лошадей сюда завезли семена одной травы, до того произраставшей только в австралийской полупустыне. Когда окончилась война, зазеленело сначала вокруг Эль-Аламейна, а затем пышный зеленый ковер, достигающий местами двухметровой высоты, протянулся в обе стороны вдоль берега до самой дельты Нила, а также в глубь континента. Новому зеленому пришельцу потому так

хорошо удалось здесь прижиться, что он вначале разросся на устрашающих минных полях, проложенных итальянцами, немцами и англичанами от самого берега в глубь страны на 150 километров. Мины таятся там до сих пор, и никто не решается разгуливать между ними. Только зеленая трава перешагнула через «зону смерти».

Но это единственное, что оживляет пейзаж. В основном же под нами печальные последствия войны — бесконечные окопы, сожженные дома, блиндажи, заброшенная железная дорога, по которой на расстоянии тысячи километров не встречается ни единого поезда, солдатские кладбища.

У египетской границы прекрасная асфальтированная дорога обрывается. Зато море здесь удивительно светлое, лазурное, и мы парим над сверкающей пеной прибоя...

В нашей жизни мало мгновений, когда мы чувствуем себя по-настоящему счастливыми и ничего лучшего не желаем. Вот это — одно из них. Мы здесь совершенно одни между прозрачно-голубой водой и прозрачно-голубым небом — двое мужчин по ту и по эту сторону вершины жизни. У нас общая цель, общие интересы. На молодых руках Михаэля, которые покоятся сейчас на штурвале, еще только начинают набухать вены зрелости. Эти руки продолжат нашу работу, когда мои устанут. Мало кто так, как я, может быть уверен, что его дело попадет в столь горячие и надежные руки.

В Александрии легко приземляться: весь аэродром в нашем распоряжении. Международные воздушные линии сейчас не проходят через Египет, так что на летном поле стоят лишь несколько самолетов. Когда мы подкатили к месту стоянки, нам навстречу не торопясь вышли пять собак, которые с серьезным видом стали рассматривать нашу машину.

Надо же было нам прибыть как раз в магометанский праздник, когда ресторан и бюро по обмену валюты закрыты! Однако таможенники любезно одолжили нам денег на такси до гостиницы. В служебном отношении они, надо сказать, очень аккуратны. Они спрашивают нас о валюте, и я с готовностью выкладываю перед ними все остатки денег, накопившиеся в моих карманах,— из ФРГ, Швейцарии, Франции, Испании, Алжира, Туниса и Ливии. Все старательно подсчитывается. Затем эти же любезные таможенники предлагают мне подписать какую-то длинную писанину на арабском языке, что я, пожимая плечами, и делаю.

Старательный египетский механик развинчивает фильтр нашего мотора. Оказывается, он полон металлических опилок: в Оране самолет заправили грязным бензином. Опилки стерли поршни ручного насоса на запасном бензобаке, но эти металлические частицы, к счастью, задержались в фильтре мотора. Мы сейчас же покупаем себе собственную воронку и замшу для фильтрования.

После этого случая мы уже никогда больше не отходили от

нашей «Утки», когда посторонние люди заправляли ее бензином. И мотор честно проработал еще 300 часов и ни разу не зачихал.

Механик смущенно сообщил нам, что, к сожалению, не может дать нам бензина. Необходимый нам высококачественный бензин (с октановым числом «80») выдается здесь только для нужд военно-воздушных сил Египта. Я спешу вверх по каменной лестнице к военному коменданту аэропорта и показываю ему официальные сведения, которые его правительство помещает в летных каталогах всего мира. Там говорится, что на египетских аэродромах можно свободно купить бензин любого сорта. Майор лично связывается по телефону с военным министерством в Каире, но там отвечают, что продажа разрешена только за доллары. А их у нас с собой нет, и нам ничего не остается, как заправиться автомобильным бензином, что в высшей степени неприятно.

Рано утром мы вылетаем из Александрии и направляемся вверх по Нилу до Луксора. Сверху территория Египта напоминает лунный ландшафт: насколько хватает глаз, повсюду скалы, песок, потом снова скалы и снова песок... Ни деревца, ни листочка, ни травинки. Эту пустыню с севера на юг пересекает лишь узкая зеленая полоса плодородной земли — русло Нила, окаймленное берегами, поросшими буйно цветущей растительностью. Но полоса эта очень узка, всего по три километра с каждой стороны реки, а дальше опять начинается пустыня, где вся жизнь замирает.

Я тяну на себя рычаг управления, машина поднимается выше, кругозор расширяется, но бесконечная пустыня — зрелище столь безотрадное, что сердце невольно сжимается. Уж лучше лететь над Нилом. Когда мы спускаемся ниже, рыбаки со своих лодок машут нам руками. Огромные желтовато-коричневые паруса приветливо кланяются нам вслед.

На поезде от Каира до Луксора 12 часов езды. Из окна вагона пассажиру кажется, что он едет по зеленому цветущему земному раю. Мы же одолели это расстояние за два часа, и за это время нам стали понятны все заботы Насера.

У таможенника в Луксоре не хватает двух пуговиц на мундире, но его это волнует не больше, чем нас. Мы охотно принимаем его приглашение выпить вместе по чашечке кофе. Вечером мы совершаем вылазку к храмам Карнака, затем я принимаю ванну в гостиничном номере, а потом мы распиваем с нашим приветливым чиновником бутылку египетского вина. Он в хорошем настроении и оживленно с нами беседует, не подозревая о том, что на следующий день ему предстоят большие волнения.

Отчаянно жестикулируя, он объясняет нам утром, что у нас не все в порядке с деньгами: несколько больше французских франков, а ливийских пиастров не хватает. Оказывается, на той бумаге, которую я, не читая, подписал в Александрии, содержимое моих карманов было указано с разницей в несколько пфеннигов. Но и тут находится какой-то выход из положения, и спустя час мы можем наконец отчалить.

Правда, это была лишь досадная случайность, но она испортила нам настроение, и поскольку мы опять не получили приличного бензина, то остались недовольны страной фараонов. Чтобы сорвать на чем-нибудь свое зло, мы поступаем как озорные мальчишки: начинаем совсем низко петлять над Нилом и рассматривать на самом близком расстоянии знаменитые пирамиды владык. Такие дерзости запрещены предписанием — нас вызывает радист из диспетчерской башни Луксора, в эфире слышна его ругань (правда, добродушная): он требует, чтобы мы сейчас же убирались на высоту 700 метров.

Ну, так уж и быть, уберемся. После круга почета над Асуаном мы ненадолго приземляемся в Вади-Хальфа, расположенном близ египетской границы, но уже в Судане.

Итак, Египет позади; мы летим дальше на юг и наконец решаемся оторваться от Нила как от поводыря и пускаемся наискось через Нубийскую пустыню. Таким образом нам удается за три часа срезать самую большую петлю, которую делает Нил в своем странствии по Африке. Вот эта пустыня действительно выглядит так, как ее изображают в детских книжках с картинками: ничего, кроме желтого песка. Не видно даже камня, не то что травинки.

Мы никогда бы не решились углубиться в нее, не проходи по ней железная дорога, построенная еще лордом Китченером для облегчения борьбы с Махди *. Через каждые 100 километров — станция. Сверху это словно игрушечные домики, поставленные на голом полу рядом с детской железной дорогой. Все на один лад.

Поезд нам встретился только один раз; мы пошли на снижение, а все пассажиры высунулись из окон и махали нам руками. По этому песчаному безмолвию поезд тащится, наверное, не чаще чем раз в неделю.

Когда мы снова достигли Нила, и он и зеленые полосы по его берегам стали заметно у́же. Зато теперь в пустыне то тут то там что-то начинает зеленеть. Мы набираем высоту, чтобы разглядеть в дымке на горизонте следующий поворот реки и срезать его по прямой. Ровно за полчаса до захода солнца мы приземляемся в Хартуме.

На следующее утро я стою в Омдурмане, на противоположном берегу Нила, перед мечетью, в которой погребен великий Мухаммед Ахмед эль-Махди. Она вся разукрашена цветными электрическими лампочками. Памятник его противнику англичанину Гордону-паше * изображает того верхом на бронзовом верблюде. Когда Махди со своими свирепыми дервишами ворвался в Хартум, Гордона-пашу обезглавили, а голову его на длинном шесте выставили напоказ.

Только через 14 лет, в битве за Омдурман (в которой участвовал молодой Черчилль), лорду Китченеру удалось победить сторонников Махди. После этого сожженный дотла старый Хартум расцвел вновь, отстроенный в современном стиле. На ули-

цах, где раньше царил палящий зной, теперь посажено 10 тысяч деревьев, дающих тень и прохладу.

У памятника «Гордон верхом на верблюде» есть своя история. Сначала он стоял на площади Святого Мартина в Лондоне. Затем в 1902 году его решено было переправить в Хартум; при погрузке на корабль он упал за борт, и его с большим трудом достали со дна Темзы. То же самое повторилось во время выгрузки уже на Ниле. А на том месте, где он сейчас водружен, он чуть не провалился в рыхлую почву. В Хартуме рассказывают забавный анекдот про этот памятник. Один из прежних английских чиновников якобы регулярно по воскресеньям после посещения церкви гулял со своим маленьким сыном возле памятника Гордону. Обычно они останавливались и несколько минут смотрели на него в почтительном молчании. Через некоторое время сын отправился учиться в Англию и прислал оттуда письмо. В Лондоне, дескать, ему все очень нравится, но не хватает воскресных прогулок с отцом к памятнику. «Да, кстати, отец, а как зовут того человека, который сидит верхом на гордоне?»

Я навестил моего африканского коллегу, директора прекрасного Хартумского зоопарка, в котором многие прирученные животные свободно разгуливают прямо среди посетителей. Обсуждая, хорошо ли это или плохо, мы незаметно переходим на профессиональные темы.

А Михаэль в это время мучается с нашей «Уткой». Дело в том, что мы, чувствуя себя гордыми обладателями машины новейшей модели, решили продемонстрировать перед англичанами замедленный полет с сильно приглушенным мотором, однако температура мотора при этом стала угрожающе нарастать, стрелка дошла почти до самого края шкалы. Мы были совершенно ошеломлены. Но местные инженеры показали нам три авиетки, имеющие такой же американский мотор «ликоминг», с которыми во время пробных полетов над Хартумом случилась еще более неприятная история: они просто загорелись. Устройство для охлаждения мотора не выдерживает здешней палящей жары. Если бы Михаэль не следил так внимательно за приборами, наша поездка окончилась бы уже здесь. На всякий случай мы заказываем по телефону соответствующему предприятию в ФРГ дополнительную охлаждающую установку. Мы просим прислать ее сразу в Восточную Африку и зарекаемся здесь, в этой жаре, отваживаться на замедленные полеты. Нет, мы не имеем права ничем рисковать: мы не можем ставить под удар то ответственное дело, которое на себя взяли.

Первых семь жирафов, повстречавшихся нам в дикой местности, мы приветствуем кругом почета. Громыхающая гигантская птица, как ни странно, их не напугала. Может быть, они на самом деле приняли нас за летающую зебру? Во всяком случае они не убежали, а только вытянули свои и без того длинные шеи и с удивлением нас разглядывали.

Здесь, на Белом Ниле, уже нет железной дороги: она сворачивает вместе с Голубым. Река становится все шире; она развет-

вляется на множество рукавов, большие водоемы чередуются с сочными зелеными коврами болот. Именно здесь и обитает знаменитый челноклюв «абу маркуб», или китоглав, и именно здесь 40 лет назад Бенгт Берг * разъезжал на своем пароходике, замаскированном пучками камыша под плавучий остров. Ему первому удалось заснять этих удивительных птиц на кинопленку, однако и он не сумел найти гнезда́ с птенцами. Еще ни одному европейцу не удалось разыскать челноклюва, насиживающего яйца. Пять лет назад Хартумский зоопарк прислал нам во Франкфурт двух таких гигантских аистов с их нескладными клювами; они здравствуют еще и по сей день.

У самого берега то тут то там мы замечаем водяных козлов: местные жители гонят скот с длинными, загнутыми в виде буквы «U» рогами.

И вот наконец мы добрались до Джубы, административного центра самой южной, Экваториальной провинции Республики Судан.

Джуба — это большая деревня. В диспетчерской башне аэропорта сидит радист-африканец. Он рассказал нам, что по утрам на пустынных взлетных дорожках любят играть леопарды: там сухо, а кругом вся трава еще в росе. К радиоаппаратуре нужно подходить очень осторожно, потому что ядовитые змеи — мамбы * — любят греться на теплых трубах.

Мы пошли побродить по Джубе. Какой-то европеец решил с нами заговорить. Он, оказывается, уже два года как здесь, а раньше работал в Омдурмане.

Наш собеседник — врач. Ему здесь нравится, даже несмотря на то, что вчера к нему в дом забралась ядовитая змея, которую его слуги разрубили на части, а несколько дней назад леопард утащил его ручную обезьяну, привязанную цепочкой к дереву перед домом. Между прочим, из отеля, где мы остановились, леопард вчера утащил двух собак.

В госпитале Джубы работает только пять врачей. Здешние больные явно терпеливее, чем мы, европейцы. Люди с ущемленной грыжей восемь дней тащатся в больницу, причем по дороге еще едят и пьют. Просто каким-то чудом половина из них ухитряется остаться в живых. Недавно в больницу был доставлен мальчик, у которого живот был насквозь проткнут копьем. Железо в двух местах прорвало тонкий кишечник. Родные мальчика не извлекли копья, а лишь укрепили его так, чтобы оно не шевелилось. И малый выжил!

Мы вылетели сегодня спозаранку и опять ничего не успели проглотить, кроме одной булочки. А сейчас время обеда уже прошло, и дело движется к ужину. Хозяин маленького отеля в Джубе, грек по происхождению, утешает нас тем, что в половине восьмого губернатор Экваториальной провинции по случаю рождества устраивает праздничный ужин, на который мы тоже любезно приглашены.

И ведь правда — сегодня сочельник. Мы об этом совершенно забыли. В прошлом году мы с Михаэлем праздновали рождество

тоже далеко от дома — в Стэнливиле, в Бельгийском Конго*. Но тогда с нами были жены, и, по бельгийскому обычаю, мы весь вечер должны были старательно плясать. А танцоры мы, надо сказать, никудышные.

Официанты-африканцы украшают ресторан. Это обходится недорого: достаточно только срезать ветви веерных пальм, растущих прямо перед домом, и острым крюком оборвать красные цветы, которых полным-полно на кустарниках вокруг. Рождественская елка напоминает тую, пассажирский самолет доставил ее сюда с гор Бельгийского Конго. По английскому обычаю, ее украсили разноцветными лампочками, серпантином и воздушными шарами.

Мы сидим за празднично сервированным столом. Уже восемь, половина девятого, а гости все не идут. Хозяин сочувствует нам и приносит виски. Воздух страшно влажный, а термометр показывает больше 40°. Радио передает музыку из Омдурмана. Непривычные для нашего уха гнусавое пение, резкие звуки скрипки, и все это в очень быстром темпе, часами подряд. Постепенно от этого начинаешь стервенеть.

«Наверное, все приглашенное общество задержалось на богослужении в церкви»,— подумал я. Но когда гости наконец явились, оказалось, что все они были в кино.

Губернатор и его заместитель — африканцы примерно пятидесяти лет, в безукоризненных белых смокингах и с хорошими манерами. Их европейские гости, в основном греческие торговцы, без галстуков, некоторые в рубашках с короткими рукавами, зато дамы все в вечерних туалетах.

Сильно перченный суп носит название «а ля Назарет», затем следует коктейль «а ля Вифлеем», в котором плавают какие-то неведомые нам ягоды, напоминающие вишни. Индейка страшно жесткая, ее почти невозможно разжевать.

Губернатор производит впечатление настоящего джентльмена. Преисполненный собственного достоинства, он с вежливой улыбкой слушает болтовню своей молодой соседки по столу. Она жалуется, что скучно праздновать рождество в маленькой Джубе и что гораздо лучше было бы поехать в Гранд-отель, в Хартум. Вероятно, это местная «примадонна».

Пудинг заливают ромом, поджигают, и он стоит весь в голубом пламени. Он страшно приторный. В качестве сюрприза в него запечены маленькие суданские монетки, и не успеваю я опомниться, как две из них уже оказываются у меня во рту. Должен признаться, что до тех пор я их и в руки-то брезговал брать — до того они были грязные...

Рядом со мной сидит швейцарец. Оказывается, ему в Хартуме понадобилось целых шесть дней, чтобы получить разрешение на проезд в Джубу. Теперь он уже восемь дней сидит тут, но не может выехать, потому что денежный перевод задержался, а арендовать машину в этой деревне невозможно.

По углам зала стоят огромные букеты кричаще ярких бумажных цветов; они до того пестры, что я готов счесть это явной

безвкусицей. Однако Михаэль установил, что это самые настоящие, живые африканские цветы. А все, что естественно, не может быть безвкусным.

Англичане празднуют сочельник несколько своеобразно, подобно тому как мы устраиваем новогодний карнавал, и суданцы переняли это у них. Каждый из нас получает бумажный колпак и должен его надеть. Губернатор находит, что Михаэлю он очень к лицу. Потом нас снабжают хлопушками и искусственными «снежками» из бумаги. Кое-кто из греческих торговцев считает очень остроумным окунать их в свой бокал с вином, прежде чем запустить в голову своему визави. К сожалению, эти мокрые шары красятся, и белоснежные смокинги хозяев покрываются безобразными красными пятнами. Я-то заблаговременно натянул себе скатерть до самого подбородка и просто поражаюсь выдержке и любезности губернатора и его заместителя, которые спокойно улыбаются в то время, как их смокинги приводят в полную негодность. И только когда кто-то из подвыпивших европейских гостей начинает швыряться бананами, их у него вежливо отнимают.

Страшно усталые, мы наконец в первом часу ночи укладываемся спать в павильоне, построенном в парке. Над нами медленно вращается огромный вентилятор. Вот так прошла наша ночь под рождество. Нам надо как следует выспаться «в запас», потому что завтра мы хотим во что бы то ни стало закончить наше путешествие.

Мы летим через Уганду до Энтеббе у озера Виктория, там мы заправляемся и продолжаем наш полет над лесистыми горами до самого Найроби, столицы Кении.

В КРАТЕРЕ НГОРОНГОРО

Ну вот мы и прибыли. Сидим в Восточной Африке, в районе озера Виктория, за 10 тысяч километров от Франкфурта. Это примерно на той же долготе, что Ленинград в СССР, и на той же широте, что Амазонка в Бразилии. Прибыли мы благополучно, Михаэль и я, но на душе у нас тревожно: справимся ли мы с той нелегкой задачей, которую так смело на себя взяли?

Нам предстоит исследовать национальный парк Серенгети в Танзании размером 12 500 квадратных километров. Для огромного материка Африки это в общем немного — примерно 20-я часть Федеративной Республики Германии. Однако границы этого парка можно увидеть только на картах и схемах — словом, на бумаге, в природе их не существует. В длину он тянется не меньше чем на 200 километров; местами его территория расположена на высоте нескольких сот, а иногда более 3 тысяч метров. По парку проложена одна-единственная дорога, и та доходит только до его половины; к тому же по ней три месяца в году невозможно проехать даже на вездеходе.

И все же эта дикая местность отнюдь не слабо населена. По численности обитателей она может потягаться даже с некоторыми европейскими государствами: в Серенгети их свыше миллиона — так во всяком случае сказано в различных книжках и проспектах. Правда, речь идет не о людях, а о четвероногих обитателях, начиная со слонов и кончая газелями ростом с козу, не говоря уже о более мелкой живности. Серенгети — это последний клочок земли в Африке, где еще можно встретить поистине огромные стада копытных. Кочуя по степи, они напоминают необозримое море бизонов, некогда топтавших прерии Северной Америки.

Здесь же водятся самые красивые львы.

Мы с Михаэлем придумали способ, как разобраться в этом непрерывно движущемся «муравьином царстве», подсчитать его обитателей и выяснить, откуда и куда кочуют эти огромные полчища. Еще никогда никто в Африке такими вещами не занимался. Получится ли у нас что-нибудь путное из этого дела?

Сначала мы намеревались заснять с воздуха все отдельные части территории парка, потом сложить фотографии вместе и пересчитать всех попавших в объектив животных. Но антилопа гну на такой гигантской фотографии — только маленькая точка. Чтобы отличить на снимке гну от зебры и зебру от газели, нужно вести съемку с высоты не более тысячи метров, но тогда на фотографию попадет не очень-то большой отрезок степи. А это означает, как мы с прискорбием высчитали, что нам предстоит снять 50 тысяч серийных фотографий! Даже если бы мы взялись их сами проявлять, нам бы это влетело в 250 тысяч марок... Столько мы, разумеется, за свой фильм не выручили. Значит, считать придется прямо на ходу из окна самолета.

Выйдет ли это и получится ли точно, мы решили испробовать над своеобразным естественным «зоопарком», в котором животные со всех сторон огорожены и не смогут убежать во время наших подсчетов. Кстати сказать, это самый большой зоопарк мира. В нем живут 10 тысяч крупных животных! Окружающая его плотная стена, не имеющая ни единой лазейки, достигает 600—700 метров высоты. В этом зоопарке свободно разместился бы весь Берлин с пригородами. Не удивляйтесь — все это не что иное, как огромный потухший кратер Нгоронгоро, самый большой на нашей планете. Там, где когда-то кипела лава, сейчас простирается громадный зеленый луг, окруженный со всех сторон отвесными стенами кратера.

Тех, кого нам предстоит распознавать с воздуха, надо сначала хорошенько рассмотреть на земле, ведь различать животных с птичьего полета далеко не просто. Поэтому мы решили съездить на своем вездеходе к гигантскому кратеру, находящемуся в четырех часах езды от Аруши. К нему ведет довольно приличная, даже до половины заасфальтированная дорога.

Машина катится по кустарниковой степи вдоль нагорья; сначала дорога спускается в глубокую долину, затем поднимается снова вверх. Чем выше мы поднимаемся, тем гуще становятся

деревья, пока не превращаются наконец в настоящий лес. У самого края кратера заросли редеют, и мы заглядываем вниз.

Михаэль, словно испугавшись чего-то, резко тормозит, и мы вылезаем. Сын закидывает голову назад и раздувает ноздри — он всегда так делает, когда его что-нибудь особенно поразит. Меня тоже охватывает необычайное волнение. Но возгласы удивления мы обычно издаем только в присутствии спутников, которые их от нас ждут. А здесь этого не требуется. Мы молча взираем на одно из чудес нашей планеты.

Трудно описать размеры и форму этого гигантского «сооружения» — не хватает сравнений. Вот тот пруд, на противоположной стороне, вдвое больше озера Мюггель[1]. Если бы мы оба уже не были летчиками, то именно здесь у нас возникло бы непреодолимое желание перелететь через отвесную стену зеленого края кратера и вольно парить над этим сказочным зоопарком, созданным самим господом богом.

Мы переночевали у Гордона Харвея, одного из двух Game Wardens национального парка. Game Wardens — это то же самое, что лесничий, работник, ответственный за охрану природы.

В саду возле его дома — сплошные заросли красных, синих и золотых цветов, среди которых вьются птицы-нектарницы и поблескивают ярко-зеленые хамелеоны. Дом Харвеев построен на опушке леса. Здесь сыро. На стенах жилых комнат там и сям темные пятна. От них не избавишься. Но госпожа Харвей не унывает: она пририсовала этим пятнам глаза, толстые щеки, локоны и ручки-ножки. Получились пухлые амурчики, которые дуют, надувая щеки, на зебр, скачущих по облакам.

Когда мы садимся за стол, повар Харвеев приносит уксус и подсолнечное масло, приговаривая:

— Немцы любят этим приправлять салат.

Оказывается, он 25 лет назад работал у немецкого фермера; он нам с гордостью показал пожелтевшую и захватанную справку.

После ужина снова выходим в сад. Напротив, на опушке леса, стоят два кафрских буйвола. Они мирно жуют жвачку и рассматривают нас.

Вечером в каминах ярко пылают дрова. Мы ведь здесь на высоте 2700 метров.

На другое утро мы отправляемся в своем полосатом вездеходе в путешествие вдоль края кратера. Дорога такая, по которой обычная легковая машина никогда не пройдет. Нам нужно на три четверти обогнуть кратер, который, между прочим, в диаметре имеет 22 километра. Там, на противоположной стороне, отвесная стена становится немного более пологой, и, петляя по бесконечному серпантину дороги, можно спуститься вниз. Следовательно, нужно затратить два с половиной часа, чтобы очутиться на том же месте, только 600 метрами ниже.

Наконец мы достигли равнины на дне кратера. Огромные

---

[1] Озеро под Берлином.— *Прим. пер.*

стада гну не спеша расступаются в 40—50 метрах от машины, чтобы дать нам проехать. Зебры бегут рядом с нами и стараются перед самым носом в бешеном галопе перебежать нам дорогу. Похоже, что ими движет спортивное честолюбие.

Невдалеке, за овражком, лежит самка носорога с детенышем. Мы осторожно подъезжаем к ним на расстояние 40 метров. Те не спеша поднимаются на ноги. Михаэль тормозит. Однако животные не убегают и не стараются напасть на нас: ведь здесь, в кратере Нгоронгоро, уже десятки лет запрещено стрелять.

В обращении с носорогами я знаю толк. Во Франкфуртском зоопарке нам впервые в Европе удалось развести этих африканских черных, или, как их еще называют, остромордых, носорогов. Наша самка носорога по кличке Екатерина Великая разрешает себя доить и даже играть со своим детенышем в ее присутствии. Она приблизительно такая же домашняя, как корова. Самец же несколько агрессивнее. Однако ведь и к незнакомому домашнему быку не всякий решится подойти.

Но и ручная Екатерина недавно чуть не нанизала меня на свой рог, потому что я пренебрег основными правилами, которые соблюдает каждый крестьянин и каждый конюх в обхождении с животными.

Во время обхода зоопарка я обычно захожу в стойло Екатерины, протиснувшись между толстыми железными прутьями. Если она в это время дремлет, я поглаживаю ее закрытые морщинистые веки. Она это любит.

Однажды утром я снова решил ее навестить. Я обошел вокруг спящего животного, совершенно забыв при этом, что надел туфли на каучуке. И вот, когда я, стоя позади носорога, заговорил, Екатерина внезапно высоко подпрыгнула, засопела и устремилась на меня с опущенным рогом. Я назвал ее по имени. Она узнала мой голос и остановилась в самый последний момент. Я был несколько обескуражен, но она тут же сделалась снова любезной, как обычно, и миролюбиво со мной «беседовала».

Это послужило мне уроком. Дело в том, что у носорогов очень крепкий сон. В Серенгети мальчишки племени масаев используют это для своих проделок. Они подкрадываются к спящему носорогу и кладут ему камень на спину. Следующий должен подойти и осторожно этот камень снять; так продолжается до тех пор, пока носорог не проснется. Игра эта, конечно, отнюдь не безопасна, но и масаи не трусливы.

Мне захотелось узнать, как поведет себя при приближении человека носорог, живущий на воле. Я вылез из машины и направился к мамаше с детенышем. Бросится ли она на меня? Михаэль в это время наблюдал за мной через телеобъектив нашей камеры, который мы часто используем в качестве полевого бинокля.

Четыре воронкоподобных уха поворачиваются в мою сторону. Детеныш прячется за спиной матери. Ему, судя по размеру,

около года. Я приближаюсь еще на метр — мне не хочется показаться пугливым. Однако мои шаги невольно все укорачиваются. Но вот раздается злобное сопение, и самка носорога устремляется на меня. Через мгновение Михаэль разражается громким смехом: оказывается, только он успел увидеть на матовом стекле грозно несущегося носорога, как за мной уже с треском захлопнулась железная дверца машины.

— Ты на своих длинных ногах словно пролетел по воздуху,— смеется он.

При этом мне еще пришлось обежать вокруг машины!

Впрочем, самка носорога решила со мной не связываться и остановилась, не добежав нескольких метров до автомобиля. Ее вполне устроило то, что я исчез, и она затрусила назад, к своему детенышу. Если бы она вздумала действительно нас атаковать, то такому вездеходу, в котором свободно размещаются 10 человек, это все равно не принесло бы никакого вреда: ведь носороги не бросаются со всего размаху своей полуторатонной тушей на машину, а останавливаются возле нее и уж потом ударяют рогом. При этом обычно образуется только незначительная вмятина на железе. Мне приходилось видеть людей, раненных кафрскими буйволами, но ни разу за все мои поездки я не слышал, чтобы кого-нибудь убил носорог. Но в виде исключения такое все-таки возможно.

Меня могут считать слишком пристрастным к диким животным, поэтому я хочу процитировать сообщение специалиста, немецкого путешественника и исследователя Африки Оскара Бауманна, побывавшего здесь за 70 лет до нас, в 1891 году. Он открыл недалеко от озера Виктория два других озера — Маньяра и Эяси — и был одним из первых европейцев, спустившихся в этот гигантский зоопарк — Нгоронгоро.

В те времена путешествовали иначе. Бауманн спросил в Аруше у какого-то масая, не знает ли он дороги на озеро Виктория. Когда выяснилось, что тот ее знает, Бауманн тотчас же велел надеть ему на шею железную цепь и приставить к нему вооруженного аскари. Так они и двинулись в путь. Вот как описал Бауманн приключения, случившиеся с ним здесь, в кратере:

«Мы устроили привал в Нгоронгоро, который я решил использовать для осмотра нескольких масайских краалей. Меня встречали очень приветливо. Постепенно вокруг ограды нашего лагеря собралась толпа несчастных существ — жителей той страны. Здесь были женщины, напоминавшие скорее скелеты, из запавших глаз которых глядело безумие голода, дети, похожие больше на лягушек, чем на людей, воины, которые едва могли передвигаться на четвереньках, и тупоумные умирающие старцы. Эти люди поедали все. Дохлые ослы были для них настоящим лакомством, они не отказывались даже от костей, кожи, рогов забитого скота. Я распорядился выдать этим несчастным хоть какое-нибудь продовольствие, а наши сердобольные носиль-

щики делились с ними своим рационом; однако аппетит их был неутолим, и все новые голодающие шли к нам со всех сторон. Это были беженцы из Серенгети, где голод опустошил целые районы; нищие, они приходили попрошайничать к своим землякам, которые сами жили в страшной нужде. Стаи грифов следовали за ними по пятам в ожидании верной добычи.

Теперь мы ежедневно становились свидетелями этой страшной нужды, которой практически бессильны были помочь. Родители предлагали продать нам своих детей за кусочек мяса, а когда мы отказывались от такой сделки, ловко прятали их где-нибудь в лагере и скрывались. Вскоре в нашем караване оказалось полно этих маленьких масаев, и было трогательно наблюдать, как наши носильщики заботились об этих бедных малютках. Крепких женщин и мужчин я использовал в качестве пастухов и спас таким образом многих от голодной смерти.

21 марта мы двинулись дальше по дну кратера Нгоронгоро. Следующий лагерь мы разбили в красивой роще из акаций, недалеко от озера. На лугу возле нас паслось множество носорогов, одного из которых я уложил из ружья. Мои люди несколько раз за время нашей экспедиции стреляли носорогов, потому что охота на этих животных отнюдь не так сложна и опасна, как это могло бы показаться после сообщений профессиональных охотников.. Прежде всего носорог не слишком пугливое животное, и и если подходить с подветренной стороны, то вполне можно приблизиться к нему на расстояние 30 шагов, не возбуждая у него никакого подозрения. Чтобы попасть с 30 шагов в носорога, не надо быть первоклассным стрелком. Если пуля попала в переднюю часть туловища или (из мелкокалиберного ружья) в голову, то животное обычно тут же падает замертво. Если же носорога ранить в какое-нибудь другое место, то он либо удирает (притом с такой быстротой, что всякое преследование бесполезно), либо переходит в атаку. Этот момент охотники обычно описывают особенно впечатляюще. Проводники в таком случае, как правило, «разбегаются в разные стороны», и охотник остается один на один с разъяренным чудовищем. Хотя это и выглядит очень страшно, но нападающий гигант все равно что слепой: достаточно сделать один шаг в сторону, и он промчится мимо, а затем остановится и будет удивленно озираться, куда же девался охотник. А тот тем временем совершенно спокойно с самого близкого расстояния может всадить в него вторую пулю.

Не успел я уединиться в своей палатке, как раздался выстрел. Все поспешили к ограде, и при магниевой вспышке были пойманы два абсолютно голых охотника-масая, пытавшихся пробраться в загон для скота. Тогда мы всерьез задумались о возможности настоящего нападения на нас, однако ничего подобного больше не повторилось. Правда, однажды ночью какие-то тощие фигуры приблизились к лагерю, и наша охрана, не поинтересовавшись, кто они такие, открыла по ним огонь. На другое утро я, к своему большому сожалению, обнаружил под забором двоих из этих несчастных, прошитых пулями насквозь. Над

ними возвышалась длинная тощая фигура какого-то старца с растрепанными седыми волосами. Он осыпал нас злобными проклятиями. «Вы тут захлебываетесь в молоке и мясе,— кричал он,— и стреляете в нас, умирающих с голоду! Будьте вы прокляты!»

Я распорядился выдать этому несчастному кусок мяса, который он тут же со звериной жадностью проглотил прямо сырым, но тотчас же после этого опять принялся что-то дико выкрикивать. Наш караван уже пустился в путь, а проклятия несчастного старика все еще неслись нам вслед...»

Такой страшный голод бывал здесь только во время войн, когда Танганьикой управляли европейцы — сперва немцы, а затем англичане.

Мы же находим сейчас в кратере все таким, каким оно было семь лет назад: прелестная роща из акаций возле самого озера, в которой пасутся слоны и носороги; все те же краали масаев; девушки, увешанные стеклянными бусами, и грифы...

Оскару Бауманну потребовалось целых 23 дня, чтобы пересечь Серенгети и добраться до озера Виктория. В общей сложности ему пришлось проделать 4 тысячи километров. Из 195 африканцев, которые его при этом сопровождали, 40 погибли.

Равнины и стада животных в кратере Нгоронгоро остались такими, какими были, а вот творения рук человеческих возникают и вновь исчезают...

Зебра с хорошеньким жеребеночком, завидя нас, переходит вброд на другую сторону ручья и поднимается вверх по склону холма. Там, наверху, виднеются какие-то глыбы. Это оказались руины двух каменных домов: здесь когда-то жил немецкий поселенец Адольф Зидентопф, а за лесом, на противоположном краю кратера, стоял дом его неженатого брата Фридриха Вильгельма Зидентопфа. В 1908 году они здесь держали около 1200 голов рогатого скота, выращивали страусов в неволе и пытались одомашнивать зебр. Я старался разузнать о них побольше.

Прежний немецкий окружной уполномоченный из Аруши писал мне, что оба Зидентопфа и их приятель, по имени Хартунг, были самыми беспокойными поселенцами в Германской Восточной Африке. Хартунгу, например, присудили штраф в 200 рупий за то, что он стрелял под ноги местным рабочим, когда они пытались убежать. Во время войны масаи его зарезали прямо здесь, в кратере Нгоронгоро.

Братьев Зидентопф в 1914 году англичане выселили в Индию, и им так никогда и не удалось вернуть свои фермы. Адольф стал фермером в Соединенных Штатах и скончался в 1932 году от инсульта. Фридрих Вильгельм погиб во время воздушной катастрофы, когда он вместе с летчиком Удетом охотился в Серенгети за львами. Еще в 1914 году германская администрация почти договорилась о покупке зидентопфовских ферм, чтобы создать в кратере резерват. Англичанин, которому они достались после

войны, жить там не стал, и, таким образом, эти фермы, слава богу, пришли в полный упадок и перестали существовать.

Один весьма энергичный человек, по фамилии Роте, служивший управляющим у Зидентопфов, еще в 1913 году раскопал в северной части кратера древнее поселение и погребение времен неолита. Эти люди, жившие здесь за несколько веков до нашего летосчисления, уже тогда пасли свой скот так, как это делают сейчас современные масаи.

Этот Роте жил здесь под чужой фамилией, его звали как-то совсем иначе. Во время первой финской революции, в 1905 году, он в течение короткого времени был министром, но затем русским царским правительством был арестован и заточен в Кронштадтской крепости. Там он перестрелял свою охрану и бежал со шведским паспортом. В Египте русская тайная полиция продолжала его преследовать, поэтому он был вынужден, нанявшись погонщиком мулов, перебраться в Восточную Африку. Царская охранка все вновь и вновь предпринимала попытки его разыскать то через Общество Красного Креста, то через приезжих охотников.

А сейчас об угол каменной ограды разрушенного дома Зидентопфа чешутся две зебры. Сначала к углу прижимает свой крепкий зад хорошо упитанный самец, потом его оттесняет в сторону кобыла и почти сладострастно трет о камни свою полосатую шею.

Наш вездеход вновь карабкается вверх по склону кратера. Нам нужно подыскать место для посадки самолета, и мы находим его в кратере Маланья шириной пять километров, расположенном выше кратера Нгоронгоро. Конгони и антилопы топи * то и дело уступают нам дорогу, когда мы разъезжаем там взад и вперед в поисках ровной площадки длиной 160 метров без гиеновых нор и обломков скал. Несколько африканцев из охраны парка тут же принимаются раскладывать вокруг будущей посадочной площадки кучки камней и белить их известью.

Из двух лесничих парка и их помощников пока ни один не решается с нами лететь. Они живут на расстоянии 130 километров друг от друга и еще дальше от директора парка, который находится в городе Аруше. Поэтому ежедневно в половине седьмого, половине десятого и половине второго они переговариваются при помощи маленьких раций. Каждый докладывает то, что ему необходимо, затем говорит «стоп», нажимает кнопку, и тогда может говорить другой. Только при таких переговорах начинаешь замечать, как неудобно разговаривать, когда нельзя беспорядочно перебивать друг друга. Часто в эфире начинает что-то страшно скрежетать, и тогда уже ничего не услышишь. Приходится пережидать несколько часов до следующего сеанса передачи.

Когда мужчины заканчивают обмен своими служебными новостями, разрешается немножко поболтать и их женам. Если целый день никого не видишь, кроме львов, аистов и антилоп,

особенно хочется воспользоваться случаем немножко посудачить с приятельницей...

Когда эти любящие супружницы узнали, что мы лишь в этом году научились летать, они после небольшого военного совета сообщили директору парка свое совместное решение: их мужья только в том случае сядут в полосатый самолет, если будут предварительно застрахованы на 10 тысяч фунтов стерлингов, то есть на 110 тысяч марок. Это решение было твердым и окончательным. Директору пришлось телеграфировать в Лондон, чтобы увеличить сумму страхования наших пассажиров. А пока что мы с Михаэлем продолжали летать одни.

Впрочем, это даже к лучшему. В последний раз мы отметились на пассажирском аэродроме в Аруше, и теперь нам больше не надо составлять план полета, ведь мы летим прямо в дикую саванну и приземляться будем на любых приглянувшихся нам «аэродромах». А когда составляешь план полета, нужно вовремя прибывать в указанный порт. В случае задержки сейчас же снаряжаются поиски. Теперь же нас никто искать не будет, мы полностью предоставлены самим себе.

Мотор поет свою монотонную песню. Полосатые крылья взмывают в воздух и поднимают нас высоко над землей. Колеса продолжают еще некоторое время крутиться вхолостую, словно едут по воздуху, а степь тем временем уплывает все дальше и дальше вниз... Потом колеса наконец останавливаются. Обернувшись назад, я вижу сквозь стеклянную кабину нашего самолета возвышающиеся над облаками белые ледники Килиманджаро. Те огромные кратеры, к которым мы сейчас спешим, находятся на втором после него по высоте горном массиве в Танзании.

Когда-то давно, миллионы лет назад, земная кора с треском разломилась. Африку с севера на юг пересекла глубокая трещина — Большой африканский разлом. Он берет свое начало в Иорданской долине. В одном из его углублений скопились воды Мертвого моря, в другом — Красного. Затем он тянется через всю Эфиопию и спускается далеко вниз, в Восточную Африку. Тут в нем образовалось едкое синее озеро Натрон с красными соляными корками по берегам, а дальше, там, внизу под нами, виднеется озеро Маньяра, открытое в свое время Бауманном.

Михаэль выпускает закрылки, потому что впереди уже вырастает нагорье с гигантскими кратерами. Наша «зебра» замедляет ход и поднимается ввысь. Однако долго на такой высоте нам держаться нельзя из-за разреженного горного воздуха — мотор может перегреться.

Видимо, разломы земной коры между озерами Натрон и Маньяра были особенно глубокими, давление из земных недр стало невыносимым, и кипящая лава со стоном устремилась наружу через жерла гигантских вулканов. Огнедышащие горы воз-

никали одна возле другой, лава изливалась и сплавляла воедино их подножия... Таким образом под экватором появились каменные громады с огненными жерлами. Эти вулканические горы тянутся на сотни километров и имеют 60 километров в ширину; великаны поднимаются в небеса почти на 4 тысячи метров!

В Италии туристы с благоговейным трепетом взирают на всемирно известные вулканы Флегрейских Полей близ Неаполя. А ведь это — «холмики» от 200 до 400 метров высотой, кратеры их имеют всего несколько сот метров в диаметре. Здесь же, в Восточной Африке, горы достигают высоты 3—4 тысяч метров, а кратеры занимают несколько, иногда даже целых 20 километров! Все здесь вдесятеро грандиознее.

Подножия этих великанов абсолютно голые, но, чем выше поднимаешься в гору, тем гуще становится растительность. Зацепившись за кроны деревьев, висят облака, в них грохочет гром и сверкают молнии. Эти вулканические горы задерживают восточные ветры с Индийского океана. Все, что находится западнее их, обречено на засуху.

Внутри кратеров покоятся озера с облесенными берегами, их можно увидеть только с самолета. Словно розовая пена, окаймляют их стаи фламинго.

Излившаяся лава быстро растекалась, и вершины вулканов стали круглыми и плоскими. Когда верхний слой лавы начал застывать, нижний, еще жидкий, стал уходить назад, внутрь земли; при этом застывшая сверху корка провалилась. О том, что эти гигантские кратеры возникли именно так, а не вследствие взрывов, говорит то, что склоны гор сложены из сплошной лавы, а не покрыты туфом и пеплом. Вулканы подобного же происхождения можно наблюдать на Гавайях и сегодня; лавовая поверхность их кратеров «дышит» — то поднимается, то опускается.

Оно еще не слишком древнее, это высокогорье, высотой от 2200 до 2600 метров. Однако образовалось оно здесь еще перед последним оледенением, которому у экватора соответствовала эпоха дождей. Это видно хотя бы по тому, что озеро в кратере Нгоронгоро, имеющее сейчас глубину всего полтора метра, прежде достигало 16- или даже 25-метровой глубины и занимало треть всей площади кратера.

Мы пролетаем над девственным лесом, покрывающим горы вокруг кратера. Кроны деревьев так густы, что сплетаются в сплошной зеленый шатер. Внезапно земля под нами проваливается на глубину 700 метров — ощущение такое, что у вас под ногами вдруг разверзлась зияющая пропасть. Но нам не страшно: мы ведь парим в воздухе. Потом нажимаем рукоятку вперед и влетаем внутрь этого гигантского котла. Мы держимся на высоте примерно 160 метров, почти у самого дна этой огромной «суповой миски», и летаем взад и вперед, от одной стенки к другой. Таким образом мы постепенно обозреваем всю территорию кратера.

Гул нашей «Утки» вспугивает стадо гну. Михаэль орет мне что-то в ухо, но я ничего не могу разобрать. Дело в том, что наш самолет изнутри совершенно ничем не обит — видны все его металлические конструкции. Мы нарочно не заказывали мягкой обивки, как это принято в обычных машинах (во всяком случае в приличных), потому что наша «Утка» вечно набита какими-нибудь ящиками и тюками и любая обивка вскоре бы приобрела жалкий вид. Мы это сделаем, когда вернемся в Европу, перейдем к оседлому образу жизни и будем пользоваться нашей «Уткой» исключительно для воскресных прогулок. Вот тогда-то мы ее украсим мягкими обивками и будем себя чувствовать как в большом автомобиле. А пока что грохот мотора ничем не приглушен, и поэтому не удивительно, что мы не слышим собственного голоса. Даже ночью, в кровати, еще продолжает гудеть в ушах; если так будет продолжаться неделями или месяцами, кончится тем, что дома, в Европе, нам придется приобрести слуховые аппараты для глухих.

Чтобы беседовать друг с другом, мы надеваем наушники и говорим в ларингофон.

Михаэль, оказывается, спрашивает меня:

— Как тебе кажется, пап, сколько гну в этом стаде, вон там, справа?

Я смотрю вниз. Когда смотришь вот так отвесно вниз, то темно-серые гну напоминают муравьев во встревоженном муравейнике: они точно так же беспорядочно снуют взад и вперед. Подсчитать их совершенно невозможно! Я пожимаю плечами. Михаэль тоже. Потом он расстроенно морщит нос. Признаться, мы все это представляли себе совсем иначе, во всяком случае значительно проще.

Но затем меня осеняет одна мысль. Я подталкиваю сына:

— Ну-ка, пролети над ними еще разок!

Заметив небольшую обособленную группу животных, я их подсчитал — оказалось 10 штук. На некотором расстоянии бежит следующая группа, на первый взгляд такой же величины,— значит, еще 10. Потом я приучаю себя охватывать взглядом одновременно 30 животных и учусь подсчитывать их не поодиночке, а сразу дюжинами или даже группами по 50 особей. Разумеется, тут могут быть расхождения в три или четыре штуки, но постепенно мы приобретаем опыт в этом деле.

Мы еще раз пролетаем мимо этого стада, и каждый считает молча, про себя. У Михаэля вышло 780, у меня — 820. Но дальнейший подсчет прекращается: начинает перегреваться мотор, и мы вынуждены лететь быстрее.

Набираемся терпения и подсчитываем одни и те же стада несколько раз подряд, но каждый про себя. Полученные цифры мы записываем и сравниваем. То, что нас только двое, очень усложняет работу, так как мы должны одновременно следить и за тем, чтобы, увлекшись подсчетами, не врезаться в стенку кратера, и придерживаться определенной высоты, чтобы испуганные животные не кидались в разные стороны. Кроме того,

нам нужно отмечать точки на склонах кратера, чтобы не пролетать по одной и той же трассе дважды и не подсчитать тех же животных повторно.

Мы разделили 250 квадратных километров кратера на равные параллельные полоски. Таким способом нам удалось подсчитать, что гну здесь вовсе не 10 тысяч, как это прикидывали лесничие, а только 5360; кроме того, здесь обитают 117 антилоп канн, 1170 газелей, 19 носорогов, 46 слонов, 24 гиены (их наверняка больше, но они сидят по своим норам) и 60 павианов.

Все эти подсчеты мы повторим уже вчетвером, когда лесничих наконец застрахуют. Если с каждой стороны будут считать по два человека, результаты станут более достоверными.

Усталые, измученные и наполовину оглохшие после непрерывных виражей от стены к стене, мы наконец набираем высоту и штопором вывинчиваемся из этого гигантского котла. Мы находим в Маланье отмеченную белым посадочную площадку и мягко приземляемся на зеленую траву. Нам это удается сделать довольно ловко, несмотря на то что посадочная полоса слишком коротка и мы не приняли в расчет разреженный здесь, в горах, воздух.

Когда машина останавливается, Михаэль выключает мотор, мы поднимаем с двух сторон наши дверки, вываливаемся наружу и тут же падаем навзничь в траву: готовы — спеклись.

Вокруг столпились любопытные масаи, которые возбужденно переговариваются и сплевывают на землю.

Мы с Михаэлем закрываем глаза. Постепенно ощущение, будто земля качается, проходит. Солнце светит нам прямо в лицо. Мы счастливы. Будут еще трудности, многое надо будет усовершенствовать в нашей работе, но она пойдет. Задуманную нами «большую перепись четвероногого населения» таким способом все же удастся провести.

Четырехугольный загон из колючей проволоки, в который мы собираемся закатить машину, еще не готов; он необходим, чтобы колеса не пострадали от зубов гиен. Михаэль не решается оставить нашу «крылатую зебру» на ночь одну среди гиен и львов: они, чего доброго, еще что-нибудь попортят. Мы ввинчиваем металлические стержни глубоко в землю и крепко привязываем к ним крылья, колеса и хвост нашей «Утки»; кроме того, мы еще заклиниваем колеса камнями и ставим их на тормоз, чтобы никакая горная гроза не смогла укатить нашу машину.

Потом Михаэль забирается внутрь, удобно укладывается и зажигает свет. Для чтения он, как нарочно, прихватил с собой «Черную кожу» Руарка — про восстание мау-мау* в соседней Кении со всеми его ужасами. Мне думается, что ночью, в одиночестве, среди гигантских кратеров ему покажется здесь не слишком уютно...

Ну конечно же это должна быть Серонера! Наполовину высохшая река, плоское здание, окруженное несколькими хижинами местных жителей, холм, поросший редким леском... А вот и посадочная дорожка. Нигде ни дымка, ни какого-либо флага. Как определить, откуда дует ветер? Если он боковой или попутный, то не очень-то просто будет проскользнуть в узкую просеку между деревьями. Мы спускаемся как можно ниже, чуть ли не задевая за кроны, выпускаем закрылки для торможения и все же в конце посадочной площадки едва не врезаемся в деревья — до них остается лишь пара метров. Так недалеко и до аварии.

Поднимая тучу пыли, к нам приближается вездеход. Майлс Тернер, лесничий западной части Серенгети, в восторге:

— Потрясающая посадка! Вы первые, кто здесь решился приземлиться, ведь посадочная дорожка еще не готова — она должна быть вдвое длиннее...

Мы с Михаэлем озадаченно переглядываемся.

Оказывается, мы спутали Серонеру с Банаги. Но все в порядке — мы прибыли как раз туда, куда нам надо. Майлсу Тернеру было поручено поставить наш сборный домик из нескольких дюжин специально пронумерованных алюминиевых листов. Он соорудил его примерно в километре от своего жилища.

— Это как раз то, что вам нужно: вы там будете жить прямо среди львов,— объясняет он нам.

Майлс Тернер любит львов.

То, что он выбрал действительно подходящее место, я понял в первую же ночь. В Африке я часто не сплю по ночам, потому что они там очень длинные: весь год напролет по 12 часов. Что касается Михаэля, то он как с вечера заляжет, так и спит до утра, как сурок.

Я сразу же услышал, когда львы начали подавать голос возле нашего домишки. Что-то очень родное было для меня в этом реве: ведь во Франкфурте я живу на территории зоопарка. Но здесь рев раздается гораздо ближе и громче, так как стенки домика сделаны из тонкого алюминия, а окна открыты. Моя раскладушка прямо сотрясается от этого раскатистого рыка. Михаэль продолжает безмятежно спать; он лежит на животе, точно так же как спал еще совсем маленьким мальчиком.

Меня разбирает смех. Еще три недели назад я имел довольно невразумительный междугородный разговор с Аддис-Абебой: служащий эфиопского министерства хотел знать, какой ширины должен быть ров, чтобы львы не могли его перепрыгнуть. А теперь я лежу прямо среди львов, которые бегают вокруг на расстоянии всего каких-нибудь двух-трех метров, и наша дверь при этом даже не заперта!

Я вытаскиваю из-под матраса край своей москитной сетки, затем высвобождаю сетку Михаэля и толкаю его. Он что-то бор-

мочет недовольным голосом разбуженного ребенка, но, как только слышит львиный рык, сон с него как рукой снимает! Он сейчас же включает магнитофон, стоящий наготове между нашими кроватями. Какой-то лев орет, видимо, в самый микрофон, установленный нами в 20 метрах от дома.

Вдруг раздается треск, магнитофон падает с табуретки на пол, и кто-то тащит его сначала под мою кровать, а потом к двери. Кабель защемляется, и дверь не выпускает магнитофон наружу, а разыгравшийся лев все продолжает дергать. Вся алюминиевая хижина сотрясается от этих «игр». Мы вскакиваем с постелей и светим большим фонарем сквозь щель в дверях. Снаружи стоит огромный лев, настроенный по молодости лет весьма легкомысленно. Он тоже разглядывает нас с большим интересом. На заднем плане светится еще пара глаз. На всякий случай мы запираем дверь и приставляем к ней несколько стульев.

Когда наутро из-за гор Банаги выглядывает розоватое солнце, мы обнаруживаем, что фотоштатив, на котором был укреплен наш микрофон, перегрызен пополам. Кроме того, разыгравшийся лев с такой силой тянул за кабель, что прогнул нашу дверь наружу. Мы снимаем ее с петель, кладем на землю и прыгаем на ней до тех пор, пока она снова не распрямляется. Возле входа у нас висел резиновый мешок для воды; внизу у него кран, который открываешь, когда хочешь вымыть руки. Этот мешок — предмет нашей гордости. За день вода нагревается, и у нас получается настоящая «теплоцентраль». Так вот, наш ночной гость решил испробовать мешок на прочность и в нескольких местах располосовал его когтями. Нам пришлось немало помучиться, пока мы его снова заклеили.

А наш сотрудник Рихард, приехавший сюда только на несколько недель, отправился утром в «места не столь отдаленные» — в домик из рифленой жести, расположенный в 40 метрах от нашего жилья. В это время мы увидели, как пять львиц не спеша стали приближаться к уборной; вот они уже всего в каких-нибудь четырех или пяти метрах от ничего не подозревающего Рихарда. Мы с Михаэлем завопили что было мочи:

— Выходите, выходите! Скорее! Скорее!

Мы подняли такой шум, что перепуганный Рихард выскочил, не успев привести в порядок свой туалет. В таком виде мне и удалось его заснять на фоне львиц. Однако хищников нисколько не смутил ни наш крик, ни появление Рихарда: они продолжали следовать своей дорогой, едва удостоив нас взглядом.

Здесь, в Серенгети, все последующие недели наши львы продолжали заботиться о том, чтобы мы не скучали. Как-то раз мы наткнулись на леопарда, зарезавшего газель Томсона и втащившего ее на дерево, как это любят делать эти хищники. Он защемил ее в развилке ветвей и спокойно обедал. Через некоторое время под деревом появилось семейство из десяти львов, которые весьма заинтересовались добычей леопарда. Тому ситуация показалась малоприятной, он спрыгнул на землю и был

таков. Тогда на дерево забрался большой лев. Он благополучно преодолел 10 метров, отделявшие его от мертвого томми (как здесь называют газель Томсона), но, сколько ни рвал и ни тянул газель, не мог высвободить ее из развилки. Леопарды часто закрепляют свою добычу очень прочно. Тогда лев разорвал газель на две половины и удалился, захватив заднюю часть.

Однажды ночью львица поймала дикобраза, который довольно регулярно повадился навещать садик около кухни лесничего Майлса Тернера. Старый дикобраз недешево отдал свою жизнь; на другое утро мы это сразу заметили по следам борьбы. Кто знает, какой ценой досталась изголодавшейся львице ее победа!

Затем стая из 11 львов у самого водопоя, неподалеку от нашего дома в Банаги, набросилась на старого самца жирафа. Они его ели целых три дня.

Проводнику Реговерту, заночевавшему на равнине в палатке, две львицы, одна за другой, сквозь москитную сетку заглянули в самое лицо.

Африканский повар лесничего Пульмана как-то раз готовил ужин на кухне лагеря Серонера. Вдруг он услышал, как под самой дверью с чем-то орудует гиена. Он отворил, чтобы бросить в нее камень, и... замер от ужаса: прямо на него, не мигая, уставился огромный лев, который лежал на земле в трех метрах от двери. Повар мгновенно захлопнул дверь, загородил ее стулом и перелез через перегородку под самой крышей в свою спальню. В следующую же минуту лев бросился на гиену, раздался страшный визг, грохот и топот. Утром под дверью лежала мертвая гиена, но кругом валялись и клочья львиной гривы — доказательство того, что физи, как здесь на языке суахили называют гиен, отчаянно защищала свою жизнь. Рихард приколол клок львиной гривы к своей шляпе.

Если ты родился львом, то лучшего места для себя, чем Серенгети в районе гор Банаги, ты не найдешь. Дичи всегда вдоволь, а поскольку вода здесь для людей недостаточно хороша да к тому же много малярийных комаров и мух цеце, эта местность никогда никем не заселялась. Однако вскоре про Серенгети пронюхали люди, слывшие у себя дома храбрыми охотниками на львов.

Когда после первой мировой войны Танганьика попала под британское владычество, в район Банаги устремились охотники из соседней Кении, так как Серенгети расположен недалеко от ее границы. Они охотно перестреляли бы всех львов, считавшихся в те времена вредными хищниками. Некоторые охотники за одно только сафари убивали 100 львов. Но они были не в состоянии тащить с собой столько шкур и поэтому довольствовались тем, что у каждой жертвы в качестве трофея отрубали хвост.

В 1929 году здесь наконец догадались объявить заповедными 260 квадратных километров, начиная от открытых равнин Серенгети до озера Виктория. Всякая охота отныне категорически запрещалась. Тогда же был отстроен небольшой дом в Банаги,

в котором в 1931 году поселился лесничий Монти Мур. С тех пор вплоть до наших дней для львов здесь райское блаженство. Это место получило мировую известность как «львиный рай» на Земле.

Посетители заповедника вскоре поняли, что львов совершенно не обязательно фотографировать ночью при вспышке магния, как это делалось во времена Шиллинга и Максвелла, а что это гораздо удобнее делать днем. В 30-х годах стало очень модным привязывать убитую зебру к машине и волочить ее за собой на веревке на виду у львов. Те сейчас же подбегали и начинали рвать ее на части, а в это время их фотографировали.

Под конец львы настолько привыкли к этой забаве, что, заслышав шум мотора, моментально стали выбегать из-под тенистых кустов у сухого русла реки.

У Монти и его жены, однако, оставалось еще много забот хотя бы потому, что их любимцы — полуручные львы — часто уходили за пределы заповедника, где разрешалось охотиться. Монти то и дело приходилось заманивать своих подопечных назад, в безопасные места, подкладывая им добычу; но не раз случалось так, что какая-нибудь компания охотников гордо швыряла к порогу лесничего свежеснятую львиную шкуру какого-нибудь Симона или Серой Бороды, к которым супруги давно привязались и долго оберегали от всяких опасностей. Несмотря на то что животные были застрелены явно «со всеми удобствами» — прямо из машины (что безошибочно можно определить по состоянию ботинок посетителей), Монти, стискивая зубы, вынужден был выслушивать, какие ужасающие приключения пришлось пережить охотнику из-за этого «чудовища», да при этом еще изображать любезную улыбку гостеприимного хозяина. На сегодняшний день вся местность стала заповедной, так что, с точки зрения львов, лучшего и желать нельзя.

Один из моих коллег по Франкфуртскому зоопарку, доктор Герхард Хааз, два года назад провел любопытную работу: он денно и нощно сидел в павильоне для хищников и отмечал, как долго львы спят. Зная и раньше, что это весьма ленивые животные, мы все же были поражены результатом наблюдений. Наши львы спали (в зависимости от возраста и пола) от 10 до 16 часов в сутки! Кроме того, они еще дремали от одного до четырех часов, лежали бодрствуя от одного до пяти часов, а на ногах бывали всего один час и лишь в редких случаях до семи часов.

Кто видел львов только в зоопарке, может подумать, что они потому такие ленивые, что им корм кладется прямо под нос. Но здесь, в Серенгети, мы увидели то же самое: они и на свободе совершенно не стремятся к активной деятельности. В зоопарке они уделяют еде обычно 20 минут, иногда час в день. А здесь, на воле? Немногим больше, ведь лев может поймать свою жертву за пару минут, а часто даже секунд. Заразных болезней, которым подвержены гну и жирафы, у львов не бывает.

Таким образом, жизнь львов в Серенгети могла бы превратиться в сказку, если бы не... старость. Львы ведь тоже стареют.

Четырнадцати — шестнадцати лет от роду они уже глубокие старики.

Однажды мы повстречали такого покинутого всеми «старичка». Он лежал в тени дерева. Губа у него отвисла и обнажила тупые желтые зубы, ребра можно было пересчитать все до одного. Нижние веки отекли, а когда животное двигалось, то по горбатой спине и негнущимся ногам было видно, что это причиняет ему сильную боль. Таких львов рано или поздно разрывают на части гиены или гиеновые собаки. Майлс Тернер однажды видел, как стая гиеновых собак окружила старого льва; они подпрыгивали и плясали вокруг него, как это делают обычно собаки, затевая игру; «старик» шипел и замахивался на них лапой, и они вскоре отстали.

Ночью я никак не мог уснуть, потому что одинокий старый лев не выходил у меня из головы; у меня даже возникло искушение застрелить для него газель. Как странно мы все же устроены: чтобы помочь одному, мы готовы погубить другого. Подозреваю, что Майлс Тернер выезжал за пределы национального парка, чтобы раздобыть пропитание для этого одинокого «пенсионера»... Ведь Майлс питает слабость к львам. Кстати сказать, он не исключение. Когда посетители парка видят такого старого, больного льва, они постоянно спрашивают лесничего, «что он с такими делает». При этом нельзя забывать об основном принципе работников заповедников: ни в коем случае не вмешиваться в дела природы, предоставить ей решать все самой.

На днях второй лесничий, Гордон Пульман, живущий в Серонере, вернулся из многодневной поездки по «коридору». Коридором мы, то есть те, кто входит в штаб сотрудников Серенгети, называем узкую часть парка ближе к озеру Виктория. Гордон рассказал нам любопытный случай, который произошел с ним накануне в полдень. Он увидел льва, поймавшего гну и подмявшего свою добычу под себя. Лесничий подъехал поближе на своем вездеходе, прогнал льва и вылез, намереваясь отрезать себе от только что убитой дичи окорок. Не дойдя нескольких шагов до жертвы льва, он обернулся и крикнул своему проводнику, чтобы тот кинул ему охотничий нож. Но в этот момент тот испуганно закричал: «Бвана, обернись! Обернись!»

И каково же было изумление Пульмана, когда, обернувшись, он увидел, как «мертвый» гну вскочил на ноги и нацеливается в него своими острыми рогами. Гордону только в самый последний миг удалось схватить его за рога, удержать и, пятясь задом, втиснуться в машину. И как раз вовремя — в ту же секунду животное вырвалось: никому еще не удавалось в одиночку справиться со взрослым гну.

Наутро я навестил Конни, жену Гордона. Она сидела перед их домиком в Серонере. Я пересказал ей все это происшествие, но так, словно оно приключилось со мной:

— Представляешь себе, я наткнулся на льва, который как раз зарезал гну и подмял свою жертву под себя... и т. д.

Конни таращит на меня удивленные глаза. Она прямо не находит слов — так поражена. Под конец она не может сдержать своего возмущения и выпаливает:

— Но это же все случилось с моим мужем!

— Да, дорогая Конни, я знаю. Но видишь ли, такие истории нельзя рассказывать человеку, который пишет книги об Африке. Обычно потом, когда они появляются в печати, оказывается, что все приключилось лично с ним... Недаром пословица гласит: кто прибыл издалека, тому врать легко...

Не так уж редко случается, что кажущаяся мертвой жертва льва убегает невредимой, как только его прогонишь. Однажды я видел, как львице пришлось отпустить маленького зебренка и тот убежал, громко крича. Детенышу повезло! За несколько недель до этого подобная сцена разыгралась на глазах у Майлса Тернера, но только с козликом томми. Многим животным, за которыми охотится лев, видимо, свойственно инстинктивно замирать, когда он их хватает, точно так же как замирают маленькие львята или котята, когда мать берет их голову в свою пасть и перетаскивает с места на место. Если бы жертвы вырывались и сопротивлялись, лев тут же сжал бы клыки сильнее и переломил бы им хребет или задушил. А так у жертвы остается хоть небольшая надежда на спасение.

Я думаю, что животные эти, попав в пасть льва, не испытывают ни боли, ни испуга, у них наступает что-то вроде шока. Я почти готов утверждать это.

Мы, люди, в большинстве стран уже тысячи лет не подвергаемся нападениям хищных животных. И все же в подобных случаях такое же шоковое состояние свойственно и нам, оно входит в число инстинктивных действий наравне с сосанием материнской груди и зажмуриванием глаз от яркого света.

Известного исследователя Африки Дэвида Ливингстона однажды схватил лев и утащил в кусты. Вот что он позже сообщал об этом:

«Лев отвратительно зарычал мне в самые уши и потряс так, как фокстерьер трясет пойманную крысу. Я впал как бы в шоковое состояние, вызвавшее ступор — ощущение, испытываемое, наверное, мышью, когда ее схватила кошка: у меня пропала всякая восприимчивость к боли, несмотря на то что я совершенно не терял сознания. Это напоминает состояние пациента, находящегося под местным наркозом: больной видит все манипуляции хирурга, но ножа уже не чувствует. Это ни с чем не сравнимое состояние не было следствием каких-либо душевных переживаний, просто шок начисто стер все ощущения страха и выключил всякое чувство ужаса даже от непосредственной близости разъяренного льва».

Товарищи Ливингстона, к счастью, через минуту сумели отогнать хищника.

В первые десятилетия нашего века лесничие Африки еще не разъезжали на машинах и вынуждены были ездить верхом, а поклажу перевозить на воловьих упряжках. В те времена

приходилось брать с собой собак и каждый раз возводить вокруг лагеря высокую изгородь из срубленных колючих кустарников, так как львы шли по пятам за тягловым скотом.

Здесь все лесничие по сей день помнят историю, приключившуюся с одним из их товарищей по имени Волхутер. Сумерки застали его в 10 километрах от сторожки. В сухом русле реки на его лошадь внезапно набросился лев; та рванулась в сторону и сбросила седока прямо в пасть второму подоспевшему льву. Лев схватил Волхутера за правое плечо и потащил прочь.

Вначале лесничий тоже был как бы парализован и не ощущал никакой боли. Затем он подумал, что это была бы постыдная смерть для такого знаменитого охотника, как он, и решил действовать. Пока его тело волоком скользило по земле под животом льва, шпоры то и дело за что-нибудь цеплялись и в конце концов оторвались. Волхутер вспомнил про свой охотничий нож, который обычно выскальзывал у него из-за пояса, когда он слезал с лошади. Осторожно пощупав левой рукой, он, к своему удивлению, обнаружил, что на этот раз нож оказался на месте. Когда лев наконец опустил его на землю (как впоследствии было установлено, через 90 метров), он левой рукой дважды всадил ему нож в брюхо.

Хищник зашипел и отступил. Тогда этот человек начал осыпать льва всеми ругательствами, которые только мог припомнить. А сзади на льва с громким лаем стала наскакивать собака лесничего. И лев, видимо, решил убраться подобру-поздорову. Несмотря на раненое плечо, Волхутеру удалось залезть на ближайшее дерево. Однако лев не ушел, а стал кружить вокруг дерева. Несколько минут спустя к месту происшествия подоспели друзья лесничего и прогнали хищника.

Лесничий, опираясь на своих помощников, с трудом дотащился до сторожки. Чтобы оказать ему необходимую врачебную помощь, его два дня пришлось тащить на носилках до ближайшей железнодорожной станции да еще день везти в вагоне.

Руку вылечить так и не удалось — она перестала сгибаться. Однако Волхутер не оставил своего любимого дела и никогда не мстил львам за нападение.

О случившемся каким-то образом пронюхал один репортер из далекого Иоганнесбурга, и с его легкой руки сообщение об этом происшествии со всякого рода преувеличениями стало публиковаться на страницах всех газет мира.

Когда одна лондонская газета начала утверждать, что Волхутер собственноручно задушил трех львов, тот не выдержал, написал в газету, как все было на самом деле, и потребовал опровержения. И получил следующий ответ: «Мы проверили все факты — они подтвердились. Наш корреспондент в Иоганнесбурге — человек вполне надежный, так что мы не видим никаких оснований для опровержения».

Когда Волхутер спустя несколько лет приехал в Лондон, он по телефонному справочнику разыскал магазин, в котором когда-то покупал свой охотничий нож. Он поехал туда на автобу-

се, купил точно такой же и, между прочим, сказал продавцу:

— Да, это хорошие ножи, я таким собственноручно заколол льва.

Он ожидал вызвать своим сообщением удивление или восхищение, но ничего подобного не последовало. Обслуживавший его молодой столичный продавец ответил совершенно равнодушно:

— Вполне возможно, этими ножами часто пользуются те, кому приходится резать овец!

«9 октября после обеда, примерно часов около четырех, я заметил трех львов-подростков, один из которых в зубах нес что-то странное. Когда он выронил свою ношу, я увидел, что это черепаха. Предприимчивая троица, оказывается, разгрызла панцирь, и животное было уже наполовину съедено».

Это прочел мне Майлс Тернер из своей записной книжки. Есть там и другие любопытные записи:

«15 марта я увидел большого льва, только что расправившегося с гиеной. Когда животное перестало шевелиться, лев пошел дальше и погнался за второй гиеной, которой только чудом удалось спастись.

21 марта один посетитель утверждал, что по пути от Олдувайского ущелья до Серонеры из окна своей машины он якобы насчитал 75 львов.

22 июня львица вблизи дома в течение одного часа поймала подряд четырех томми».

Майлс Тернер живет вместе со своей молоденькой женой Кай в старом глинобитном доме лесничества у подножия горы Банаги. Случается, что у него бывает плохое настроение — это во время приступов жестокой малярии. Тогда ему хочется уничтожить и себя, и всех вокруг. Но там, где требуется его помощь, он появляется как из-под земли. С пятнадцатилетнего возраста Майлс начал каждый вечер записывать в блокнот свои наблюдения за животными. Поэтому всему, что он рассказывает, безусловно, можно доверять.

Попробуйте как-нибудь понаблюдать за собой, и вы обнаружите, как в происшествии, которое вы охотно пересказываете по нескольку раз, опасность постепенно все увеличивается, расстояния сокращаются, а скорость возрастает, и притом совершенно незаметно для самого рассказчика.

Многие наблюдения, которые я привожу в этой книге, сделаны Майлсом. Сейчас ему тридцать восемь лет, а в Кению он приехал, когда ему было три года. У его отца в районе Румурути была скотоводческая ферма. Уже в девятилетнем возрасте Майлс получил в подарок ружье и отправился стрелять зебр. В те времена их там было такое же множество, как сейчас здесь, в Серенгети. Теперь же там не встретишь ни одной. Дело в том, что фермеры рассматривали зебр и гну как вредителей, поедающих на пастбищах корм, предназначенный для их коров. По этой

же причине и маленький Майлс отстреливал зебр, притом пулями; они прошивали такую полосатую лошадку насквозь и после этого уходили еще далеко в землю. У зебры отрезали хвост и сдавали, за что правительство выдавало премию в размере одного шиллинга.

Школу Майлс посещал в Найроби, столице Кении. Затем работал в качестве «white hunter» [1]. Он сопровождал туристов-охотников во время сафари. Но в скором времени ему это дело осточертело.

Многие лесничие африканских национальных парков были прежде, как и он, профессиональными охотниками, но впоследствии приходили к выводу, что животных лучше охранять, чем убивать. В своей компании «Сафари» Майлс и познакомился с Кай, служившей там секретаршей, и теперь эти двое уже в течение нескольких лет отлично хозяйничают там, где мало воды и много пыли, в окружении львов, мамб и зебр.

В Европу Майлс впервые выбрался в тридцатилетнем возрасте. Легко себе представить ощущения человека, попавшего из дебрей Африки сразу в такой огромный современный город, как Лондон. Точно так же как нас глубоко поражают львы, разгуливающие вокруг нашей постели, так Майлсу казались чем-то необычным толпы людей на улицах, яркие витрины, театры, высокие дома, теснящие с двух сторон узкие улочки.

Я не имею возможности проводить в Африке больше нескольких недель, потому что я в первую очередь все-таки директор зоопарка. Правда, Михаэль остается дольше, но важно, чтобы здесь постоянно, круглый год, жили такие внимательные сотрудники, как Майлс и другие добрые друзья парка. Они ведут для нас записи, в которых отмечают, где они видели такое-то меченое животное и что еще происходило за время нашего отсутствия.

Крупные антилопы канны здесь, в Серенгети, не подпускают к себе ближе чем на 500—600 метров, после чего они тотчас же пускаются в галоп. Только много позже мне удалось выяснить, почему это происходит.

А вот вести наблюдения за львами, наоборот, очень просто, не труднее, чем в зоопарке. К ним можно приблизиться и на 30 метров, и на 20, и на 5, и, если угодно, даже на метр. Лишь бы вы сидели в машине. Подобная ситуация всегда необыкновенно волнует.

Сегодня нам совсем не хочется заниматься львами; мы собираемся из нашего ярко раскрашенного вездехода пострелять в томми, конечно наркотическими зарядами. Но внезапно обнаруживаем, что окружены: впереди два льва, сбоку две львицы, сзади еще одна большая львица, которую мы, проезжая, даже не заметили в траве. Она медленно поднимается, но смотрит

---

[1] В переводе с английского буквально — «белый», здесь — «профессиональный охотник».— *Прим. пер.*

застывшим взглядом мимо нас, в сторону высохшего русла реки. Там пасется одинокий козлик томми. Львица медленно направляется к нему. В тот момент, когда он поднимает голову, она моментально застывает на месте, даже поднятая лапа повисает в воздухе; но вот козлик снова опускает голову и продолжает пастись.

Те два льва, впереди, тоже подкрадываются к козлику. При этом они проходят в трех метрах от нас, один даже совсем рядом, так что я могу до него дотронуться, вытянув руку из окна нашей машины. Я издаю легкий свист, но лев даже не оглядывается в мою сторону: все его внимание сосредоточено на добыче.

Итак, эти львы с трех сторон подкрадываются к ничего не подозревающей газели. Но вот у затаившегося с четвертой стороны молодого льва со смешно торчащей в разные стороны еще не отросшей гривой лопается терпение: хотя расстояние еще явно слишком велико, он вскакивает и бросается к козлику. А тот, конечно, тут же убегает.

Будь я старым львом, я бы в подобном случае залепил такому олуху пару затрещин. Но львы так не поступили. Каждый из них невозмутимо улегся там, где стоял.

Мы подъехали к одному из них на расстояние в восемь метров. Человеку очень тягостно сознавать, что кто-то, пусть даже лев, не обращает на него никакого внимания, словно он пустое место. Я открываю дверцу и вылезаю. Тогда лев поднимается, грозно рычит и делает мне навстречу несколько шагов. Разумеется, я тут же благоразумно исчезаю в машине.

Если лев нападает на вас в открытой местности, нужно остановиться и смотреть ему прямо в глаза. В большинстве случаев он тогда теряется, тоже останавливается и в конце концов уходит. Если же убегать от него, он наверняка воспримет это как игру в «кошки-мышки» и схватит вас. Правда, в Африке я еще ни разу не попадал в такое положение и все мои познания основываются на тех опытах, которые я 20 лет назад проделывал с хищниками на манеже [1].

Какое ни с чем не сравнимое удовольствие наблюдать за семейством львов, отдыхающим в тени дерева! Только непонятно, кому принадлежат эти восемь львят. Трое из них примерно вдвое больше пяти остальных. Значит, они не могут быть братьями, у них должны быть разные матери. Но все шесть взрослых львиц одинаково ласковы со всеми малышами. Когда львенок проходит возле взрослой львицы и даже льва, шершавый язык непременно нежно пройдется по его мордочке или спине.

Маленькие львята устроили настоящую «охоту» за черной кисточкой хвоста одного из самых больших львов. Они подкрадываются, бросаются на нее и впиваются зубами. Острые мо-

---

[1] *Гржимек Б.* Наши братья меньшие.— М.: Мысль, 1981.

лочные зубки наверняка причиняют немалую боль, тем не менее лев только ворчит, недовольно морщит нос, но не трогает своих мучителей. Проходя мимо его головы, они трутся своими мягкими мордочками о его подбородок, точно так же как трутся домашние кошки о нашу штанину. Один из «дядей» снисходит даже до того, что опрокидывает малыша на спинку и катает его лапой из стороны в сторону. Львиным деткам, видимо, все дозволено. Им разрешается даже дергать за кусок мяса, который «папа» держит в своей пасти. А это у львов кое-что да значит!

Хотя львы и принадлежат к семейству кошачьих, однако это отнюдь не наши домашние кошки. Они никогда не мурлыкают и умываются далеко не так уж тщательно. Лев моет себе морду обычно только после еды, и то лишь слегка, никогда не захватывая далеко за ушами. В крайнем случае он вылизывает еще передние лапы и грудь, но никогда — живот и бока, как это принято у наших чистюль, домашних кошек. Свои испражнения львы никогда не закапывают.

Разумеется, во время брачных игр львы дерутся между собой, причем так, что на поле боя остаются лежать целые клочья шерсти из гривы. Конечно, без травм и увечий не обходится. Но мне ни разу не довелось слышать, чтобы когда-нибудь один из противников был убит.

Эти желтые огромные кошки ловко умерщвляют зебр и антилоп. Они быстро перегрызают жертве горло или переламывают хребет. При этом животное испытывает меньше страха, чем наши свиньи и коровы на бойне. Но чтобы один лев убил другого, то есть своего собрата по виду, этого у них не бывает. Мы же, люди, во время последней мировой войны уничтожили много миллионов своих собратьев. Дело явно обстояло бы лучше, усвой мы формы обхождения львов!..

9 мая, а потом 15 и 16 июня Майлс видел большого льва со сломанной ключицей. По-видимому, эту травму нанес ему какой-нибудь самец жирафа или кафрский буйвол. Этого льва, который мог передвигаться лишь с большим трудом, сопровождал другой взрослый лев. Судя по тому, что инвалид был весьма упитанным, можно было предположить, что он находился на иждивении у своего приятеля.

Несколько дней спустя близ заброшенного старого рудника мы видели семейство из 16 львов, и среди них больную львицу. Эту львицу тоже явно подкармливали ее сородичи.

Между Банаги и Серонерой, возле бензоколонки, в николин день все время держался сильно исхудавший, больной, старый лев с тремя львами-подростками. Двумя днями позже этих же львят видели уже в сопровождении великолепного молодого льва и львицы. По-видимому, больной лев погиб, а дети нашли себе опекунов.

Однажды какие-то посетители национального парка вылезли из своей машины и, решив устроить пикник, расположились на

земле с термосами и закусками. Желая вымыть руки после еды, они на некоторое время покинули место своей трапезы и пошли к ручью. Каково же было их удивление, когда, вернувшись, они увидели семью львов, которая расположилась прямо на их скатертях и тарелках. Остатки холодных закусок бесследно исчезли. Кроме того, львята разорвали чемоданы и весело играли с фотоаппаратами и одеялами. Львы ни за что не хотели добровольно покинуть столь прекрасное, на их взгляд, место отдыха. Так что туристам пришлось до тех пор просидеть в машине, наблюдая за тем, как расправляются с их имуществом, пока этим большим кошкам не наскучила такая возня и они не ушли по собственному желанию.

Нет, я, конечно, далек от мысли изображать львов ангелами. К тому же я говорю все время только о наших львах — в Серенгети и вокруг Банаги. И вот, чтобы напустить на вас немного страху, как это и полагается в сообщениях о львах, я чувствую себя обязанным пересказать истории о львах-людоедах, без которых уже с давних пор не обходится ни одно повествование об Африке.

В 1898 году в районе теперешнего Цаво-парка, совсем недалеко отсюда, в Кении, два льва-людоеда в течение почти девяти месяцев осаждали строителей Угандийской железной дороги. Они утащили и сожрали одного за другим 28 кули и под конец закусили инспектором железной дороги. Тот как раз караулил этих злоумышленников в закрытом вагоне с ружьем на коленях, но, видимо, уснул. Львы вытащили его через окно.

В Уганде, близ Анколе, в 1955—1956 годах львы, говорят, утащили 45 человек. Вся дичь, которой они до этого питались, была выбита местным населением.

Некто господин Брэдшоу года два назад сообщил, что застрелил львицу, которая отрыгивала человеческое мясо, чтобы накормить им своих детенышей.

Даже здесь, по соседству, в прошлом году лев умертвил одного приезжего охотника. А дело было так. Охотник застрелил льва и только собрался поставить ногу на убитое животное, чтобы сфотографироваться, как «мертвый» лев вскочил и разорвал его. Оказалось, что он был еще жив. «White hunter», сопровождавшего гостя, из-за этого случая на пять лет лишили работы.

Здесь же, в Серенгети, у львов достаточно пищи, и поэтому нас, людей, они не рассматривают как нечто съедобное. Это особые, знаменитые львы, которые, можно сказать, «родились в сорочке».

Несмотря на это, нам все же пришлось приделать замок на дверь нашего алюминиевого домика, хотя на 160 километров вокруг не было никого, кроме Гордона Пульмана, Майлса Тернера, африканцев-проводников, ну и, конечно, львов и нескольких сот тысяч других животных...

ГЕРМАНСКАЯ КРЕПОСТЬ В АФРИКЕ

— Эй, Миха! — Я толкаю сына в бок, наклоняюсь и ору ему в ухо: — Смотри, там, справа, на горе стоит замок!

Прямо посреди Африки настоящий рыцарский замок? Нет. Невозможно. По-видимому, это был обман зрения. Тут частенько попадаются обломки скал, иногда похожие на развалины церкви, а иногда — на огромные памятники.

Но это вот определенно не скалы, нет! Мы надеваем наушники и совещаемся. Потом наша «зебра» делает поворот направо, и мы летим назад, к горе с руинами замка. На этот раз это действительно оказался замок. У него толстые стены с зубцами, сохранились остатки отдельных строений и обширное подворье. Замок расположен немного севернее национального парка Серенгети, среди гор и холмов, поросших редколесьем. Мы спускаемся все ниже и летим вдоль склона горы, пока массивная угловая башня не оказывается почти над нами.

Сегодня мы направляемся в Масаби, на равнину в «коридоре» (узкая часть национального парка вблизи озера Виктория). Там мы собираемся переночевать в глиняной хижине местных проводников, чтобы спозаранку попасть к водопою и наблюдать, кто из животных приходит туда пить. Сзади нас в самолете сидят два проводника, а внизу, на равнине, у самой опушки редкого кустарника, нас ждут еще два. Они должны выбрать для нас ровную площадку, свободную от камней и ям, и встать таким образом, чтобы мы могли приземлиться как раз между ними.

На «открытие» замка у нас ушло лишнее время, и теперь уже довольно поздно: солнце у самого горизонта и слепит нам глаза во время посадки. Сын озабочен тем, чтобы не наехать на этих двух там, на земле. Поэтому он выпускает все закрылки для торможения и приземляется несколько ближе намеченного места.

Внезапный толчок, мотор глохнет, и мы садимся брюхом на землю. Такое случается иногда и с большими пассажирскими самолетами, когда пилот либо забывает выпустить шасси, либо оно застревает и никак не выходит наружу. Но длинные ноги нашего-то самолета никуда не втягиваются. И все же они куда-то исчезли.

Оказывается, одно колесо во время посадки попало в нору бородавочника *, и таким образом отломилась сначала одна, а потом вторая нога самолета. Из-за этого пропеллер уперся в землю и даже погнулся. Во всем остальном самолет выглядит неповрежденным. Только конец одного крыла немного вмят. Кто не знает, что этой машине полагается стоять на высоких ходулях, тот может подумать, что так и надо.

Для начала мы вытаскиваем длинный рулон ярко-оранжевой светящейся материи, расстилаем его на земле и придавливаем черепами и костями гну, которых кругом валяется множество.

Так нас с воздуха легче обнаружить. Затем мы расчищаем от засохшей травы примерно метровую полосу вокруг машины, чтобы она, не дай бог, не загорелась, если начнется степной пожар. Спать мы можем прямо в самолете.

Спустя некоторое время из самолета показывается «бушбэби» — галаго, которого мы всюду возим с собой. Он прилетел вместе с нами из Франкфурта на свою родину. Но он не хочет вылезать из самолета — это древесное животное чувствует себя весьма неуверенно на бескрайней голой равнине.

Два наших помощника поначалу даже не заметили, что мы потерпели аварию. Они первый раз в жизни сели в самолет и думали, что так все и должно быть.

Оказавшаяся для нас роковой нора бородавочника была уже наполовину засыпанной и заросшей, во всяком случае отнюдь не глубокой. Примерно в 100 метрах от нас стояли два взрослых бородавочника с четырьмя поросятами и с интересом нас разглядывали. У всех шести хвостики торчат свечками кверху, словно антенны на автомобилях. Но, заметив, что и мы пристально их разглядываем, они поворачиваются и убегают. Бородавочники — приятные животные. Кто видел их в зоопарке, тот обычно приходит в ужас от 15-сантиметровых наростов на морде борова и от его опасных, торчащих в стороны и вверх клыков. Морды у них действительно малопривлекательные, во всяком случае для человеческого глаза. Но на воле они похожи на маленьких носорогов или даже антилоп и очень мало напоминают диких кабанов или домашних свиней (у них совсем нет подкожного жира, даже если они хорошо упитаны).

Поскольку мясо бородавочников весьма по вкусу львам, им приходится рыть себе глубокие норы, в которых ночью они становятся недосягаемыми. Бородавочники охотно пользуются и теми ходами, которые прорывают себе трубкозубы *, чтобы снизу проникнуть в термитники.

Жилая нора бородавочника состоит из просторной камеры, в которой спят отец, мать и подросшие дети. Отсюда полого вниз идет ход, ведущий в следующую камеру, где осенью, с сентября по ноябрь, появляются на свет хорошенькие поросятки; их бывает обычно не больше четырех. Там, внизу, у них довольно жарко, примерно 30 градусов тепла, как это удалось установить профессору Гайги из Базеля. Может быть, именно поэтому бородавочники до сих пор очень редко размножаются и выращивают детей в зоопарках.

Когда молодые животные подрастают, они охотно остаются жить с родителями; бородавочники вообще примерные семьянины. Когда встречаются двое, принадлежащие к одному семейству, более молодой подходит к отцу или тетке и слегка поддает тому головой под подбородок.

Если преследовать самку с поросятами, то малыши зачастую бросаются на землю и притворяются мертвыми. Но попробуйте поднимите хоть одного! Он завизжит как резаный, и тогда мать сейчас же подбежит к нему. В таких случаях лучше всего поско-

рее отпустить поросеночка: он бросится к матери, и весь выводок — вслед за ним.

Один из обходчиков парка однажды увидел, как леопард преследовал самку бородавочника с поросенком. Мать внезапно повернулась и напала на леопарда, тот тут же удрал. В другой раз бородавочник чем-то прогневал слона. Слон громко затрубил и бросился в атаку. Бородавочник не струсил и пошел прямо на слона. Тот от неожиданности даже отступил.

Зайдя как-то на лужайку перед домом одного из лесничих, бородавочники не пожелали оттуда уйти, даже когда на них набросилась большая собака. Более того, они сами начали гоняться за собакой и заставили ее убежать.

Только мы завернулись в свои одеяла, собравшись спать на сиденьях самолета, как где-то далеко показались два огня. Ну конечно же это Майлс Тернер на своем вездеходе! У него все с собой: горячий кофе в термосе, водка, бинты, всякая еда, складные носилки, одеяла, шины, а также молодая жена Кай и в корзинке их бэби нескольких недель от роду. Поскольку мы не вернулись до захода солнца, он сейчас же выехал нас искать. Это очень характерно для него. На такого можно положиться; он непременно появится, если в этом будет необходимость. Боясь оставить свою жену на ночь одну, он взял ее с собой, так что вынужден был прокатиться и бэби.

На другое утро мы передали по радио телеграммы в Найроби и домой. Мы сфотографировали повреждения со всех сторон и послали пленку в Мюнхен, чтобы на заводе могли установить, какие запчасти нам следует прислать.

Затем мы приступили к строительству лагеря. К нам выехали два инженера из Найроби. На поездку им потребовалось три дня, так как один из них поклялся никогда больше не садиться в самолет. Пять лет назад он попал в авиационную катастрофу, сломал позвоночник и в течение года был почти парализован. Но сейчас он снова очень бодр и энергичен. Эти двое, англичанин и шотландец, работают как лошади. От нас требуется лишь одно: в эту жару старательно снабжать их пивом. Кроме того, им ужасно хочется выучить немецкие ругательства. Мы старались познакомить их с самыми трудновыговариваемыми.

Кстати, одного из них зовут Майк, следовательно, Михаэль. Моего же сына во всей окрестности величают Майклом, поэтому его легко отличить от всех других Майков.

Я заметил, что англичане обращаются друг с другом значительно менее чопорно, чем мы. Едва познакомившись поближе, на службе или еще где-нибудь, они уже зовут друг друга по имени, даже девушек и женщин. Зато они не трясут при каждом удобном случае вашу руку, как это принято у нас; они делают это, только когда прощаются перед длительной разлукой или возвращаются откуда-нибудь. Мне это нравится куда больше.

Пройдет не менее трех недель, пока наша «зебра» снова сможет подняться в воздух. Мы бродим по земле «с подрезанными крыльями» и чувствуем себя какими-то неповоротливыми и беспомощными. Зато у нас оказалось время поближе осмотреть сказочный рыцарский замок. Он расположен на землях, принадлежащих племени икома, а наш шофер Мгабо как раз икома. Его отец во времена германского владычества работал бригадиром в одном из рудников, и Мгабо еще ребенком часто играл среди руин этого форта, принадлежащего немецкому гарнизону. Судя по его рассказам, англичане с немцами вели здесь ожесточенные бои.

Поднимаясь на своем зебровом вездеходе в гору по старой, заросшей травой дороге, мы вспугиваем стаю антилоп топи, которые резво отбегают в сторону.

В толстенной высокой стене — пролом. Хотя сложена она всего лишь из обломков скал и глины, тем не менее простояла 50 лет. Это потому, что здесь мало дождей и не бывает морозов.

Через пролом мы проникаем в просторный двор форта. Три зебры, испугавшись нас, галопом несутся к большому парадному въезду и исчезают с подворья. Здесь сохранились даже стены домов — в тех местах, где их не разрушили корни деревьев.

Мгабо ведет нас через форт. Вот здесь, в большом доме с парадной лестницей, жил лейтенант; там, сбоку, была кухня, а в домике поменьше, что был напротив, жил один сержант. По отметинам на стенках глубокого колодца можно определить, как высоко когда-то стояла в нем вода. У самого его края распустились два красных цветка.

Вокруг всего форта проходит полуразрушенная траншея. Михаэль, порывшись в мусоре возле унтер-офицерского дома, обнаружил несколько монет. Мы очистили их от грязи и прочли: «D. O. A. 1916. Fünf Heller» [1]. Значит, это колониальные деньги из бывшей немецкой Восточной Африки чеканки военного времени. Во Франкфурте в банке нам потом предложили по 10 марок за каждый геллер.

По просьбе Мгабо его дядя принес нам в одну из последующих недель купюру в 50 рупий с изображением кайзера Вильгельма с лихо закрученными усами. По словам Мгабо, немцы, прежде чем покинуть форт, сложили все свое оружие и боеприпасы в шахту, которую вырыли за пределами форта, зацементировали, а затем сверху засыпали. Оружие пролежало 40 лет, пока англичане в начале 50-х годов не вскрыли тайник и не увезли все, что там лежало. По всей вероятности, они опасались, что оружие, зарытое так близко от границы с Кенией, может попасть в руки повстанцев мау-мау.

Мы с Михаэлем облокотились рядом на бруствер и стали смотреть вниз. Далеко уходят волнистые зеленые холмы, сливаясь где-то на горизонте в матовой голубизне...

Интересно, как чувствовали себя в этом форте два наших

[1] «Немецкая Восточная Африка. 1916. Пять геллеров».

земляка, жившие здесь совершенно одни? Для немецких солдат пребывание здесь наверняка было тягостным. В те времена все эти бесконечные расстояния надо было преодолевать пешком, не было ни машин, ни радио, ни настоящих консервов. Поскольку в колонии не хватало средств на проведение телеграфной линии, постам приходилось общаться друг с другом при помощи больших зеркал, которыми они передавали световую морзянку.

Окольными путями, через старого генерала фон Леттов-Форбека и его племянника, мне удалось установить, что последним командующим этим округом был один майор по фамилии фон Хакстхаузен, который сейчас живет в Дегерндорфе, расположенном возле реки Инн. На мой запрос он любезно ответил, что форт был построен около 1900 года. Его гарнизон, состоявший из одного офицера и одного унтер-офицера с пулеметом, был призван следить за порядком в округе. Дело в том, что племя икома непрерывно сражалось с не менее воинственным племенем гайя. В основном они крали друг у друга скот.

Местность было трудно охранять, так как она находилась на самой границе с английской колонией Кенией. Однако история Танганьики началась отнюдь не с того времени, когда в 1885 году германский кайзер составил охранную грамоту для этой области. Первооткрывателями этих мест были даже не европейцы, а скорее всего азиаты. Нам потребовались тысячелетия, пока мы на своих кораблях отыскали морской путь вокруг южной оконечности Африки. Для азиатов же попасть в Восточную Африку оказалось значительно легче, потому что ежегодно с ноября по февраль там дует северо-восточный муссон, который пригоняет их корабли прямо к африканскому побережью. С апреля же по сентябрь муссон дует в обратную сторону — с юго-запада и гонит корабли прямехонько назад, на их родину. Первые арабы и индийцы уже за несколько веков до нашего летосчисления таким путем добирались до берегов Танганьики. Там по сей день еще находят древний китайский фарфор и монеты, чеканенные 1200 лет назад. Арабы из персидского Шираза основали города на островах возле побережья. В Килве до наших дней сохранилась арабская «Хроника», описывающая исторические события начиная с 1060 года и в течение 500 лет, вплоть до появления португальцев.

Португальский мореплаватель Васко да Гама, открывший морской путь в Индию вокруг Африки, во время своего третьего индийского путешествия в 1502 году пристал к берегу в Килве на побережье Танганьики. Он гарантировал эмиру Мухамеду Киваби свободу, однако нарушил слово, взял его в плен и отпустил только после того, как тот признал португальское владычество и уплатил 5 тысяч круцадо (примерно 20 тысяч марок) выкупа. На эти деньги Васко да Гама во имя прославления всевышнего заказал золотую статую, которая по сей день хранится в Белемской церкви в Лиссабоне.

В 1593 году португальцы построили горный форт Иисуса в Момбасе; мятежи, войны, нападения различных племен из глу-

бинных районов страны продолжались до тех пор, пока наконец не приплыли арабы из Омана в Персидском заливе, которые после 33-месячной осады в 1696 году захватили крепость *.

Новых султанов Занзибара очень привлекала их вторая империя на побережье Танганьики, но им то и дело приходилось возвращаться к себе домой, в Персидский залив, чтобы наводить там порядок, так как родственники без конца оспаривали у них трон.

Власть этих арабских султанов никогда по-настоящему не распространялась в глубинные части страны. Правда, они засылали работорговцев и охотников за слоновой костью все дальше от побережья, пока не достигли наконец в 1840 году озера Танганьика. Их караванный путь лежал через Табору (вдоль него немцы впоследствии построили железную дорогу). Хотя над арабскими стоянками на этом торговом пути и развевался красный флаг султана, тем не менее два или три араба, которые там жили и продавали караванам за бешеные деньги свой товар, на самом деле целиком зависели от вождей близлежащих племен.

Торговля рабами у арабов в Восточной Африке никогда не достигала таких чудовищных размеров, как потом в Западной Африке у европейцев и американцев. У арабов и индийцев судьба рабов была куда менее жестокой, чем на плантациях европейцев в Северной и Южной Америке. И тем не менее работорговля совершенно расшатала племенной уклад аборигенов и привела к тому, что целые огромные территории, например возле озера Танганьика, полностью обезлюдели. Тот, кто сегодня, комфортабельно расположившись в вагоне-ресторане, едет в поезде из Дар-эс-Салама через Табору в Лисанзу у озера Виктория и разглядывает из окна окрестности, даже не подозревает, что вся земля здесь пропитана кровью и усеяна костями тысяч рабов, которых бичами гнали по этой бесконечной дороге и которые, не выдержав, обессиленные, падали и умирали, что земля эта напоена слезами матерей, у которых отнимали детей и кормильцев.

Все больше европейских и американских судов (до постройки Суэцкого канала) огибало Африку, чтобы попасть в Восточную Азию. Поэтому один из арабских правителей Занзибара, Саид бин-Султан, стал из предосторожности заключать договоры (в 1833 году с Соединенными Штатами Америки, затем с Англией, Францией и, наконец, в 1859 году с Германией), по которым эти страны обязывались соблюдать монополию султана и не покупать на побережье Танганьики слоновую кость и каучуковую смолу. Его интересовала исключительно эта сторона дела, а не вопрос господства во внутренних областях страны. Однако жестокая работорговля и погоня за слоновой костью завлекали арабов все дальше в глубь Черного континента. Так, некто Саид бин-Хабиб бин-Салим Сафифи, покинув в 1850 году город Занзибар, вернулся туда лишь спустя 16 лет. За это время он трижды добирался до Луанды на западном берегу Африки и, таким образом, первым, задолго до Стэнли, пересек материк.

Рассказы таких путешественников, разумеется, возбуждали безудержное любопытство европейцев. Две причины заставили нас в прошлом столетии проникнуть в глубь Африки: стремление обратить «несчастных невежественных негров» в христианскую веру и желание исследовать эти незнакомые страны; торговлей стали заниматься уже потом, тогда же возникла и алчность.

Первым таким исследователем был французский морской офицер по фамилии Мезан. Ему пришло в голову отправиться в путь именно в сезон дождей; кроме того, у него с собой были такие роскошные ящики с провиантом, что не успел он отойти 80 километров от побережья, как был убит.

Глазами, полными изумления, рассматривали в 1848 году два немецких миссионера — Иоганн Ребманн и Людвиг Крапф — снежные вершины Килиманджаро.

«У этих двух миссионеров полностью отсутствовали какие бы то ни было физические данные, необходимые для подобных путешествий»,— пишет один англичанин.

Вряд ли они обладали и необходимыми для этого научными знаниями. Крапф таскал с собой ружье, с которым вечно случались какие-то неожиданности. Вьючные животные из его каравана то и дело удирали. Самым примечательным предметом из его снаряжения был зонтик, под которым он и его люди спали в плохую погоду. Этот зонтик, если его внезапно открыть, мог сослужить в пустыне и другую службу: однажды таким способом удалось отогнать льва, а в другой раз насмерть перепугать банду грабителей, пустившихся наутек.

Рассказы этих людей о больших озерах, возле которых они побывали, вызывали недоверие и любопытство профессиональных географов. Поэтому вскоре, в 1857 году, туда отправились англичане Ричард Бёртон и Джон Спик, которым принадлежит открытие озера Танганьика. Оставив больного Бёртона в Таборе, Спик продолжал свой путь в глубь страны и в августе 1858 года достиг крупнейшего озера Африки. Он дал ему название озеро Виктория. Оно в 130 раз больше Боденского[1], на его территории могла бы свободно разместиться вся Ирландия. Бухта в этом озере со стороны национального парка Серенгети названа именем этого знаменитого исследователя. Когда Бёртон в Таборе услышал сообщения возвратившегося коллеги о том, что из озера Виктория вытекает Нил, он в этом усомнился. Поэтому Спику пришлось отправиться туда вторично, уже в 1860 году, на этот раз в сопровождении Джеймса Огастеса Гранта, имя которого сейчас носят красивые большие газели, живущие в нашем парке. В июле 1862 года оба путешественника стояли как зачарованные перед огромными водопадами, которыми Нил начинает свой бег из озера Виктория.

Еще в самом начале своего путешествия они встретили на побережье гамбуржца Альбрехта Рошера. «Разжалованный» ко-

---

[1] Озеро на границе ФРГ, Австрии и Швейцарии.— *Прим. пер.*

роль Людовик Баварский снабдил его деньгами «для поисков внутриафриканских озер». По-видимому, денег было негусто, поскольку Рошера сопровождали всего двое слуг и двое носильщиков. И тем не менее его вскоре убили, польстившись на его жалкий скарб. Власть султана Занзибара была в то время еще настолько значительной, что по его приказанию убийцу изловили и доставили для наказания к побережью.

Рошер считал себя первооткрывателем озера Ньяса. Однако еще за несколько недель до него к этому озеру по реке Замбези поднялся миссионер и исследователь Ливингстон. С 1866 по 1869 год Ливингстон продолжал двигаться дальше в глубь страны вдоль берегов озера Танганьика. Когда он спустя три года вернулся назад в Уджиджи, то напоминал «мешок с костями». Велико было его разочарование, когда он узнал, что часть заказанного им провианта расхищена, а часть находится за 400 километров, в Табора. И что важнее всего — из Европы не было никакой почты.

Поскольку в Европе в течение пяти лет о нем не было ни слуху ни духу, газета «Нью-Йорк геральд» в 1870 году выслала на его поиски репортера Генри Мортона Стэнли. Однако Стэнли удалось тяжелобольного исследователя довезти только до Табора. Дальше Ливингстон ехать отказался. Более того, он не изъявил никакого желания возвращаться в Европу, а, наоборот, передохнув, отправился в новую экспедицию для обследования восточного берега озера Танганьика. Во время этой экспедиции однажды утром его нашли мертвым: он умер, стоя на коленях возле своей кровати. Двое преданных ему африканских слуг доставили его тело и все его бумаги и инструменты на побережье. Вестминстерским аббатством Ливингстон причислен к наиболее выдающимся людям нации.

В 80-х годах в район озера Виктория направился немецкий врач доктор Г. А. Фишер. Однако на безлюдной восточной стороне озера, где расположен и Серенгети, было так трудно с пропитанием, что вскоре после возвращения он слег и умер. Добросовестным исследователем был и англичанин Джозеф Томсон, по имени которого названы красивые желто-черно-белые газели.

Томсон и Фишер долгое время оставались последними настоящими исследователями Восточной Африки. Все, кто направлялись туда позже, как правило, имели тайные побочные цели.

Хотя немецкие торговцы уже в 1840 году появились в Занзибаре, а немецкие исследователи, такие, как Рошер и Карл фон дер Деккен, первыми проникли в Танганьику, в Германской империи только в 1884 году возникло «Немецкое колониальное общество», которое всячески пропагандировало приобретение колоний. По поручению этого общества доктор Карл Петерс и граф Пфайль в составе небольшой группы под вымышленными именами выехали из Триеста в Занзибар. Несмотря на то что там их ждала телеграмма от Бисмарка, который предупреждал, чтобы они не рассчитывали на поддержку германского правительства,

они все же занялись составлением контрактов с местными вождями племен. Те должны были подписаться под заявлением, в котором говорилось, что они не считают себя подданными султана Занзибара. Началось настоящее состязание с генералом Ллойдом Мэтьюзом, которого султан направил в ту же местность с отрядом из 180 солдат. Вожди высказывались то за Петерса и немцев, то за Мэтьюза и султана. Один из них даже заявил, что отдаст предпочтение тому, у кого будет красивее материя на флаге... Большинство этих «вождей» на самом деле были лишь чем-то вроде «деревенских старост», родственниками настоящих правителей племен.

Когда Петерс с папкой договоров вернулся в Берлин, Бисмарк под давлением общественного мнения полностью изменил свою точку зрения и предоставил «Немецкому колониальному обществу» императорскую охранную грамоту для вновь приобретенных территорий. Напрасно султан Занзибара заявлял, что он держит там уже несколько гарнизонов,— немецкая эскадра быстро заставила его признать эти территории немецким протекторатом.

А Карл Петерс тем временем предпринял новую тайную поездку, на сей раз в Уганду, где он снова занялся сбором подписей. Вернувшись на побережье, он узнал, что на этот раз зря старался: Бисмарк и британское правительство за это время поделили сферы влияния в Африке и Уганда досталась Англии. Была создана комиссия, состоящая из англичанина, немца и француза, в которой султан Занзибара даже не был представлен; ей поручили обследовать, что, собственно, входит во владения султана. Англия порекомендовала султану отказаться от земель вокруг Килиманджаро в пользу Германии. В обмен за Гельголанд Германия в 1890 году признала английскую опеку над Занзибаром. 1 января 1891 года Германское государство взяло на себя управление новым протекторатом Танганьика под названием Германская Восточная Африка.

Наполненное до отказа кладбище бенедиктинцев в Дар-эс-Саламе свидетельствует о том, что новая колония потребовала немало жертв от немцев, которые хлынули в нее мощным потоком.

Уже в 1888 году начались первые мятежи. Это было еще тогда, когда немцы по поручению султана Занзибара взимали пошлину на побережьях. Предводитель мятежников Бушири вначале держался даже по-рыцарски: он сам спас епископа от гнева разъяренной толпы и под надежной охраной переправил его и пять европейских женщин на побережье. Но бои становились все ожесточеннее, пришлось из Португальской Восточной Африки подтянуть на помощь войска имперского комиссара фон Виссманна, состоящие из египтян и зулусов. Виссманн взял крепость Бушири и подавил мятеж. Предводителя нашли полураздетым и умирающим от голода в одной из хижин. Закованного в цепи, его привезли в Пангани, где 15 декабря 1889 года он был повешен.

Восстание хехе под предводительством вождя Мквавы было

уже куда опаснее. Мквава взимал пошлину со всех караванов, проходящих через его владения. Это привело к стычкам с новой германской администрацией.

Кончилось тем, что лейтенант фон Зелевски выступил с отрядом из 1000 солдат против могущественного африканского вождя. Мквава решил пойти на мировую и выслал им навстречу делегацию с подарками. Однако то ли по недоразумению, то ли еще почему-либо по делегации был открыт огонь; единственный оставшийся в живых человек вернулся к Мкваве и поведал о несчастье.

Тогда вождь устроил засаду и убил 260 африканских и 10 немецких солдат, добыв при этом 300 винтовок, 3 орудия и много боеприпасов.

Мквава продержался вплоть до 1898 года, пока новый немецкий губернатор не назначил за его голову награду в 5 тысяч рупий. Это возымело действие. Молодой парень, которого немцы взяли в плен, сознался, что он слуга Маквавы, и выдал его, сказав, что его господин, тяжелобольной, лежит в лесу на расстоянии трех часов ходьбы от этого места. Майор Меркл действительно обнаружил в указанном месте две фигуры, лежащие на земле. Он сейчас же выстрелил одной из них в голову. Это был действительно Мквава, но давно уже мертвый и застывший. Оказывается, он задолго до этого умертвил выстрелом в живот своего старого слугу, а затем и себя самого.

Отрубленную голову этого знаменитого вождя послали в Германию в один из исторических музеев. А туловище народ хехе захоронил с большими почестями. Эта народность продолжала его оплакивать и отпевать в каждую годовщину его смерти. Когда страна попала под британское владычество, первой ее просьбой было вернуть голову знаменитого вождя. Но германское правительство ответило, что этой головы в Германии нет.

После второй мировой войны губернатор Танганьики взялся уладить это дело. Он связался с директором музея в Бремене. Доктор Хельмут О. Вагнер, мой добрый знакомый, тут же согласился выдать пробитый пулей череп. Таким образом, спустя полстолетия, в 1953 году, голова погибшего вождя была возвращена его народу. Адам Запи, внук Мквавы, выслал директору музея в знак благодарности целую коллекцию очень ценных этнографических предметов.

Другим великим борцом освободительного движения был вождь Зики. Когда его победили, он вместе со всей семьей заперся в пороховом складе и взорвался.

Карл Петерс, который, собственно говоря, и заставил Бисмарка объявить Германскую Восточную Африку протекторатом, был назначен главным имперским комиссаром области вокруг Килиманджаро. Однако вскоре оттуда в главную администрацию в Дар-эс-Саламе стали поступать дурные вести. Из уст в уста передавали, что там творятся бесчинства — грабежи, побои и запугивание населения. Самая страшная весть касалась одного молодого африканца, повешенного якобы за кражу сигарет; на самом

же деле поговаривали, что вся вина его состояла в том, что он осмелился посетить одну из наложниц Петерса.

В 1893 году Петерса отозвали и после трех лет непрерывных расследований лишили полномочий «за злоупотребление служебным положением».

Одним из самых крупных немецких колонизаторов, широко прославившимся своими многочисленными политическими авантюрами, был Эмин-паша. Он родился в Оппельне в 1840 году, и звали его тогда Эдуард Шнитцер. Он изучал медицину и в Албании, куда позже поехал работать, принял ислам, то есть перешел в мусульманскую веру. Тогда-то его и переименовали в Эмина. В 1876 году он поступил на службу к египтянам, где стал сначала эфенди, затем поднялся до бея и в конце концов стал пашой. Вскоре он перестал заниматься врачебной практикой: его назначили губернатором южной провинции Судана. Я уже рассказывал, как недавно мы с Михаэлем в столице этой провинции Джубе справляли рождество у ее теперешнего африканского губернатора.

Как только началось грозное восстание Махди, Эмин-паша бежал в Центральную Африку, и долгие годы после этого о нем ничего не было слышно. Когда его наконец обнаружил там Стэнли, он не пожелал с ним уйти, а перешел в Восточную Африку и нанялся на службу к немцам. Губернатор Виссманн послал его в 1890 году в район озера Виктория, чтобы не допустить там засилья англичан. Вместе с ним отправился доктор Франц Штульманн, крупный специалист в области этнографии, зоологии, ботаники и астрономии. Кроме того, его сопровождали капитан Вильгельм Ланхельд и немецкий ефрейтор по фамилии Куне.

В октябре 1892 года на территории бывшего Бельгийского Конго арабские работорговцы перерезали Эмину-паше горло. Они, оказывается, не могли ему простить, что он, мусульманин, работает на христиан.

В официальном справочнике, выпущенном несколько лет назад британскими властями Танганьики, перечисляются бесконечные восстания, происходившие в начале немецкого владычества, и поясняется, что Германия была последним европейским государством из числа тех, которые старались захватить колонии. Поэтому все мероприятия проводились в спешке; первыми колониальными чиновниками были преимущественно офицеры, состоявшие до того только на европейской службе. Но некоторые немецкие чиновники, безусловно, по-настоящему интересовались народом, которым им приходилось управлять, и относились к нему с симпатией и дружелюбием.

В 1905 году распространился слух, что в одном из притоков реки Руфиджи живет чудовище. Вода, с которой соприкасается это животное, якобы целебна и лечит от болезней, голода и других неприятностей, безразлично, выпьешь ли ее или побрызгаешь себе на голову. Вскоре к реке началось настоящее паломничество, которое, разумеется, не вызывало никаких подозрений у немецкой администрации.

Однако спустя некоторое время стали ходить слухи, что чудодейственная вода заставляет европейские ружья вместо пуль стрелять водяными струями или что пули при попадании отскакивают от тела и скатываются по нему в виде капель воды. Даже если таких чудес не произойдет, все равно каждый убитый, попивший перед смертью целебной воды, встанет через три недели целым и невредимым.

Правда, «непробиваемым» новым повстанцам не хватало такого вождя, как Бушири или Мквава. Кроме того, им приходилось изготовлять пули из телеграфной проволоки и стрелять осколками от бутылок. Но, несмотря на это, с 1905 по 1907 год они причиняли колониальной власти немало хлопот.

Это новое огромное восстание вызвало большие опасения в Германии, тем более что только перед этим пришлось подавить мятеж гереро в Юго-Западной Африке. Когда же в довершение всего был убит епископ бенедиктинцев Касьян Шпис, германское правительство выслало в Восточную Африку подкрепление — два легких крейсера, роту морской пехоты и цветных солдат с Меланезийских островов Тихого океана. В разразившейся войне погибло около 100 тысяч человек, в основном из-за голода: урожай был уничтожен, а скот угнан.

После этих больших восстаний в Германии было создано имперское колониальное управление. Его первым министром стал доктор Бернгард Дернбург, директор Дармштадтского банка. Он прежде всего отправился лично ознакомиться с состоянием дел в протекторатах и, после того как объездил их вдоль и поперек, в феврале 1908 года доложил финансовой комиссии рейхстага: «...плантаторы настроены воинственно по отношению ко всем —ко мне самому, к правительству, к местным чиновникам и, конечно уж, к местному населению. Производит крайне неприятное впечатление, когда такое множество белых людей разгуливает с плантаторскими бичами в руках».

Он назначил вместо военной штатскую администрацию, которой, однако, суждено было просуществовать только семь лет.

За полгода до того, как началась первая мировая война, в Танганьику прибыл немецкий генерал фон Леттов-Форбек. К этому времени он уже успел пройти «огонь и воду и медные трубы» — участвовал в подавлении боксерского восстания в Китае, был ранен во время мятежа гереро в Германской Юго-Западной Африке и командовал колониальными войсками Камеруна. Словом, это был стреляный воробей.

В Танганьике под его началом было всего лишь 250 немецких офицеров и 25 тысяч африканских солдат. Против одного немецкого крейсера «Кёнигсберг» в водах Танганьики действовали три английских крейсера. Несмотря на это, немецкому крейсеру удалось дважды в открытом море при помощи вспомогательных судов пополнить свои запасы угля, утопить один английский крейсер и затем отойти в реку Руфиджи, где английские суда не могли его преследовать из-за своей низкой осадки. Пришлось срочно привозить из Англии тяжелые гаубицы, чтобы уничтожить

«Кёнигсберг» с берега. Однако вся команда корабля, захватив пушки и боеприпасы, успела сойти на берег и продолжала воевать под командованием Леттов-Форбека. Немецкие вспомогательные суда дважды прорывали береговые заслоны и подвозили оружие и боеприпасы.

Леттов-Форбек со своим небольшим отрядом то нападал на поезда, нарушая движение по железной дороге в Кении и Уганде, то нарушал покой Родезии и Бельгийского Конго. Английские войска, перевезенные из Индии, он загонял назад на корабли. Так он продержался до 1916 года.

За это время Германская Юго-Западная Африка сдалась. Оттуда в Танганьику были переброшены многочисленные войска генерала Смэтса, однако почти все его солдаты страдали малярией, так что мало чем могли быть полезны в борьбе против немцев. В ноябре 1917 года Леттов-Форбек вступил со своим маленьким отрядом в португальские владения, где в течение десяти месяцев вел партизанскую войну, затем в сентябре 1918 года внезапно появился вновь на немецкой территории и опять ворвался в Родезию. Сдался он только 25 ноября 1918 года, спустя несколько дней после того, как Германия сложила оружие.

Располагая самыми ограниченными возможностями, он сумел удержать большую часть войск союзников в Восточной Африке, мешая тем самым переброске их на другие фронты.

Местному населению, за право «охранять» которое дрались англичане с немцами, эта война европейцев принесла только горе и бедствия.

В Танганьике, как и во всем мире, тогда свирепствовала инфлюэнца, скосившая 80 тысяч африканцев. В довершение всего в 1924 году не было дождей и по обеим сторонам железнодорожного полотна можно было видеть черепа умерших от жажды, которые напрасно думали хоть здесь найти воду.

Англичане получили от Лиги наций всю Танганьику до границ королевств ватусси — Руанды и Бурунди, которые были присоединены к Бельгийскому Конго *.

Когда Танганьика находилась еще под немецким владычеством, ее население составляло примерно 3 миллиона. Поскольку нам с Михаэлем предстоит подсчет сотен тысяч животных, нам небезынтересно узнать, как в такой полудикой стране проводилась перепись населения без бюро прописки и без «загсов». Оказывается, в 1931 году вождям племен было предписано сдать четыре различных сорта семян. Черные и толстые семена означали мужчин, коричневатые зерна с двумя волосками на конце символизировали женщин, маленькие круглые зернышки — девочек, а маленькие продолговатые — мальчиков. За каждого подданного — зернышко в мешочек. Это довольно удобный метод, но, к сожалению, для зебр и гну он не подходит. При помощи такой «переписи», которая была уже, безусловно, более точной, чем прежние приблизительные оценки, новая администрация выявила уже 5 миллионов африканцев. Их число возрастает ежегодно на два процента.

Части выселенных и экспроприированных немецких поселенцев в 1925 году разрешено было вернуться. Третья империя щедро снабжала их денежными ссудами и займами, так что к 1939 году, когда разразилась вторая мировая война, в Танганьике уже жили 3205 немцев, владевших 558 фермами; британцев там было ненамного больше — всего 4054 с 499 фермами; из других европейцев там жили еще 893 грека.

Последняя перепись населения показала, что здесь живут 8,6 миллиона африканцев (следовательно, их число за последние 50 лет утроилось), 72 тысячи индийцев, 20 600 европейцев и 19 тысяч арабов *. Индийцев в большинстве случаев завезли сюда в качестве кули и вообще дешевой рабочей силы, в частности для постройки дорог. В самых отдаленных местах, где бы не выдержал ни один европеец, они пооткрывали маленькие лавчонки. Большинство индийцев живет сейчас вполне зажиточно. Торговля в основном в их руках.

Один из самых любезных среди них — британский таможенник в Аруше, который каждый раз проверяет наши документы и пожитки. Он неподкупен и корректен и при этом услужлив и добросердечен. Михаэлю и мне за всю нашу жизнь не слишком часто приходилось встречаться с индийцами, так что этот таможенник, безусловно, способствовал тому, что мы теперь всех индийцев представляем себе симпатичными. Каждый человек на чужбине своим поведением может сделать для своей страны либо много хорошего, либо причинить ей немалый вред.

МЫ СЧИТАЕМ ЖИВОТНЫХ

Каждое утро я теперь бегаю наперегонки с 3 тысячами желто-черно-белых газелей Томсона.

На радиаторе нашего полосатого вездехода сверху укреплена запасная шина. Туда, в середину, я заталкиваю подушку, сажусь на нее и упираюсь ногами в запасные канистры с водой, укрепленные спереди машины, рядом с фарами. Так я сижу крепко, и при резких поворотах или остановках меня не так-то легко сбросить. Наш водитель Мгабо ездит быстро и лихо, однако при этом никогда не попадает в ямы и не допускает, чтобы какая-нибудь колючая ветка полоснула меня по лицу.

Сижу я в одних трусах. Я давно уже не боюсь экваториального солнца и в Африке зачастую не ношу даже шляпы. Горячий ветер обдает мое тело, я прямо чувствую его волны.

Несколько газелей перестают пастись и мчатся наперегонки с нами. Это заражает других. И вот уже сотни, даже тысячи хотят принять участие в этих гонках; похоже, что состязание доставляет им какое-то удовольствие. Их предельная скорость — 56 километров в час. Если не слишком гнать машину, то они стараются непременно перед самым ее носом перескочить на другую

сторону. А стройные большие антилопы импала прямо-таки принципиально считают своим долгом пересечь нам дорогу и при этом подскакивают в воздух сразу всеми четырьмя ногами.

Таким образом, мы ежедневно совершаем двухчасовую поездку от нашего алюминиевого домика до того места, где два механика привинчивают нашей подбитой «Утке» новые «ноги». Бедняги обливаются потом: здесь, в степи, где нет электричества, приходится сотни дырок для шурупов просверливать вручную. Несмотря на то что эти двое уже много лет живут в Африке, им здесь все в диковинку. Это потому, что они жители большого города — Найроби. Каждое утро они с восторгом рассказывают нам, что к самолету совсем близко подходили зебры или что ночью гиены выли прямо возле хижины. Самое большое их желание — увидеть вблизи львов. Это мы можем им устроить: достаточно только отвезти их на машине за два километра отсюда, в степь.

Глиняная сторожка, в которой они спят, в обычное время служит пристанищем для африканских служителей парка во время их обходов. У нее конусообразная соломенная крыша. Два месяца назад двое из этих отважных людей обнаружили перед ее запертой дверью кровавые пятна. Подойдя по следу, они нашли череп какой-то женщины. По-видимому, она была ранена или тяжело больна и искала убежища и защиты в домике. Однако дверь оказалась запертой, и ночью ее разорвали хищные животные. Кто она и откуда, так и не узнали.

Когда мы как-то проезжали вне границ парка в районе Икомы, нас остановил маленький мальчик и попросил о помощи. Мы взяли его в машину, и он указывал нам дорогу. Наконец мы подъехали к просторной хижине. На полу лежал тяжелораненый старик. Он громко стонал. Его родственники подложили под него бычьи шкуры. Хотя тело его и было забинтовано, но кровавая лужа под ним становилась все больше и больше. Он тяжело дышал. Возле его дома стоял африканский фельдшер, который возглавляет что-то вроде маленького госпиталя в этом районе. Он безуспешно старался починить свой пикап. Мы помогли ему поднять домкратом машину, одолжили свой насос, а Мгабо в течение двух часов латал ему шину. Односельчане старика охотно ему «помогали» — они болтали и смеялись, в то время как старик в полутьме хижины хрипел и задыхался. Когда машина была уже наконец на ходу, больной категорически отказался в ней ехать: «Не надо, дайте мне здесь умереть, в моем доме, среди моих жен!» Мы его понимали.

Старик умер несколько часов спустя на своем ложе из бычьих шкур.

Его близкие рассказали нам, что на него на пашне напал кафрский буйвол и вспорол ему бок. Тут, конечно, что-то не так. По всей вероятности, он браконьерствовал и ранил животное отравленной стрелой; кафрские буйволы ни с того ни с сего не нападают.

Мы знаем кафрских буйволов как достаточно безобидных жи-

вотных. У нас есть фотографии, где мы сняты прямо посреди стада буйволов. Я считаю, что они ничуть не опаснее наших домашних быков и коров, которые тоже время от времени нападают на людей, ранят их или даже убивают.

Майлс Тернер, лесничий западной половины Серенгети, в прошлом был профессиональным охотником. Я решил у него справиться насчет агрессивности кафрских буйволов. Майлс задумался, подсчитал что-то в уме и ответил:

— Ну, примерно восемьсот или девятьсот буйволов я за свою жизнь уже застрелил.

Подвергался ли он при этом особой опасности?

— Нет. Может быть, только один раз. Буйвол был ранен. Он убегал дважды или трижды, стараясь спрятаться в кустарнике. Но мы опять и опять выгоняли его оттуда. Наконец ему это надоело и он перешел в наступление.

Примерно в двух километрах от нашего лагеря, на горах Банаги, рабочие занимались изготовлением «кирпичей»: слепив из глины четырехугольные блоки, они клали их сушить на солнце. К сожалению, выбранная ими для этой цели площадка оказалась местом постоянной стоянки старого буйвола. Тот и не подумал уступить его ради каких-то там кирпичей, погрузил копыта прямо в мягкую, еще не застывшую массу и упрямо встал под дерево, под которым привык дремать в полуденный зной. В национальном парке стрелять нельзя, так что пришлось терпеливо ждать, пока ему надоест там стоять и он уйдет.

Никогда нельзя предвидеть, что придет в голову такому буйволу. 14 дней назад мы, приземляясь, пролетели очень низко над домом Майлса и при этом побеспокоили стоящего поблизости буйвола. Тарахтящее в воздухе чудовище настолько вывело его из равновесия, что он начал выделывать дикие прыжки и в гневе бросился в атаку на... куст.

Между домом лесничего и нашей алюминиевой сторожкой ежедневно проходят куда-то четыре буйвола. Один кажется слепым или почти слепым: он следует всем движениям своего молодого спутника и всегда держит голову возле самого его бока.

Другой старый и подслеповатый буйвол уже два месяца как стал угрозой для велосипедистов, проезжающих по дороге из Банаги в Икому. Он почти ежедневно стоит под деревом примерно в 50 метрах от дороги и, как только появляется велосипедист, припускается за ним. Из-за этого к нашим бо́ям стали гораздо реже приезжать гости из Икомы, а те, которые прорываются, рассказывают такие жуткие истории про этого старого кафрского буйвола, что волосы на голове встают дыбом.

Африканские студенты из Высшего инженерного училища в Кампале обычно на четверть года выезжают на практику в национальный парк королевы Елизаветы *, чаще всего на строительство дорог. Один из них ехал в субботу домой и вез на багажнике своего приятеля. По дороге они потревожили спящего буйвола, тот разозлился и погнался за ними. Хотя велосипедист изо всех сил жал на педали, тем не менее буйвол его догнал и

уже приготовился боднуть. Но в это время сидящий на багажнике студент со страху нахлобучил ему на глаза свою шляпу. Буйвол опешил, отскочил в сторону и убежал.

Когда в стране начинается чума рогатого скота, случается, что больные кафрские буйволы ведут себя совершенно иначе, чем обычно. Тогда они могут и неожиданно напасть; бывали даже случаи, когда они бросались на автомашины. Что касается храбрости, то им ее не занимать. Случается, что буйвол поддевает рогами нападающего льва и пробуравливает хищника насквозь. Растерзанного льва потом при случае могут съесть крокодилы.

Как-то маленькое стадо кафрских буйволов вступило в драку с двумя львами, которые только что убили двух гну и собирались ими позавтракать. Буйволы отогнали львов от добычи и не подпускали их к ней в течение часа; за это время грифы ухитрились почти ничего от нее не оставить.

У кафрских буйволов есть общая черта со слонами: они не оставляют раненых собратьев в беде. Они толкают их мордами, понуждая встать. В отличие от носорогов, бегемотов и жирафов, которых уложить относительно легко, буйволы довольно стойко борются за свою жизнь. Если в них не очень удачно попали, они могут еще долго бегать, прячась где-нибудь в зарослях, и напасть на преследующего их охотника. В этом-то некоторые люди и видят особое «коварство» и «злобность» кафрских буйволов...

Долго провисела наша «крылатая зебра» на блоке под треножником из ошкуренных деревьев. Но вот она опять обрела собственные крепкие «ноги», на которых может мчаться по степи, чтобы затем подняться в небо. Все остальные повреждения тоже исправлены. Мы предлагаем обоим механикам участвовать в нашем пробном полете. В конце концов ведь это они снова поставили нашу «зебру» на ноги и кому, как не им, лучше знать, можно ли ей довериться. Но они вежливо отказываются. Ведь один из них поклялся никогда больше не садиться в самолет, а второй тоже предпочитает остаться на земле и поехать на автомобиле. Подойдя к машине, я замечаю, что Михаэль не привинтил сиденье для второго пилота. Неужели он намеревается лететь один? Я спрашиваю его об этом. Он отвечает:

— Если что-нибудь случится, хотя бы один из нас должен остаться в живых, иначе мы все затеяли напрасно.

Я вскипаю, между нами начинается своего рода поединок. Михаэль осмеливается еще и дерзить:

— Ты ведь знаешь, что только пилот имеет право решать, брать ли с собой пассажиров или нет.

Ну это уж слишком! Я взбешен. Обычно это случается с отцами, когда сыновья пытаются ими командовать. Но кругом стоят посторонние люди, и я не хочу, чтобы они что-нибудь заметили.

Зато когда Михаэль в своих шортах цвета хаки наклоняется, чтобы поднять и поставить в самолет канистры с водой, я разма-

хиваюсь и изо всех сил отвешиваю ему шлепок по соответствующему месту. Эта неделикатная привычка отвешивать друг другу шлепки, причем в самый неожиданный момент и в самом неподходящем месте, укоренилась у нас с давних пор. Тщетно наши жены старались нас от этого отучить. Со временем я развил очень сильный и ощутительный удар. На этот раз шлепок мне показался особенно удачным. Во всяком случае рука моя прямо-таки горит. Михаэль же, как всегда, делает вид, словно он ничего не почувствовал. Ни о чем не догадывающиеся гости часто страшно пугаются, когда нечто подобное случается между нами посреди, казалось бы, совершенно мирной беседы. Они не знают, что в такие минуты мы особенно хорошо понимаем друг друга.

Так и сейчас. Сопротивление сломлено. Мы ввинчиваем второе сиденье для пилота и медленно катим по степи, чтобы найти ровную взлетную площадку, затем даем газ; слышится знакомое урчание, и мы оставляем наших друзей далеко внизу, на земле.

Все идет отлично. Так бывает всегда, если ждешь какой-нибудь неприятности. Настоящие же удары судьбы обрушиваются на нас неожиданно, как гром с ясного неба.

Вчера рано утром мы связались по нашей полевой рации с полковником Моллоем, директором национального парка, проживающим в Аруше, и попросили его отрядить сюда из Найроби маленький самолетик из тех, что берутся напрокат. Он должен доставить домой обоих механиков с их инструментами. Тот, кто не хотел больше летать, на этот раз скрепя сердце все же согласился.

Такие переговоры через парковый радиопередатчик — дело отнюдь не простое. Наши сотрудники во Франкфурте всегда удивляются, что мы им телеграфируем только по-английски. А вы попробуйте через хрипящее радио, которое все время трещит, визжит и грохочет, передавать по буквам немецкие слова, о значении которых принимающий даже не догадывается. Однажды директор парка сам взял на себя труд передать нам по буквам текст полученной немецкой телеграммы. Она содержала больше 100 слов, и передача заняла почти два часа. И все же нам с Михаэлем после этого пришлось просидеть еще целый вечер и под вой гиен разбираться в этом словесном винегрете.

На этот раз нам передали, что одно место будет занято дамой. Это нас страшно возмутило. Значит, пилот нанятого нами самолета собирается притащить с собой жену или какую-нибудь приятельницу! В конце концов ведь мы оплачиваем машину и имеем право использовать в с е места.

Но наш гнев оказался напрасным. Из маленького самолетика «Цессна» вылез один только пилот, правда женского пола.

Выздоровление нашей «зебры» решено было обмыть. Мы приглашаем в гости всех лесничих с их женами и в темноте перед нашим алюминиевым домиком устраиваем настоящий глинтвейн с «огненными языками». Михаэлю велят встать на колени. Гордон Харвей ударяет его по плечу плоской стороной масайского

меча и преподносит ему маленькую полосатую лошадку с двумя крыльями.

Госпожа Харвей вырезала этого Пегаса из жести, разрисовала и приложила к нему грамоту:

«Крылья Серенгети,
которыми награждается
Михаэль Гржимек.

От служащих восточного и западного Серенгети и их жен за его заслуги в области низких полетов и в знак признательности за высокий полет его души, его бережное отношение к жизни людей и животных, за его готовность каждого отвезти в любое время в любое место, за то, что он улыбается, когда мы злимся, за то, что он никогда не жалуется, а прежде всего за все его неоценимые заслуги в деле охраны диких животных».

Вечер грозит стать слишком уж торжественным; у Конни Пульман уже слезы навертываются на глаза. Тогда я, чтобы спасти наш веселый праздник, добавляю Михаэлю еще один «рыцарский удар», но уже сзади, когда он склоняется в поклоне.

Глинтвейн получился очень крепким и ударил всем в голову. «Пушечный выстрел», который раздается внезапно по металлической крыше, чуть не опрокидывает всех на пол. Это Герман решил нас напугать. Михаэля ловят, вяжут и опоясывают желтым нейлоновым ошейником. Такими ошейниками мы метим зебр. Забыв о том, что воду здесь надо беречь, гости начинают поливать друг друга, и вскоре все промокают до нитки. Во время фейерверка Михаэль обжигает себе руку. Когда наконец Пульманы с двумя механиками отъезжают, Герман незаметно ставит на крышу их джипа, прямо против верхнего выходного люка, таз с водой. Во время езды вода постепенно выплескивается, заливая пассажиров, но те в пьяном благодушии воображают, что идет дождь.

На другой день Конни сказала мне с восторгом: «It was a wonderful party, like Christmas Eve!» (Какая была чудесная вечеринка, прямо как на рождество!)

Сначала меня такое заявление несколько озадачило, но потом я вспомнил о нашем рождественском вечере в Джубе и о том, что англичане справляют рождество несколько своеобразно.

Какая красота иметь собственный домик вот так, прямо посреди степи! Даже если он только из алюминия. Иной раз в Европе, когда в пасмурный зимний день спешишь на работу или когда нам до чертиков надоедят наши европейские собратья, мы вспоминаем с тихой грустью бескрайние зеленые волны Серенгети и нашу вторую родину на Африканском континенте, наш серый алюминиевый домишко в окружении львов и зебр. Он столь мал, что с воздуха его не так-то легко найти. Для этого нужно все время лететь вдоль берегов реки Серонеры, пока не наткнешься на гору Банаги. И тут уж вы его обязательно увидите в просвете между редкими деревьями.

Пола в нашем домике нет: листы алюминия свинчены шурупами, и все это сооружение, словно опрокинутая крышка коробки от торта, поставлено прямо на голую землю. А это значит, что можно не подметать! Пол покрыт слоем тончайшей, чуть красноватой пыли. Поэтому перед сном лучше не разглядывать собственные пятки, особенно тогда, когда с водой туговато. Да и в голове чесать не рекомендуется: ногти сразу же приобретают траурную каемку. Мы с Михаэлем часто задаем себе вопрос, что сказали бы наши жены, если бы увидели все это.

По ночам в комнате прохладно, а в полдень становится ужасно жарко, но мы ведь днем никогда не бываем дома. Наши бóи там тоже не сидят; они готовят в открытом сарайчике из рифленой жести, стоящем в нескольких метрах от дома.

Однажды ночью наш «бушбэби» ускакал через открытую дверь наружу. Я думаю, что у него не было намерения нас покинуть, но кто знает, что вдруг может приключиться с таким маленьким существом. Тут ведь и змеи водятся. Мы слышим, как он скачет снаружи вдоль стены, намереваясь, видимо, проникнуть через одно из окон назад в дом. Но окна зарешечены. Тогда мы берем два больших фонаря и идем его ловить. Но этот маленький чертенок решил поиграть с нами в «кошки-мышки». Он обнаружил рядом с домом дерево и вмиг забрался на самую верхушку. Сидя в пяти метрах над крышей, он смотрит на нас. В луче карманного фонаря его прекрасно видно, ведь в это время года на дереве нет ни единого листочка. Мы зовем, осторожно швыряем камешками, но беглец не трогается с места. Тогда я сажаю Михаэля себе на плечи, он влезает на крышу и длинной палкой ударяет по суку, на котором сидит «бушбэби». Раздается мягкий шлепок — зверек падает на крышу. Такому прекрасному прыгуну это, слава богу, никакого вреда не причинило.

Не так-то просто прокормить этого пассажира, проделавшего вместе с нами 10 тысяч километров — из моего рабочего кабинета во Франкфурте до степного домика в Серенгети. Поскольку мучных червей в Серенгети не купишь, мы вынуждены для нашего маленького питомца ловить кузнечиков. А это гораздо сложнее, чем может показаться на первый взгляд. Этих кузнечиков чрезвычайно трудно отличить от кусочков засохшей травы. Обнаружить их можно, только когда они скачут. Но даже если вы уже уверены, что накрыли одного из них шляпой, одеялом или просто рукой, всегда оказывается, что он успел в последний момент удрать.

Постепенно нам удалось освоить два способа охоты на кузнечиков. Либо надо точно заметить, куда он прыгнул, и медленно, сантиметр за сантиметром приближаться к тому месту, пока рука не окажется прямо над ним (такие медленные движения кузнечики, по-видимому, не могут заметить), либо надо брать этого попрыгунчика измором — идти за ним следом, пока он не сделает подряд 40, 50, 60 прыжков и наконец устанет. Нашим бóям поручено ежедневно ловить дуду, как здесь зовут кузне-

чиков, и складывать в стеклянную банку из-под конфитюра, чтобы мы вечером могли увидеть, сколько штук им удалось поймать. Кроме того, наш «бушбэби» не отказывается и от сухого печенья с сыром и любит совать свой нос в банки с вареньем.

В нашей хижине зверьку живется привольно и вольготно, потому что вдоль стены мы нагородили, один на другой, пустые ящики открытой стороной наружу. Они служат нам полками. Туда мы складываем запасы своих продуктов. На одну полку — пакетики с сухими супами, на другую — овощные консервы, на третью — мясные консервы и грозди свежих бананов, которые должны еще дозреть; потом идет полка с капустой, апельсинами и яблоками. У нас ведь свой самолет, и через каждые два дня мы можем подвозить свежие продукты из Найроби или Аруши.

Кроме того, у нас есть «сверхмодный» холодильник, разумеется, не электрический, а керосиновый. Так что мы можем делать здесь самое настоящее мороженое, правда, для этого нам приходится каждый раз переводить нашему старательному повару африканцу Дезузе способ приготовления, написанный на банке: он ведь не знает английского языка.

Симпатичный человек этот повар — интеллигентный и способный. Мы еще ни разу не видели, чтобы он медленно расхаживал, вечно бежит рысцой.

— Бвана мкубва [1] ест черный хлеб, чтобы не пополнеть. Я тоже не хочу стать толстым, оттого и бегаю — так он объясняет свою вечную спешку.

«Бвана мкубва» на суахили означает «большой господин». Так повар величает только меня. Михаэля и временных наших жильцов и помощников он и все африканские слуги зовут просто по имени.

Но между прочим, «бвана мкубва» — титул, по-видимому, не особенно высокий: я слышал, как африканцы при случае так обращались и друг к другу.

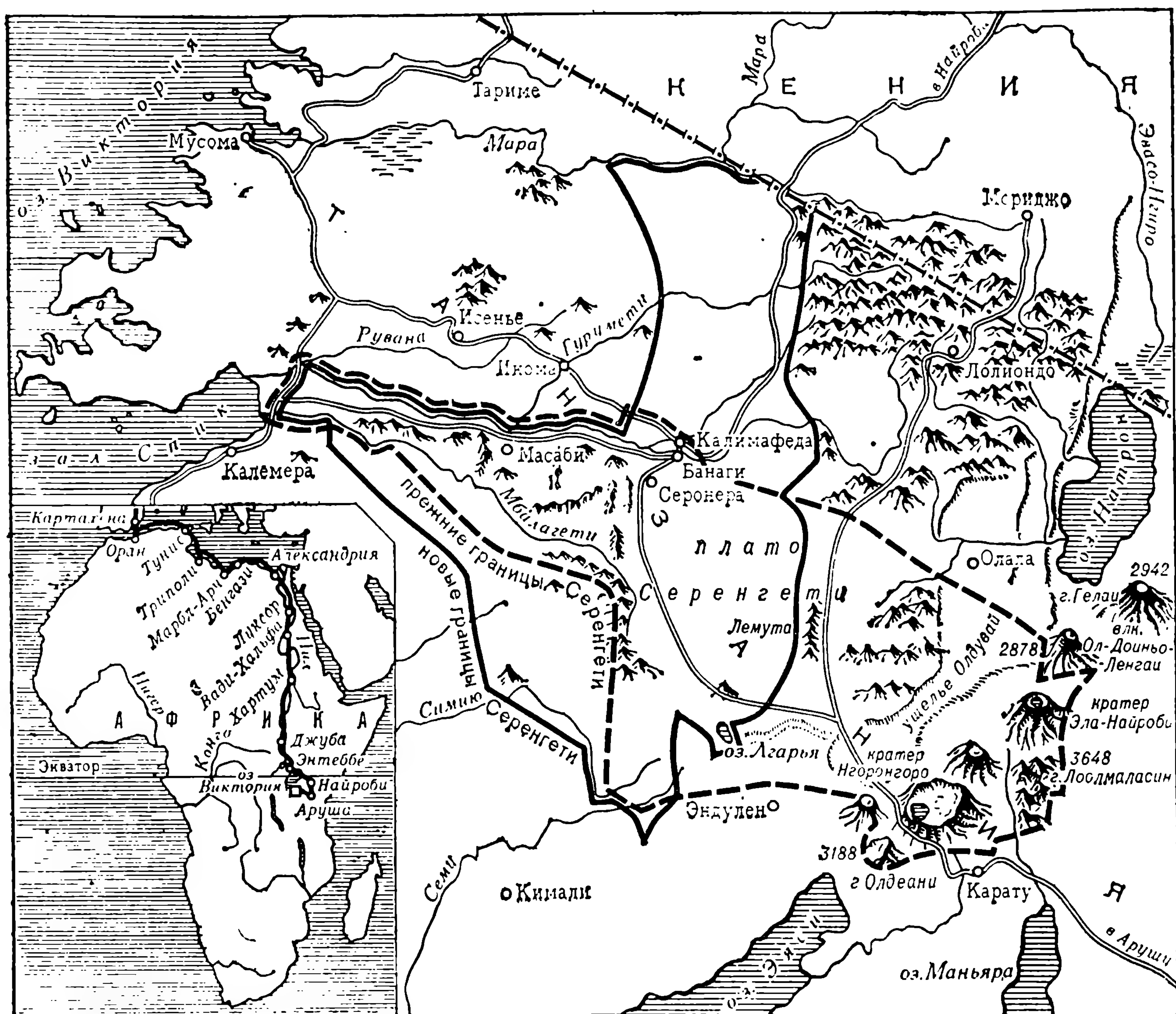
Когда наш холодильник перестает как следует работать, его нужно выключить, оттаять и — о чем, наверное, не слышала ни одна домашняя хозяйка — поставить вверх ногами. В таком перевернутом положении он должен простоять целый день. Но однажды и это не помогло.

Мы заметили, что и керосиновые фонари, изготовленные в ФРГ, которыми, между прочим, пользуется половина Африки, тоже что-то стали плохо светить. Ведь обычно у них яркий свет; раньше их вешали над торговыми рядами на ярмарках. Такая лампа обходится довольно дорого, но для долгих темных вечеров в Африке она совершенно незаменима.

Когда погасли последние тусклые язычки пламени, Михаэль снял фитили и вставил новые. Но тщетно он старался подливать спирт для предварительного обогрева горелки — все старания были напрасными: лампы не горели.

---

[1] Бвана мкубва (bwana mkubwa — суахили) — господин, руководитель, высокопоставленное лицо.

Национальный парк Серенгети *

Потом мы все-таки докопались до причины. Все объяснилось очень просто: новый продавец из индийского магазина в Икоме продал нам вместо керосина целую канистру средства для уничтожения насекомых. На этом деле он явно здорово проторговался, но мы удивлялись, как эта пакость вообще могла гореть, и были рады, что он нам не всучил вместо нее бензин. Здесь ведь все наливают в одинаковые канистры. Несколько месяцев назад в Кении кто-то не то по недосмотру, не то по глупости налил в керосиновые лампы бензин и при взрыве сгорел.

На «ящичных» полках вдоль стен лежат и наши книжки, фото- и киноаппараты, пишущие машинки, веревки, инструменты. Это напоминает индийскую лавку в Африке.

«Бушбэби» может прыгать и скакать сколько ему влезет по всем полкам, а также по тем вещам, которые мы подвешиваем за крючки к потолку, чтобы они не валялись повсюду.

Когда мы сидим за столом, он прыгает по нашим головам и забирает себе с тарелок все, что ему понравится. Вечером его нужно сажать в закрытый ящик, иначе он будет всю ночь возиться, карабкаясь по москитным сеткам. Но поймать его не так-то просто. Например, ящик с медикаментами и термометрами он считает своей штаб-квартирой. Если попытаться его там

схватить, он сейчас же укусит за палец. Поэтому я должен дождаться момента, когда этот маленький бесенок захочет со мной поиграть. Тогда он нападает на одну из моих рук, становится на задние лапки, широко растопыривает передние, ругается и дерется со всеми моими пятью пальцами. При таких обстоятельствах его можно незаметно пересадить в его домик, и он на это не обидится.

Я боюсь, что теперь ко мне опять начнут поступать письма от многих людей с просьбой привезти им такого «бушбэби». Поэтому я считаю своим долгом открыть и теневую сторону содержания такой забавной игрушки. Дело в том, что у этих животных есть неприятная привычка опрыскивать мочой собственные лапы, растирать ее по шерсти, а потом прямо этими же мокрыми лапами лезть кому-нибудь в лицо. Кроме того, все стены и мебель пропитываются резким запахом, и, если в комнате невозможно держать окна открытыми, начинает дурно пахнуть.

Несколько раньше я говорил о реке Серонере. Надо сказать, что она оживает только в сезон дождей; в это время действительно иногда приходится по нескольку дней пережидать, пока появится возможность пересечь этот бурный поток на машине. В сухое же время года, то есть с июня по октябрь, это лишь высохшее русло, в котором только кое-где остаются бочажки с водой. Туда-то и приходят на водопой все животные, а семьи персонала, живущие в хижинах вокруг тернеровского дома, стирают в них белье, черпают из них воду для домашних нужд и ежедневно моются в них с мылом с головы до ног. Можно себе легко представить, как выглядит и пахнет эта непроточная вода.

Мы привозим эту жидкость в больших железных бочках на машине, и бои стирают в ней наше белье. В этом кроется причина, почему в африканских тропиках лучше носить желтую одежду или цвета хаки. Наше нижнее белье, по идее белое, с каждой стиркой все больше желтеет. Когда мы его «чистым» привозим с собой во Франкфурт, наши супруги брезгливо берут его двумя пальцами и бросают в грязное белье.

Как следует отстирать тут что-нибудь можно только дождевой водой, а ее очень мало. В Банаги и Серонере эту воду во время дождей по специальным трубам отводят с крыш в подземные зацементированные резервуары. Туда же по зацементированным канальцам стекает вода с ближайших холмов. Эти резервуары запираются на замки и засовы. Нам оттуда выдается только одна бочка воды в неделю для готовки пищи и для чистки зубов. Из предосторожности мы ее пропускаем еще и через бактериальный фильтр. Но как-то я застал поваренка Ямбуну набирающим воду не через фильтр — так, дескать, «быстрее».

Над этим Ямбуной нам приходится то плакать, то смеяться. То он стоит возле кипящих яиц и глубокомысленно глядит на

песочные часы, забыв их предварительно перевернуть; то в воде из-под яиц он заваривает чай, приобретающий подозрительно синевато-зеленоватый оттенок. Так как он боится львов, мы каждый вечер вынуждены отвозить его на машине до домиков, где спят другие слуги. Вечно мы его пичкаем пилюлями, потому что он подвержен приступам малярии. Нам давно бы следовало с ним расстаться, да уж очень мы к нему привязались.

Все бои любят таскать сахар, да и спички тоже исчезают с поразительной быстротой. Наш повар смеясь рассказывал нам, как его отучила от этой скверной привычки прежняя хозяйка, у которой он мальчишкой обучался готовить. Несмотря на то что его ни разу не поймали на месте преступления, она все же в конце месяца вычла из его жалованья деньги за один фунт сахара.

«Откуда она знает?» — недоумевал он.

А объяснялось все очень просто: его хозяйка ежедневно сажала в сахарницу живую муху. Часа через два муха исчезала — значит, Дезуза опять открывал крышку сахарницы!

Однажды вечером мы сидели при свете фонаря за столом перед нашим домиком. Внезапно до нас донесся стук копыт, и не успели мы вскочить, как в лагерь ворвался взрослый гну и остановился как вкопанный, не добежав двух метров до нашего стола. Мы, разумеется, вскочили и заорали, а животное вытаращило на нас глаза, потом повернулось и убежало прочь. Не успели мы сесть, как опять послышался топот, и гну вторично вынырнул из темноты. На этот раз странное животное не добежало до стола только полметра. Мы замахнулись на него своими куртками, и оно снова исчезло в темноте. С нас довольно. Мы выносим из дома ракетницу и ждем его возвращения. Гну не заставляет себя долго ждать. На этот раз топот приближается с неимоверной быстротой, нагоняя на нас непонятный ужас. «Гну-призрак» появляется в третий раз, но теперь опрокидывает стулья, чудом не сворачивает стол, проносится мимо нас и с громким плеском прыгает в бочажок позади дома.

Нам так и не удалось узнать, какой бес вселился в этого гну.

Наконец лесничие парка застрахованы в Лондоне в качестве пассажиров самолета; теперь нам с Михаэлем можно приниматься за перепись четвероногого населения Серенгети. Для этой цели мы поделили наше огромное «государство» на 32 района, каждый из которых обследуется отдельно. Это дело отнюдь не простое, потому что у нас нет настоящей карты местности, мы располагаем лишь схемой, на которой большинство рек и холмов даже не обозначено. Расстояния тоже не совпадают. Поэтому нам приходится запоминать границы каждого района либо по какой-нибудь особенной скале, либо по высохшему речному руслу, либо по какому-нибудь вулкану, маячащему на горизонте. А там, где и это не удается, мы сбрасываем бумажный пакет с известкой — пакет лопается, и получается белая метка.

Михаэль все время за пилота. Ему надо чертовски внимательно следить, чтобы оставаться точно над выбранным районом и, не отклоняясь от курса, летать все время туда и обратно, отмеривая равные полоски.

Мы летаем по компасу точно с востока на запад и обратно; при здешнем постоянном восточном ветре он для нас всегда либо попутный, либо лобовой, так что нас не заносит вбок. Как правило, мы летим на высоте 60—100 метров. С такой высоты хорошо просматриваются 500 метров территории с каждой стороны, легко различить животных и даже выделить молодняк. Обычно кроме Михаэля в самолете сидят еще два «счетчика», одним из которых неизменно бываю я. Мы оба смотрим в одну сторону, чтобы затем сравнить, что у каждого получилось. Это необходимая страховка от ошибочных подсчетов. Каждый из нас держит на коленях разграфленный листок, в котором указано 20 наиболее важных видов животных.

Когда под нами пусто или время от времени пробегает лишь одинокая гиена или группа страусов, мы летим со скоростью 220 километров в час. Если же внизу животных много, Михаэль выпускает закрылки, и мы замедляем свой полет до 50 километров в час. Однако в здешнем горном воздухе часами этак не полетаешь: может перегреться мотор. Каждый из наших «счетчиков» должен научиться с высоты правильно определять полосу шириной 500 метров. Для этого мы в Банаги отметили равные отрезки территории побеленными известью камнями и для начала совершили с дюжину пробных полетов вместе с нашими помощниками, чтобы они научились определять нужное расстояние. В конце каждой полосы следует крутой вираж, а это у непривычных людей часто отражается на желудке.

Благодаря хорошей видимости Михаэль сразу же может замедлять полет, как только впереди показываются какие-нибудь животные. Так километр за километром мы и «прочесываем» степь Серенгети и высокогорье с исполинскими кратерами.

В районы, где ведется подсчет, мы прилетаем из Банаги, а вечером возвращаемся домой. Можно себе представить, какие огромные расстояния нам приходится покрывать и сколько безумно дорогого бензина расходовать. Бензин нам привозят из-за океана. Его переправляют по железной дороге через всю Танганьику к озеру Виктория, затем снова погружают на пароход, а уж после этого на грузовиках (когда дороги проходимы) развозят по нашим опорным пунктам. С каждым километром стоимость его повышается, и чаще всего канистры и бочки прибывают наполненными лишь до половины... Вот так вместе с этим бензином и улетучивается все наше состояние...

Интересно, что думают степные животные о такой грохочущей в воздухе «зебре»? Одиночно пасущиеся антилопы конгони, гну, топи и зебры почти не обращают на нее внимания. Однажды мы не смогли приземлиться лишь потому, что один самец томми не соблаговолил встать и уйти. Небольшие же группы животных, состоящие из 5—15 зебр или гну, наоборот, как пра-

вило, при появлении нашей машины отбегают в сторону, но не дальше чем на 100 метров. Часто они спешат пересечь нам дорогу, так же как они это делают с автомобилями.

Большие стада, состоящие более чем из 50 животных, убегают значительно дальше, подчас за многие сотни метров, потом останавливаются и глядят нам вслед. Отсюда, сверху, нам прекрасно удалось проследить, отчего это происходит: отдельные особенно пугливые животные внезапно бросаются бежать, увлекая за собой все остальное стадо. Чем больше гну пасется вместе, тем больше вероятность, что среди них найдется одно или несколько животных с особо чувствительными нервами,— потому-то большие стада чаще удирают, чем маленькие группы или отдельно пасущиеся животные.

Газели обычно сохраняют полное спокойствие; убегают они только тогда, когда мы спускаемся совсем низко, на высоту 20—10 метров от земли, причем делают они это очень своеобразно, совсем не так, как большие гну и зебры. Эти малютки стремительно разлетаются в разные стороны и, петляя зигзагами, удирают. Наверно, такой способ помогает сбить с толку нападающего на них орла.

Даже тогда, когда мы выключаем мотор и спускаемся в планирующем полете, зебры все равно нас замечают уже на высоте 50 метров. Жирафы, стоящие под деревьями, никак не реагируют на самолет; к ним вообще можно подлетать совсем близко: в лучшем случае они отбегут метров на 50, не больше. Точно так же обстоит дело и со страусами. Чаще всего они распускают хвост и крылья и начинают танцевать воинственный танец — наверное, хотят нагнать страху на врага. Павианы же спасаются на ближайших деревьях.

Труднее всего подсчитать огромное стадо гну, этак в 5 тысяч голов, потому что при снижении самолета они начинают беспорядочно бегать в разные стороны и в такой момент действительно напоминают растревоженный муравейник. Заметив издали такое скопление, мы сейчас же резко набираем высоту. Ведь наша прекрасная «Утка» способна подниматься кверху почти так же круто, как лифт. Там, наверху, мы уже совершенно спокойно кружим над стадом и прикидываем примерную его численность. Заодно устанавливаем, куда оно направляется, чтобы не посчитать его вторично в другом районе.

Часто мы находимся в воздухе три часа подряд. Это не такто просто — беспрерывно обшаривать глазами землю, боясь чтонибудь пропустить, да при этом еще подсчитывать в уме и запоминать, чтобы в удобный момент быстро занести в блокнот. Перерывов нам делать нельзя, потому что с тремя или четырьмя пассажирами на борту мы не хотим приземляться и взлетать в неприспособленных для этого местах.

Вскоре я замечаю, что мы уже даже во сне начинаем бормотать цифры. Однажды вечером мне показалось, что у меня от вечного гула что-то случилось с ушами: в них что-то свистело, гудело и жужжало. Но когда я приподнял подушку, то об-

наружил под ней малюсенький транзистор, который потихоньку подложил мне Михаэль. Его дала нам с собой одна фирма, чтобы мы его опробовали в Африке. Он очень чувствителен, однако здесь почему-то принимает только шорохи, помехи и завывания.

В ту ночь мне приснилось, будто мы с Михаэлем летим над Брюсселем, откуда мы прежде часто отправлялись в Бельгийское Конго. Внезапно глохнет мотор. Пытаясь элегантно приземлиться на узкой улочке, мы повисаем на крыльях меж двух проводов. Одно крыло при этом ломается. Наши пассажиры (я даже не знаю, кто они такие) выбираются наружу, и один из них говорит: «Никогда больше не соглашусь летать на этом драндулете!» Мы выгружаем свой скарб, и вдруг из одного ящика выползает габунская гадюка и кусает меня. Михаэль бежит в ближайшую аптеку. «Змеиной сыворотки у нас нет,— говорит ее владелец,— но я сейчас же выпишу ее из Парижа...»

Сыну в ту ночь тоже снился самолет. Как будто Михаэль на нашей новой машине въезжает в какой-то ангар, ворота которого недостаточно широко открыты. Оба крыла обламываются, и он остается сидеть в этом обрубке.

Таким образом, мы летаем не только с утра до вечера, но еще и ночью... в кровати.

Грифы и другие хищные птицы, сидящие на земле возле какой-нибудь падали, завидя нас, обычно не трогаются с места. Зато к летящим птицам мы сами должны относиться с величайшей осторожностью. Аисты и хищные пернатые всегда только в самый последний момент уступают дорогу самолету. До них, видимо, не доходит, с какой бешеной быстротой летит такая металлическая птица.

Поскольку мы, «счетчики», должны все время смотреть на землю, Михаэлю одному приходится следить за тем, чтобы не столкнуться с птицами. Он держится от них подальше, так как мы знаем, что столкновение даже с небольшой птицей означает нашу неминуемую гибель. Господин Реппле, наш летный инструктор, однажды чуть не разбился, потому что дикая утка со всего размаха врезалась в крыло его самолета, пробила в нем глубокое отверстие и так там и осталась.

Если сарычи и грифы парят где-то в стороне от нашей воздушной трассы, они не проявляют ни малейшего страха, а лишь очень внимательно наблюдают за самолетом. Это объясняется тем, что в воздухе у них, по-видимому, нет врагов. Поскольку мы всегда их быстро обгоняем, мне часто кажется, что они летят задом наперед.

Бегущие по степи большие кафрские дрофы при нашем внезапном появлении обычно прижимаются к земле и сильно вытягивают вперед шею. При этом они голову поворачивают так, чтобы одним глазом наблюдать за самолетом. В такой странной позе эти птицы обычно отбегают куда-нибудь в сторону и только очень редко поднимаются на крыло. И наши европейские аисты, которые как раз в это время здесь зимуют, и красивые

венценосные журавли отлетают в сторону от нашего самолета не больше чем на 20 метров даже в тех случаях, когда мы держимся на высоте всего лишь 40 метров.

Хотя я почти всегда сидел слева, а остальные «счетчики» сменяли друг друга справа, итоговые цифры показали, что с правой стороны животных оказывалось примерно столько же, сколько с левой. До нашей «переписи» все время считалось, что в Серенгети живет еще более миллиона крупных животных.

Нам же во время наших многочисленных полетов удалось подсчитать:

газелей (Gazella thomsonii thomsonii и Gazella granti robertsi)	— 194 654
гну (Connochaetus taurinus albojubatus)	— 99 481
зебр (Equus burchellii boehmi)	— 57 199
антилоп топи (Damaliscus korrigum eurus)	— 5 172
антилоп канн (Taurotragus oryx pattersonianus)	— 2 452
импала (Aepyceros melampus melampus)	— 1 717
кафрских буйволов (Syncerus caffer aequinoctialis)	— 1 813
конгони (Alcelaphus buselaphus cokii)	— 1 285
жирафов (Giraffa camelopardalis tippelskirchii)	— 837
водяных козлов (Kobus defassa raineyi)	— 284
аистов (Ciconia ciconia)	— 178
антилоп бейза (Oryx beisa callotis)	— 115
слонов (Loxodonta africana)	— 60
лошадиных антилоп (Hippotragus equinus langheldii)	— 57
носорогов (Diceros bicornis bicornis)	— 55
страусов (Struthio camelus massaicus)	— 1 621

Следовательно, в общей сложности в национальном парке Серенгети обитает 366 980 крупных животных. Возможно, их и больше на какой-нибудь десяток тысяч: может быть, мы кого-нибудь и пропустили. Но все равно это составляет только треть того, что предполагали. Однако и приведенные цифры показывают, что животных здесь огромное множество. Но смогут ли они и дальше здесь существовать? Хватит ли корма в долинах, горах и кустарниковых степях парка для того, чтобы сохранились эти последние гигантские стада? Мы уже и сейчас не раз встречали стада гну за пределами парка. А теперь его еще собираются урезать и передвинуть границы. И ведь никто не в состоянии проследить за путями кочевок целых армий гну и газелей, никто не ездил за ними вслед, никто не знает, куда топают эти сотни тысяч копыт. Мы полны беспокойных предчувствий *.

КАК ПОКРАСИТЬ ЗЕБРУ В ЖЕЛТЫЙ ЦВЕТ?

Сегодня нам предстоят серьезные дела. Но прежде всего я вспоминаю за завтраком, что у нас нынче «пилюльный день». Поскольку на этот раз мы прибыли в Африку в четверг, значит, каждый четверг должны проглатывать по две пилюли резохина. Герман полагается на свой настенный календарь, в котором он

каждое утро вычеркивает по одному дню, и утверждает, что еще только среда. Он спорит со мной на бутылку джина и, разумеется, проигрывает ее, так как упускает из виду, что у меня на руке швейцарские часы, показывающие не только число, но и день недели и какая сегодня луна. Во время экспедиции все это зачастую важнее знать, чем время суток.

Резохин горький, как желчь, но ничего не поделаешь — глотать надо. Один из двух механиков, которые недавно чинили наш самолет, год назад внезапно слег. Ему пришлось пять недель проваляться в больнице с тяжелейшей малярией. Живя постоянно в городе Найроби, где малярия практически ликвидирована, он и не подумал принять профилактические таблетки, когда вылетел к озеру Виктория, где надо было поменять пропеллер у самолета, потерпевшего аварию. Во время наших первых поездок в Африку Михаэлю и мне приходилось принимать еще атебрин, от которого все тело постепенно становилось желтым.

— Ямбо, бвана.— Четырнадцатилетний мальчик, появившийся в дверях, хочет продать нам четыре яйца. Мы вежливо отказываемся, так как предпочитаем привозить свежие яйца самолетом из Найроби. Тогда юноша объясняет, что он хочет нам п о д а р и т ь эти яйца. Ну, разумеется, нам не хочется оставаться в долгу, и мы тоже делаем ему подарок, намного превышающий стоимость яиц. Яйца, как выяснилось потом, все оказались тухлыми.

Между прочим, сегодня мы отправляемся ловить зебр. Ведь теперь нам известно, что у нас в Серенгети 367 тысяч подопечных, и среди них 57 тысяч «тигровых лошадок», то есть здесь только наполовину меньше лошадей, чем в конюшнях у всех крестьян Швейцарии, вместе взятых. Теперь нам с Михаэлем хочется узнать, как нашим полосатым лошадкам живется здесь, в степи. С самолета нам этого никогда не удастся выяснить. Мне хочется привести один пример. В наших записях за прошлый год 25 января помечено, что большие стада гну ведут себя крайне странно. Дойдя до небольшого обмелевшего ручья шириной не больше 60 сантиметров и, может быть, 20 сантиметров в глубину, они долгое время бегут вдоль берега до какого-то определенного места, где гуськом переходят его вброд. Между тем они могли бы запросто пересечь такой ручеек в любом месте. Более того, когда над ними пролетаешь в бреющем полете и они бросаются бежать, то возле такого ручейка создается толкучка, животные не решаются его перейти, разбегаются в разные стороны вдоль берега, а еще охотнее поворачивают назад. Четыре недели спустя Михаэль приписал на полях: «Ерунда!» Дело в том, что за это время мы успели сходить к этому «ручейку». Оказалось, что на самом деле он достигает в глубину двух метров, а в ширину — шести. Трава, казавшаяся нам сверху совсем обычной, была полуметровой и даже метровой высоты.

Так и с зебрами. Откуда нам знать, то ли самое стадо мы видели вчера у холма Лемута, которое пасется сегодня в 40 ки-

лометрах от него? Да и те ли самые зебры пасутся в национальном парке в декабре, что паслись здесь в июле?

Теперь мы заняты именно тем, что изыскиваем способ пометить отдельных зебр и целые стада, чтобы их потом можно было узнать. А это не так просто.

Добрых советов мы получаем предостаточно: рыть западни, подсыпать усыпляющие средства в питьевую воду. Но я ведь ветеринар и прекрасно знаю, как долго любая лошадь будет терпеть жажду, прежде чем решится выпить такую подозрительную бурду, и как важно точно знать дозу такого снотворного. Если животное выпьет слишком много, то погибнет, а доза, рассчитанная на зебру, окажется пагубной для других видов животных, которые приходят пить из того же бочажка. Во время сезона дождей водоемов повсюду много, так что неизвестно, куда сыпать, да и в сухое время пришлось бы развозить усыпляющее средство целыми центнерами.

Но есть в Восточной Африке, а именно в соседней Кении, несколько отличных ловцов зверей. Самого опытного среди них, Кэрра Хартли, я знаю много лет. В последнее время он, правда, уже редко отлавливает животных, потому что сейчас зоопарки сами разводят таких обычных степных животных, как зебры, гну и наиболее часто встречающиеся виды антилоп, и не платят за них тех больших денег, что раньше. Зато он теперь постоянно держит на своей ферме полуприрученных львов, леопардов, гиен, кафрских буйволов и жирафов, чтобы американские и немецкие кинокомпании могли снимать свои приключенческие фильмы без особой затраты времени и лишних хлопот.

Один из лесничих парка Серенгети, Гордон Пульман,— сводный брат Кэрра Хартли, он много лет работал вместе с Кэрром. Один палец его правой руки до сих пор не сгибается, и вот почему. В одно прекрасное воскресенье к Кэрру прибыл американец, которому понадобилось срочно отснять кадры борьбы леопарда с африканцем. Разумеется, речь шла о не совсем взрослом леопарде, к тому же приученном играть со своим служителем-подростком. Заснятые на пленку, эти игры выглядели потом страшно опасными.

Но Кэрр Хартли по воскресеньям не работает. Американцу же очень жаль было потерянного времени, поэтому он стал все больше и больше набавлять цену, пока Хартли наконец не смягчился и не дал своего согласия на съемки. Поскольку паренек, обслуживающий леопарда, был в церкви, его пришлось заменить другим. Но этот бой не очень-то доверял леопарду, ему вдруг стало страшно, и он бросился бежать. Животное настигло его в два прыжка, схватило зубами за шиворот, а когтями разодрало грудь. Подоспевший Гордон сунул в пасть хищнику все пять пальцев и затолкал ему его собственные губы меж зубов. Леопарду волей-неволей пришлось разжать клыки, но зато когтями он все сильнее впивался в кожу мальчика. Киношники побоялись вмешаться. Подбежавший наконец Кэрр Хартли был вынужден

застрелить этого ручного леопарда. А мальчика пришлось зашивать в больнице.

Гордон невероятно смелый парень, но он ничуть этим не кичится. Его жена Конни родом из Лондона. Как-то, уже после долголетнего знакомства, она мне призналась, что я с первой же минуты, сам того не подозревая, завоевал ее сердце. А дело в том, что, зайдя в их столовую, я сказал, что удивляюсь, какие у них чистые и блестящие полы — на них прямо есть можно.

— Знаешь ли,— призналась она мне потом,— вот так хозяйничаешь год за годом посреди степи, и никто не замечает, сколько приходится возиться, чтобы содержать кухню и комнаты в чистоте. А тут вдруг приезжает этакий знаменитый профессор из Европы и нахваливает твои полы...

При этом глаза доброй Конни наполнились слезами.

Что мы только не вытворяли с Гордоном Пульманом за рулем нашего полосатого вездехода! Носились со скоростью 50—60 километров прямо по степи, по высокой траве. Гордон либо обладает шестым чувством, либо у него особый ангел-хранитель, во всяком случае он никогда не угодит колесом в какую-нибудь нору, отчего обычно сразу ломается ось, и не врежется в термитник.

Вот, к примеру, сейчас он едет рядом с большим страусом-самцом. Эта громадная птица, высотой два с половиной метра, в беге, шутя и играя, делает трехметровые шаги. Гордон едет именно с такой скоростью, которая позволяет мне со своей фотокамерой «Практисикс» все время оставаться на одном уровне с бегущей птицей и спокойно снимать ее обыкновенным объективом с выдержкой $^{1}/_{1000}$ секунды. Михаэль снял с петель дверку и лежит на животе, привязанный веревкой. Он проводит рапидную съемку, с помощью которой потом можно будет тщательно проследить все движения бегущей птицы. Спидометр показывает 50 километров в час, страусу этот бег наперегонки, по-видимому, не составляет особого труда; когда через 22 минуты мы останавливаемся, он продолжает бежать еще два километра, значит, он никоим образом не выбился из сил. У страусов, должно быть, исключительно выносливые сердца.

У них и мужественные сердца. Недавно мы встретили страуса и страусиху с восемью птенцами. Гиена надумала одного из них утащить. Началась дикая суматоха, визг и писк; страус взял на себя охрану потомства, а страусиха смело погналась за гиеной и бежала за ней добрый километр. Через два дня мы опять встретили то же семейство, но на этот раз с ними было уже только шесть птенцов.

В другой раз мы видели, как пара страусов неподвижно стояла посреди голой, выжженной степи, распустив крылья. Оказалось, что они таким способом создавали тень для своих детей.

Если вы будете наблюдать за убегающим страусом, может случиться, что он внезапно исчезнет из поля вашего зрения. Если пойти вслед за ним, то можно увидеть, что он сидит где-нибудь,

прижавшись к земле и вытянув вдоль нее шею. Отсюда, наверное, произошла сказка о птице страусе, которая прячет голову в песок и думает, что ее не видно. Первыми об этом написали древние арабы, а уж за ними через все века повторяли римские и прочие составители книг. Чаще всего таким образом ложатся на землю молодые страусы. Когда же к ним приближаются, они мгновенно вскакивают и стремглав убегают.

Страусы умеют громко трубить, реветь и даже рычать, как львы. Для этого они набирают полный рот воздуха и с силой проталкивают его в гортань, которая при этом заметно расширяется. Клюв и пищевод наглухо закрываются, так что воздух не может выйти или проникнуть в кишечник. Их голая красная шея раздувается, словно баллон, и они испускают глухой рев, который, по-видимому, для других страусов и страусих должен означать: сюда не ходить — здесь моя резиденция!

Когда страус влюблен, он ведет себя не менее странно, чем мы в аналогичном состоянии. Страус в таких случаях садится на свои длинные ноги, ритмично бьет крыльями, запрокидывает голову назад и трется затылком о собственную спину. Шея и ноги у него в это время бывают ярко-красного цвета. Нам такое поведение самой крупной птицы на Земле кажется весьма комичным, но молоденькие страусихи отлично понимают, что он этим хочет сказать. Они кокетливо убегают, а он семимильными шагами мчится за ними вслед.

У древних египтян страус служил символом справедливости. Они заметили, что только у страусиного пера опахала, расположенные по обе стороны стержня, имеют равную ширину. У любой другой птицы перья всегда имеют узкую и широкую сторону, то есть разделены «несправедливо». Уже древние египтяне заметили, что страусовые перья могут служить прекрасным украшением для шлемов, и, до тех пор пока только рыцари средневековья украшали ими свои головные уборы, диких страусов вполне хватало. Но когда в прошлом столетии эти перья вошли в моду у дам, страусы оказались в самом плачевном положении. В Аравии и Персии их давно уже всех истребили; в Северной Африке, севернее Сахары, сегодня можно найти в лучшем случае лишь скорлупу от страусиных яиц, оставшуюся от прежних времен...

Охотились исключительно на самцов, что наиболее пагубно для вида. На страуса-самца ложится очень много обязанностей по продолжению рода. Он настоящий, заботливый отец. Для начала он роет себе ямку в песке и садится в нее. Самки кладут яйца прямо ему под нос, и он закатывает их клювом под себя. «Папаша» насиживает яйца с раннего вечера до позднего утра, так что «мамаше» приходится сидеть на гнезде значительно меньше. Мы и по сегодняшний день не знаем точно, живут ли страусы на воле моногамно или у каждого самца несколько самок. Во всяком случае, когда самцов отстреливают и их становится все меньше, самки чуть ли не дерутся за последних оставшихся в живых. В таких случаях насиживающему самцу кладут

под нос столько яиц, что в конце концов перед ним образуется целая гора, которую он не в состоянии прикрыть своим телом. В результате ни один птенец не вылупляется.

Страусы только потому избежали полного истребления, что люди научились разводить их в неволе.

Подобная же судьба постигла и тех животных, мех которых входил когда-либо в моду: шиншиллу, нутрию, черно-бурую лисицу и норку.

Только по наблюдениям на страусиных фермах и еще больше в зоопарках мы знаем теперь, как страусы размножаются. Первая такая ферма была создана в 1838 году в Южной Африке, а поскольку цены на перья все росли, вслед за ней были организованы и другие — в Алжире, Сицилии, Флориде, даже в Ницце на юге Франции.

Добиться размножения страусов в неволе совсем не так трудно, если только предоставить им для этого достаточно места. Ограда должна быть не ниже двух метров, иначе страус с разбегу запросто может ее перескочить. Взбешенного страуса следует серьезно опасаться. Он может ударить человека своей сильной двухпалой ногой прямо в лицо и отшвырнуть на несколько метров. До первой мировой войны за хорошего производителя платили до 30 тысяч марок. Если в 1840 году из Южной Африки вывозили только тысячу килограммов перьев, то в 1910 году это число выросло до 370 тысяч. Перья у самцов не выдергивают, а аккуратно срезают у самого основания. Перья самок не в ходу, однако, когда у этих птиц вырезают яичники, у них появляется такое же оперение, как у самца.

Страусиное яйцо весит от 1,5 до 2 килограммов, следовательно, столько же, сколько 25—36 куриных яиц. Скорлупа такая толстая, что скорее напоминает черепки фарфоровой посуды. Остается только удивляться, как птенцу страуса, вылупляясь, удается самостоятельно раздавить столь твердый футляр.

Не только вывести, но и вырастить маленьких страусят в европейском зоопарке удалось лишь однажды, а именно в Базеле несколько лет назад*. Птенцов базельцы вывели так же, как это делается на страусиных фермах,— в инкубаторе, но из вылупившихся 11 страусят в живых остались только два, и то лишь потому, что к ним приставили постоянную служительницу, которая все время занималась с ними и научила их клевать пищу.

Маленькие страусы растут как грибы — каждый день на один сантиметр. Как только страусята начинают твердо стоять на ногах, они сразу же принимаются исполнять те же самые сумасшедшие танцы, что и взрослые страусы: они внезапно срываются с места, бегут без всякой видимой цели, затем начинают кружиться на одном месте, бьют при этом крыльями и под конец садятся на землю. Вид нашего полосатого самолета тоже часто вдохновляет страусов Серенгети на подобные дикие пляски.

Маленькие страусы, которых в Африке часто искусственно выращивают в домашних условиях, настолько привязываются к людям, что следуют за ними как преданные собачонки. Когда

семья отправляется купаться, маленький страус бесстрашно плавает между людьми, словно утенок.

Здесь, в Серенгети, страусы приступают к насиживанию в сентябре, а на рождество уже бегают по степи со своими цыплятками. Надеемся, что нашим 1600 страусам, живущим в Серенгети, никогда не придется пережить того, что выпало на долю страусов Юго-Западной Африки. Незадолго до первой мировой войны там было решено строжайше охранять этих птиц из-за дороговизны их перьев. Во время войны ни у кого не было особой надобности в них стрелять; а поскольку страусовые перья за это время вышли из моды, то после войны пришли к выводу, что этих птиц расплодилось слишком много, и разрешили их свободный отстрел.

Сейчас же нашлись предприимчивые люди, которые стали их преследовать на автомобилях и отстреливать пачками. После одной только такой прогулки они зачастую возвращались с четырьмя-пятью сотнями страусов, кожа которых шла на изготовление бумажников и дамских сумочек. 100 и даже 150 килограммов мяса, которые дает такая птица, никого не интересовали, особенно когда такому страусу было уже около 30 лет. Поэтому их разлагающиеся туши валялись по всей окрестности, а гиенам и грифам не под силу было сразу справиться с такой неожиданной благодатью...

На человеческую любовь и доброжелательность и без того не очень-то можно полагаться. Если же при этом они еще приходят в противоречие с кошельком или дамской модой, то могут легко перейти в свою противоположность. Поэтому-то нам так и хочется, чтобы здесь, в этих просторных саваннах, где люди все равно не могут посеять хлеб, животные жили в полной независимости от нас. Приехав сюда, в Серенгети, наши внуки и внуки африканцев когда-нибудь смогут увидеть, какой была Африка до того, как европейцы навязали ей христианство, работорговлю, пулеметы и автомобили.

Но пока что сегодня утром мы собрались ловить зебр и малевать их в разные цвета. В просторной долине реки Груметн, окаймленной редколесьем, пасутся 50 или 60 зебр и не обращают никакого внимания на наш полосатый вездеход. Прямо посреди лужайки лежит мертвый, еще теплый детеныш жирафа... Никаких следов ранения не видно, непонятно, отчего он мог умереть.

Михаэль направляет машину в сторону шести зебр, пасущихся отдельно. Те настораживаются, поднимают голову, поворачивают к нам свои уши, а затем галопом удирают. Однако догнать их на машине не представляет особого труда.

На крыше вездехода притаился Гордон Пульман с длинной бамбуковой палкой в руках. На конце у нее сделана зарубка, в которой укреплена петля из толстой пеньковой веревки. Михаэль ведет машину так, чтобы зебра бежала все время рядом с радиатором. Я высовываюсь со своей фотокамерой в окошко, и круг-

лый зебриный зад заполняет всю матовую пластинку. Веревка должна попасть под подбородок зебры и затем скользнуть ей на шею. Но нам приходится изрядно попотеть с этим делом, потому что наша машина все время подпрыгивает, скользит и спотыкается в траве, так что мы без конца стукаемся головой об обшивку; ветер колышет петлю, а зебра все время отклоняется вправо. Поворачивать же мы можем только плавно: при резком торможении Гордон слетел бы вперед, под самые колеса. При крутом повороте его может сбросить вбок, а привязать себя он не захотел — это могло бы создать при аварии еще большую опасность.

Наконец петля на голове зебры. Михаэль очень осторожно тормозит, чтобы она не соскочила с шеи. Гордон спрыгивает, мы за ним; все хватаемся за веревку, а жеребец, сопротивляясь, тянет нас за собой. Но наконец он останавливается. Тут-то мы его хватаем и мажем краской.

Нам казалось, что окраска зебры в красный или зеленый цвет не представит особой сложности. Судя по головкам наших дам, искусство окраски волос достигло весьма высокого уровня. Но тут нас ждали нежелательные сюрпризы. Оказывается, для того чтобы женские волосы сохранили красный или лиловый цвет, их надо специально парить или травить. Простым полосканием, мытьем или припудриванием никакой долговечности достигнуть невозможно. Мы советовались с самыми опытными специалистами лакокрасочной промышленности, но и они не могли нам подсказать, как «холодным» способом покрасить зебру. Лошадиная шерсть очень короткая, поэтому ни о каких «горячих» операциях не могло быть и речи, даже если бы мы возили с собой парикмахерский салон на колесах... Таким образом, нам пришлось вернуться все к той же испытанной пикриновой кислоте, которая окрашивает кожу и волосы в ярко-желтый цвет.

Прочнее всего она, кажется, окрасила наши руки и штаны; зебры могут утешаться тем, что не они одни пожелтели. Однако ярко-желтый цвет спустя некоторое время становится грязно-бурым, а после линьки вместо желтых волос вновь вырастают белые. Мы придумали уже кое-что новое, но оно пока еще находится по дороге к нам в Африку. А сегодня нам надо проверить, как остальные зебры будут относиться к такому ярко-желтому родичу. Не станут ли они считать его «прокаженным», избегать или даже кусать? Тогда нет никакого смысла их метить.

Мы отпускаем крашеного жеребца на волю, следуем за ним на почтительном расстоянии и наблюдаем в полевые бинокли, как он присоединяется к своему стаду. Прогонят ли его? Укусят ли? Ничуть не бывало. Зебры ведут себя так, словно он отроду был таким желтым. Прекрасно, это поможет нам в дальнейшем.

Обычно уже после трех — пяти минут бега загнанная зебра начинает задыхаться и вынуждена бежать медленнее. И все же, несмотря на это, со второй, которую мы загоняем, дело что-то не клеится. Она все время ускользает от нас среди деревьев. Хотя стволы и далеко отстоят друг от друга, тем не менее какой-ни-

будь из них то и дело преграждает нам дорогу. Михаэль никак не может подобраться поближе к беглянке.

Тогда Гордон с Михаэлем решают поменяться местами. Я, между прочим, против того, чтобы мой сын изображал из себя ковбоя на сильно качающейся крыше машины, тем более что свои услуги предлагает и Мгабо. Однако Михаэль настаивает на своем:

— Ты ведь понимаешь, папа, что дела, связанные с какой-либо опасностью, нельзя всегда перекладывать на других.

Ну ладно, я сдаюсь. Теперь мы гоняемся за молодой кобылкой. Она ловчее предыдущего жеребца. Каждый раз, когда петля ложится ей на лоб и съезжает ниже глаз, она сейчас же опускает голову чуть не до земли. Михаэль стучит нам сверху, мы останавливаемся. Оказывается, запуталась веревка, ее привязывают заново. Мы снова быстро догоняем нашу кобылку.

Внезапный толчок заставляет Гордона резко затормозить.

Михаэля швырнуло вниз с машины. В мгновение ока я возле него. «Миха!» — И тут же вижу рану у него на шее. Кровь. Михаэль почти без сознания. Мы с Пульманом осторожно приподнимаем его и прислоняем спиной к колесу. Я обследую рану. Кровоточит она не слишком сильно, но, по-видимому, очень глубока. Я боюсь, не разорваны ли дыхательное горло или какая-нибудь артерия, что может вызвать внутреннее кровоизлияние.

Михаэль заметно слабеет и бледнеет. Я поднимаю его веко, чтобы проверить, осталась ли слизистая розовой. Это было бы хорошим признаком. Но она стала серовато-белой.

Михаэль теряет сознание. Я быстро укладываю его на спину, но при этом мне приходится задвинуть его частично под машину, потому что там единственное тенистое место. Сейчас полдень, солнце стоит совершенно вертикально над нами. Гордон Пульман тем временем вскрыл пакет «первой помощи», который, к счастью, оказался с нами; обычно он всегда лежит в самолете.

Оказавшись в лежачем положении, Михаэль приходит в себя. Он открывает глаза. Первые его слова:

— Ты не забыл все записать и сфотографировать?

— Молчи, Михаэль, молчи, тебе сейчас нельзя разговаривать!

Теперь, задним числом, мне стало ясно, что, собственно, произошло. Зебра опускала голову все ниже и ниже; Михаэль со своей бамбуковой палкой тоже свешивался все ниже с крыши, пока шест при каком-то наклоне машины не уперся в землю. Он вонзился в почву, а поскольку мы продолжали ехать на полной скорости, другой его конец воткнулся Михаэлю в горло.

Удар свалил его с машины. Какое счастье, что он не был привязан, иначе шест наверняка пронзил бы его насквозь!

Но эта рана! Я с ужасом думаю о том, что в ней могло остаться. Грязь, наверняка занозы. Чего доброго, еще окажутся разорванными сухожилия.

Мы укладываем Михаэля в машину и везем к самолету. На это уходит 20 минут. Мимоходом замечаю, что высоко в развилке

дерева стоят две львицы и разглядывают нас. В другое время мы бы не преминули остановиться и их заснять.

«Ну же, ну же, езжай быстрее, Гордон Пульман (это я мысленно говорю), езжай быстрее, но осторожно. Только бы никаких резких сотрясений, только бы не это...» Но вот он тормозит уже у самого самолета.

Я подсаживаю сына, устраиваю его на место второго пилота и привязываю к креслу. Опускаю верх кабины, включаю зажигание, проверяю вспомогательный насос. С нетерпением жду, пока температура масла поднимется до должной высоты. Наконец-то!

Мы летим наискось через степь по направлению к озеру Виктория. В Мусоме есть маленький госпиталь; об индийском хирурге, который им руководит, идет добрая слава. Поскольку Михаэль не может здесь лежать, а вынужден сидеть, ему опять становится хуже. Я держу в руке штурвал и смотрю то на компас, то вперед в пространство, не заблестит ли наконец спокойная гладь озера. Одновременно я наблюдаю за Михаэлем. Его голова качается. То и дело он сползает вперед, но усилием воли заставляет себя вновь подняться. Руки его покрыты испариной.

В Мусоме я еще никогда не бывал. Следовательно, надо внимательно следить, чтобы не заблудиться при посадке среди гор и плантаций местных жителей. Михаэль чувствует мою тревогу, догадывается, что мне страшно, страшно за него; он старается мне улыбнуться и делает едва заметное движение рукой: мол, пустяки, пап!

Но я считаю минуты и молю судьбу, чтобы скорее показались озеро и Мусома...

Посадочная площадка этого городишки сверху выглядит огромной и весьма современной. Но это только кажется, на самом деле она страдает одним очень важным недостатком — она неровная. Это выясняется сразу же, как только я касаюсь колесами земли. Когда я после бесчисленных скачков наконец останавливаюсь, то рядом с машиной мгновенно вырастает африканец и протягивает мне книгу, в которой я должен отметиться. Ни слова не говоря, я бегу мимо него через площадку в поисках какой-нибудь машины. Но нигде ничего нет, все пусто и словно необитаемо.

Наконец добегаю до какого-то дома. Стучу, мне открывает молодая дама. Я с ходу кричу ей, что мне необходима машина, чтобы отвезти раненого в больницу. Она тут же принимает во мне живейшее участие. Двумя минутами позже мы уже сидим в легковой машине, правда с выбитым ветровым стеклом, но это не беда.

Индийский врач в госпитале производит очень хорошее впечатление. Он внимательно осматривает рану, качает головой и говорит, что должен немедленно подвергнуть Михаэля наркозу, чтобы проверить, что у него творится в горле. Его ассистенты-африканцы надевают белоснежные маски, закрывающие нос и рот.

Операционная, как и вся маленькая клиника, скромная, без кафельных стен, но безукоризненно чистая.

Мне предложено подождать за дверью. Проходит вечность. Наконец спустя два часа еще спящего Михаэля перевозят в палату. Тем временем приветливая сестра приготовила постель. Доктор, оказывается, вынул длинную занозу, прочистил рану и затем зашил. Михаэлю придется по крайней мере три дня пролежать в госпитале.

Я сижу возле его кровати и смотрю на него. Читать не могу. Я думаю о том, как легко все это могло бы кончиться печально, и размышляю: **«Стоит ли на самом деле из-за львов и зебр подвергать себя смертельной опасности? Ведь может статься, что правительство, не считаясь со всеми нашими заботами и хлопотами, все равно решит сократить границы парка и проложит их таким образом, что животным будет грозить неминуемое истребление».**

Вопросы, вопросы и никакого ответа.

Михаэль просыпается и настаивает на том, чтобы я шел в отель: посетители обязаны покидать больницу до десяти часов вечера.

На улице темно, фонарей здесь нет; кроме того, судя по небосводу и моим часам, сейчас новолуние. Как и в других африканских городах, дома расположены далеко один от другого, ведь здесь ездят на машинах, а не ходят пешком.

Я узнал, что единственный в городе отель находится на набережной. Однако мне пришлось основательно поплутать, прежде чем я его нашел. Ну, разумеется, в баре уже все знают, что с нами стряслось, но я слишком устал, чтобы отвечать на расспросы.

Здесь, возле озера Виктория, и по вечерам жарко, а я избалован прохладой нашего степного высокогорья в Серенгети. Принимаю горячую ванну и ложусь в постель, но никак не могу уснуть.

Утром я отправляюсь вместе с хозяином гостиницы по магазинам. Я заказываю себе у индийского портного шорты и закупаю нитки, иголки и пуговицы всех размеров. Наконец-то мы снова сможем нормально застегивать свои рубашки.

Около 11 часов я возвращаюсь в отель, чтобы отнести в больницу свежие яблоки, и обнаруживаю у себя в номере Михаэля, который, видите ли, еще недоволен, что прождал меня два часа... Это на него похоже. Он понял, что в больничных условиях все равно не вытерпит, и выписался, договорившись о том, что в течение трех дней я буду делать ему инъекции, а через неделю вытащу нитки из шва...

Спустя 20 минут мы уже летим назад, в Банаги. Из Мусомы мы сначала следуем вдоль берега до бухты Спика. В этом месте парк Серенгети подходит к самому озеру. Потом мы летим на восток через «коридор», по которому реки бегут к озеру. Берега их окаймлены узкими полосками леса, а между ними простираются серовато-зеленые просторы степей. В этой низине, заражен-

ной мухой цеце, стада животных во время засухи легче всего могут найти себе воду и пропитание.

Затем следуют возвышенности, которых нет ни на одной карте, многие из них и названий-то не имеют! Их пологие склоны поросли редколесьем, только изредка виднеются скалистые обрывы.

Мы вдоль и поперек изучили каждую из этих 300- или 400-метровых гор, потому что целыми неделями кружили над ними, обследуя их облесенные склоны.

Там, где цепочка гор кончается и открывается необозримый простор безлесной степи, мы выключаем мотор. Впереди, на горизонте, виднеется высокогорье с гигантскими кратерами — там высится Нгоронгоро. Мы же скользим вдоль склона горы Банаги и приземляемся.

Неделей позже мы уже ловим зебр в кратере Нгоронгоро. Нам надо выяснить, выбираются ли пасущиеся там стада во время сезона дождей на просторные луга Серенгети. Об этом во всяком случае с давних времен рассказывают охотники, и то же самое предполагает профессор Пирсел из Лондона, составивший два года назад очень подробное сообщение о Серенгети для правительства Танганьики. Во время сезона дождей эти стада доходят якобы до самой середины травянистых равнин, с противоположной стороны туда же устремляются стада из «коридора», и там они встречаются.

Следовательно, если уменьшить границы национального парка, то есть провести линию прямо поперек открытой степи, то диким животным из «коридора» все равно еще хватит места для свободного передвижения. Они используют в дождливые месяцы якобы только западную половину степи. Все же стада, пасущиеся в восточной половине, поблизости от гигантских кратеров, приходят будто бы из Нгоронгоро.

Никто этого до сих пор по-настоящему не исследовал и не доказал. Во время дождей невозможно разъезжать по степи. Еще в 1906 году энергичный профессор геолог Фриц Егер, до сих пор здравствующий в Цюрихе, сообщал, что немецкие поселенцы Зидентопфы предпринимали неоднократные попытки с помощью масаев выгнать стада гну из кратера. Зидентопфы хотели, чтобы в нем паслись только их собственные стада домашнего скота. Но им этого так и не удалось добиться: антилопы увертывались от загонщиков и оставались в кратере. Во время наших бесчисленных полетов нам тоже ни разу не пришлось заметить стада, переваливающего через край кратера. Недавно во время подсчета животных мы заметили 6—7-тысячное стадо гну, пасущееся на равнинах восточного Серенгети. Мы сейчас же перелетели в кратер Нгоронгоро и еще раз пересчитали находящихся там животных. Ведь по старой теории предполагалось, что в степь стада приходили из кратера. Однако в Нгоронгоро их оказалось ровно столько же, сколько было прежде. Это нас встревожило, потому

что именно на таких устарелых взглядах основываются планы сокращения территории парка.

Итак, мы решили метить зебр и гну в кратере Нгоронгоро, чтобы потом проследить, появятся ли они вне его, на равнине. Мы влетаем в кратер и приземляемся там на участке степи, по углам которого Гордон Харвей уже расставил своих людей. Из своего домика на краю кратера он тащился сюда в машине два с половиной часа. С ним приехала и супруга. Госпожа Харвей распаковывает огромную корзину с провизией. Эти двое живут там, наверху, среди облаков, как в раю: у них растут не только цветы, но и салат, и лук-порей, и помидоры — словом, все овощи, а также клубника.

По английскому обычаю, мы едим салат прямо из горсти или кладем его на бутерброды. Чета Харвей — гостеприимные, очаровательные люди. Их взрослые сыновья сейчас разъехались во все концы земного шара.

Мы здорово промахнулись, затеяв ловлю зебр в кратере. Дело в том, что здесь, наверху, значительно прохладнее, зебры дольше не выдыхаются и выдерживают значительно более длительную погоню. К тому же они быстро сообразили, что от машины гораздо лучше бегать по кругу, чем по прямой, причем все время уменьшая круги. На этой скользкой траве да еще на огромной скорости мы не можем делать резких поворотов, поэтому, пока мы, чертыхаясь, разворачиваемся, наши жертвы трусят не спеша, затем переходят на шаг, а то и вовсе останавливаются и с интересом наблюдают за нашей эквилибристикой.

Потом начинается дождь, и в довершение всего наш вездеход переворачивается набок. Прямо с камерой в руках я лечу лицом в грязь; к счастью, никто не попал под машину. Мы никак не могли поставить ее снова на колеса, потому что было ужасно скользко. Это дилось до тех пор, пока мы наконец не выкопали рядом с задними колесами две ямы. И только тогда, раскачав машину, мы снова поставили ее в нормальное положение. Слава богу, удалось. Однако, когда автомобиль уже стоит на всех четырех, выясняется, что вытекло все масло. А без масла Гордону Харвею не доехать до дому.

Тут Михаэлю приходит в голову спасительная мысль. Мы мчимся к нашему самолету. Только два дня назад мы заправились маслом, так что восемь литров там еще наверняка осталось. Поскольку мотор прекрасно может обойтись и шестью литрами, мы совершенно спокойно можем отлить два.

К сожалению, подходящий гаечный ключ недавно в одной из мастерских Найроби кто-то «увел». Но другой, от автомашины, подошел. Когда Михаэль отвернул крышку, горячее масло вдруг полилось ему на пальцы. Тем не менее он, пересилив боль, успевает закрыть отверстие, прежде чем убежало все масло, иначе мы бы на целые сутки были арестованы в кратере. Затем мы переливаем эту черную жижу в машину.

Тем временем надвигается гроза, в восточной части кратера уже грохочет и сверкает. Но прежде чем над нами сомкнулись

тучи, мы успели сесть в свою «Утку» и выпорхнуть через последнюю оставшуюся дырку. Лететь в облаках мы не решаемся, потому что можно наткнуться на какой-нибудь вулкан.

Над степями Серенгети небо совсем чистое. Мы берем курс на гору Банаги, маячащую далеко на горизонте. Наши планы сегодня сорвались. Но мы уже придумываем новые.

МЫ ОБНАРУЖИВАЕМ БРАКОНЬЕРОВ

Как много людей в наше время, совершая дальние перелеты, спит или поглощает жареную курицу с зеленым горошком, которую им любезно подает стюардесса, в то время как в нескольких километрах под ними проплывают изумительные девственные леса! Таким вечно спешащим куда-то пассажирам «воздушных автобусов» мы советуем хоть раз в жизни полетать по-настоящему. Вот хотя бы так, как мы с Михаэлем сегодня.

Изумительно свежее утро. Мы не собираемся ни считать животных, ни подвозить продукты из Найроби; мы решили просто так, бездумно парить в воздухе — мы сегодня отдыхаем. Виражами поднимаемся все выше и выше, пока горы Банаги и Серонеры не делаются совсем крохотными. Белая стрелка высотомера медленно ползет по циферблату. Нашим 250 лошадиным силам надо поднять в воздух добрых 12 центнеров груза. Поскольку Банаги расположен на высоте 1650 метров над уровнем моря, воздух здесь примерно столь же разрежен, как над горами Шварцвальда, так что поднимаемся мы медленно.

Кругозор наш все расширяется и расширяется. Теперь нам уже видна Ленгаи — «гора господня», острая вершина которой в отдельные годы еще продолжает дымиться. А с другой стороны на горизонте начинает светиться серебристая полоска озера Виктория.

Закрылки на наших полосатых крыльях выпущены до предела, а плоскости пропеллера повернуты таким образом, что он делает три тысячи оборотов в минуту. Вот так, шаг за шагом, наша добрая «зебра» одолевает небо.

Мы достигаем белых кучевых облаков и прямо влетаем в одно из них. Нас сразу же обступает слепящий белый туман, восходящий воздух внутри облака заносит нас еще выше. Тем временем маленькая стрелка на циферблате все приближается к критической желтой полосе. Это означает, что мотор начинает перегреваться: в таком разреженном воздухе мы слишком медленно летим. Здесь уже не хватает спасительного ветра, который бы охлаждал тяжелоработающую машину.

Ничего не поделаешь. Приходится втягивать закрылки подальше и менять поворот лопастей винта; теперь мы летим уже в горизонтальном направлении. Стрелка высотомера замирает,

а через 10 минут и мотор начинает остывать. Снова начинается борьба за высоту — шаг за шагом, метр за метром.

Наконец Михаэль говорит:

— Ну все, выше она не потянет: воздух слишком разрежен.

Мы сейчас парим на высоте 5733 метра над уровнем моря, или в 4100 метрах над нашим алюминиевым домиком там, внизу, в степи. Но мы ничего этого уже не видим, так как висим высоко над белыми кучевыми облаками. Под нами простирается какое-то неземное царство... Мы выключаем газ и зажигание.

Наступает тишина. Жуткая тишина. Пропеллер замедляет свой бег и наконец безжизненно повисает в воздухе — теперь это обыкновенная планка с концами, окрашенными в желтый цвет. Закрылки мы выпускаем с наклоном в 45 градусов — это их крайнее положение. Теперь наша «Утка» превратилась в планер, и у нас появляется ощущение настоящего полета — самолет парит в небе, точно гриф. Ветер со свистом проносится под нашими 12-метровыми крыльями. Высотомер показывает, что в секунду мы снижаемся на три-четыре метра. Когда мы опустимся ниже, где воздух станет плотнее, спуск несколько замедлится. Я прикидываю, что так мы можем продержаться в воздухе больше четверти часа.

Где-то недалеко, над белым облачным ландшафтом, высятся глетчеры Килиманджаро. Даже здесь, в этом прекрасном заоблачном мире, он остается царственной горой. Так как теперь вокруг нас тихо, можно говорить друг с другом без микрофона. Мы смотрим вниз на белоснежные поля и беспорядочное нагромождение облачных гор. Неправдоподобный мир, созданный какими-то сверхъестественными силами, как умиротворяющий мираж той суровой твердой земной поверхности там, внизу. Хотелось бы «приземлиться» среди этого радующего глаз облачного ландшафта, лечь и слушать шепот ду́хов... Мы единственные живые люди в этом потустороннем мире; мы закрываем глаза и, держась за руки...

Шлеп! Ощутительный шлепок по соответствующему месту выводит меня из мечтательного настроения. Горят отпечатки всех пяти пальцев. Михаэль же продолжает смотреть в пространство отсутствующим взглядом своих серовато-голубых глаз и едва подавляет насмешливую улыбку. В этом-то и заключается негласная договоренность между нами: надо не только застать другого врасплох, но и сделать это как раз в самую сентиментальную минуту. Михаэлю это удалось.

Теперь мы квиты, счет сравнялся: один — один.

Однако нас что-то начинает познабливать в наших рубашках с короткими рукавами; это оттого, что мотор больше не греет. Согревает только сознание, что достаточно одного нажатия пальца, чтобы его снова включить.

Шесть месяцев назад здесь пролетал один пилот на маленькой «Цессне». Он ввинтился высоко в воздух, чтобы над облаками беспрепятственно пересечь горы, однако не нашел потом «окошка», сквозь которое мог бы разглядеть землю. Ведь при-

земляться вслепую сквозь облака страшно опасно. Никогда не знаешь, как низко они нависают над землей — может быть, в 10 метрах, а возможно, в виде туманной пелены опустились на самую земную поверхность; бывает, что облака предательски скрывают горные вершины. В порту Найроби слышали, как этот пилот передал по радио, что через пять минут у него кончится бензин и что он не знает, где находится. С тех пор никто больше ничего о нем не слыхал, никто не знает, потонул ли он в жгучем рассоле озера Натрон или лежит, разбитый, в одном из глубоких ущелий в горах.

Мы влетаем в одну из темных пропастей меж облаков и, словно в лифте, спускаемся по краю облачного чудовища. И вот уже под нами снова широкая степь Серенгети, пестрая от солнечных бликов и теней облаков.

Вдруг Михаэль меня толкает:

— Пап! Посмотри-ка, что это там, внизу, прямо под нами? Видишь?

Поперек равнины, зажатой с двух сторон облесенными берегами рек, тянется какой-то странный плетень. Вдоль него бегут человеческие фигурки. Нас они не замечают, потому что мы опускаемся с выключенным мотором. Это, оказывается, они протянули прямо поперек степи изгородь из колючего кустарника, словно заграждение из колючей проволоки. Через каждые 20—30 метров оставлены лазейки, сквозь которые гну, газели и зебры вынуждены пробираться во время своих кочевок по степи.

Но в эти отверстия запрятаны железные петли-капканы — это мы знаем наверняка. В них животные медленно умирают или еще живыми становятся жертвой гиен и шакалов. На деревьях возле реки сидят в ожидании падали сотни грифов.

— Браконьеры! — говорит Михаэль гневно.

Мы решили пока не включать мотор, а спланировать поближе к злоумышленникам. Пять человек там, внизу, разрубают тушу зебры; затем двое из них, перекинув красные куски мяса через палку, перетаскивают их в укрытие под деревья.

Я нажимаю на красную кнопку зажигания, мотор чихает раз-другой, потом пропеллер снова начинает вертеться. «Крылатая зебра» с грохотом проносится в каких-нибудь четырех-пяти метрах над землей. Браконьеры с перепугу все бросают, пробегают несколько шагов и падают плашмя на землю. Такого сюрприза с ясного неба они не ожидали. На краю поляны мы взмываем кверху, делаем вираж и снова назад. Несколько человек пытаются убежать к реке, чтобы спрятаться под деревьями, но мы налетаем, как шквал, и они снова бросаются на землю.

При следующем налете некоторые из них поднимаются на колени и целятся в нас из лука. Смешно, что они надеются попасть.

Не приземлиться ли нам прямо здесь? Хорошо бы арестовать парочку этих мучителей животных. Но кто знает, где тут в траве скрываются норы бородавочников? Кроме того, мы не вооружены, а у браконьеров наверняка полно ядовитых стрел. И к тому

же мы ведь не правомочны кого-либо арестовывать. У нас нет ни малейшего желания объясняться потом с полицейским управлением.

Но мы вспоминаем, что у нас есть ракетница, предназначенная для подачи сигналов бедствия. Хотя это оружие отнюдь не смертельное, но такой выстрел, направленный в сторону разбойников, безусловно, их изрядно напугает. Ну что ж. Отстегиваюсь от сиденья и выуживаю из ящика позади него «боеприпасы». Протягиваю Михе несколько красных картонных патронов, он вдавливает их в медную трубку, завинчивает ее, и мы разворачиваемся для нового налета.

— Огонь! — Михаэль нажимает на спусковой крючок.

Результат оказался, прямо скажем, ошеломляющим. Но не для тех там, внизу, а для нас. Прежде чем мы успеваем сообразить, что, собственно, произошло, сквозь отверстие в плексигласовом потолке со страшной силой врывается ветер. Оказывается, затвор ракетницы был неисправным и патрон устремился не вниз, а вверх, прямо между нашими головами. А что было бы, если бы патрон попал не в стекло, а в одного из нас? Только этого нам еще не хватало!

Лишь для того, чтобы сохранить собственное достоинство, мы еще раз налетаем на разбойничью шайку, но затем круто поднимаемся на высоту 150 метров и направляем своего полосатого коня в сторону его стойла.

А браконьеры-то все-таки не промахнулись! Когда мы закатывали свою машину за ограду из колючего кустарника, то обнаружили стрелу, застрявшую в крыле. Конец загнулся, и вытащить ее оказалось вовсе не так просто. Мне пришлось посадить Михаэля себе на плечи, и он осторожно щипцами вытащил злополучный «снаряд».

— Будь осторожен,— предупреждаю я его,— ты ведь знаешь, что стрелы отравлены!

Кто такой стрелой оцарапает палец, того ждет неминуемая гибель. Против этого яда пока еще нет противоядий. Приготовляется он из особого, на вид совершенно безобидного дерева (Apocanthera frisiorum), похожего на чахлую итальянскую оливу. На нем растут небольшие красные ягоды, из которых варится довольно приятное на вкус повидло. Далеко не каждое дерево этого вида ядовитое. Смертоносны только совсем немногие, и их очень трудно разыскать. Те из местных жителей, которые специально этим занимаются, определяют их, видимо, по трупам мелких птиц, насекомых и грызунов, в изобилии валяющимся под такими деревьями. Для изготовления яда корни и ветки мелко нарубаются, а затем развариваются до кашеобразного состояния. Варится эта каша до тех пор, пока не загустеет и не превратится в вязкую массу. Затем ее разливают по жестяным банкам, обвязывают листьями и в таком виде завозят контрабандой в местности, где орудуют браконьеры. Кусок величиной с небольшое туалетное мыло, которого хватает как раз на одну стрелу, стоит один шиллинг.

Обладая отравленными стрелами, совсем не обязательно быть хорошим стрелком. Вполне достаточно ранить животное или человека в ногу — жертва уже никуда не уйдет. Правда, этими стрелами далеко не так просто и безопасно убивать львов, как современными ружьями, но все же с ними тоже чувствуешь себя в степи господином над жизнью и смертью. Мясо убитого таким способом животного совершенно безвредно, необходимо лишь предварительно срезать и выбросить кусок вокруг раны.

Ловкие люди, которые гонятся за легким заработком, разбавляют яд для стрел черной землей или продают вместо него вообще какое-то другое месиво. Но мне сказали, что это можно легко проверить. Для этого достаточно сделать себе на ноге маленький надрез, чтобы кровь потекла вниз. Если к этой кровяной дорожке поднести яд, то на ней сейчас же образуются пузыри, которые будут подниматься все выше по ноге. Однако, прежде чем они достигнут маленькой царапины, кровяной след надо скорее стереть. Я испробовал этот способ, но у меня почему-то никакие пузыри образовываться не хотели.

Только что вернулся на своем вездеходе из «коридора» Гордон Пульман. Он единственный из нас, который всегда носит на поясе кобуру. У него вчера тоже было небольшое приключение. Недалеко от реки Дума он увидел одинокого старика. Гордон пожалел его и усадил в машину, но все же отнесся к нему с некоторым подозрением: как он мог один попасть в такое заброшенное место и зачем? Дряхлый старец рассказал, что он был не один, а с молодым парнем. Но того в сухом русле реки Дума укусила змея, и он через несколько минут скончался. Старик якобы положил его под нависавшую над берегом скалу и прикрыл ветками.

Гордон Пульман поехал к тому месту реки, где, по словам старца, произошло это несчастье. Когда же они туда подъехали, старик задрожал и отказался выйти из машины, однако с точностью указал, куда именно он положил труп. Наш друг Гордон нашел там лишь пару костей и много следов гиен...

Мы старательно прикрепляем кусок фольги, чтобы закрыть пробоину на ветровом стекле, а потом по радио передаем по буквам текст телеграммы, которую из Аруши должны отправить в Мюнхен. Совсем не просто все это объяснить по-английски: кто его знает, как, например, по-английски «ветровое стекло». Но, слава богу, у нас здесь, в степи, под рукой достаточно словарей, справочников и карт. Мы давно уже обзавелись в Африке второй библиотекой: перевозка книг стоит слишком дорого. Даже рубашки, белье, брюки и обувь остаются здесь, так как все эти вещи цвета хаки все равно в Европе не носят. Таким образом, у нас в Африке образовалось целое хозяйство, ведь один из нас или кто-нибудь из наших английских сотрудников почти всегда здесь. Но одновременно такое двойное хозяйство создает и двойные заботы.

Я часто встречаю здесь европейцев, которые утверждают, что жить среди африканцев — сплошное мучение: то и дело исчезают ложки, бьется посуда. Что хозяйка забудет запереть, то стащат. Слуги заявляют, что у них, мол, малярия или что в деревне больна мать, садятся на велосипед и уезжают. И возвращаются не через два дня, на которые они отпрашивались, а спустя неделю. Им дарят одежду и обувь, но они не знают чувства благодарности и только наглеют от этого. Таскают все без разбору, как сороки, и при этом не умеют даже как следует почистить ботинки, несмотря на то что им неоднократно показываешь, как это делать.

Я заметил, что так чаще всего говорят те, кто дома, в Европе, не имеет дела с прислугой. Такие люди воображают, что белые слуги всегда неизменно услужливы, работящи и честны. Они не верят, что и в Англии, и в ФРГ можно огорчаться по тому же поводу, что и в Африке. Мне очень знакомо это брюзжание; я вспоминаю, как 40 лет назад меня, тогда еще мальчика, на все каникулы отправляли к родственникам на ферму в Восточную Пруссию. Во всем, в чем здесь обвиняют цветных, там попрекали белых поденщиков.

Я не политический деятель, а биолог. И только как таковой могу высказать кое-что о проблеме «черные — белые».

Вполне возможно, что африканцы в своей массе душевнее, но зато менее интеллигентны, чем европейцы. Однако никаких точных доказательств этого по сей день не найдено. Более того, известно, что среди всех народов и человеческих рас примерно одинаковую часть составляют преступники и убийцы, энтузиасты и равнодушные.

Недавно один европеец, родившийся и выросший в Африке, рассказывал мне, какое неизгладимое впечатление произвели на него итальянские соборы, когда он в шестидесятилетнем возрасте впервые попал в Европу. «Вы только сравните эти шедевры с жалкими глинобитными хижинами наших африканцев!»

Однако это совсем не говорит о том, что африканцы не в состоянии построить такие соборы. Я ответил этому человеку, что если бы египтяне времен постройки гигантских пирамид явились тогда в Англию или Германию и увидели наших предков, облаченных в звериные шкуры, в их деревянных халупах, крытых соломой, то, безусловно, сочли бы их за бездарную, низшую расу, как сейчас многие белые думают об африканцах.

На основании того, что прусский король Фридрих Великий писал по-немецки с ошибками и обходился французским и привозил себе строителей и архитекторов из Франции, французы, видимо, могли считать себя более одаренным народом, чем немцы. Точно так же в наших немецких книгах можно было прочесть, что мы во многом превосходим русских и поляков только потому, что в прошедшие столетия немецкие мастера воздвигали в Кракове, Москве и Киеве весьма значительные сооружения. В книге Гитлера «Майн кампф» я прочел, что русские настолько неспособная раса, что они не в состоянии изготовить даже нор-

Это мой сын Михаэль Гржимек, погибший во время учета животных, который мы вместе проводили, летая над кратером Нгоронгоро

Самолет «D-Ente» раскрашен под зебру, чтобы его легче было найти в случае вынужденной посадки в безлюдной местности. Мы с Михаэлем разрабатываем план действий

Слонов в Серенгети можно встретить лишь в кратере Нгоронгоро и в высокогорье гигантских кратеров; территорию высокогорья собираются отрезать от национального парка

В этом сборном домике из жести, поставленном прямо посреди степи, мы и хозяйничаем.

Днем в нем невыносимо жарко, но мы в это время там никогда не бываем

Страус — марафонец среди животных Африки

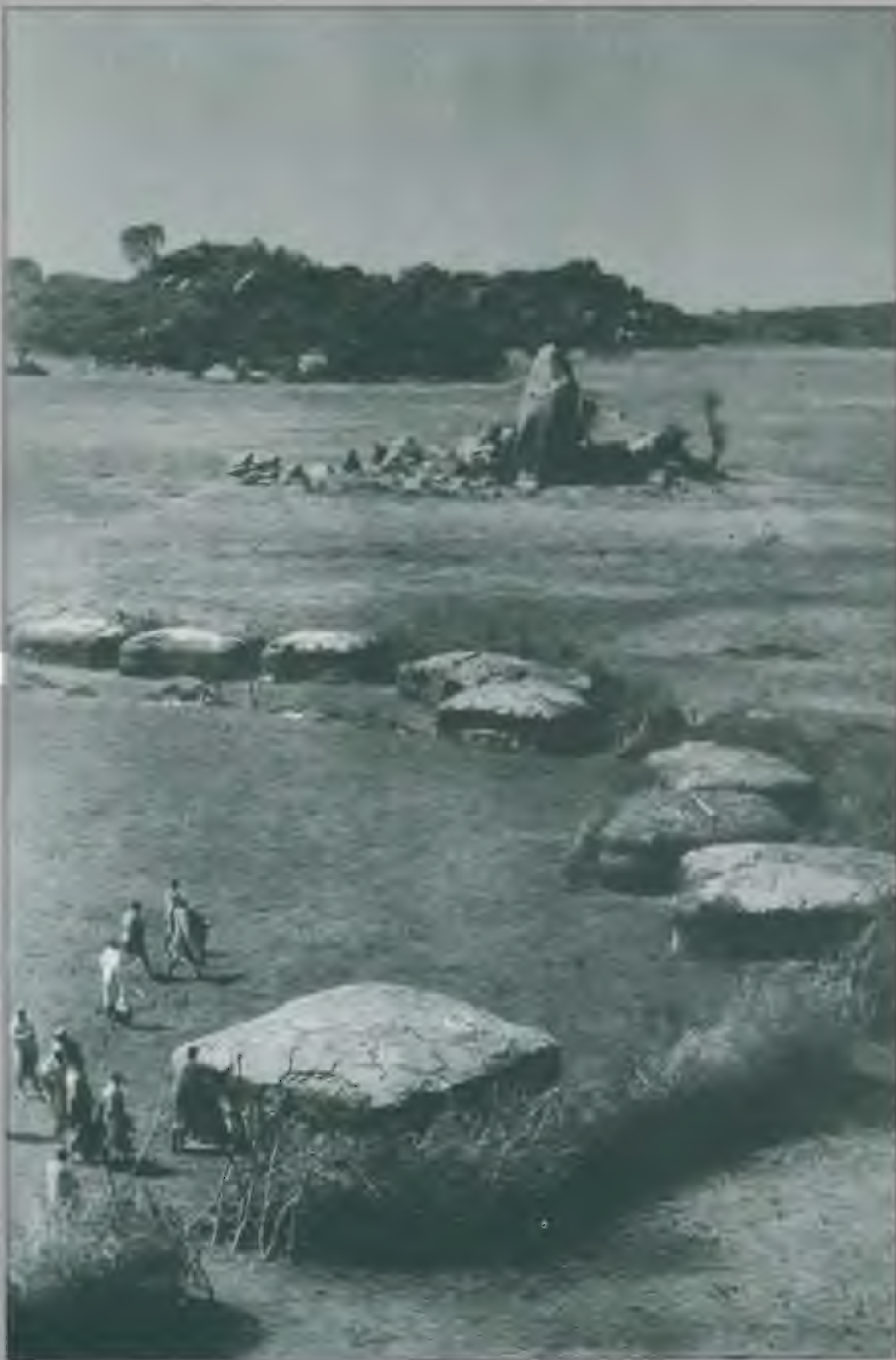

Мы на бреющем полете пролетаем над браконьерами

В такой сторожке я ночевал с масаями, когда заблудился в кратере Нгоронгоро

Каждому молодому воину-масаю хотелось посидеть у нас в самолете, а при возможности и полетать с нами

Масаи строят свои низенькие домики по кругу, в центр которого на ночь загоняют скот. И все это обнесено изгородью из колючего кустарника

Когда сталкиваются природа и техника, погибает природа...

Муха цеце не откладывает яичек, а производит на свет живых личинок, которые вскоре окукливаются

Расцветка жирафов в одном и том же стаде может быть различной (справа более темный самец)

Газели Гранта — более крупные из двух видов газелей, обитающих в Серенгети

Хамелеон любит погреться,
сидя на цветке

Орел-крикун часто сидит
на прибрежных деревьях,
откуда высматривает рыбу

Антилопы топи в своих синих «чулках»

Зебра с детенышем

Молодые носороги иногда бывают очень игривыми

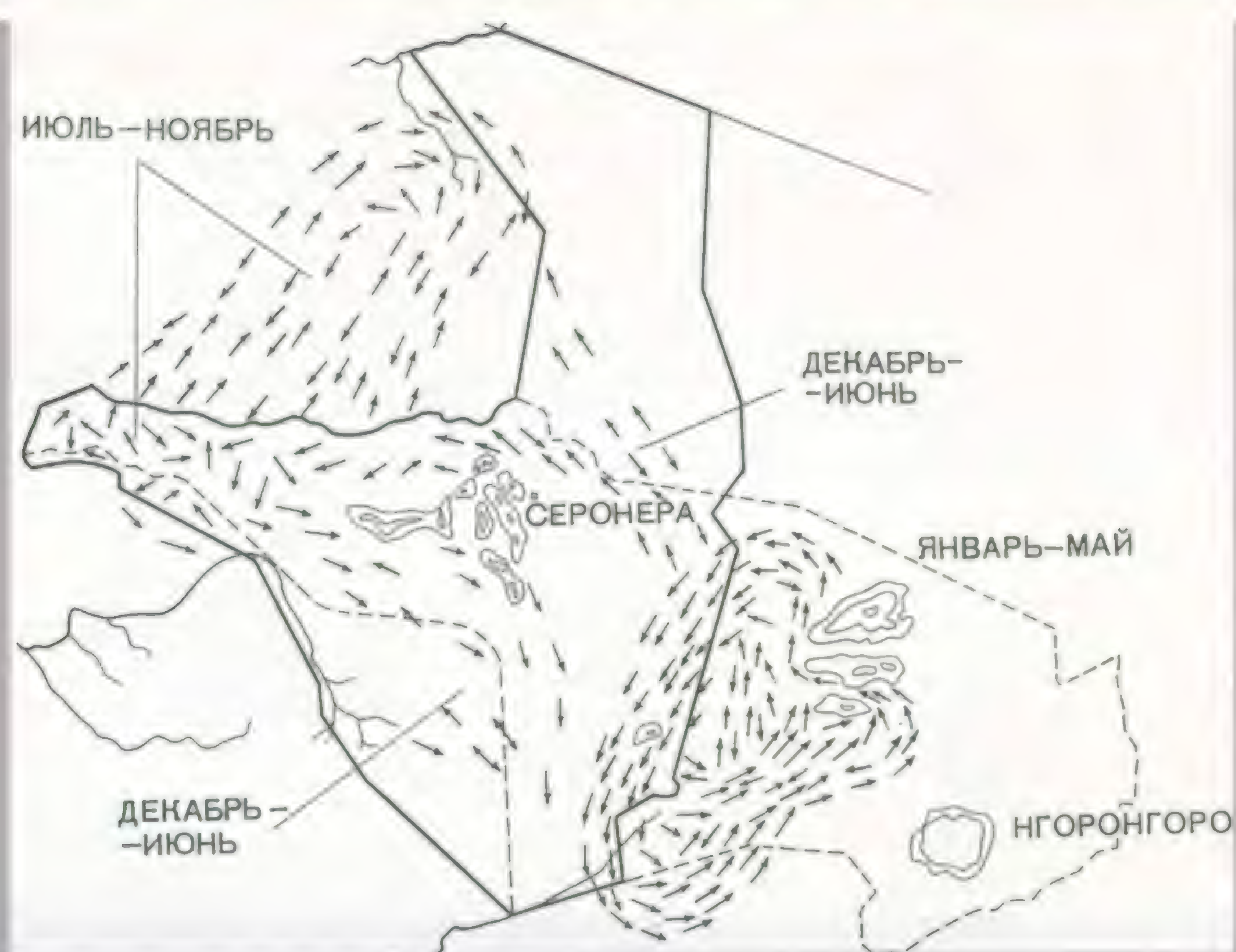

Венценосные журавли производят впечатление двигающихся букетов цветов

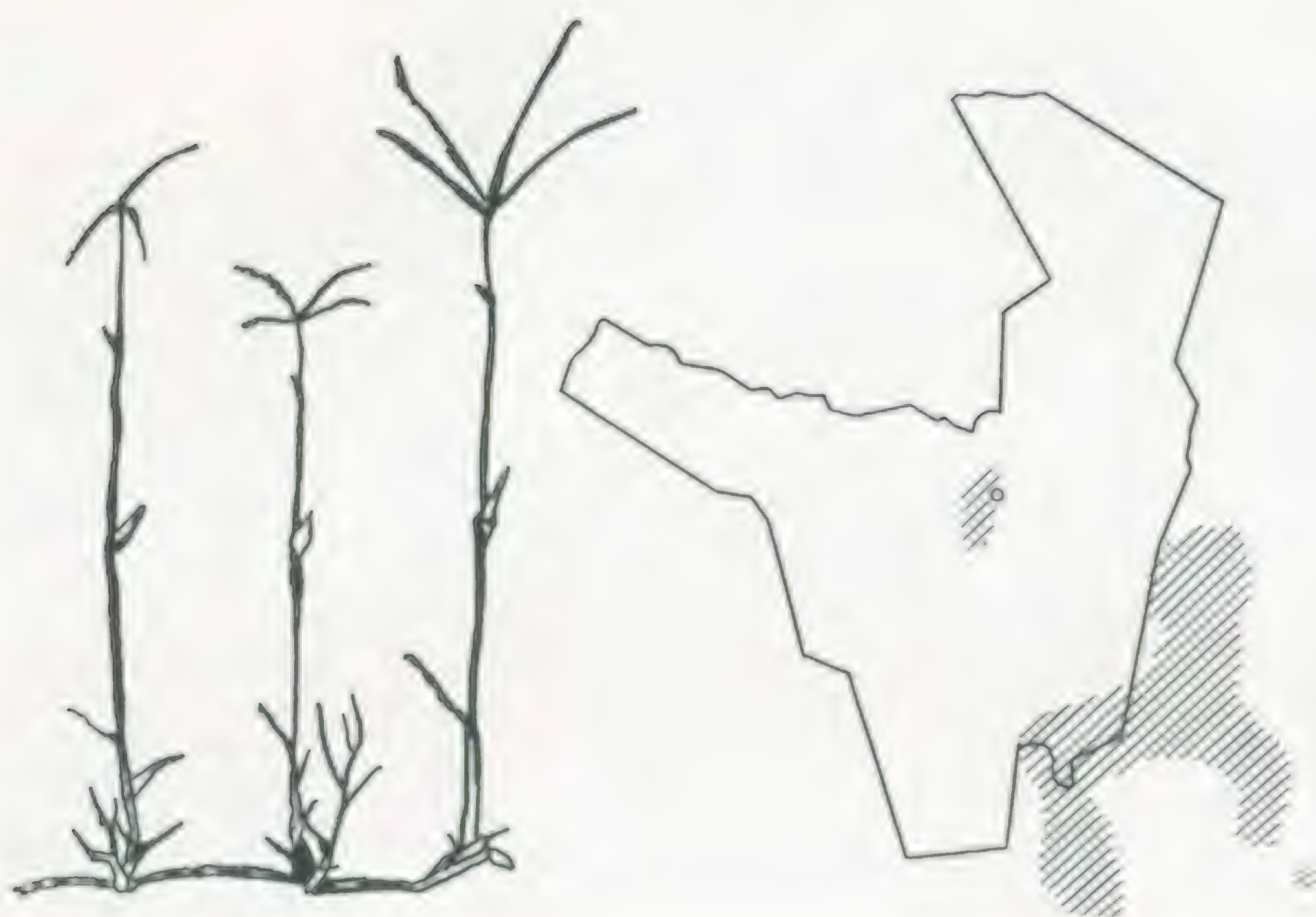
Наш «бушбэби» пролетел с нами все 10 тысяч километров

Серенгети. Собирается гроза

Пути миграции диких животных в Серенгети. Пунктирная линия — старая граница национального парка; сплошная линия — новая граница; стрелки — пути миграции животных

Излюбленный корм животных — Cynodon dactylon (справа) и Sporobolus marginatus (слева) растет почти за пределами новых границ парка (см. схемы, заштрихованные места)

мального автомобиля. А они строят спутники! Кто может сейчас предсказать, чего достигнут африканцы через сто лет, даже если они сегодня еще бегают нагишом?

В той же пресловутой книге Гитлера было написано, что рождение ребенка от брака белого человека с черным — явление ненормальное. Это так же «против природы», как скрещивание лошади с ослом, в результате которого получаются лишь бесплодные мулы. Это чистый вымысел, и говорит он о вопиющей необразованности. Скрещивание лошади с ослом соответствует примерно скрещиванию человека с шимпанзе. На Земле существует только один вид человека. Монголоиды, европейцы и негроиды всего лишь расы. От смешанных браков рождаются метисы, обладающие наследственностью промежуточного характера. Если это происходит в массовых масштабах, возникают новые народности. Все наши народы и нации возникли в результате смешения древних народностей *. В Южной Америке такое народообразование происходит и в наши дни. Эти «цветные» счастливо сочетают в себе жизнерадостность и «тропикоустойчивость» негров с предприимчивостью европейцев. Научно доказано, что нет таких браков, в которых потомство наследует лишь «плохие» качества обоих родителей. Дети от смешения индейцев с белыми или от африканцев с европейцами только там становятся «неполноценными», где они вынуждены с малых лет скитаться среди нищих или преступных элементов.

Многие расисты выслушивают с удовольствием, что у африканцев мозг в среднем несколько меньше (1315 граммов), чем у европейцев (1360 граммов). Но при этом нельзя забывать, что мозг китайца в среднем весит еще больше (1430 граммов). К интеллекту ни то ни другое не имеет ни малейшего отношения, так как число клеток у всех трех рас одинаковое, а именно 15 миллиардов, только каждая отдельная клетка у африканца несколько меньше, а у монголоида больше.

Если покопаться в собственном генеалогическом древе, то можно обнаружить, что наши деды и прадеды приводили себе жен из ближайших деревень, в лучшем случае из другого города. Вся родня сидела в одном районе. Сегодня же у каждого из нас родственники и далеко на севере, и на юге, у многих даже в Америке или в Австралии. С каждым десятилетием люди все больше разъезжают по свету и женятся все в более отдаленных местностях. По-видимому, благодаря этому свежему смешению крови люди от года к году становятся все более рослыми и раньше созревают. Известно, например, что в Европе средний рост свежеиспеченных рекрутов за последнее столетие все время увеличивается *. Так, сейчас средневековое рыцарское снаряжение вряд ли кому-нибудь из нас налезет. Ведь каждому специалисту-селекционеру известно, что гибриды обычно жизнеустойчивее и крупнее своих исходных форм. От смешения человеческих рас можно ожидать того же. Будущее целых континентов будет зависеть от мирного смешения различных народов, при котором обычно появляется особенно много талантов и гениев. Лишь бы

африканцы и индонезийцы не переняли у нас, белых, такие чувства, как национализм и расовая дискриминация.

Человек из так называемых цветных ничем от нас не отличается и имеет равные с нами права, поскольку мы ничем не можем доказать его «неполноценность». Разумеется, нельзя, как это часто делается, сравнивать неграмотного африканского деревенского парня с приезжим европейцем. Ведь если мы сравним африканского банковского служащего из Аруши с конюхом какой-нибудь отдаленной баварской деревушки или африканского учителя или профессора университета с английским докером или русским крепостным двухсотлетней давности, тогда все уже будет выглядеть по-другому. Разве не возмутительно, что даже сегодня в той или иной стране индийскому министру, как цветному, отказываются предоставить номер в гостинице, в то время как необразованного европейского фермера пускают туда охотно даже небритого?

Для меня лично африканец — равноправный человек и брат.

ПРО ЯДОВИТЫХ ЗМЕЙ

В один из октябрьских дней мой сын Михаэль сидел под деревом возле нашей алюминиевой хижины и читал книгу. Внезапно до него донесся крик нашего повара Ямбуны. Громко вопя и жестикулируя, тот бежал к дому с палкой в руке. Оказывается, с дерева, под которым сидел Михаэль, примерно в полуметре от его плеча не спеша спускалась черная мамба; она достигала в длину около четырех метров.

Змея намеревалась укрыться в кустарнике возле самого нашего дома, Михаэль же попытался длинной бамбуковой палкой отвести ее в другую сторону. Однако мамба не давала себя сбить с заранее намеченного пути; язык ее непрерывно вибрировал, а голову она приподнимала примерно на полметра от земли. Михаэль не отважился схватить ее за хвост. Так она и исчезла в колючих низких зарослях.

Столь близкое соседство ядовитой змеи совсем не приводило нас в восторг. Хотя черная мамба и пользуется широкой известностью, но прославилась отнюдь не своей красотой, а смертоносностью.

Особенно мы боимся за нашего «бушбэби». Поэтому мы решили сжечь кустарник, в котором она укрылась. Однако змея, по-видимому, спряталась в норе и не желала оттуда вылезать. Ничего не поделаешь, пришлось смириться. Постепенно мы позабыли о неприятном соседстве, тем более что в течение последующих недель мамба ничем не давала о себе знать.

На этом и кончаются все наши личные познания, касающиеся страшной мамбы, по крайней мере здесь, в Африке; во Франкфурте-то у нас в зоопарке предостаточно ядовитых змей. Хотя мамба в Африке и считается не редкой змеей, лично я на

воле не видел там ни одной из них (в то же время я не хочу оспаривать, что, возможно, уже не одна мамба видела меня).

Но я могу рассказать потрясающие истории о злодеяниях черной мамбы, которые я вычитал в книжках или слышал от «очевидцев». Ведь находится немало любителей создать этой змее скандальную репутацию...

Вот, например, рассказывают такой случай. Жених с невестой решили прокатиться верхом. Вдруг из травы им навстречу поднялась черная мамба, держа голову на высоте лошадиной морды. Парочка немедленно поворачивает и, пришпоривая лошадей, галопом мчится обратно, однако мамба их настигает, кусает жениха, кусает невесту, а затем и лошадей. Все умирают.

Или. Один фермер, повстречав мамбу, тут же убивает ее выстрелом в голову. Желая отучить свою молодую жену бояться змей, он кладет убитую мамбу на полу их спальни, свернув ее кольцами, словно живую. Спустя два часа подвыпившие гости заметили, что молодая женщина так и не вернулась к столу после того, как пошла укладывать детей спать. Перепуганный муж нашел ее мертвой на полу, а рядом с ней вторую, живую мамбу, которой он тут же размозжил палкой голову.

— О боже, я же должен был знать, что супруг мертвой змеи всегда приходит, чтобы отомстить за убитую подругу! — закричал он, ломая руки.

И еще. Один государственный чиновник вел машину по пустынной местности, увидел мамбу, переползавшую через дорогу, и решил ее переехать. Тогда змея поднялась, догнала машину и на полном ходу прыгнула в окно. Двое укушенных пассажиров упали замертво.

Теперь я должен внести некоторые пояснения. Во-первых, змеи не живут парами, а следовательно, у них не бывает никаких «мужей» и «жен». Они встречаются только для короткого спаривания и расползаются в разные стороны. Когда встречаешь двух змей вместе, то это могут быть как два самца, так и две самки. Если ядовитая змея наткнется на мертвую подругу, она отнюдь не может догадаться, как и кем та была убита, и уж никоим образом не может испытывать жажды мести.

Ядовитые змеи на человека не охотятся. Проглотить человека они не могут, так как вынуждены заглатывать свою добычу целиком: грызть и жевать они не в состоянии. Такое крупное существо, как человек, от укуса змеи умирает отнюдь не так молниеносно, как мелкая добыча этих рептилий; он еще в течение нескольких минут, а то и получаса в состоянии убить укусившую его змею или хотя бы ранить ее. Поэтому даже самые опасные ядовитые змеи избегают встречи с людьми. Завидя нас, они стараются спрятаться в кусты, уйти в нору или расселину между камнями. Даже если змея ползет вам навстречу, это еще не значит, что она собралась на вас напасть; иногда вы просто стоите перед входом в ее нору, и она проскальзывает в нее меж ваших ног или опрометью бросается туда через ваше плечо с дерева, не имея ни малейшего намерения вас укусить.

Я сотни ночей провел в Африке, причем очень многие из них — в хижинах местных жителей, на голой земле в палатке, а порой прямо под кустом. Тем не менее я должен признаться, что ни разу мне не пришлось проснуться в холодном поту от того, что на моей груди свернулась кобра и не мигая смотрит мне в лицо; ни разу, засовывая по утрам ноги в ботинки, я не наткнулся на африканскую гадюку. Между прочим, в Африке я никогда не ношу высоких сапог, а только спортивные тапочки или сандалии. Но я все-таки не стану отрицать, что подобные вещи могут с кем-нибудь случиться.

Так, ранней весной этого года в Банаги один из африканских рабочих парка лежал с тяжелым приступом малярии в своей сторожке. Вдруг он почувствовал, что рядом с ним кто-то шевелится, стал ощупывать пол возле постели, и тут его укусила в руку мамба. Наш друг Майлс Тернер сразу же приехал к нему с «аптекой от укусов змей». Это очень разумно составленный набор сывороток в специальном жестяном ящике, которые выпускает змеиный питомник «Фиц-Симонс» в Дурбане (Южная Африка). Мы всегда возим с собой такой ящичек в машине и в самолете. Майлс сделал укушенному глубокие надрезы на руке, только вдоль (поперек их ни в коем случае нельзя делать, чтобы не повредить какие-нибудь сухожилия, нервы или кровеносные сосуды), втер в раны перекись марганца и затем ввел ему сыворотку. Пострадавшего отвезли в госпиталь в Икому. Вернулся он только через два месяца. Так как змеиный яд имеет способность омертвлять большие участки мускульной ткани, этот человек впоследствии мог показывать такой фокус: всовывал палочку в одно отверстие на руке и вытаскивал ее 20 сантиметрами выше из другого.

Кай, молодая жена Майлса, одно время очень волновалась из-за того, что каждую ночь на чердаке над тонким потолком их спальни возилась огромная мамба. Она охотилась там на летучих мышей и крыс. Кай так настойчиво приставала к мужу с этой мамбой, что он наконец вместе со своим заместителем разобрал полкрыши и с охотничьим ружьем и большим зарядом дроби пополз по чердачному перекрытию. Он нашел два целых выползка [1] с сохранившейся роговицей от глаз, а также остатки от многих змеиных пиршеств, но самого чудовища отыскать не смог. Так змея и продолжает шуршать над потолком, и Кай со временем пришлось привыкнуть к этому.

Я не собираюсь, боже сохрани, утверждать, что от змеиных укусов нельзя умереть. Очень даже можно. У меня был друг, испанец Луис де Лассалетта, который поймал в Западной Африке двух молодых горилл для Франкфуртского зоопарка; он же привозил нам гигантских камерунских лягушек. В январе прошлого года ядовитая змея, которую он хотел засунуть в ящик, вырвалась и укусила его в шею. Через десять минут он был мертв.

[1] Выползок — сброшенная змеей во время линьки кожа.— *Прим. пер.*

Но ведь обыкновенные смертные обычно не ловят в Африке ядовитых змей и не пересаживают их голыми руками из ящика в ящик...

С другим моим знакомым, Мерлином Перкинсом, директором одного из двух больших зоопарков Чикаго, дважды чуть не случилось то же самое. Когда он был куратором по рептилиям зоопарка в Сент-Луисе, его укусила кассава (или африканская габунская гадюка). Эти толстые, неповоротливые змеи могут издавать такое же громкое шипение, как проткнутая автомобильная камера. Укус был не самый опасный — в указательный палец. Кроме того, только один из двух ядовитых зубов проник в кожу. Рану сейчас же разрезали и высосали. Перкинс обратился за советом по телефону в Нью-Йорк. Но поскольку в то время сыворотка против яда этой змеи еще не была найдена, пострадавшему стали вводить все сыворотки против других ядов — гремучей змеи, кобры и южноамериканской копьеголовой гадюки. Несмотря на все старания, пациент все же потерял сознание, пульс его упал до 50 и вскоре совсем перестал прослушиваться, зрачки неестественно расширились и не сужались от резкого света, моча была насыщена кровью. Когда смерть уже казалась неминуемой, больному сделали переливание крови, которое ему сразу помогло. Через три недели ему уже разрешили выписаться из госпиталя. В 1951 году его снова укусила змея, на этот раз южноамериканская, и тут понадобилось уже несколько переливаний крови; случилось это во время телевизионной передачи *.

Обыкновенные люди, которые, разумеется, не участвуют в подобных опасных телевизионных выступлениях, могут подвергнуться укусу ядовитой змеи только в том случае, если наступят на нее нечаянно ногой, сядут на нее в траве или заденут головой за сук, на котором она отдыхает. Еще чаще змея может укусить, когда кто-нибудь хочет ее убить или поймать и ей приходится защищаться. Но в общем-то почти всегда можно спастись бегством, исключая лишь те случаи, когда змея делает совершенно неожиданный бросок.

Мы часто переоцениваем скорость передвижения этих созданий. Ни одна змея не может догнать человека. Джеймс Оливер, куратор по рептилиям в Нью-Йоркском зоопарке, написал целую книгу об истинном поведении змей и суевериях; кстати, рассуждая здесь о змеях, я в основном на нее и опираюсь. Однажды Оливер с секундомером в руках проследил, что самая «быстроходная» из всех ядовитых змей — черная мамба — может развить скорость примерно лишь 11 километров в час. В то же время лошадь и даже человек на короткой дистанции могут развить скорость до 30 километров в час. Убегать от слонов, львов, горилл, носорогов или бегемотов нет особого смысла, а порой и опасно, так как вид убегающего всегда может вызвать у них желание напасть. Что же касается ядовитых змей, то от них можно и нужно улепетывать во все лопатки.

Даже отрубленная змеиная голова способна еще на смер-

тельный укус. Однако бросок ядовитой змеи происходит отнюдь не «быстрее молнии». Когда однажды при помощи съемок проверили быстроту броска гремучей змеи, то выяснилось, что ее голова движется со скоростью примерно 2,7 метра в секунду. Бросок кобры происходит еще медленнее *. Секунда ведь достаточно долгая: даже неподготовленный человек наносит удар кулаком со скоростью 6 метров в секунду — это вдвое быстрее, чем бросок гремучей змеи. Форель плавает со скоростью 2,3 метра в секунду, пчела пролетает 2,8 метра в секунду, а стрекоза — 7,5 метра в секунду.

Умелые «заклинатели змей», шутя и играя, стукают кобру по голове прямо во время ее броска. Большинство змей могут настигнуть свою жертву, только если она находится на расстоянии трети или половины длины их собственного тела. Однако те африканские змеи, которые плюются ядом, целясь прямо в глаза, могут попасть в свою жертву и с двух, а иногда и с трех метров. Яд вызывает в глазах страшную боль и тяжелейшее воспаление. Иногда люди при этом на две-три недели теряют зрение, а в исключительных случаях и совсем слепнут *.

Заклинатели змей, сидящие вдоль обочин дорог с кобрами в корзинках, играя перед ними на флейте, отнюдь не заклинают этих рептилий, а используют именно их медлительность. Тот, кто знаком с повадками кобр, может легко избежать смертельного укуса. Например, днем кобры, как правило, совершают только ложные броски — с закрытой пастью. Фокусники специально выбирают себе те экземпляры, которые не стараются все время уползти, а, наоборот, подолгу стоят с вертикально поднятой головой. Заклинатель поводит флейтой из стороны в сторону, чтобы раздраженное состояние животного не ослабевало и чтобы змея, оставаясь в вертикальном положении, поворачивала голову вслед за всеми его движениями. При этом она совершенно не слышит звуков флейты, так как змеи глухи, они не воспринимают воздушных звуковых волн, у них нет даже ушных отверстий. Когда однажды очковой змее заклеили лейкопластырем глаза и рот, она продолжала гневно подниматься, когда кто-нибудь проходил мимо; когда же при ней стучали палкой по пустой жестянке, она этого шума совершенно не замечала. Эти животные воспринимают лишь вибрацию почвы и запахи. Тем не менее до сих пор некоторые верят в то, что змей можно «заворожить» музыкой.

Несмотря на всю свою ловкость, многие заклинатели змей рано или поздно погибают по милости своих питомцев. Это объясняется очень просто: со временем эти люди становятся чересчур уверенными в себе и оттого легкомысленными. С нами, работниками зоопарков, такое тоже легко может случиться. 20 лет назад я держал у себя дома отечественных гадюк, ядовитость которых обычно сильно преувеличивают. Погибнуть от их укуса могут разве что дети или ослабленные, больные люди, и то только в виде исключения. У меня тогда еще не было опыта в обращении с ядовитыми змеями, но я заметил, что они совер-

шенно спокойно разрешают брать себя в руки. Брал я их обычно сверху, чуть позади головы. Но однажды я где-то прочел, что они могут сильно сдвигать нижнюю челюсть вбок и при этом, извернувшись, вонзить в палец ядовитые зубы верхней челюсти. На другой день я надел на всякий случай кожаную перчатку, и первая же змея, которую я взял в руку, продемонстрировала мне этот прием...

Большинство людей переоценивают вероятность встречи с ядовитыми змеями в тропиках. Однако они себе при этом не представляют, что значит погибнуть от змеиного укуса. Ведь маленькие жертвы, для которых предназначена эта дьявольская отрава, погибают от нее молниеносно, возможно даже безболезненно. Мы же больше их в десятки, сотни раз и потому мучаемся от укуса долгие часы, а то и дни.

Далеко не все змеиные яды уже полностью исследованы. Но мы знаем, что одни из них поражают нервную систему, другие — кровь и ткани и что существует множество комбинаций из них. Яды, поражающие нервную систему, вызывают судороги и параличи в первую очередь дыхательного центра. В то время как дыхание уже прерывается, сердце часто продолжает еще некоторое время биться. Определенные составные части ядов делают стенки кровеносных сосудов проницаемыми; тогда кровь проникает непосредственно в ткани, конечности становятся красными, затем черными, ужасно набухают, у пострадавшего поднимается кашель и рвота, в его испражнениях появляется кровь, глаза тоже наливаются кровью. Человек при этом может погибнуть от кровоизлияния в брюшную полость. Другие составные части ядов вызывают разложение тканей: они предназначены для подготовки добычи к лучшему перевариванию в змеином желудке, ведь змея не способна жевать и вообще размельчать свою пищу. Умерщвленная ядом крыса переваривается змеей за четыре дня, на переваривание дохлой крысы змее необходимо 13 дней. Даже в тех случаях, когда пострадавшего с помощью сывороток удается спасти, яд часто все же приводит к отмиранию конечностей, вызывает страшное жжение, длительные воспаления; укушенный может ослепнуть, оглохнуть или остаться частично парализованным.

Здесь, в Танганьике, люди племени киока прекрасно умеют обращаться с ядовитыми змеями. Несколько лет назад один молодой американец, собиравший змей для американских музеев, подружился с вождем этого племени Калолой и его племянником Ньокой. Однажды юный американец стал свидетелем того, как Ньоку укусила в ногу черная мамба. Американец страшно разволновался, но пострадавший успокоил его, уверяя, что ничего особенного с ним не случится, что он якобы «змееустойчив». Однако искреннее участие белого так его тронуло, что он обещал посвятить его в ритуальные тайны своего племени.

Американцу пришлось принять участие в целом ряде колдовских церемоний. Так, ему сделали много маленьких надрезов по всему телу и втерли туда порошок под названием «лукаго», со-

стоящий из самых различных компонентов, среди которых основную роль играли высушенные и измельченные в пудру головы и хвосты ядовитых змей. Под конец он должен был схватить мамбу и позволить ей себя укусить.

Молодой человек был убежден, что сделал большое открытие, и хотел свои новые познания использовать на благо человечества. К счастью, он прихватил с собой в лагерь экспедиции нескольких подаренных ему ядовитых змей. Когда их обследовали, то выяснилось, что у всех змей удалены ядовитые зубы. Значит, американца кусали совершенно обезвреженные животные.

Однако далеко не всегда можно быть уверенным в том, что уличные фокусники манипулируют с безвредными змеями. Иной турист, уверенный в этом, начинает трогать змею, а «заклинатель» делает только вид, что хочет этому помешать, чтобы спасти себя от штрафа: ведь всякий несчастный случай для него только реклама.

Так, в Гане один такой «заклинатель змей» предлагал какое-то колдовское средство против змеиных укусов. Чтобы обставить дело как можно интереснее, он принес с собой кобру и двух кассав. «Заговорив» кобру, он дал подержать ее одному из зрителей. Змея укусила этого человека в щеку, и через час он умер. Потом выяснилось, что все три змеи имели совершенно целые ядовитые зубы и железы их были полны яда. «Факир» получил три года тюрьмы за непреднамеренное убийство.

А в общем и целом в Африке с ядовитыми змеями дело обстоит точно так же, как со львами и слонами: если не задаваться специальной целью их найти, их никогда и не увидишь.

СЛОЖНЫЕ МАНИПУЛЯЦИИ С «ЧУДО-РУЖЬЕМ»

Мы с Михаэлем лежим рядом на своих раскладушках в нашем алюминиевом домике, гримасничаем и размышляем. Гримасничаем мы потому, что бреемся. Бриться здесь электрическими бритвами не так-то просто, ведь до ближайшей электросети 400 километров. Эту тяжелую задачу каждый из нас решил по-своему: я пользуюсь электробритвой, в которую закладывается батарейка от карманного фонарика. Такие батарейки можно купить в любой индийской лавчонке в самой отдаленной африканской деревне, достать их не труднее, чем гуталин. Одной хватает на четыре — шесть недель.

Белый элегантный аппарат Михаэля стоит вдвое дороже, и заряжать его надо от электросети, если таковая имеется. Михаэль считает, что мы все равно каждые две недели бываем в Найроби или Аруше, где в отеле это всегда можно провернуть. Он заявляет, что мой аппарат, видите ли, слишком громко жужжит и слишком медленно бреет. Я же в свою очередь утверж-

даю, что в Найроби он летает специально лишь за тем, чтобы заряжать свою элегантную аппаратуру.

Вот так каждое утро мы отстаиваем свои принципы — каждый свои. Люди ведь испокон веков привыкли отстаивать свои принципы, и часто они не намного важнее этих.

Итак, мы надуваем то одну, то другую щеку и строим всяческие гримасы. Одновременно мы напряженно размышляем: у нас есть для этого серьезные причины. Так же как сегодня, мы совещались уже не раз за последние недели. Мы теперь точно выяснили, что все наши 367 тысяч крупных четвероногих в сезон дождей целые недели и даже месяцы пасутся за пределами новых восточных границ парка. Животные, ради которых был основан национальный парк, ежегодно должны будут жить какую-то часть года вне границ заповедника. Во время дождей они собираются огромными стадами и кочуют по открытой степи. Мы каждый день можем летать вслед за ними и таким образом узнавать, где находится то или иное стадо.

В сухое время года все выглядит по-иному. Стада разбиваются на небольшие группы, состоящие из 100 или 150 голов. Бóльшая часть их пасется в «коридоре» возле озера Виктория, а других мы встречали на севере, далеко за пределами парка. Но те ли это самые, которые в сезон дождей огромными армиями пересекали степь? Нас неотступно преследует мысль: их необходимо покрасить, чтобы иметь возможность распознать среди других. Может быть, загнать их между двумя заборами, сходящимися наподобие воронки? Там, в конце этой воронки, каждое животное должно будет переплыть лужу с красной краской. Нет, мы уже давно убедились в том, что из этого ничего не выйдет. Их шерсть должна быть предварительно хотя бы обезжирена. Наши 99 481 гну — черные, а черные волосы нельзя выкрасить в красный цвет, в лучшем случае их можно покрыть масляной краской.

Михаэль бросает окурок сигареты прямо возле кровати, спускает ногу и вдавливает его каблуком в рыхлый песок. Это очень практично, когда в комнате вместо пола грязный рыхлый песок. Не надо тратить время и энергию на подметание: всякий мусор можно прямо бросать на землю и закапывать. Хорошо, что здесь одни мужчины!

Михаэль говорит:

— А кстати сказать, попробуй-ка загнать стадо гну или зебр туда, куда тебе надо! Разве ты не помнишь, как мы однажды пытались это проделать с помощью двух машин? Как только животные заметят, что их куда-то теснят, они непременно вырвутся и побегут в обратном направлении.

Ушные метки слишком малы. Если их сделать даже побольше и цветными, все равно такую зебру трудно отличить среди трех тысяч остальных. Ведь они должны бросаться в глаза всякому, включая посетителей парка, которые тогда тоже смогут сообщать о месте их нахождения. А нельзя ли отдельным животным вешать на шею маленькие батарейные передатчики, ко-

торые будут запеленгованы? Но такой батареи хватит не больше чем на пару недель.

И мы решили остановиться на ошейниках. Но не на кожаных, которые мы уже пробовали использовать: те портятся от сырости и солнца; кроме того, краска держится на них не очень крепко — она соскабливается, осыпается, и вскоре такой ошейник уже становится незаметным. Нам пришла в голову мысль использовать новую яркую синтетическую ткань, которой теперь обтягивают шезлонги. Такая ткань совершенно невесома, прочна и в любых условиях сохраняет свою кричащую окраску. Мерку мы сняли со своих зебр в зоопарке. Для изготовления ошейников материал нашивается один на другой в пять слоев, правда, для маленьких газелей только в два слоя. Такие воротники не стесняют движений животных, не цепляются за кустарник и, главное, не могут потеряться. Зато с воздуха их прекрасно видно.

Во всем этом деле только одна загвоздка: как ухитриться надеть цветные воротнички на шею газелям и гну? Это не так-то просто. Ведь сначала их нужно изловить, и притом всю операцию проделать очень быстро, иначе стадо, к которому относится данное животное, убежит, и оно не сможет уже к нему присоединиться. Зебру, которой мы 4 мая надели красный нейлоновый ошейник и вдели в ухо метку № 21, один из лесничих увидел 12 сентября на 100 километров севернее, вне границ национального парка; она весело резвилась среди своего стада. 31 октября это животное вновь видели примерно в двух километрах от того места, где мы в мае пристегивали ему ошейник. Даже с воздуха, с высоты 500 метров, его можно было довольно легко отыскать в стаде.

Последние два года в специальной литературе стали рекламировать «чудо-ружье». Действует оно якобы почти как соль, которую в сказке сыплют на хвост какому-нибудь животному, чтобы его поймать. Один профессиональный ловец диких животных в Африке предлагал мне такое ружье за 600 долларов. Он писал, что с его помощью я смогу за несколько минут усыпить и посадить в клетку любого слона, гориллу или льва, прежде чем они опомнятся.

Разумеется, мы приобрели такой волшебный инструмент, правда за четверть этой цены, непосредственно у той американской фирмы, которая их выпускает. Выглядит оно как обычное охотничье ружье, но вместо пороха заряжается стальными баллончиками с углекислотой — точно такими, которые используются для сифонов. Когда нажимаешь на курок, ударник вызывает взрыв заряда с углекислотой. Это создает давление в 50 атмосфер, и заряд летит на расстояние от 20 до 30 метров.

А заряд этот не что иное, как настоящий шприц для инъекций, только не стеклянный, а стальной. На конце его полая игла, которая и вонзается в тело животного. От удара при выстреле в заднем отсеке шприца таблетка карбида попадает в воду, отчего выделяется газ, который толкает вперед поршень. Таким обра-

зом наркотическое средство и вводится через полую иглу в организм животного.

Весьма хитроумное изобретение. Однако до сих пор его, видимо, применяли только на запертых в загонах оленях. Наши же зебры не желали подпускать нас даже на 120 метров. А «шприцемет» в свою очередь был очень чувствителен ко всякого рода толчкам. Заряды нельзя было возить с собой в готовом виде (то есть с наркотиком впереди и с водой и карбидом сзади), их каждый раз надо было заново приготавливать перед выстрелом, как в аптеке. А ведь животные обычно так долго не ждут. Кроме того, такой медицинский заряд пролетал то 20, то 35 метров, и поэтому попасть нам удавалось крайне редко.

В один прекрасный день шприц вонзился прямо в круглый зад жеребца зебры. Мы с Михаэлем ждали-ждали, но ничего не произошло. Тогда нам пришлось догнать жеребца на машине и на полном ходу вытащить эту штуковину обратно. Оказывается, она не сработала и все снадобье было еще внутри. Если бы мы не заполучили назад этот шприц, то могли бы решить, что доза наркотика слишком мала. А удвоенная доза при следующем выстреле вполне могла бы оказаться смертельной для «пациента». В общем все очень сложно.

Так день за днем мы подкрадывались со своим ружьем к животным. Однако вскоре такая стрельба показалась нам слишком опасной для наших подопечных. Поэтому мы запаковали это «чудо-ружье» и на пассажирском самолете отвезли его во Франкфурт.

Михаэль задумал реконструировать «шприцемет» и в течение 14 дней не выходил из механической мастерской. Он развешивал сложенные вчетверо или впятеро мокрые одеяла и по ним стрелял. У мясника он брал целые туши, выносил их в сад и устраивал там настоящий тир.

Теперь мы привезли в Банаги американское «чудо-ружье», реконструированное по эскизу Михаэля. Поскольку мы все равно подбираемся к животным на машине, нам не мешает то, что ружье присоединено теперь шлангом к большой бутыли со сжатым воздухом. Она создает давление в 200 атмосфер, поэтому заряд пролетает уже расстояние в 40 метров и значительно точнее.

Сам «заряд-шприц» теперь тоже устроен иначе. Прежде карбид смешивался с водой при толчке от выстрела. Таким образом, наркотик начинал выливаться из иглы уже во время полета, отчего часть его терялась, не достигнув цели. Теперь поршень шприца приходит в движение только после удара о тело животного, и мы можем быть уверенными, что весь наркотик попал в организм, а не расплескался наполовину по дороге. Кроме того, мы заранее заготовляем у себя дома 10 или 15 таких зарядов и берем их с собой в машину; теперь им не страшны ни тряска, ни резкие толчки.

Наш шофер Мгабо очень интересуется всем происходящим. Он внимательно следит за нашими сборами и старается, чтобы

все шло как по маслу. Мгабо помнит каждый аппарат и каждый штатив, знает наперечет все наши чемоданы и ящики. У Германа, который сопровождает нас в течение нескольких недель, «лейка». Мгабо почему-то очень расстроен тем, что она изящнее моей «Практисикс». Голосом, полным сожаления, он все время повторяет на суахили:

— Германи камера кидого!

При этом он сильно растягивает букву «о»: «Кидо-о-о-го!» — «Во-о-т какой маленький аппарат у Германа!»

Однако это не мешает ему зорко следить за тем, чтобы мы ничего не забыли из нашего охотничьего снаряжения.

Мы потешаемся сами над собой: надо же такое придумать — отец и сын Гржимеки отправляются с ружьем на охоту! Мы знаем, что кое-кто с удовольствием заснял бы нас в этот момент, поэтому тут же делаем это сами.

Ну, допустим, выстрелить и кое-как попасть этим аптечным оружием мы еще сможем. А вот чем наполнять летящие шприцы — еще вопрос. Это самая сложная проблема во всем деле.

— Разумеется же, одним из усыпляющих средств, которые сейчас вводят больным перед операцией,— скажете вы.

Но все не так-то просто. Больному для этой цели предварительно перетягивают резиновым шлангом руку, чтобы под кожей совершенно явственно проступили вены; затем врач осторожно вводит иглу в кровеносный сосуд и вливает наркотик медленно и постепенно. Проделать такое с гну совершенно невозможно, так как для этого его надо предварительно изловить и связать. Но тогда уже отпала бы необходимость его усыплять — можно было бы прямо надевать ошейник.

Поэтому нам нужно выбрать средство, которое вводится не в вену, а просто под кожу. Но в таком случае всегда требуется двойная доза, чтобы достичь действия внутривенного вливания; в то же время наркотик должен быть сильно разбавленным, потому что, попав в ткань, он больше жжет и вызывает воспаление. Следовательно, в мускул приходится вводить гораздо больше жидкости. А наш заряд вмещает только пять кубических сантиметров. Сколько мы ни советовались с фармацевтами, все они в один голос заявляли, что в пяти кубических сантиметрах воды невозможно развести то количество наркотика, которое необходимо для усыпления лошади.

При этом следует добиться, чтобы животное, в которое попал заряд, не было бы в состоянии долго бежать, ведь оно может удрать так далеко, что мы потеряем его из виду. Но в то же время вскоре после наркоза оно должно вновь очнуться и окончательно прийти в себя. Иначе его стадо успеет далеко уйти, а другие зебры могут его еще и не принять. Если же животное долго будет находиться в бессознательном состоянии или нетвердо держаться на ногах, то легко может стать жертвой хищников, у которых на такие вещи глаз очень хорошо наметан. Когда год назад полковник Питер Моллой предложил нам попробовать раз-

гадать загадки Серенгети, мы и не подозревали, что для этого нам придется стать еще и анестезиологами.

Мы знаем очень немного веществ, обладающих молниеносным действием; одно из них — это широко известный страшный южноамериканский яд для стрел — кураре. Но поскольку он парализует не только мускулы, но и диафрагму, то всегда может привести к удушью. Поэтому мы не стали даже пробовать его на наших животных.

Та самая доза наркотика, после которой люди спокойно спят, пока им удаляют аппендикс, в течение долгого времени может не оказывать никакого действия на собаку. Если эфиром легко усыпить кошек, то коровы от него приходят только в крайнее возбуждение. Лошадь хотя и весит примерно в 10 раз больше человека, однако от десятикратной дозы усыпляющего средства даже не теряет сознания. Мозг ее устроен примитивнее и потому не столь восприимчив к ядам — чтобы снадобье подействовало на лошадь, ветеринару приходится увеличивать «человеческую» дозу почти в 100 раз.

Мы с Михаэлем очень осторожно приближаемся к стаду гну. Мы не едем прямо к нему, а делаем вид, что проезжаем мимо, стараясь, однако, держаться как можно ближе. Потом Мгабо медленно тормозит, а Михаэль поднимает ружье и прицеливается. В тот самый момент, когда Мгабо поворачивает ключ от зажигания, раздается выстрел. Сейчас все гну моментально поднимут головы и отбегут в сторону.

Из предосторожности мы испробовали свое усыпляющее средство еще в Европе на козах. До четырех с половиной миллиграммов на каждый килограмм веса тела они переносили без всякого вреда для себя. Несмотря на это, мы решили для начала нашим большим черным антилопам дать только третью часть такой дозы на каждый килограмм.

Старому, хорошо упитанному самцу заряд попадает в правое бедро. Рана не кровоточит. Я смотрю на секундомер и напряженно жду. В поведении животного ничего не изменилось, оно даже начинает снова пастись.

Но вот через пять с половиной минут гну задрожал, движения его стали неестественными, и спустя еще полторы минуты он упал как подкошенный. Когда Михаэль стал к нему приближаться, гну, шатаясь, поднялся, пытаясь его боднуть. Рога этой антилопы растут вертикально вверх и остры, как кинжалы. Поэтому мы на всякий случай накидываем животному на шею две веревки и валим его на землю.

Этому здоровенному бородачу мы вдеваем в правое ухо алюминиевую метку, такую же, какими принято метить коров или овец. На метке выгравировано по-английски: «10 шиллингов вознаграждения за доставку в национальный парк Аруша». На ухе гну и у нас в списках теперь значится № 25.

Однако мы не уверены, что гиены или львы не сожрут когда-нибудь этого гну вместе с его меткой, поэтому мы еще пристеги-

ваем ему на шею яркий зеленый ошейник. Затем мы оставляем этого старого господина в покое, запаковываем наши шприцы, пассатижи для укрепления меток, ошейники и веревки, садимся в свой полосатый вездеход и отъезжаем на 50 метров. Там мы ждем, пока животное встанет и уйдет.

Проходит восемь часов, а мы все ждем. За это время мы не раз пытались поднять животное на ноги, но оно шаталось и снова ложилось на землю. Правда, теперь гну лежит уже не на боку, а на животе, подняв голову кверху, но он все еще не пришел в себя.

Темнеет. Мы не можем оставить своего пациента одного, потому что на него сейчас же набросятся гиены. Эти физи, как их здесь называют, уже окружили нас довольно плотным кольцом и выжидают. Как только мы тушим фары, они нахально подбегают совсем близко. Тем временем гну, кажется, начинает чувствовать себя лучше. В половине девятого он принимается жевать жвачку. Когда Михаэль в 11 часов ночи приблизился к нему, чтобы проверить пульс и дыхание, он вскочил на ноги и бросился в атаку. Преследовал он Михаэля не больше чем десять метров, а потом снова свалился.

Ожидание продолжается. В половине второго ночи мы снова вспугиваем гну. Он начинает описывать большие круги, примерно 50 метров в диаметре. Наша машина стоит прямо посредине, но он ее даже не видит. Не замечает он и того, что мы освещаем его карманным фонариком. Когда мы загораживаем ему дорогу, он несется прямо на нас. На звуки он тоже не реагирует, но идет совершенно уверенно, не шатается.

Чтобы зря не возбуждать животное, мы решили отъехать в сторону и выключить свет.

Через пять минут мы его вновь включаем. Как раз в этот момент на нашего пациента прыгает гиена и вцепляется ему в хвост. Гну не оказывает никакого сопротивления, не старается спастись бегством, он просто продолжает идти, а физи, испугавшись света, удирает.

Прокружив таким образом полчаса, гну снова лег на землю. Нам ничего не остается, как оберегать его сон. Наконец в половине шестого утра, следовательно, за добрый час до рассвета наш пациент встает и куда-то идет не спеша, но весьма целеустремленно. Мы следуем за ним четыре километра. Теперь животное нас уже явно замечает: если мы приближаемся, оно начинает бежать быстрее. Когда в семь часов рассветает, гну присоединяется к большому стаду. По-видимому, он догнал своих. Во всяком случае ни одно животное не обратило внимания на его ярко-зеленое украшение.

Хотя гну выглядят крепкими здоровяками, однако оказывается, что для них велика даже та небольшая доза снотворного, которой усыпляют наших домашних коз. Так как нам совсем не улыбается ночевать возле каждого инъектированного животного, мы еще больше сокращаем дозировку. После многих дней выслеживания, стрельбы, ловли и ожидания мы наконец выяви-

ли, что для усыпления гну достаточно тысячной доли грамма на каждый килограмм веса. Тогда нам как раз хватает времени на то, чтобы схватить животное и маркировать его; вскоре после этого оно убегает, и гиены не успевают напасть на него.

На маленьких веселых газелей Томсона та же доза не произвела никакого впечатления. Поэтому с каждым выстрелом мы ее увеличивали. Постепенно мы нашли необходимую дозировку. Теперь мы, можно сказать, уже набили руку на этом деле: почти точно через семь минут после выстрела козлик начинает дрожать, закидывает голову назад, так что рога его, обычно торчащие косо кверху, ложатся почти горизонтально. Еще минута — и животное падает. Тогда надо скорее подбежать и схватить козлика за рога, так как уже через две или три минуты он снова вскочит как ни в чем не бывало. Однако перед этим его нельзя долго гонять: когда он мчится со скоростью 50 километров в час, никакая инъекция на него уже не действует. Стрелять в него можно только в тех случаях, когда он движется медленно, временами останавливаясь. Тогда он вскоре начинает спотыкаться и падает.

Двух козликов, которым мы нечаянно вкатили слишком большую дозу наркотика, нам пришлось забрать с собой в машину и оставить на ночь у себя в домике. Наш «бушбэби» пришел в ужас от соседства с такими «опасными чудовищами».

Итак, гну и томми мы научились ловить при помощи нашего «чудо-ружья». Нам стоило огромных трудов выяснить, что грациозным газелям томми требуется в 5 раз больше наркотика на каждый килограмм веса, чем массивным антилопам гну. Теперь мы знаем точно, что с этим ружьем нельзя прямо так, запросто отправляться в дикую местность, чтобы ловить там носорогов, шакалов, страусов или львов. Надо сперва выяснить, сколько наркотика требуется для каждого вида животных, а на это уходят дни и недели.

Зебр, например, мы не можем ловить при помощи нашего наркотического ружья: они не подпускают нас на столь близкое расстояние. А нам как раз хотелось, чтобы несколько дюжин этих «тигровых лошадок» разгуливало в красных, синих или желтых ошейниках. Они ведь стоят на втором месте по численности среди всех кочующих животных нашей серенгетской степи.

Недавно я прочел в одной зоологической книге, что полосатая окраска африканских тигровых лошадок вовсе не защитное, маскировочное средство, а наоборот: ею зебры как бы афишируют себя на фоне окружающего ландшафта. Я с этим совершенно не согласен. Как часто мы не могли отличить с самолета стадо ослов от зебр! Из окна автомобиля это тоже трудно сделать. С известного расстояния черные и белые полосы начинают сливаться, образуя однородный серый цвет.

Что, собственно, представляет собой окраска зебр? Что это — черные полосы на белом фоне или белые на черном? Точно так же можно спорить о шахматной доске: что является рисунком, а что основным цветом. У тигровых лошадок основной все же, ви-

димо, белый цвет, потому что квагги, обитавшие когда-то в Южной Африке, на задней половине тела вовсе не имели полос, а шерсть там была коричневатой. Здесь, в Серенгети, живут зебры Бёма, которых англичане называют также зебрами Гранта. У них ярко-белые полосы. Но несколько южнее, в Африке, можно встретить чэпманских зебр, у которых посреди белой полосы проходит желтая. Еще дальше к югу некогда паслась наиболее пестрая бурчеллиева зебра, у которой не белые полосы, а желтовато-коричневые. Теперь она тоже полностью истреблена. Итак, в окраске зебры основной цвет желтовато-коричневатый или белый.

Сегодня после обеда мы поймали и пометили четырех томми. Мы с Михаэлем изрядно устали. На обратном пути я снова забираюсь на радиатор машины, приведя обе свои камеры в боевую готовность. Теплый летний воздух обвевает меня со всех сторон. Внезапно я замечаю, что вокруг нас совершенно «зимний» пейзаж. Покрытый «изморозью» кустарник стоит голый, без единого листочка, зато каждая веточка сверкает в ярком солнечном свете. Это блестят длинные острые шипы, торчащие во все стороны с каждой ветки.

Мы нечаянно вспугиваем двух детенышей гепарда, лежащих в траве возле самой дороги. Они убегают, но тут из травы в 50 метрах от нас выскакивает их мамаша и злобно бросается к машине. Некоторое время она продолжает бежать рядом с нами на расстоянии полутора метров от колес; скорость ее при этом 50 километров в час.

Обычно гепарды побаиваются людей, и я никогда не подумал бы, что материнская любовь может толкать их на столь смелые поступки.

У дороги стоят две самки жирафа с четырьмя детенышами и с любопытством пялят на нас глаза с высоты своих пяти метров. Все четверо детенышей-однолеток тоже уставились на нас, но уже этажом ниже, с высоты двух метров. Бывают ли у жирафов близнецы, или они устраивают детский сад и одна сестра присматривает за малышами другой? Ни одного другого жирафа поблизости не видно.

Да, еще полно никем не разрешенных вопросов, касающихся жизни диких животных.

Мы останавливаемся. По ту сторону высохшего русла реки Груметп под высокими деревьями резвятся 30 или 40 павианов. Их тощие и неловкие детеныши играют в «салочки» — ловят друг друга за хвост, взбираются на кусты и стягивают один другого вниз. Молодая антилопа бушбок тоже хочет принять участие в игре, но павианчики довольствуются собственным обществом и не обращают на нее никакого внимания. А козлик все стоит, опустив голову, приглашая кого-нибудь с ним побороться. Наконец одна из обезьянок подошла и схватила его руками за рожки. Козлик сейчас же принялся забавно скакать из стороны в сторону.

Один лесничий однажды наблюдал, как маленькие павианы садились верхом на детенышей антилопы импала и те охотно принимали участие в этой игре.

Жеребец зебры покусывает кобылу за передние ноги. Она, как бы испугавшись, отбегает, но, поскольку он не отстает, она опускается на колени, пряча ноги под туловище. Тогда он кладет свою шею поперек ее и старается пригнуть голову кобылы к земле. Начинается настоящая проба сил. Но вот он на секунду ослабляет внимание, и она сейчас же подминает его голову под свою; ей даже удается опрокинуть жеребца на бок, но он выскальзывает и вскакивает на ноги.

Разыгравшаяся кобылка дергает его зубами за гриву, опускается перед ним на колени и вызывает его на новую потасовку. Когда он приближается, она внезапно вскакивает, делает вид, что хочет убежать, и в это время лягает его задними ногами. Она явно влюблена — это заметно по тому, как широко она разевает рот и прижимает уши. Таким образом у лошадей и ослов принято выказывать свое расположение.

О зебрах нам пока известно еще очень мало. Недавно один немецкий дрессировщик, Гайнц Гибел, приучил зебру различать 20 различных значков — кресты, кружки, треугольники и т. д.— и только под определенными из них искать свой корм. Животное помнило эти значки и спустя десять с половиной месяцев — значит, зебры обладают достаточно хорошей памятью.

Меня всегда беспокоило, что наши зебры в зоопарке так жиреют. Но здесь, в Серенгети, я убедился, что на воле они еще упитаннее. Так и хочется похлопать рукой по их круглому, блестящему крупу.

Во многих частях Африки, в том числе и в Серенгети, европейские лошади жить не могут. Они погибают от болезни нагана (чума скота). До того как был изобретен автомобиль, европейцы не раз пробовали приучить зебру ходить в упряжке и под седлом. Зебры становились ручными, охотно тянули повозки, но долго не выдерживали и погибали. И не удивительно: из старых отчетов я узнал, что во время засухи их не подкармливали, как лошадей, концентрированными кормами, а пускали пастись на выжженной, сухой траве.

Возможно, с помощью наших ошейников и ушных маркировок удастся заодно установить, до какого возраста может дожить зебра на воле. В зоопарке они живут очень долго. В Амстердамском зоопарке квагга прожила с мая 1867 до августа 1883 года. К концу своей жизни этот экземпляр остался единственным на земном шаре, так как за это время на его родине белые фермеры успели перестрелять сотни тысяч его собратьев и наделать из их шкур мешки для зерна. А зебра Чэпмана в Дублинском зоопарке прожила даже 46 лет.

Мгабо сворачивает с дороги и медленно едет прямо по степи. В тени единственной зонтичной акации сидят гиеновые собаки;

они всегда неравномерно пятнистые — черно-бело-желтые, но непременно с белой кисточкой на конце хвоста. Со скучающим видом они осматривают окрестности. Нам нечего беспокоиться, что они убегут, не дав себя заснять: гиеновые собаки не обращают никакого внимания на автомобили и очень мало — на людей. Даже когда я вылезаю из машины, только некоторые поднимаются на ноги, остальные остаются под деревом.

Странные, зловещие создания эти дикие собаки с огромными ушами. Если они всерьез задумают загнать антилопу канну, водяного козла или гну, то жертва обречена. Когда нам пришлось чинить свой охромевший самолет прямо посреди степей Масаби, мы с Михаэлем наблюдали, как семь таких разбойников ловили самку газели томми. Две гиеновые собаки отогнали газель от ее стада и не спеша бежали за ней. Газель же скакала огромными прыжками, отталкиваясь сразу всеми четырьмя ногами, и через несколько минут уже заметно устала. Тогда обе собаки побежали быстрее, а со стороны наперерез кинулась остальная стая, и не успели мы разобраться в том, что происходит, как газель уже была схвачена и разорвана на куски.

Майлсу недавно удалось наблюдать, как после одного такого разбойничьего налета четыре гиеновые собаки деловито направились к двум норам в земле, заскулили возле них и оттуда появилось четверо щенят. Родители отрыгнули мясо, и малыши с жадностью на него набросились.

Как-то две такие дикие собаки явно потеряли свою стаю. Они звали ее, низко опуская голову к земле, а затем выпрямлялись и прислушивались. Через несколько минут вся остальная братия уже неслась им навстречу с противоположной стороны холма.

Бывали случаи, когда загнанные антилопы в смертельном страхе старались спастись среди людей — вбегали прямо в лагерь или прятались между работающими на поле женщинами. Иногда собак удавалось прогнать криками и камнями, но часто они, не стесняясь присутствия людей, разрывали свою жертву прямо на виду у всех.

Как только одна из собак впивается зубами в добычу, все остальные делают то же самое. Начинается бурная дележка: одна впивается в горло, другая поглощает внутренности, а третья — нерожденного детеныша, вывалившегося из вспоротого живота. Это выглядит омерзительно и страшно, но происходит в столь быстром темпе, что не успеваешь оглянуться, как все уже кончено.

Гиеновые собаки не побоялись как-то напасть даже на бегемота; они прыгали гиганту на грудь, и тот в явной растерянности был рад-радешенек, когда наблюдавший эту сцену человек отвлек разбойников выстрелом; бегемоту за это время удалось добежать до воды. Тогда эти нахалы окружили двух слонов, и те боязливо попятились, подняв кверху хоботы. Если затравленная гиеновыми собаками жертва пускается вплавь, она спасена. В воду они идти не решаются — может быть, из-за врожденного страха перед крокодилами.

А тут на расстоянии не более 100 метров от отдыхающих гиеновых собак мирно пасется целое стадо газелей Томсона в 400—500 голов. Газели наверняка видят собак, но не выказывают ни малейшего страха. Такое поведение может показаться странным, но мы уже не раз замечали, что, когда через стадо гну проходит лев, те не бросаются врассыпную, а лишь отходят на почтительное расстояние, уступая ему дорогу. Дело в том, что лев, которого зебры или антилопы *видят*, не представляет для них опасности. Стоит им пуститься наутек, и ему вряд ли удастся их догнать. Опасность возникает только в момент, когда лев внезапно *исчезает*. Тогда в стаде начинается заметное волнение, так как это может означать, что хищник где-то затаился и подкрадывается.

А вот гиеновые собаки в любой момент могут догнать кого угодно, и все-таки почему-то их потенциальные жертвы не скрываются от них. По-видимому, по поведению хищников они определяют, голодные ли те и находятся ли в охотничьем азарте. Наши овцы, козы и коровы тоже ведь не убегают при виде каждого человека, хотя в один прекрасный день непременно погибнут от человеческой руки.

К счастью, человек не числится в «меню» гиеновых собак. Правда, фон Леттов-Форбек в одной из своих книг рассказывает, будто бы слышал, что гиеновые собаки в Танганьике разорвали какого-то европейца. Нашли якобы пять убитых собак, пять пустых гильз от патронов и остатки его трупа.

Я не знаю, было ли это на самом деле, но все равно отдельные исключения не могут опровергнуть общего правила.

Кстати, мне известно, что подобные случаи бывают и в Европе с нашими собаками. Так, в феврале 1959 года в Филлахе (Австрия) двенадцатилетний мальчик бросился с кнутом в руках защищать свою овчарку от напавших на нее двух догов, сорвавшихся с цепи в соседней деревне. Те сначала вцепились в овчарку, потом бросились на мальчика и так покусали несчастного, что его не удалось спасти даже переливанием крови.

У меня собрано несколько сообщений за последние полстолетия, в которых говорится о том, как домашние собаки загрызали людей. Если бы я их опубликовал в какой-нибудь стране, где никогда не видели собак, то ее жители, посетив в один прекрасный день Европу, непременно хватались бы каждый раз за пистолет при виде собаки. Так же обстоит дело и с дикими животными Африки. В книгах и фильмах всячески изощряются, описывая их как можно более кровожадными, чтобы человек, отважившийся к ним приблизиться, мог прослыть у себя дома героем и снискать всеобщее восхищение.

В последние дни августа мы повстречали здесь стаю гиеновых собак — 14 взрослых и 9 молодых. Они только что расправились со своей добычей и трусили дальше. Внезапно оба вожака стаи остановились как вкопанные и уставились на стадо из 40 гну, которое паслось на расстоянии примерно 800 метров. Затем они не спеша двинулись в сторону антилоп. Остальные соба-

ки, тоже не торопясь, последовали за ними на расстоянии 200 метров.

Вдруг откуда-то сбоку появилась большая гиена. Один из вожаков резко свернул и погнался за физи. Та бросилась наутек, но удрать ей, конечно, не удалось. Собака схватила ее за заднюю ногу и опрокинула. Гиена громко завизжала, но не делала никаких попыток сопротивляться. Укусив ее раза два, собака снова побежала своей дорогой.

Когда оба вожака приблизились к стаду гну примерно на 400 метров, нам показалось, что они в беге прямо распластались по земле. Гну тоже это заметили и бросились врассыпную. На несколько мгновений все скрылось в туче пыли. Тем временем подтянулась остальная стая. Когда пыль осела, мы, к своему удивлению, увидели, что гну разделились на четыре небольшие группы и стояли плотными кругами, рогами наружу, защищая сбившийся посередине молодняк. Гиеновые собаки тоже разделились. Но каждая их попытка прорвать сомкнутый круг терпела неудачу: всюду их встречали низко опущенные острые рога. Мы ждали. Внезапно какой-то беспокойный теленок вырвался из одной группы наружу. С быстротой молнии вся стая оказалась около него. Пока мы успели подойти, теленок был уже растерзан. Стадо снова рассыпалось по степи, а собаки отправились своей дорогой.

В зоопарках редко можно увидеть гиеновых собак. Возможно, потому, что они слишком похожи на обычных собак и не имеют достаточно устрашающего вида. Если у них рождались малыши, то их, как правило, удавалось выкормить только из рожка или с помощью домашней собаки-кормилицы. Гостивший у меня недавно директор Московского зоопарка И. П. Сосновский рассказал мне, что случай неожиданно помог ему вырастить приплод гиеновых собак естественным путем. Служитель, ухаживающий за хищниками, забыл отделить самца от выводка, как это обычно практикуется. И вот служащие Московского зоопарка, к своему удивлению, увидели, как самец брал голову каждого щенка в свою огромную пасть и отрыгивал для него мясо.

Между собой эти жестокие убийцы держатся вообще очень миролюбиво. Когда встречаются две стаи, они радостно обнюхивают друг друга, смешиваются в одну общую стаю и расстаются без малейшей враждебности. Даже когда однажды у горы Меру свора охотничьих собак повстречалась со стаей диких гиеновых, все обошлось так же мирно и спокойно.

Щенята гиеновых собак, выкормленные из рожка, становятся впоследствии весьма общительными, однако душат всех кур в окрестности и хватают соседей за ноги. К тому же каждая прирученная гиеновая собака издает такой неприятный запах, что с ней все равно вскоре приходится расстаться. Заметьте: оказывается, вонь тоже хорошее средство сохранить свою свободу!

— Надо же! Приехать встречать меня прямо на аэродром, так далеко от Найроби! — говорит дама впереди меня на чистейшем немецком языке, обнимая какого-то мужчину с аккуратно подстриженными седыми усами.

Я не верю собственным ушам. Целую ночь и почти до обеда мы просидели с ней рядом в креслах самолета, и она мне успела многое о себе рассказать: и о том, что она впервые за шесть лет выбралась из Южной Африки в Европу, чтобы провести там свой отпуск; и о том, что она чувствовала себя неуверенно на автостраде и потому приделала сзади к своей машине щит с надписью: «ЮЖНАЯ АФРИКАНКА В ОТПУСКЕ. ПРОСЬБА БЫТЬ ОСТОРОЖНЫМИ». Все это время мы разговаривали друг с другом по-английски. А теперь выясняется, что она немка и 30 лет назад вышла замуж в Южной Африке!

Не видя за барьером для встречающих Михаэля, я начинаю нервничать. Он уже три недели как здесь, в Африке, а я смог выбраться только сейчас. Я, признаться, не люблю, когда он один летает над Серенгети: мне всегда чудится, что с ним каждую минуту может стрястись какая-нибудь беда. Я пришел к выводу, что мы, мужчины, все-таки неисправимые эгоисты: вот ведь моя жена всегда остается во Франкфурте и должна волноваться не за одного, а за целых двух мужчин!

Из самолета я прихватил кое-что с собой, чего вообще брать не положено. Дело в том, что мы никак не можем выяснить, где покупают всем известные водонепроницаемые пакеты, которые кладут в карман на спинке кресла. Зато я делаю широкий жест и всовываю в эти карманы все красочные карты и проспекты, которые бесплатно выдаются каждому пассажиру. В нашей полосатой «зебре» накопилась уже целая коллекция таких водонепроницаемых пакетов с надписями: «KLM», «Lufthansa», «BOAC», «Sabena», «SAS». Они нам необходимы потому, что время от времени приходится подвозить то кого-нибудь из местного правительства, то лесничих других национальных парков, то масаев и других африканцев.

Но вот наконец и Михаэль. Он уже загорел, а я пока еще бледный. Мне почему-то пришло в голову, что у русских и поляков есть такой милый обычай обниматься на вокзале и троекратно прикладываться щекой (пусть даже небритой) к щеке. Но у нас не приняты такие сентиментальности, и потому мы просто пожимаем друг другу руку.

Миха что-то похудел. Это и неудивительно, раз никто не следит за тем, чтобы он ел что-нибудь. Рядом с ним стоит Герман, отпустивший за это время рыжую бороду. Занятно, что каждый молодой человек непременно использует любую возможность, будь то на войне или в экспедиции, чтобы испробовать, как он будет выглядеть с бородой. Михаэль это тоже проделал три года

назад в Конго. А Герман выглядит как древний германец в пробковом шлеме! Ему приходится нахлобучивать себе на голову эту смешную посудину, потому что он очень белокожий и легко может получить солнечный удар.

Чтобы не терять времени, мы распределили между собой роли и каждый делает свое: один закупает овощи у индийского зеленщика, другой — хлеб у польского булочника, а третий — остальное продовольствие в итальянском гастрономе. Мы с Михаэлем давно усвоили нехитрую науку наших деревенских бабушек: для хозяйства надо все закупать впрок, на несколько недель вперед. На дверях нашего алюминиевого домика, там, далеко в серенгетской степи, лейкопластырем приклеен листок бумажки и на веревочке болтается карандаш. Туда каждый вписывает, что ему нужно привезти. Чего только нашей «Утке» не приходится тащить в своем «брюхе»: десять больших ананасов, две грозди бананов, мешок картошки, макароны, муку, 200 яиц, 20 килограммов мяса, сахар, спички, батарейки, шесть ящиков с минеральной водой и пивом, капусту, салат, туалетную бумагу, четыре ящика разных консервов да еще в придачу нас троих.

Все это наша славная полосатая «Утка» с рокотом поднимает в воздух и несет через вулканы и долины туда, где нас с нетерпением ожидает настоящий маленький боевой отряд на 12 автомобилях.

Этот отряд должен нам помочь осуществить один наш замысел. Мы задумали здесь целое дело, притом совершенно секретное. Недавно нам с Михаэлем пришлось дать с воздуха настоящий бой браконьерам. А для того чтобы поймать их «наземным» способом, придется целой автоколонной углубиться в дикую местность. Но вот вопрос: куда ехать? Ведь так можно заехать и туда, где нет никаких животных, а следовательно, и браконьеров. А так как пока еще никто не знает, каким путем здесь кочуют по степи животные, можно только впустую потратить деньги и время. Администрация национального парка и Охотничье управление уговорили полицию принять участие в нашем походе против браконьеров; однако полицейские сразу же потеряют интерес к этому делу, если в течение нескольких дней не увидят ни дичи, ни браконьеров.

Но теперь мы знаем, куда ехать. Недавно на своей «летающей зебре» мы обнаружили с воздуха стадо, откочевавшее за северную границу национального парка, в кустарниковую саванну. Там дикую местность со всех сторон теснят новые деревни и поперек зеленых лугов тянутся искусственные заграждения из колючего кустарника. Эта часть саванны для браконьеров самая удобная. Равнину вдоль и поперек пересекают речки, окаймленные лесистыми берегами. Высохшие в это время года русла врезаются в землю на пять-шесть метров, так что эти места для машин практически непроходимы. Браконьеры об этом прекрасно знают и чувствуют себя привольно.

Но Майлс Тернер, работая когда-то в этих местах профессиональным охотником, имел здесь свои любимые охотничьи угодья

и знает, где на вездеходе все-таки можно перебраться через сухие русла.

С тех пор как здесь запретили охоту, европейские охотничьи экспедиции перестали сюда наведываться, так что местные охотники могут безнаказанно творить все, что хотят. Когда заповедники значатся только на картах, результаты зачастую получаются обратные тому, что было задумано: вся живность там полностью истребляется. Если нет возможности поселить в таком месте лесничего, то можно не трудиться и не изображать на карте какой-либо национальный парк или резерват. Они, правда, прекрасно выглядят во всех путеводителях и прочих печатных изданиях, но могут служить лишь для успокоения соответствующих специальных организаций в Европе и Америке. Для этого все эти проспекты с «заповедными местами» действительно годятся. В любой самой отдаленной африканской колонии и, разумеется, во всех вновь созданных самостоятельных государствах всегда можно получить целую пачку официальных правительственных предписаний, содержащих закон об охране природы, строгие запреты на охоту и постановления о создании заповедников.

Беда лишь в том, что о существовании этих заповедников и законов в самой стране никто даже и не подозревает.

Спустя четверть часа я уже становлюсь таким же загорелым, как Михаэль. Наша автоколонна едет через Икому все дальше на север. Каждая следующая машина глотает красновато-коричневую пыль, поднятую предыдущей.

Но вон того орла эта пылища, видимо, нисколько не беспокоит: на бреющем полете он врезается прямо в семейство полосатых мангуст и хватает одну из них. Эти мангусты, узкие, длинные животные ростом с кошку, сходны с теми, которые водятся в Индии и уничтожают ядовитых змей. Здесь, в Серенгети, мангусты выглядят очень потешно: полоски у них поперечные, как у зебры. Я таких еще не видел ни в одном зоопарке.

Орел, держа в когтях громко кричащую мангусту, летит с нею к ближайшему дереву. Однако 16 или 20 остальных зверьков отнюдь не бросаются в бегство; наоборот, эти маленькие смельчаки запрыгали на своих коротких ножках вслед за птицей, окружили дерево и начали под ним пронзительно кричать и визжать.

Их трогательная сплоченность вознаграждается: орел выпускает свою жертву, она падает на землю и бежит вместе со всей ватагой в сторону рощицы, где они живут. Оказывается, грозного противника с превосходящими силами порой можно прогнать даже одной руганью и криками, важно лишь действовать сообща.

Наша автоколонна сворачивает с проезжей дороги и до пяти часов вечера едет прямо по бездорожью, через рощи и холмы. В семь часов уже темнеет, и мы готовимся к ночлегу. К своему удивлению, мы видим, что наши спутники разбивают палатки, раскладывают удобные раскладушки и шезлонги. Мы сразу ка-

жемся себе какими-то бедными и неприкаянными и потому рады, когда Майлс одалживает нам палатку. У наших боев с собой москитные сетки, а у нас их нет. Кроме того, нашу палатку поставили как раз в какой-то низине, но будем надеяться, что ночью не польет дождь. Мы с Германом купаемся вместе с проводниками в ручейке с подозрительно темной водой, все берега которого изрыты копытами буйволов.

А потом мы сидим у костра и рассказываем истории с привидениями.

Отец Гордона Пульмана в 1940 году сам видел, как жители одной деревни среди бела дня с криком убегали от духа покойника. Старший Пульман работал ветеринаром в этих местах и за год перед этим случаем нашел на дороге в Наньюки тяжелораненого молодого человека. На него, неизвестно почему, напал носорог. Обороняясь, юноша воткнул конец своего копья в землю, и носорог со всего размаху на него напоролся. Несмотря на это, животное своим рогом успело рассечь юноше грудь так, что обнажилась часть легкого. Товарищи этого парня решили, что он мертв, и оставили его на дороге. Отец Гордона отвез пострадавшего в наньюкийский госпиталь. И вот когда юноша появился через год в своей родной деревне, где все, разумеется, давно считали его мертвым, то был принят за привидение, от которого все с ужасом шарахались в сторону.

Мы с Германом отлично выспались и без москитных сеток. Михаэль в этом походе не смог принять участия: он остался собирать гербарий. На другое утро наша армия разделилась на три группы и разъехалась в разных направлениях.

На вездеходе или в седле я могу ехать без устали. Часами мы катим по бескрайним равнинам мимо серовато-зеленых холмов, мимо разреженных куртин акаций. Мне кажется, будто я еду верхом прямо так, без дороги, по полям и лугам обширных восточноевропейских равнин. А вокруг догорает золотая осень, и на синий небосклон не спеша поднимаются белые облачные корабли, чтобы затем вновь опуститься там, далеко за горизонтом...

Мощный самец антилопы канны весом, наверное, в восемь центнеров хочет во что бы то ни стало перебежать нам дорогу. Во время бега кожная складка у него под шеей раскачивается из стороны в сторону. На минуту он останавливается перед продавленной машинами колеей и мощным прыжком перемахивает через дорогу, не прикоснувшись к ней ни одним копытом. Я не могу задерживать автоколонну, чтобы измерить длину прыжка, но уверен, что она не меньше 4,5 метра.

Затем теряются последние, месячной давности, следы от автомашины, и мы едем прямо по степи.

На самой вершине скалистых гор, подпирая рогами темносинее небо, стоит антилопа-прыгун. Эти останцовые горы выглядят как кучки гравия под огромным увеличителем. У глыб закругленные края, повсюду видно, как порода, растрескавшись от жары, пластами сползала вниз. Гранитный щебень у основания

скал гораздо быстрее подвергается выветриванию, чем их вершины. Поэтому у таких останцов нет щебнистой осыпи у подножия, как это типично для наших скалистых гор, и они высятся прямо на голой равнине. Только я успеваю бросить взгляд на редкостную карликовую антилопу, как облако пыли снова скрывает ее от меня.

Мы невольно замедляем темп: наша автоколонна выезжает на равнину с редко разбросанными по ней низкорослыми зонтичными акациями. Поперек этой равнины неровной линией тянется изгородь из срубленных колючих веток. Она невысока, ветки небрежно брошены одна на другую или воткнуты в землю, так что любое затравленное животное могло бы без труда перемахнуть через нее. Но когда животных никто не гонит и стада просто медленно кочуют по степи, они, наткнувшись на такое препятствие, идут обычно вдоль него в поисках лазейки, через которую можно спокойно и осторожно пробраться на другую сторону.

Мы тоже отправляемся вдоль браконьерской загородки и вскоре добираемся до лазейки. Как я установил путем опытов, человек обладает значительно более острым зрением, чем лошади и другие копытные. Поэтому мы сразу же обнаруживаем петлю, подвешенную в этой лазейке на высоте головы гну. Конец проволоки ведет к невысокому деревцу, вокруг которого он дважды обмотан и завязан узлом.

Мы отвязываем проволочные петли и бросаем их в машину. В следующей лазейке в петле еще болтается голова зебры. Хотя от нее остался только череп и лоскутья кожи, тем не менее нет никаких сомнений, что она совершенно свежая. Животное наверняка удавилось только нынешней ночью, а браконьеры, гиены, грифы и шакалы быстро сделали свое дело. Трава вокруг красная от свежей крови.

Изгородь, да и вся местность вокруг, полна этими петлями. Нам удается собрать только те, что мы обнаруживаем, проезжая мимо. У нас в машине уже больше 40 этих смертоносных орудий, а теплый ветер все вновь и вновь доносит до нас трупный запах...

Вот лежит зебра; внутренности ее съедены, но высохшая кожа еще обтягивает скелет. Браконьеры отрезали у нее лишь хвост, который они продадут в качестве опахала от мух. Об остальном позаботились стервятники. По дороге я подсчитал остатки 22 гну. У них тоже были отрублены только хвосты. Какая жестокость и какое преступное разбазаривание мяса, которое могло бы пойти на пользу голодающим и бедствующим людям! Даже грифы и те не в состоянии использовать такой обильный «урожай». Все это предоставлено солнцу и тлению.

В бинокль я наблюдаю за носорогом, невозмутимо стоящим у водопоя на берегу речки, из которой торчат головы двух бегемотов. По нему, словно дятлы по дереву, скачут две буйволовые птицы. Между прочим, я совсем не уверен в том, что они служат у носорогов еще и сторожами, предупреждающими об опасности,

как утверждают некоторые исследователи. Сколько раз мне приходилось наблюдать, как эти красноклювые птицы испуганно улетали, когда мы приближались, а носорог не двигался с места, в лучшем случае он поворачивал голову в нашу сторону.

Вот и сейчас парочка птиц вспархивает, но не для того, чтобы улететь, а чтобы попить. Создается впечатление, что эти птицы чувствуют себя уверенно только на теле какого-нибудь животного. Ведь они могли бы спокойно сесть на берегу и утолить свою жажду, как это делают все остальные птицы. Эти же предпочитают приземлиться на спине одного из бегемотов, лежащих в воде, и пить воду с такого живого островка.

Свой поход мы строго засекретили. Для всех проводников и боев это самая обычная увеселительная прогулка; никто не должен был знать, зачем мы, собственно, едем или по крайней мере куда едем. Ведь у каждого такого проводника есть родственники в Икоме или близлежащих селах. Почему они, собственно, должны быть менее болтливы, чем европейцы в подобной же ситуации? Наш шофер Мгабо часто рассказывал нам, что во времена своей молодости он тоже был браконьером. Однако у нас создается впечатление, что кто-то здесь все же предупредил воров. Впрочем, нас могли выдать и облака пыли от машин, и рокот моторов, раздающийся на многие километры вокруг. Браконьерам достаточно перебраться на другую сторону речного русла, и между нами возникнет препятствие, на преодоление которого у нас уйдет не менее часа.

Мы бросили искать проволочные петли и трупы; теперь все три наши машины на расстоянии 200 метров одна от другой стараются как можно быстрее прочесать степь.

Вся наша надежда на скорость. Если кто-нибудь из браконьеров еще не успел убежать и прячется где-нибудь в траве, то он от нас не уйдет.

Однако на опушке леса нам все же пришлось остановиться. Молоденькая зебра попала в петлю, но еще жива. Задние ноги ее уже подкосились, но передними она старается упереться в землю, силясь подняться. Перепуганные, налитые кровью глаза прямо вылезают из орбит, а синий язык свешивается сбоку изо рта. Проволока врезалась глубоко в шею, и та сильно отекла и разбухла. Невдалеке стоят две гиены и ждут. Даже камнями их удается отогнать только на несколько шагов.

Поскольку мы не захватили с собой кусачек, нам приходится сперва накинуть на шею полузадушенной зебре пеньковую веревку, а потом уже отвязывать проволоку от дерева. Это необходимо для того, чтобы перепуганное насмерть животное не убежало от нас сразу же с железной петлей на шее. Но наши опасения напрасны: жеребенок не может даже встать, нам совершенно спокойно удается высвободить его голову из петли.

Я смотрю на часы: только через 20 минут животное снова в силах подняться на ноги. Нет, поистине не следует жалеть зебр,

попавших в лапы львов или гиеновых собак,— эти хищники не так жестоки!

Наша погоня продолжается. Внезапно Герман хватает водителя за плечо: там, напротив, у самой опушки леса, он увидел нечто странное, напоминающее маленький садик, который дети устраивают на песке,— низенький забор из сплошных палочек. Мы вылезаем и бежим туда.

Это, разумеется, не садик, а львиная шкура, разложенная на земле для просушки мездрой наружу; по краям она прибита к земле острыми колышками, чтобы не сморщилась под солнцем. В нескольких шагах от нее натянуты для просушки и шкуры зебр. Трава вокруг вся истоптана. Следы ног ведут в кустарник. Наш проводник уже бежит туда.

— Осторожно! — кричу я ему.— Эти парни могут стрелять отравленными стрелами!

Но его уже не удержишь; он раздвигает кусты, и мы бросаемся вслед за ним. Лес здесь тянется узкой полосой вдоль берега сухого речного русла. Мы бежим по протоптанной тропинке в глубь кустарника и вдруг останавливаемся, не веря собственным глазам.

Может быть, это и не совсем удачное сравнение, но именно оно пришло мне в голову: я вспомнил сказку про братца Иванушку и сестрицу Аленушку, которые наткнулись в дремучем лесу на избушку бабы-яги, спрятанную среди высоких деревьев.

Здесь тоже стояла соломенная избушка, а вся площадка перед ней освещалась причудливым розоватым светом, пробившимся сквозь высокий навес. Под навесом на длинных жердях как будто кто-то развесил для просушки белье. Но нет, свешивающиеся сверху лоскутья — это мясо, красные полоски мяса, облепленные мухами. Правда, они тоже развешаны для просушки.

Как видно, браконьеры не решились устроить свою сушилку прямо в открытой степи, а использовали для этой цели лужайку, скрытую среди высоких деревьев. Над тлеющим еще костром нависают косо воткнутые в землю прутья. На них нанизаны куски мяса, предназначенные для копчения и поджаривания. Возле хижины валяется лук с отравленными стрелами. Видимо, владельцы этого лагеря бежали весьма поспешно.

Я поднял с пола странную трубку, мундштук которой был еще влажным от слюны. Рядом с ней лежал завернутый в сухой лист гашиш, которым продавцы наркотиков в Америке начиняют сигареты «Марихуана». По-видимому, браконьеры спрятались где-нибудь в зарослях совсем поблизости и наблюдают за нами; будем надеяться, что они не вздумают обстреливать нас своими стрелами.

Вокруг валяются кучи костей, на суку висит целая грудная клетка антилопы. В избушке мы нашли початый мешок с мукой маниоки и несколько остро отточенных кухонных ножей, предназначенных, вероятно, для ошкуривания. Здесь же лежали два одеяла и гора проволочных петель.

Гордые своей находкой, мы раздвигаем кусты и выбираемся наружу, собираясь позвать остальных, чтобы всем вместе отправиться дальше на поиски сбежавших браконьеров. Но оказывается, наши товарищи сами нас уже ищут. Как выяснилось, Майлс в двух километрах отсюда обнаружил в зарослях гораздо бóльший лагерь. Двух браконьеров удалось задержать, остальные, к сожалению, разбежались. Один из проводников чуть было не схватил еще двоих, но, когда он догнал их возле самой опушки, они внезапно обернулись, натянули свои луки и сказали:

— Еще шаг — и ты мертв!

Поскольку у того не было с собой огнестрельного оружия, ему ничего не оставалось делать, как отпустить их подобру-поздорову: с такими молодцами, без сомнения, шутки плохи.

Этот второй лагерь в лесу выглядит как обширная площадка для сушки белья целой сельской общины. Только все белье красное. Мы, пригнувшись, проходим под лоскутьями мяса, часть которых уже успела почернеть и съежиться. Вокруг наших голов жужжат полчища мух. Туши зебр и гну в полуобработанном виде небрежно свалены в кучу, они издают страшное зловоние. Часть высушенного мяса уже сложена и увязана в узлы.

Судя по числу спальных мест, здесь обосновалось от 10 до 12 человек. Мне даже трудно себе представить, как они могут жить в этакой вонище среди засилья мух. Кроме того, лагерь не огорожен даже колючей изгородью, а ведь он, безусловно, должен привлекать львов и других хищников. Правда, обладая отравленными стрелами, можно не бояться и львов, ведь достаточно только ранить животное, и рано или поздно оно все равно умрет. А поскольку вокруг лагеря гниет еще больше трупов, то львам вроде и незачем сражаться из-за мяса с браконьерами...

У нас богатые трофеи. Наш грузовик протискивается сквозь кустарник к самому лагерю, и мы погружаем в него снаряжение, провизию, горы проволочных петель и весь остальной скарб браконьеров. Остальное, в том числе и мясо, мы бросаем в кучу, поливаем бензином и поджигаем.

Оба пленника теперь сидят в наручниках. Разумеется, они ничего не знают, они просто случайно забрели в эту местность и только собрались у мертвого гну отрезать хвост, как наши проводники их схватили.

Из года в год десятки тысяч животных умирают мученической смертью. И только ничтожная часть мяса действительно используется; у остальных жертв браконьеры отрубают лишь хвосты, бивни (у слонов), рога (у носорогов), иногда в дело идут шкуры. Какой смысл в национальном парке Серенгети, если заповедные животные вынуждены ежегодно сухое время года проводить вне его границ, где уничтожаются десятками тысяч? В самом парке еще кое-как можно бороться с браконьерством, но поскольку его границы явно не соответствуют местам обитания животных, то нет никакой гарантии, что это последнее чудо природы Африки удастся сохранить.

Все делается так безрассудно! Если в степях и полупусты-

 нях Серенгети несколько десятков лет подряд выпасать рогатый скот и отары овец, то эти районы постигнет та же судьба, что и обширные территории Индии, Северной Африки и Северной Кении, то есть они превратятся в настоящую пустыню, каких в тропиках немало. И это в то время, как огромные стада диких копытных дают гораздо больше мяса, то есть больше животного белка, в расчете на каждый гектар площади, чем любой домашний скот. Кроме того, дикие животные невосприимчивы к тропическим болезням и паразитам и приспособились к местным кормам. Рядом с ними всегда держатся хищники, которые «заботятся» о том, чтобы в стаде не было больных особей. Целесообразно было бы использовать часть этого дарового мяса (вне заповедника и его окрестностей) для пропитания населения. Но конечно, никто не согласится на такой разумный путь, несмотря на то что его рекомендуют все специалисты.

Да и наши охотники мало интересуются такими обычными, часто встречающимися животными, как зебры, гну или газели Томсона, потому что те стоят в степи, словно коровы у нас на лугах; охотники раздобывают себе специальные разрешения на отстрел редких лошадиных антилоп, носорогов, бонго, антилоп канн, куду или геренук, потому что, чем редкостнее животное, тем ценнее трофей.

Значит, фауна Африки будет и впредь вымирать. По старым картам, а также по развалинам человеческих поселений и костям животных можно судить, что еще 300 лет назад южная граница Сахары проходила на 400 километров севернее, чем сегодня. За такой короткий срок здесь пропало около миллиона квадратных километров плодородной земли. В соседней Кении пустыня с севера и северо-востока ежегодно надвигается на леса на 10 километров! Вот как много погибает в Африке земли и с каждым годом будет погибать все больше и больше! Но нельзя допустить, чтобы все здесь превратилось в пустыню, в частные фермы, деревни, города и безжизненные, высохшие степи. По крайней мере на одном небольшом клочке материка все должно остаться в его прекрасном первозданном виде, чтобы люди еще долго могли этим любоваться и вспоминать нас добрым словом.

Пусть хоть Серенгети не умрет!

Через несколько дней мы погрузили на три грузовика всю свою коллекцию — почти тысячу проволочных петель, целые связки луков с искусной резьбой и горы колчанов с отравленными стрелами. Стрелы эти — настоящие маленькие произведения искусства. По рисунку на их концах можно узнать, кому они принадлежат. Это делается для того, чтобы не возникало споров, когда их собирают после охоты. Ведь изготовлять к ним наконечники не так-то просто: их перековывают из больших плотницких гвоздей, которые продаются в индийских лавчонках. Наконечники густо мажут черной ядовитой мазью, похожей на клейстер.

Луки и стрелы можно сжечь, а вот самое опасное оружие браконьеров — проволочные петли не горят. Петли изготовляют в заброшенных рудниках, и торговцы привозят их специально в те местности, где орудуют браконьеры, которым они и сбывают эти изделия. Если мы где-нибудь выбросим петли, их сейчас же подберут и снова пустят в оборот. К сожалению, владельцы этих орудий смерти не штрафуются.

Но Майлс знает хорошее место, где они действительно безвозвратно исчезнут. Ровно в 20 километрах от Банаги, за границами парка, находятся старые немецкие золотые копи Килимафеза, разработка которых несколько лет как прекращена. Мы везем нашу добычу туда. Обветшавшие сараи, развалины разрушенных зданий, домик из рифленой жести с прочной, уцелевшей крышей. Говорят, что в нем заперты врубовые машины. Охраняет все это старый африканец, которого здесь считают безобидным умалишенным.

Мы подходим к самой шахте. Прямо посреди равнины разверзлась страшная пропасть, обрывающаяся вертикально вниз на 300 метров. Заглянешь — жуть берет. Там, внизу, лежат мертвецы. Словно огромный фотоштатив, возвышается над шахтой старая рудоподъемная башня, шаткая и поржавевшая. У кого хватит смелости, тот может подняться по железной лесенке на маленькую платформу из полусгнивших досок и заглянуть в зияющую бездну. Но если держаться за одну из железных ног башни, туда можно заглянуть и с края ямы.

Под платформой приделано колесо, с которого свешивается обрывок троса длиной в несколько метров. Шесть лет назад он оборвался, и подъемная клеть с 12 рабочими рухнула в бездну.

После этого случая индийский промышленник из Мусомы, купивший за бесценок эти копи в 1918 году, решил полностью прекратить разработку и предприятие закрыть. Оно и так уже перестало себя оправдывать. Трупы 12 сорвавшихся в шахту людей так и остались лежать на дне.

Конец троса тихо покачивается на ветру...

Мы подтаскиваем к краю бездны почти 2 тысячи проволочных петель, скопившихся в Банаги за последние годы. По здешним расценкам, они составили бы неплохой капиталец. Одна связка за другой летит в страшную пропасть. Мы слышим, как по дороге они несколько раз стукаются о скалистые стенки, но звук падения до нас уже не долетает. За петлями следуют луки и стрелы. Что здесь исчезнет, никогда не вернется.

«Вполне возможно, что там, внизу, лежит не один убитый или пропавший без вести человек»,— думаю я.

Но тут же вспоминаю, что в этой стране совсем незачем утруждать себя ликвидацией трупа. Достаточно ему пролежать ночь на открытом воздухе, и гиены уж позаботятся об его исчезновении.

За последние 12 месяцев здесь было поймано и предано суду 88 браконьеров. Вначале кажется, что это очень много. Но когда год назад в Цаво-парке, в соседней Кении, были проведены

систематические обследования, то там нашли останки 1280 слонов, убитых браконьерами за последние два года. А учитывая, что во многих местах почти невозможны тщательные поиски, на самом деле слонов было, видимо, больше трех тысяч. Поэтому правительство было вынуждено наконец отпустить больше средств и выделить специальные полицейские самолеты на борьбу с браконьерством, спекуляцией и массовым уничтожением ценных животных. В последующие 15 месяцев было конфисковано 25 219 фунтов слоновой кости и 492 фунта рогов носорога. При этом было задержано и оштрафовано 429 браконьеров. Тем не менее люди, проводившие поход против браконьерства, подсчитали, что, несмотря на это, на черном рынке исчезло примерно на миллион марок слоновой кости и рогов носорога. В одном районе были обнаружены заросли со смертоносными петлями и в них несколько сот ям-ловушек, так что животные неминуемо погибали там, либо задыхаясь в проволочных петлях, либо проваливаясь в яму на колья.

До тех пор никто даже не подозревал, какие ужасающие размеры приняло браконьерство.

МУЖЕСТВО ПО СХОДНОЙ ЦЕНЕ

— Не порть нам хоть эти последние годы удовольствие, дай поохотиться всласть,— говорит мой друг Блюз, вытягиваясь во весь свой длинный рост на постели. Ноги у него, как и у меня, обуты в коричневые спортивные тапочки, но Блюз срезал с одной из них самый носок, так что большой палец торчит наружу. Палец болит у него уже давно, но он никак не соберется съездить на неделю в Момбасу.

Блюз — профессиональный охотник, который по заданию какой-нибудь «Сафари-фирмы» сопровождает на охоту богатых немецких и американских туристов. Он обязан зорко следить за тем, чтобы ни один волос не упал с головы гостя, пока тот будет охотиться на львов и слонов. Такие профессиональные охотники, как правило, отличные ребята, которым просто тесно в четырех стенах. Между прочим, мне пока еще не довелось увидеть среди них хоть одного, который бы разбогател на этом деле. Богатеют разве что только фирмы, в распоряжении которых они находятся. Этим людям мила свободная жизнь среди дикой природы; своих клиентов они, как правило, откровенно презирают за то, что вынуждены играть при них роль няньки или ангела-хранителя да еще при этом вежливо улыбаться. Почти любой из них согласился бы даже за половину своего жалованья устроиться лесничим в каком-нибудь национальном парке. Но таких вакансий, к сожалению, очень мало.

Многие африканские правительства охотно издают законы о создании национальных парков, но не могут изыскать средств на

содержание обслуживающего персонала, которому надлежит следить за заповедником и за безопасностью животных.

Мой друг Блюз вот уже несколько недель добровольно помогает нам без какого-либо вознаграждения за это. Он только что заработал такую сумму денег, которой должно хватить на то, чтобы его жена и трое детей в Аруше могли безбедно прожить несколько недель; именно поэтому он разрешил себе небольшой отдых и хочет сделать что-нибудь доброе для животных, вместо того чтобы стрелять в них.

Вначале мы с Михаэлем подумали, что он подослан к нам для того, чтобы выведать о каких-нибудь наших неблаговидных делах. Ведь совсем недавно мы узнали, что один немецкий «охотник за дикими животными», рекламирующий себя в газетах бесстрашным победителем горилл и слонов, запрашивал в письменной форме у англичан, живущих в Африке, не знают ли они про нас каких-нибудь гадостей. Ему это было нужно для того, чтобы чинить препятствия нашей работе.

Настроенные подозрительно, мы для начала решили мистера Блюза «прокатить с ветерком», чтобы он потерял желание за нами шпионить, и кувыркали его в самолете до тех пор, пока ему не пришлось воспользоваться нашими незаконным образом приобретенными бумажными мешочками... Но он не струсил. А теперь мы уже давно убедились в том, что он честно хочет нам помочь.

— Нет, я решительно отказываюсь понимать, почему ты так настроен против охоты! — говорит Блюз, выуживая из своего нагрудного кармана смятую сигарету.

— А кто может сказать, что я не люблю охотников? — отвечаю я.— Правда, я люблю животных и умудрился проработать с ними всю свою жизнь. Но из-за этого я вовсе не стал сентиментален и рассуждаю вполне логично. Например, я никогда не стану требовать, чтобы вообще не убивали никаких животных, я ведь не вегетарианец и с удовольствием ем мясо и колбасу. Мне, как биологу, отлично известно, что существование любой жизненной формы на Земле возможно лишь за счет другой жизни: лев убивает зебру, а зебра уничтожает траву.

Не могу я принципиально возражать и против проведения опытов на животных. Правда, закон должен был бы охранять их строже. Но до тех пор, пока я соглашаюсь делать себе прививки против оспы, пока я готов принимать таблетки от головной боли и оперироваться в момент, когда моей жизни угрожает опасность,— до тех пор я не вправе требовать запрещения вивисекции. Потому что все это вначале испытано на животных, усовершенствовано за их счет. Сотни тысяч людей выживают только благодаря тому, что животных приносят в жертву науке. Животные терпят мучения для того, чтобы избавить нас от боли и страданий.

Мне самому не доставляет ни малейшего удовольствия застрелить какое-нибудь животное. Но я не фанатик, я отнюдь не собираюсь навязывать свои взгляды всем остальным людям,

Я прекрасно знаю: не будь у нас охотников, в Европе давно бы уже не было ни серн, ни оленей, ни кабанов, ни зайцев, ни кроликов. Если бы охотничьи общества не оплачивали убытки, нанесенные этими животными полям и огородам, наших последних диких животных давно бы истребили фермеры, считающие их вредителями сельского хозяйства. Те же охотники заботятся о зимней подкормке животных. Убийство животного у хорошего охотника перестает быть самоцелью и отходит на задний план. Ведь в конце концов и скотовод в один прекрасный день забивает своих животных. Самые искусные охотники возвращаются теперь из-за океана, везя с собой в качестве трофея отснятые пленки. Ведь каждому специалисту прекрасно известно, что получить снимок разъяренного слона значительно труднее и во много раз опаснее, чем застрелить его.

Явная неприязнь у меня только к тому сорту «охотников-бизнесменов», которые между деловыми поездками «заскакивают» недели на две в Восточную Африку, чтобы уложить нескольких львов или слонов. При этом они зачастую прежде никогда и ружья-то в руках не держали.

— На пару недель — много ты знаешь! — ворчит Блюз.— На днях мне пришлось на четырнадцать дней свозить в Южную Танганьику целую сафари, разбить там палатки и маркировать белым посадочную площадку, чтобы мой «господин охотник» мог прилететь из Америки на своем личном самолете и удобно приземлиться. Он, видите ли, заключил пари, что ему достаточно одного дня в Африке, чтобы застрелить льва.

И представь, он выиграл пари! Правда, я заранее прикармливал львов в определенном месте, чтобы они держались поблизости; ему достаточно было только пересесть в мою машину и отъехать со мной на километр. Потом мы с ним отошли на двести метров от машины (согласно инструкции) до того кустарника, где отдыхало мое семейство львов. Я настоял лишь на том, чтобы он прошел хотя бы на три шага вперед. Это потому, что я никогда не позволяю подобным возбужденным субъектам с неуравновешенной психикой стоять позади меня: мне еще неохота помирать! Ведь эти гости со своими «пушками» куда опаснее любого льва или кафрского буйвола...

Ну, словом, он пульнул, одновременно с ним выстрелил и я. Но разумеется, льва убил он (таков сервис нашей фирмы). Я его поздравил, и мы выкурили по сигарете, переждав некоторое время, чтобы убедиться, что лев уже мертв и больше не встанет. Затем он гордо, с ружьем в руках, встал возле бедного льва, чтобы, как это водится, запечатлеть себя на снимке для бульварной газетенки у себя дома. Этот деятель тут же полетел в Индию, где какой-то магараджа обещал приготовить ему все для охоты на тигра.

По всей вероятности, у него и на это ушло не больше одного дня.

Тогда я вынул из своего бумажника вырезку из газеты и протянул ее моему другу Блюзу. Мистер Б. С., пуговичный фабри-

кант из Скерделя, штат Нью-Йорк, вместе со своим четырнадцатилетним сыном вернулся на днях из поездки по Западной Африке. На аэродроме парень гордо сообщил репортерам, что его добыча состоит из 300 диких животных. Он перестрелял много слонов и носорогов и даже четырех бегемотов. А как-то он повстречал леопарда, которому одним выстрелом «снес череп».

На фото, относящемся к этому тексту, малый был запечатлен с ружьем и шляпой в руках рядом с молодой девицей, взирающей на него с нескрываемым восхищением.

Здесь, у нас, может быть, и не удалось бы устроить такую дикую и ничем не оправданную стрельбу, потому что английские колониальные власти в Восточной Африке позволяют предприимчивым туристам охотиться только под наблюдением профессиональных охотников. Но ведь в Африке существует достаточно других колоний и государств, где нет таких строгостей [1].

— Некто господин Т. из Америки даже поспорил, что он сумеет убить слона стрелой из лука. Сообщение об этом его «подвиге» облетело страницы всех газет мира. Мистеру Т., видимо, больше нечем было завоевать себе славу сильного мужчины и смельчака.

— Я знаю, я видел его,— сказал Блюз.— Он приехал сюда, в Восточную Африку, и стал искать кого-нибудь, кто бы согласился его сопровождать и охранять. Я отказался, другие — тоже. Любой профессионал знает, чем это может кончиться. Тогда он переехал в Конго и там выиграл свое пари. Правда, в газетах скромно умалчивалось о том, что его сопровождал прекрасно вооруженный профессиональный охотник, в любой момент готовый свалить слона метким выстрелом.

— И ничего не говорилось о том,— добавил я,— что он ва-

---

[1] Чтобы показать, как обстоит дело в других областях Африки, приведу сообщение охотничьей газеты «Wild und Hund» (1961 г.): «Один французский охотник объездил в Португальской Западной Африке все местности, указанные ему официальными органами как наиболее богатые дичью. Во время трехнедельного сафари этот охотник встретил одно-единственное стадо антилоп бейза, из которого ему удалось подстрелить один экземпляр. В Мауа вообще дичи не было, а в Маррупсе за 12 дней ему удалось обнаружить только одну антилопу бейзу. Один раз он нашел давние следы антилопы канны и дважды — кафрских буйволов. Слонов же, носорогов, жирафов, гну, куду, водяных козлов или львов не было и в помине. Результаты этого обследования никого из местной администрации не удивили. Французу удалось выяснить, что в этих местах насчитывается 11 профессиональных охотников. Однажды он видел огромный грузовик, доверху груженный сушеным мясом, который шел откуда-то с севера.

Такие «профессионалы» обязаны заплатить 20 тысяч эскудо за охотничий билет и, кроме того, по одному эскудо за каждый килограмм сухого мяса. Из официальных источников французу удалось узнать, что за прошедший сезон было сдано и оплачено 700 тонн сухого мяса. При этом следует учесть, что вес высушенного мяса диких копытных составляет в среднем 25 процентов от живого веса, а у слонов этот процент еще более низок.

Автор сообщения отмечает, что гостеприимство было на самом высоком уровне, носильщиков ему поставляли в неограниченном количестве, даже с избытком. Не было только одного — дичи».

дил в несчастного слона пятнадцать стрел и преследовал его в течение девяти часов кряду, пока у наемного провожатого не лопнуло терпение и он не прикончил замученное животное из ружья. Однако тут уж *я позаботился* о том, чтобы это было опубликовано во всех газетах того города в Америке, где он проживает!

Один лесничий западного Серенгети, в прошлом профессиональный охотник, составил за свою долгую жизнь несколько прекрасных альбомов с цветными фотографиями животных и снимками приезжих туристов, которых он сопровождал на охоту. Среди этих фотографий есть одна, которую ему выслал один из клиентов, вернувшись в Калифорнию. Этот тучный господин изображен на фоне обвешанной трофеями стены: тут и бивни, и рога антилоп, и головы львов и тигров, а между ними огромная рама с фотографией весьма оголенной известной кинозвезды. С помощью лупы мне удалось прочесть даже собственноручный автограф этой дамы на фотографии: «Может быть, ты и на меня захочешь поохотиться?..» Под всеми этими трофеями сидел отважный охотник и рядом с ним его престарелая супруга. Вид у нее при этом был весьма подавленный.

Наши идеалы за последние десятилетия изменились: успех имеет тот мужчина, который умеет «делать» деньги. Во времена наших дедов и бабок все это еще выглядело иначе. В те времена туго набитый кошелек отнюдь еще не давал доступа в любой дом и вообще куда угодно.

Сегодняшнему преуспевающему дельцу вечно некогда. Все свои часы и минуты, даже вечера и ночи, он вынужден тратить на то, чтобы оставаться «преуспевающим». Но чем старше и солиднее он становится, тем все чаще задумывается над тем, что лишал себя многих удовольствий и если упущенное срочно не наверстать, то скоро будет поздно. Он с горечью сознает, что никогда не чувствовал себя настоящим мужчиной, не имел фактически никакой личной жизни, не пользовался успехом у женщин, не любил ни своей жены, ни чужих жен... В часы раздумий он начинает завидовать даже фабричному парню, лихо отплясывающему на танцплощадке. Тогда он собирает доказательства своей мужественности в мимолетных похождениях, кичится своими мнимыми победами, выставляет напоказ увеличенный в несколько раз портрет своей возлюбленной в золоченой раме... Да настоящий мужчина скорее позволит себе руку отрубить, чем согласится выставить предмет своей страсти на всеобщее обозрение!

Однако одними только деньгами не достигнешь мировой известности. Для того чтобы стать коллекционером произведений искусства, нужно в них хоть что-нибудь понимать; чтобы стать знаменитым альпинистом, необходимы тренировки и смелость, а чтобы стать олимпийским спортсменом — выдержка и богатырское здоровье. И только для *одного* занятия «хлипкому» мужчине не требуется ничего, кроме денег,— для охоты на диких животных за океаном. И даже времени на это уходит очень мало.

Здесь вы можете приобщиться к славе, которую завоевали себе настоящие охотники в конце прошлого столетия, те, которым приходилось с далеко не совершенным оружием месяцами пробираться по бездорожью, рискуя заболеть малярией, сонной болезнью или попасть в руки каннибалам. Вот тем действительно требовалось много смелости и выносливости, чтобы преодолеть все эти трудности. Разбогатевшие коммерсанты, которым недостает потенции, необходимой для доказательства настоящей мужественности, политические деятели, стремящиеся завоевать себе популярность, быстро и без хлопот покупают себе здесь удостоверение своей смелости и отваги, чтобы, вернувшись домой, прославлять себя на страницах газет, иллюстрированных журналов или среди друзей за бокалом коктейля. И от руки подобных-то субъектов должны погибать наши замечательные, благородные животные!

— И должен тебе сказать, что между ними попадаются прямо жуткие типы,— вздыхает Блюз.— Ты не представляешь, какие огромные ящики с виски мне приходится иногда таскать за собой! Правда, иной раз приезжают сюда и порядочные люди, с которыми я охотно работаю. В конце концов ведь все приезжие оплачивают лицензии, они привозят в страну деньги. И все мы смотрим им в лапу. Браконьеры все равно больше уничтожают, чем они.

Лихой затяжной прыжок — и наш «бушбэби» уже на плече Блюза. Сидя там, он начинает сыпать ему сырные крошки за ворот рубахи. Но когда тот пытается его прогнать, малыш возмущается и цапает его за указательный палец. Маленькие острые зубки прокусывают кожу, и палец кровоточит. Блюз вскакивает с кровати, чтобы чем-нибудь запустить в забияку, но тот исчезает среди мешков, ящиков и мотков шпагата.

— Теперь уже далеко не все туристы приезжают в Африку «пострелять» в животных,— говорю я.— В наши дни находятся десятки тысяч людей, которым хочется хоть раз в жизни увидеть слонов и зебр на воле, а не за решеткой зоопарка. Авиация сейчас развивается с такой быстротой, что года через два можно будет за два-три часа из Лондона долететь до Найроби. Наши дети смогут быстрее и дешевле добираться до Центральной Африки, чем наши родители когда-то добирались до Италии.

Почему люди стремятся в Африку? Мне лично нравится природа Восточной Африки, но по мне судить нельзя: я не беспристрастен, я болельщик. А если трезво рассуждать, то Альпы куда величественнее, Швейцария гораздо прохладнее и свежее, Скалистые горы грандиознее... В Африку туристов привлекает только девственная природа с ее дикими животными. Что касается бывших дикарей, то скоро они будут отличаться от нас только цветом кожи: они ведь и так уже разъезжают на велосипедах и машинах. Если же здесь исчезнет и дикая фауна, как это случилось почти повсюду в остальной Африке, то туристам незачем будет сюда и приезжать.

С каждым годом людям все труднее будет разыскать на Земле места, где еще сохранилась нетронутая природа с ее животным миром. А то, что становится редким, как правило, делается дороже и привлекательнее. Когда наши классики ездили в Италию, их интересовали только развалины Древнего Рима и вообще памятники старины. Дикая красота Альп, которая сегодня привлекает миллионы восхищенных туристов, их нисколько не занимала: горы были для них лишь опасным препятствием на пути. Ведь диких мест и нетронутой природы в те времена было повсюду достаточно. В наше же время в Италию каждое лето устремляются миллионы людей. И влекут их туда отнюдь не соборы, а солнце, море и живая природа.

Вот так меняются потребности людей. Еще несколько лет назад считалось, что ежедневно рождается на 80 тысяч людей больше, чем в те же 24 часа умирает. Эти цифры не совсем верны даже для тех лет. А сейчас статистическое бюро Объединенных Наций с помощью электронных машин подсчитало, что число людей ежедневно увеличивается на 171 тысячу, возможно, даже на 187 тысяч человек. Еще до 2000 года нас станет 6, а то и 7 миллиардов. А между тем две трети людей и сейчас уже страдают от недостатка питания, а миллионы ежегодно просто умирают от голода. И при этом каждые восемь лет население Земли получает новое голодающее пополнение, равное населению Китая.

Только начиная с рождества Христова мы, люди, уже истребили 106 видов млекопитающих. То, что дикие животные неминуемо должны пойти на пропитание голодающему человечеству, предрешено. Единственное, что такие люди, как Михаэль и я, полковник Моллой и лесничие, могут сделать для животных,— это отвоевать для них несколько больших «зоопарков» прямо на их родине, то есть создать национальные парки. Звери ведь и на самом деле живут там почти как в зоопарках. Население Европы и Америки, просматривая фильмы и читая книги об Африке, получает совершенно ложное представление об истинном состоянии дел. Крутят чудесные фильмы о нетронутой природе, снятые в парке королевы Елизаветы или в конголезских национальных парках, и ни словом не упоминают о том, что подобные кадры можно теперь заснять т о л ь к о там и нигде более во всей Африке. Книги об Африке повествуют о головокружительных приключениях со львами и змеями, их цель — заставить читателя проникнуться должным уважением к отважному путешественнику. Многие думают, что Африка — это рай для животных, единственный континент на Земле, где четвероногим созданиям еще достаточно просторно и вольготно... Года два назад я в Конго повстречал одного швейцарского торговца, прожившего всю свою жизнь в Каире. Теперь у него достаточно денег и времени, чтобы путешествовать, и он решил проехать в глубь материка, чтобы поближе с ним познакомиться. Этот торговец был уже три месяца в пути: путешествовал он и на самолете, и в автобусе, и по железной дороге, и на пароходе по озерам и рекам, и

просто в машине. Я спросил его, много ли диких животных пришлось встретить ему по дороге.

— А как же,— ответил он,— целую уйму.

И он сейчас же принялся рассказывать про увиденных им слонов, львов и жирафов. Но когда я расспросил его подробнее, то, как я и ожидал, выяснилось, что всех этих животных он видел только в национальных парках. Вне их границ за время его трехмесячной поездки по Африке ему только однажды встретилось относительно крупное животное — страус.

На днях я получил письмо от графини Эрики Р. Она пишет: «Совсем недавно мне пришлось обсуждать со своими родственниками, мечтающими поохотиться, проблему «сафари в Восточной Африке». И некоторым из них, настроившимся вернуться с «внушительными трофеями», мне пришлось несколько испортить настроение, разъяснив, что турист в сегодняшней Танганьике во время такой охоты рискует выступить в роли голливудского героя или магараджи... И вот теперь мой двоюродный брат, граф N, переслал мне Вашу заметку и потребовал, чтобы я списалась с Вами. По-видимому, я не расскажу Вам ничего нового. Шесть недель назад я вернулась из поездки по Танганьике и Кении, где постоянно жила до войны. Именно поэтому я и езжу туда вот уже третий раз начиная с 1951 года. Все, что Вы написали о строгих охотничьих законах в Кении и Танганьике и их неукоснительном проведении в жизнь, полностью подтвердилось. Подобные законы начинали проводить еще в 30-х годах. И несмотря на это, запасы дичи в Восточной Африке катастрофически сократились, за исключением, может быть, только слонов. Западный и северный склоны гор Килиманджаро и Меру кишели когда-то зебрами, антилопами гну, конгони, Томсона, Гранта и импала, в степи было еще много жирафовых газелей (геренук), часто можно было встретить антилопу канну, жирафа и изредка даже антилопу бейза.

А теперь вокруг Килиманджаро, кроме единичных бушбоков и маленьких антилоп-прыгунов, почти не увидишь степных животных. Даже львы и гепарды стали здесь очень редки, и в степи, окружающей эти горы, пасутся только несколько газелей Томсона и Гранта. Картина, прямо скажем, плачевная. Многие животные, видимо, были истреблены во время и после войны. А теперь повсюду развешаны таблички: «No shooting» («Стрелять запрещено»). На 250-километровом пути между Хандени и Багамойо (места, описанные Хемингуэем в его «Зеленых холмах Африки») только одни лишь многочисленные указатели с надписью: «Sables protected» («Лошадиные антилопы под охраной») напоминают о том, что здесь когда-то были знаменитые охотничьи угодья. Никаких следов диких животных, кроме слоновьего помета, я там не нашла».

Да, сегодня в Кении вне границ национальных парков и в местностях, куда можно добраться на машине, не очень легко найти дичь. Поэтому-то сафари так охотно направляются теперь в Танганьику, особенно в южную ее часть. А поскольку они обыч-

но формируются в Найроби, а не в городах Танганьики — Аруше или Дар-эс-Саламе, то и деньги свои туристы оставляют в Кении, расплачиваясь там за снаряжение, провиант и обслуживающий персонал, а в Танганьику поступают лишь сборы за лицензии. По сравнению со всеми расходами, которых требует подобная охотничья экспедиция, эти сборы составляют самую незначительную долю.

Еще в 1870 году в Германии два человека из трех жили в деревне, а один в городе. Но уже в 1932 году это соотношение изменилось: теперь двое из трех вели свое хозяйство в городе и только один оставался в деревне. В 1871 году горожанином был каждый тридцатый немец, а в 1958-м — уже каждый третий. В Англии уже в 1951 году 79 процентов населения жило в городах, та же картина наблюдалась в Австралии. Теперь даже в Африке все стремятся в город: в Южно-Африканской Республике, например, перепись населения в 1951 году показала, что 42,6 процента жителей живет в городах.

Что касается наших дедов и бабок, то они еще держали у себя в курятнике кур, а на скотном дворе коров и лошадей. И даже если они жили в городе, то перед окнами на улице у них стояли лошади, запряженные в повозки. Когда родители отправлялись гулять со своими детьми, то они еще нередко могли показать им аиста, лису, зайца, серну, барсука, сову, оленя и ястреба. С самого начала существования людей на Земле их постоянно окружали четвероногие обитатели планеты.

Сейчас, в наше время, все это изменилось. Все больше людей лишаются возможности общения с живой природой и, кроме собак, кошек и зеленых попугайчиков, не видят никаких животных. И только в том случае, если в городе есть зоопарк, они могут еще изредка полюбоваться привезенными туда животными. Именно по этой причине во всем мире стараются открывать все новые и новые зоопарки, и поэтому число посетителей в них с каждым годом все увеличивается. Так, перед последней мировой войной Франкфуртский зоопарк в течение десяти лет ежегодно посещало в среднем 313 тысяч человек. А в 1958 году число посетителей достигло уже 1,7 миллиона, Аналогичная картина наблюдается в большинстве зоопарков мира — в США, Советском Союзе и Китае.

Люди чувствуют, что они лишились чего-то, что прежде украшало их жизнь. А неосознанная тоска по утерянному зачастую проявляется в преувеличенной, болезненной форме. Обратите внимание: когда какая-нибудь кошка залезет слишком высоко на дерево и жалобно там мяукает, боясь слезть обратно, непременно соберутся десятки взволнованных прохожих, примут живейшее участие в ее судьбе и даже вызовут пожарных. Льву, разорванному в зоопарке тигром по недосмотру смотрителя, открывшего не ту задвижку, будет посвящено в газете значительно больше строк, чем шестерым пешеходам, сбитым в тот же час на автомобильных дорогах.

Чем меньше будет становиться животных, тем больше они

будут цениться. Уже в наши дни с ними проделывают самые бессмысленные вещи: на родине их истребляют, зато всячески стараются разводить прямо в центре больших городов, где искусственно создают условия, имитирующие их природный ландшафт, содержат их в специально отапливаемых домах, строят для них каменные горы, закладывают пруды — словом, создают для них «эрзац-родину». В само́й Африке уже пять больших зоопарков. Наши предки удивились бы, узнав о таком парадоксальном явлении! Но и в Африке эти зоопарки возникли не там, где животные могут чувствовать себя привольно, а там, где больше людей, именно в крупных городах — Каире, Хартуме, Киншасе, Претории и Йоханнесбурге.

А крупные города всё разрастаются. В грядущие десятилетия и столетия люди наверняка не станут совершать путешествий, чтобы взглянуть на чудеса современной техники, у них появится желание бежать из угарной городской атмосферы в последние уголки живой природы с ее мирными обитателями. Страны, сумевшие сохранить к этому времени такие уголки, будут вызывать не только всеобщую благодарность и зависть, но получат от этого и немалый доход: в них ринутся потоки туристов. Ведь с природой и ее мирными обитателями дело обстоит совсем иначе, чем с дворцами, разрушенными войной: те можно вновь отстроить. *А вот если уничтожат животный мир Серенгети, его уже никому и никакими силами не удастся создать вновь до самого конца существования человечества на нашей планете.* Люди борются и умирают за то, чтобы передвинуть границы своего государства или обратить другие страны в свою веру. Так неужели же мы с Михаэлем не вправе, работая с риском для жизни, добиваться своей цели: сохранить Серенгети для будущих поколений?

Вот мы изловили браконьеров. Но что в этом толку? Ведь в конце концов африканцы, населяющие эти земли, охотились испокон веков. Им трудно понять, почему теперь в отдельных местах их родины это запрещается. Их самих сейчас стало втрое больше, изготовление проволочных петель позволяет без хлопот убивать сколько угодно животных, а на грузовиках мясо можно развозить на любое расстояние. Поэтому сегодня та же охота может привести к полному истреблению животных. Но ни один африканский крестьянин этого так быстро не осозна́ет. И почему, собственно говоря, ему следует быть сознательнее наших европейских предков, живших несколько веков назад?

С помощью полиции и облав можно, конечно, ограничить браконьерство, возможно, даже и совсем пресечь его. Но настоящая победа наступит только тогда, когда местное население поймет смысл организации заповедников. В последнем годовом отчете национальных парков Кении можно прочесть: «То, что охрана природы — один из способов обеспечения благоденствия страны, — это еще должно дойти до сознания самих африканцев. Пока они уверены в том, что животных охраняют ради выгоды

белых и их дружков, приезжающих охотиться из-за океана». Они ведь отлично видят, как зажиточные иностранцы отправляются со множеством проводников на охоту, а потом возвращаются через их деревни в машинах, доверху груженных трофеями. А местный охотник почему-то должен понести наказание, если вздумает отправиться на охоту.

В одном африканском государстве, которое мы посетили во время своего путешествия, приступили к строительству телевизионной студии. Разумеется, что в такой бедной стране телевизоры в состоянии приобрести только около 300 семей, принадлежащих к правящим кругам; значит, дорогостоящие телевизионные программы будут обслуживать только этих людей.

Впрочем, это объясняется отнюдь не неблагоразумием цветных народов, ведь наши европейские правители в течение сотен лет вели себя подобным же образом. Правящая каста африканцев просто повторяет то же самое, что прежде делали в их стране богатые европейцы. Ведь и наши предки в чем-то старались подражать римлянам и грекам. Разбогатевшие африканские вожди одеваются элегантно, по-европейски, разъезжают в роскошных американских машинах, строят себе красивые особняки, отправляются охотиться на слонов, если видят, что так делают богатые европейцы.

А нам, европейцам, следовало бы вести себя совсем иначе и подавать им совсем другой пример. Пока мы еще хоть что-то для них значим, мы должны постараться внушить им, что дикие животные — это их бесценное богатство и украшение страны, что это пример идеальной общественной собственности всего человечества наравне с собором св. Петра, Лувром или Акрополем.

Кто бы сегодня ни правил в Греции, ни одному правительству не пришло бы в голову убрать «бесполезный» Акрополь и на его месте воздвигнуть дорогой универсальный магазин или большой отель. Несколько сот лет назад такие вещи с произведениями искусства и памятниками старины зачастую еще случались: римские храмы разбирали, а из их плит строили жилые дома. В наши дни любые правители отлично понимают, что все человечество возмутилось бы и заклеймило их позором как варваров, если бы они только позволили себе что-нибудь подобное.

Разумеется, кое-где при строительстве плотины какая-нибудь красивая старая часовенка или усадьба навсегда исчезает под водой. С этим приходится мириться. Но что бы было, если бы новоявленным богачам разрешили устраивать тир среди старинных картин и скульптур? Вот так же обстоит дело и с последними слонами, львами, стадами зебр и носорогами. Конечно, они должны уступить людям место. Но наша обязанность — на их же родине сохранить для них несколько убежищ, где людям будет запрещено поселяться.

Может быть, кое-кому такое требование покажется несколько сумасбродным. Но через сотню, боюсь, что уже через 20 лет оно станет само собой разумеющимся.

ТАКОВЫ УЖ ЭТИ МАСАИ

Я нажимаю коленом на рычаг управления, и 12-метровое полосатое крыло сразу же послушно накреняется.

— Это овцы, Миха, ну конечно же овцы!

Как только мы начали снижаться, животные стремительно сбежались со всех сторон и сбились в тесную кучу. Так поступают только домашние овцы и козы в отличие от крупного рогатого скота и всех диких животных. Поблизости стоят несколько пастухов. Это масаи. Но между прочим, здесь, в западном Серенгети, им делать абсолютно нечего!

Вот именно из-за этих масаев нам и пришлось научиться управлять самолетом, пересечь экватор и улететь так далеко от своего дома во Франкфурте; именно из-за них вот уже в течение долгих недель и даже месяцев мы должны подсчитывать здесь диких животных, ловить их, красить и так далее. Вот и сегодня мы вновь разыскиваем повсюду эти огромные стада, чтобы отметить их на своих картах. Ведь из-за масаев собираются на добрую треть уменьшить национальный парк, отрезать от него высокогорье с гигантским кратером Нгоронгоро.

Национальный парк — это кусок дикой, нетронутой природы, который должен всегда оставаться таким, каким он был в далекой древности. Люди жить в нем не должны. Правда, англичане в своих колониях вначале придерживались того мнения, что аборигены — это «часть живой природы», однако, к своему великому удивлению, они вскоре обнаружили, что эти «дикари», живущие посреди национального парка, обзавелись автомобилями и стали крыть свои хижины жестью, используя для этого бочки из-под бензина. К тому же они стали отказываться охотиться при помощи лука и стрел, стремясь освоить более современное оружие. Ведь людей, какого бы цвета ни была их кожа, нельзя заставлять оставаться «дикарями» или запретить им размножаться. Поэтому теперь повсюду пришли к выводу, что в национальном парке людям не место — ни европейцам, ни африканцам.

Что касается масаев, то они, пожалуй, единственные из местных племен, которые плюют на цивилизацию. Масай ни за что не наденет европейской шляпы и не купит автомобиля. Но зато он будет с безграничной ненасытностью разводить все больше и больше рогатого скота. По заключению лондонского профессора Пирселла, скота, принадлежащего масаям, развелось слишком много *.

Масаи вырубают кустарники и деревья, чтобы во время кочевок строить все новые и новые жилища и сооружать колючие изгороди вокруг своих краалей для защиты от хищных животных. Таким образом, почва вокруг последних источников воды все больше оголяется и иссушается и источники постепенно иссякают. Кроме того, во время засухи масаи не подпускают диких животных к водопою. Любые скотоводы, африканские или европейские, никогда не считаются с почвой и растениями, не думают

о будущем, лишь бы коровы были сыты. Это хорошо видно на примере обезлесенных гор Италии, Испании, Греции и недавно возникших пустынь Индии. А земли, находящиеся южнее экватора, разрушаются еще быстрее. При такой нагрузке в Серенгети сначала, безусловно, исчезнут дикие животные, но вслед за ними — неминуемо и домашний скот масаев, поэтому разумно было бы предоставить этим кочевникам-скотоводам земли для выпаса вне границ национального парка. Однако, по всей вероятности, будет принято другое решение: земли, на которых скотоводы имеют право выпасать свой скот, правительство собирается просто-напросто отрезать от заповедника. Что же касается профессора Пирселла, то он, не имея достаточно времени и средств для собственных более тщательных и длительных наблюдений за кочующими стадами диких копытных, был вынужден в своем весьма авторитетном и добросовестном заключении опираться в этом пункте лишь на рассказы живущих в Танганьике европейцев. Так, например, он пришел к выводу, что огромные стада из западного Серенгети в восточном вообще никогда не появляются. А все те гну и зебры, которых там можно встретить в сезон дождей, приходят туда якобы из кратера Нгоронгоро...

Но что бы там ни было, во всяком случае здесь, в западной части парка, масаям с их стадами появляться запрещено. А они все-таки появились.

Мы летим назад в свой «штаб» и держим «военный совет» с лесничими Тернером и Пульманом. Разумеется, «захватчиков» надо выдворить да еще наложить на них штраф, чтобы другим неповадно было. Однако для этой цели лучше захватить с собой окружного комиссара*. Такой комиссар здесь называется District Officer, или просто D. O. Это компетентное лицо для всех масаев данного района. Он их опекает и в то же время следит за тем, чтобы они соблюдали порядок. Между служащими, отвечающими за зебр, и служащими, опекающими масаев, легко могли бы возникнуть трения и бумажные войны, но в британской администрации этого не случается — отношения здесь, как правило, на редкость корректные.

Недолго думая, мы с Михаэлем отправляемся на другое утро в штаб-квартиру этого D. O. Он не мешкая садится к нам в самолет, чтобы лично навести порядок.

Несколько часов спустя мы уже подъезжаем на двух вездеходах прямо к тому месту, которое засекли вчера с самолета. Так оно и есть: семь масаев пасут стадо из 800 овец. Один из них довольно пожилой, видимо старейшина, несколько подростков и два молодых воина с длинными копьями. Волосы у воинов, как водится, заплетены во много тонких косичек, смазанных красным клеем. Эти красные шнуры собраны на затылке в настоящую косу наподобие тех, что заплетались на средневековых мужских париках. Обычно такая коса еще туго привязана к деревянной палочке. Сражается масай только копьем и коротким прямым «римским» мечом, висящим в кожаных ножнах у пояса; ядовитыми стрелами масай пренебрегает.

D. O. объясняет старшему масаю, что с него причитается штраф за незаконный выпас овец. Любой другой африканец начал бы спорить, доказывать свою правоту и наконец упрашивать, жалуясь на засуху (любой белый, между прочим, тоже). И правда, за весь сентябрь выпало только 0,8 миллиметра осадков, в десять раз меньше, чем в прошлом году. Но масаи не таковы. Старший ответил:

— Да, ваша правда. Я знаю, что это запрещено. Раз вы меня поймали, значит, я должен платить.

Штраф — 30 овец или коз. По этому поводу тоже не происходит никаких споров. Оба молодых воина почтительно молчат, когда говорит старший. Они стоят, опершись на свои копья, словно юные греческие боги. Терракотовое покрывало наподобие тоги перекинуто через одно плечо, другое остается обнаженным. Масаи — рослый и стройный народ; понятия о красоте у них сходны с нашими: узкие губы, никаких пышных форм у женщин и никаких слишком развитых мускулов у мужчин.

Масаи принимаются вылавливать овец, причем я замечаю, что одних баранов и козлов. «Молодые боги» сдирают с веток лыко, связывают им пойманных животных и грузят в нашу машину. «Может быть, за этот незаконный выпас и стоило заплатить 30 овец»,— думаю я про себя. Во всяком случае масаи на нас не рассердились, они даже смеются и протягивают нам на прощание руку.

— Вот таковы они! — говорит D. O.— Мы теперь открыли скотный базар и постепенно склоняем их к тому, чтобы они продавали лишний скот. В качестве сигнала, извещающего об открытии торгов, я придумал звонить в колокольчик. Этот колокольчик очень приглянулся одному молодому масаю; он взял его в руки, позвонил им и, отойдя на пару шагов, вдруг бросился с ним бежать. Мы его поймали и спросили:

— Какое наказание ты предпочтешь: отдать тебя под суд или выдрать здесь же на месте?

Тогда его отец, ни слова не говоря, срезал гибкий хлыст и принес его мне. Получив заслуженную трепку, парень пожал мне руку, и инцидент был исчерпан.

— Язык масаев очень труден для нас,— продолжал он,— я до сих пор его как следует не изучил. Когда я только приехал сюда, мне приходилось вершить суд с помощью переводчика, на суахили. Разбирая только третье дело, я уже натворил глупостей, обвинив, как потом выяснилось, невиновного. Человека, которого я незаслуженно осудил, охватил приступ ярости. Он метнул в меня копье, и оно насквозь прошило мне шляпу, к счастью не поранив меня. Вот она, эта шляпа с дыркой, я ношу ее с тех пор вот уже три года не снимая. Я не мог решиться наказать этого человека за покушение, ведь я сам был перед ним виноват. Кроме того, я не думаю, что он действительно хотел меня убить.

Удивительный народ эти масаи. Предки их были светлокожими и жили в Египте, их мумии и теперь еще можно найти в очень древних захоронениях. Откочевывая со своими стадами все юж-

нее и южнее, они смешивались с народностями, населявшими верховья Нила *. В Восточной Африке они полностью оккупировали обширную долину Большого африканского разлома, который тянется с севера на юг и проходит через Кению и Танзанию. Несмотря на всю свою воинственность, масаи не порабощали и не угнетали другие племена, как это делали родственные им народности, приходившие с севера Африки. Масаи жили обособленной жизнью скотоводов, выменивая скот на овощи и злаки у окрестных крестьян. Сомнительно, чтобы они когда-то были такими страшными грабителями, как им это приписывают в разных книжках, иначе соседние племена никогда не смогли бы стать столь могущественными и богатыми.

Правда, чужестранцев масаи не пропускали через принадлежащие им земли. По всей вероятности, именно это и сохранило свободу и жизнь народностям, живущим вокруг озера Виктория: арабские работорговцы не решались проходить через страну масаев. Первый караванный путь, проложенный от побережья в глубь материка, шел значительно южнее, в обход страны масаев, и поэтому подходил прямо к озеру Танганьика. Вскоре вокруг этого озера все оказалось опустошенным и разграбленным. Первыми европейцами, которым удалось проникнуть к масаям и вступить с ними в мирные переговоры, были два немецких миссионера — Крапф и Ребманн, о которых в этой книге уже было рассказано.

В конце прошлого века немцы и англичане с линейкой в руках поделили на карте Восточную Африку на британскую колонию — Кению и немецкую — Танганьику. При этом они разрезали страну масаев ровно пополам. Эта страна тянулась на 800 километров в длину и 170 в ширину. Сегодняшняя столица Кении город Найроби до сих пор носит масайское название. «Найроби» означает просто «холодный».

Поскольку европейцам особенно пришлось по вкусу высокогорье вокруг Найроби, которое отличалось живительной прохладой, то масаям прежде всего пришлось уйти именно отсюда. В 1911 году их выдворили из всей северной части страны, где опять-таки поселились европейцы. Таким образом, они лишились лучших угодий своей родины, где во время засухи всегда можно было найти воду и пастбища. Они откочевали дальше к югу и сегодня выпасают свой скот на степном высокогорье Кении, граничащем с Танзанией, и на принадлежащих им ранее землях в самой Танзании. Многие семьи и целые роды по сей день еще носят названия по местностям, оставленным на их старой северной родине. Масаев в общей сложности должно быть около 140 тысяч, и им принадлежит свыше одного миллиона голов скота.

Здесь, в Танзании, во владения масаев входят не только Килиманджаро и гора Меру, но и высокогорье с гигантскими кратерами, включая Нгоронгоро и прилежащую к нему часть серенгетской степи.

Весь смысл жизни масаи видят в разведении скота. Дело до-

ходит до того, что во время засухи пастухи часами тащат на себе телят до ближайшего водопоя. Еще задолго до прихода европейцев масаи изобрели прививку против чумы. Недавно я ознакомился с небольшой работой, написанной одним из немногих образованных масаев о быте и нравах своего народа. Из нее я узнал, что на их языке слово «масаи» означает и рогатый скот, и название самого народа.

Недавно одной делегации от масаев, посетившей Сельскохозяйственную опытную станцию Танзании, показали несколько привезенных из Европы племенных быков. В Африке таких огромных быков никто никогда не видел. Их вид до того взволновал масаев, что у некоторых даже слезы навернулись на глаза.

Несколькими днями позже мы с Михаэлем приземлились рядом со стойбищем масаев, которое называется «бома́». Оно располагалось прямо посреди степи возле круглых, словно отполированных, гранитных холмов. Бома́ — это крааль, огороженный высокой изгородью из срубленных колючих веток. За этой «крепостной стеной» по кругу стоят низкие круглые домики. С воздуха они напоминают головки датского сыра. Пахнут они тоже не лучше, потому что метод их постройки несколько своеобразен: женщины из племени масаев втыкают в землю по кругу гибкие жерди, сгибают их к середине, переплетают ветками и получившийся шатер густо обмазывают коровьим пометом. Сверху накладываются шкуры, чтобы крыша не промокала во время дождя. Такой домик настолько низок, что передвигаться в нем можно только ползком.

На ночь в крааль загоняют весь домашний скот, который располагается на ночлег вокруг домиков. Земля внутри крааля постепенно покрывается толстым слоем навоза. Когда этот слой становится чересчур велик или когда во время засухи приходится перебираться поближе к водопою или же искать новых пастбищ, а также в тех случаях, когда в бома́ кто-либо умирает, весь скарб погружается на ослов и крааль перебазируется на новое место. Старый же сжигается. На новом месте, где снова воздвигается огромная колючая изгородь, уничтожается немало кустарников и деревьев. С самолета хорошо видны разбросанные по степи круги — остатки от старых бома́.

Наша «Утка» с ревом приземляется.

«Сейчас наверняка все жители этого бома́ сбегутся посмотреть на нашу полосатую чудо-птицу»,— думаем мы. Но ничуть не бывало. Мужчины, вероятно, отсутствуют — они где-то выпасают скот, а женщины ограничиваются тем, что говорят нам «джамбо», что на суахили означает «здравствуйте», и продолжают заниматься своими делами. Мы чувствуем себя чуть ли не оскорбленными тем, что никто не обратил на нас особого внимания.

Позже нам удалось выяснить, почему наша железная «ндеге» (на суахили — «птица», «самолет»), да и вообще любая техника — автомобили, ружья — не производят на масаев никакого впечатления. Оказывается, несмотря на то что знаменитые масай-

ские мечи, копья и кинжалы изготовляются кузнецами, кузнечное ремесло считается у них «нечистым» и презренным. Хотя кузнецы тоже из масаев, но, когда кому-нибудь из них подашь руку, ее надо отмывать после этого специальными маслами. На дочери кузнеца никто не согласится жениться, а если у какого-нибудь молодого воина с ней что-то было, он непременно заболеет или погибнет в ближайшей потасовке. Поскольку вся наша техника состоит из железа, то и она для масаев считается «нечистой» и презренной.

Когда однажды мы рассказали масаям, что американцы собираются полететь в ракете на Луну, у них это не вызвало ни малейшего удивления:

— А почему бы и нет? Ведь вы и так все время носитесь по небу на своих железных птицах, так что вам стоит при этом слетать и на Луну?..

Но вот возле бомá появились и мужчины; я не заметил, откуда они вдруг вынырнули. Все они — «старшие», молодых воинов среди них не видно. У всех головы обриты наголо и на левом предплечье нет рогового браслета. Ове, который, по-видимому, задает у них тон,— наш старый знакомый. Это как раз его мы недавно оштрафовали на 30 овец. Но он не злопамятен и приветствует нас так же радушно, как и остальные; в знак особого расположения он даже предварительно плюет в руку, прежде чем нам ее протянуть.

Одна из женщин приветливо предлагает нам молоко в выдолбленной тыкве. Михаэль подносит тыкву к губам и только делает вид, что пьет; я же на самом деле выпиваю молоко, хотя знаю, что сосуд моется коровьей мочой, а иногда еще чем-нибудь похуже... Просто мне очень захотелось пить.

Молоко попахивает дымом. Теперь я ни в коем случае не должен на глазах у масаев есть мясо. Угостив нас молоком, они оказали нам особое доверие. Дело в том, что у масаев бытует поверье, что если кто-нибудь выпил молока и в тот же день поел мяса, то корова, от которой было молоко, непременно заболеет. По этой именно причине масаи неохотно пьют молоко, если в тот же день им предстоит съесть еще что-нибудь мясное. Если же такое случится, то масай берет травинку и до тех пор щекочет ею у себя в горле, пока его не вырвет.

Масай ест преимущественно мясо домашнего скота — говядину, баранину и козлятину. Поэтому таким влюбленным в диких животных психопатам, как мы с Михаэлем, они симпатичнее всех других жителей Африки. Дичью они брезгуют, не употребляя в пищу ни птиц, ни рыб; из диких животных они едят лишь мясо здоровенных антилоп канн и кафрских буйволов. Отсюда понятна пугливость этих животных в местах, где живут масаи. Завидя человека на расстоянии 500—600 метров, они тут же убегают. Зебры же, гну и другие животные могут мирно пастись рядом со стадами домашнего скота. Следовательно, масаи, поселяясь на территории национального парка, приносят куда меньше вреда диким животным, чем другие местные жители.

Правда, иногда они уничтожают львов. Молодые воины-масаи, которые собираются жениться и стремятся доказать свою храбрость, вдесятером или целой дюжиной набрасываются на льва и закалывают его копьями. Для такой операции требуется, между прочим, немножко больше смелости, чем фабриканту Шульцу из Дюссельдорфа, отправляющемуся на охоту со своей вооруженной компанией.

Теперь такие «львиные турниры» масаям запрещены. Воровать скот в округе им тоже больше не разрешается. Да, молодому масаю в наши дни трудно доказать своей любимой девушке, сколь он бесстрашен и мужествен! Правда, я не уверен, что они свято придерживаются этого запрета. Об этом можно спросить у львов: им это лучше знать. Я же в свою очередь сколько раз наблюдал, как львы поспешно удирали, завидев нескольких масаев, шествующих с копьями по степи. А уж если лев пускается наутек, это что-нибудь да значит!..

Поговаривают о том, что масаев следует выселить с территории парка или во всяком случае не подпускать к водопоям, предназначенным для диких животных. Масаи на это отвечают:

— Если мы уйдем, сюда сейчас же придут соседние племена со своими отравленными стрелами и проволочными петлями. Сейчас они не отваживаются вторгнуться на наши земли, они знают: там, где мы, им не место, мы их гоняем, как собак. Мы-то не трогаем диких животных. А вот на прошлой неделе здесь проезжала сафари на машинах, груженных рогами и львиными шкурами. Нам же почему-то запрещают охотиться на львов...

Во время наших подсчетов животных с самолета мы с Михаэлем подсчитали заодно бома́ масаев и численность их стад. Их оказалось значительно меньше того официального числа, которое принято называть. Если их поселения не будут катастрофически разрастаться, а стада не примут угрожающих размеров, то вполне возможно, что масаи могли бы стать неплохой охраной для национальных парков.

Масаи пьют кровь домашних животных. Меня, как ветеринара, разумеется, заинтересовало, каким способом они берут кровь у своих животных-доноров. Каждый бык дает им в месяц от четырех до пяти литров крови, а корова — пол-литра.

Ове любезно согласился продемонстрировать нам всю процедуру. За это он просит нас покатать его на самолете.

Мы все вместе направляемся к ближайшему стаду, несколько подростков ловят черного теленка и накидывают ему на шею веревочную петлю. Под веревку просовывается палочка, которую перекручивают до тех пор, пока на шее не набухает и явственно не проступает вена. Затем кто-то из старших берет стрелу с коротким плоским острием и с расстояния примерно два метра вонзает ее в раздувшуюся вену. Мгновенно брызжет струйка крови, которую ловят в деревянную бутыль. Затем масай обильно плюет себе на указательный и большой пальцы, смачивает слюной ран-

ку и залепляет ее землей. Веревку тут же снимают, и кровотечение сразу прекращается.

Мы поблагодарили за любезную демонстрацию, а добытую кровь один из подростков размешал палочкой и выпил.

Мальчиков этого племени каждый год зовут по-разному. У масаев явная страсть к перемене имен. Это создает невообразимую путаницу при проведении переписи населения или взимании налогов. Когда рождается ребенок, то его отец обязан заколоть двух быков. Одного — для женщин и детей своего крааля, а второго, которого закалывают спустя четыре дня,— для мужчин. При этом маленькое существо получает свое первое имя. Если отец сомневается в том, что ребенок действительно его, то он кладет его прямо посредине входа в крааль. Вечером, когда стадо загоняют домой, решается судьба ребенка: если коровы его затопчут, значит, он был незаконнорожденным.

В краале справа от ворот всегда стоит домик первой, главной жены. Вторая жена ставит свой домик слева, третья — опять справа. При дележе наследства немаловажное значение придается тому, рожден ли ты «справа» или «слева».

Если отец дарит своему сыну быка по кличке Польполь, то сына впоследствии будут звать Обладателем Польполя. Когда сыну делают обрезание, он меняется именем со своим отцом. Если отца звали Сенду, а сына Нана, то теперь сын будет называться Оле Сенду (сын Сенду), а отец — Менье Нана (отец Нана).

Но вот сын наконец достиг возраста воина — мечта каждого молодого человека. Праздник обрезания торжественно отмечается через каждые три года, и все юноши этих трех «выпусков» празднуют его вместе. За четыре дня до торжеств их отцы облачаются вновь в одежду и доспехи воина. Перед самым началом праздника они все это снимают и торжественно передают сыновьям.

Как только молодой воин оправляется после операции, он приступает к любовным играм — бегает за девицами и стреляет в них тупыми стрелами. Вот тут и наступает лучшее время в жизни масая. Молодые воины надевают себе на шею цветные бусы, отращивают косы, ноги украшают браслетами с бубенчиками, а щиты раскрашивают красной и черной краской. Молодые люди одной округи уходят из бома́ своих родителей и вместе строят себе отдельную так называемую маньяту. Такая маньята отличается тем, что вокруг нее не воздвигают изгородь из колючих кустарников. Матери и сестры следуют за сыновьями и братьями; незамужние девушки живут в этой маньяте в свободной любви с новоиспеченными воинами.

Такому воину, который называется теперь «моран», категорически запрещается работать, употреблять алкогольные напитки и есть растительную пищу. Он должен питаться только мясом и кровью. Он танцует, любит и участвует в войнах.

Воевать сегодня не с кем, да и запрещено. Значит, единственное, что молодые воины могут себе сейчас позволить,— это

украсть где-нибудь пару коров или в лучшем случае угнать целое стадо. Кое-где на юге они еще заняты на подземных водопоях, где, чтобы напоить скот, надо загнать его на 10 метров под землю. Там, внизу, под отвесной стеной четыре морана становятся один другому на плечи и подают наверх воду в кожаных ведерках. В остальных же местах им остаются только танцы и любовь.

Отцы молодых воинов время от времени дарят им быков. Их закалывают где-нибудь в кустах поблизости от маньяты и тут же съедают. Молодые воины делят все между собой по-братски. Сыновьям бедных родителей достается столько же, сколько и богатым сынкам. Все юноши, прошедшие вместе обрезание, остаются на всю жизнь чем-то вроде побратимов или фронтовых друзей. Они всячески помогают друг другу, предоставляя один другому полное право на пользование своим имуществом, включая и жен. Это право дается вообще любому гостю, пришедшему в бома́: стоит ему только воткнуть в землю копье перед одним из домиков, как он получает право на все, что находится внутри, в том числе и на жену (разумеется, только до тех пор, пока он гостит в доме).

Меня удивляет, что здешние ветеринары не боятся показываться на глаза молодым масаям; я бы на их месте не рискнул этого делать. Ведь именно из-за ветеринаров масаи вот уже в течение трех лет не могут отпраздновать свой праздник обрезания. Для этой цели уже давно оборудованы площадка и домики возле Моши, а ветеринары каждый год в самое неподходящее время объявляют на этой территории карантин по случаю ящура или чумы рогатого скота, значит, масаи не могут привести сюда своих коров. А какой же может быть для масая праздник без скота? Так вот и бегают молодые масаи уже в течение трех лет необрезанными и напрасно теряют самые лучшие, свободные и беззаботные годы своей жизни!

Мы с Михаэлем питаем слабость к масаям. Масаев, по крайней мере настоящих, чистокровных масаев, становится все меньше. У этого племени все реже рождаются дети, потому что среди них распространились венерические болезни. И это несмотря на то, что их собственные «суды старейшин» налагают штраф в 1000 марок на каждого, кто кого-нибудь заразит. Но при той вольной половой жизни, которую они ведут, едва ли возможно бороться с распространением венерических заболеваний или проводить серьезную врачебную профилактику. Поскольку многие из их жен остаются бесплодными, масаи стали усыновлять детей из близлежащих поселков. Эти дети воспитываются как масаи и остаются масаями на всю жизнь. Но оливковые тонкогубые лица настоящих масаев, которые сходны с нашими европейскими лицами, встречаются все реже и реже.

Михаэль предлагает одной из молодых женщин 20 шиллингов за ее огромные серьги. Они сделаны из кожи, на которой красными, белыми и синими бусами вышит пестрый узор. Мочки ушей у всех женщин растянуты до предела и посередине имеют огром-

ную дыру, в которую вдеваются подобные серьги. Но масаи — богатые люди и в деньгах не нуждаются. Молодая красотка дарит Михаэлю понравившиеся ему серьги, но за это масаи обращаются к нам с просьбой, в которой на все лады повторяется слово «ндеге». А D. О. еще уверял нас, что нам никакими деньгами и уговорами не удастся заманить масая в свой самолет. Оказалось, что они совсем не прочь прокатиться!

Мы выбрали четырех самых почтенных старейшин и решили проделать с ними поочередно два круга почета над степью. Поскольку я не очень надеялся на их «самолетоустойчивость» и сомневался в том, что они догадаются в случае нужды воспользоваться нашими бумажными пакетами, то решил на всякий случай застлать пол бычьими шкурами, в изобилии валяющимися в бома́. Потом мы посадили первую пару наших знатных пассажиров и поднялись в воздух.

Как ни странно, они не испытывали ни малейшего страха, наоборот, жаждали подняться как можно выше. А потом они попросили нас спуститься и на бреющем полете пролететь над самым бома́, чтобы все остальные могли их разглядеть.

Нам едва дали приземлиться, потому что весь народ сбежался к месту посадки. Они чуть не опрокинули нашу машину, напирая на нее со всех сторон в своем неистовом желании «прокатиться» следующим рейсом.

Вместе со шкурами в самолет попала и добрая дюжина мух. Мы с Михаэлем едва успевали от них отбиваться и отмахиваться, масаи же их словно не замечали. Вокруг глаз, ноздрей и рта у них зачастую собирается по нескольку мух, а они даже и не думают их прогонять. Именно по этой причине так часто можно встретить подслеповатых или даже слепых масаев.

Среди местных жителей Танзании сейчас ходит много слухов о том, что здесь должно возникнуть новое самостоятельное цветное государство. Однако в районе Лолиондо, рядом с границей «страны масаев», недавно начали вспыхивать драки между сторонниками независимости и ее противниками. Соседи масаев опасливо спрашивают: а что начнет творить этот «богоугодный народ», когда уйдут англичане? *

За все долгие годы немецкого и британского владычества масаи не очень-то допускали к себе миссионеров. Они, правда, верят в Энгаи — единого, всемогущего бога, ниспосылающего меж прочих благ и дождь. Но зато в загробную жизнь они не верят. Капитан Мориц Меркер, служивший с 1895 по 1902 год в немецком гарнизоне, стоящем в Моши у подножия Килиманджаро, подружился с масаями и изучил их язык. Он написал о них довольно объемистый труд. С тех пор никто больше так обстоятельно не занимался изучением этих рослых, гордых и воинственных людей. Самому Меркеру его научные изыскания обошлись дорого. Когда он в 1903 году приехал в отпуск к себе домой, в Германию, ученые мужи и разные другие высокие инстанции так его начали чествовать, что это вконец раздосадовало его военное началь-

ство. Как только он вернулся в Африку, его тотчас же перебросили в другое место, далеко от объекта его исследований — масаев, в Дар-эс-Салам, на сырое побережье, где поручили обучать рекрутов. В 1908 году он умер там от воспаления легких*.

Подружившись с капитаном Меркером, масаи поведали ему все те легенды и истории, которые бабушки-масайки долгими вечерами рассказывают своим внукам и внучкам, сидя перед круглыми домиками в бома́. При этом выяснилось, что масаям давно, еще до прихода миссионеров, были известны истории про Адама и Еву, про Каина и Авеля, про всемирный потоп и про многое другое из Ветхого завета, только персонажи носили другие имена. Меркеру удалось также выяснить, каким образом с масаями действительно можно наладить мирные отношения, исключающие всякое вероломство. Часто эти гордые воины братаются, сделав порез на руке и смешав свою кровь, но это, оказывается, никого ни к чему не обязывает. А вот если две враждующие стороны обмениваются младенцами и те попьют молоко чужой матери, тогда мир уже никогда и ничем не может быть нарушен.

Масаи очень дружны между собой. Когда в 1896 году группу масаев вывезли в Берлин на Промышленную выставку, то они сэкономили все полученное ими жалованье и, вернувшись в Танганьику, выкупили из рабства других масаев, проданных работорговцами в прошедшие голодные годы.

Кстати сказать, сама поездка произвела на них неизгладимое впечатление. Но то, что они потом рассказывали своим землякам, носило, мягко говоря, несколько фантастический характер. Например:

— В Германии детей кормят не матери, их пасут, как коз. Прямо на улицах стоят столы и на них тарелки. Стадо детей подгоняют к этим столам, они садятся за них и едят. Как только они все съедят, их гонят дальше.

Оказывается, они видели школьную экскурсию, которая после посещения выставки обедала в открытом летнем кафе.

Договориться о чем-либо с масаями чрезвычайно трудно, особенно если речь идет о необходимости уступить водопой или прекратить выпас на каком-то участке серенгетской степи. Ведь у них фактически нет настоящих вождей племен или королей, которые бы имели право повелевать. Те, кого немцы и англичане вначале принимали за вождей, оказались скорее шаманами или «заклинателями дождя»; перед началом любой военной операции они предсказывают исход битвы с помощью камешков, которые вытряхивают из рога.

Между прочим, английская королева Елизавета, сама того не ведая, попала у масаев в знаменитые заклинательницы дождя. А произошло это следующим образом. В 1958 году она посетила страну масаев и на торжестве, устроенном в ее честь, пожелала собравшемуся народу побольше дождей, столь необходимых для его благоденствия. Перед этим шаманы уже в течение нескольких недель вымаливали у бога грозу, но все старания были тщетными. И вдруг, буквально через полчаса после добрых пожеланий

королевы, надвинулась гроза, и долгожданный ливень обрушился на высохшие пастбища.

Если от масаев нужно добиться какого-либо решения, то приходится долго ждать. Для этого «старейшины» должны съехаться на «совет», а поскольку бома́ расположены далеко друг от друга, то, пока они соберутся, проходит несколько недель. На таком «совете старейшин», точно так же как и в европейском парламенте, с утра и до позднего вечера происходят бесконечные дебаты, пока эти почтенные мужи не придут наконец к какому-нибудь единодушному решению. Доверенные лица, которые назначаются правительством,— это, как правило, масаи, говорящие на суахили. Они сообщают «совету старейшин» пожелания правительства и информируют правительство об их решении. Таким образом, все происходит на весьма и весьма демократической основе.

Но есть у масаев одна привычка, которая Михаэля почему-то прямо выводит из себя: они непрестанно сплевывают на пол. У нас в самолете никого из них не вырвало, но во время полета они заплевали весь пол,— хорошо, что мы его предусмотрительно покрыли шкурами. Когда вылезаешь из самолета или машины и присаживаешься на траву, чтобы немножко перекусить, масаи обычно становятся рядом и, беседуя, непрестанно смачно сплевывают на землю. Не скажу, чтобы это было очень приятно; не более привлекательна их привычка, скрепляя какую-либо сделку (продав вам что-нибудь), непременно плюнуть на эту вещь.

Но в таких случаях я напоминаю Михаэлю о том, что и у нас в Европе почти на каждой лестничной площадке стоит плевательница или урна, что еще совсем недавно в церквах и на вокзалах висели таблички «На пол не плевать» и что перроны американского метрополитена, как правило, бывают усеяны выплюнутыми и растоптанными жевательными резинками... Значит, и мы, европейцы, тоже еще не прочь при случае сплюнуть на пол, и поэтому нечего воображать, что мы их в чем-то превосходим...

КАК Я НОЧЬЮ ЗАБЛУДИЛСЯ В КРАТЕРЕ НГОРОНГОРО

Однажды я попросил Михаэля высадить меня на дне кратера Нгоронгоро. Дело в том, что, пролетая над ним на бреющем полете, я заметил двух огромных носорогов, отдыхающих рядом с группой львов, а несколько дальше — двух леопардов, которые как раз отправлялись на охоту.

Чтобы немного облегчить машину, мы заодно выгрузили тяжелый штатив киноаппарата и несколько ящиков и коробок. Михаэль собирается вернуться через час: он обещал свозить куда-то обоих лесничих и Германа. А поднять с земли переполненную машину здесь, в этом разреженном воздухе, довольно трудно, и еще труднее посадить ее.

Я снимаю рубашку, вешаю себе на шею полевой бинокль и отправляюсь осматривать окрестности.

Тем временем два леопарда поймали чепрачного шакала и теперь играют мертвым животным, как кошки с мышью; один делает бросок, хватает шакала за загривок и ударяет его лапой так, что он отлетает в сторону. В это время второй леопард, притаившийся в траве, выскакивает и, как живого, «ловит» мертвого шакала.

Обоих носорогов я нашел без труда, потому что сидящие на их спинах белоснежные египетские цапли видны еще издалека. А вот львов что-то нигде не видно; правда, лев может сделаться невидимым, даже если трава достигает всего 30 сантиметров высоты. Однако по всему поведению носорога-самца я вижу, что хищники где-то рядом с ним. Он низко нагибает голову и решительно направляется куда-то в сторону; действительно, из травы поднимается большой лев с роскошной гривой и уходит прочь. Но, пройдя 30 метров, он вновь ложится. Однако и носорог не отстает. Приходится «царю зверей» убираться подобру-поздорову — по-видимому, он не самый могущественный в этом царстве!

Сам я стараюсь держаться на почтительном расстоянии от места, где происходит это состязание. Одно дело, когда сидишь в надежном вездеходе, и другое, когда стоишь один-одинешенек на ровной, как стол, равнине, где нет ни кустика, ни дерева. На всякий случай я решил вернуться к нашему багажу и прилег там позагорать на солнышке.

До чего же приятно пожариться под экваториальным солнцем! Мне даже не хотелось открывать глаза, когда я заслышал гул нашей «крылатой зебры», которая, снижаясь, пронеслась прямо надо мной. Но, не коснувшись земли, Михаэль почему-то снова дает газ, поднимается в воздух и улетает. Наверное, забыл что-нибудь. Ну что ж, подождем — время у меня есть, и мне здесь даже весьма приятно.

Когда я снова смотрю на часы, оказывается, уже половина пятого. Здорово захотелось пить, но, к счастью, у меня нашлась фляга с чаем. Ничего себе, четыре часа пролежать в горах под палящим солнцем! Но я привычен к африканскому солнцу — ожогов у меня никогда от него не бывает. Мне смешно вспоминать, чего нам только не рассказывали про солнечные удары перед нашей первой поездкой в Африку! «Никогда не выходите без пробкового шлема!» А у меня даже и шляпы-то с собой нет.

Однако Михаэлю пора бы уже за мной прилететь. Я прогулялся еще немножко по окрестности, потом стал наблюдать за стадом гну, пасущимся в долине. Гну явно чем-то обеспокоены, видимо, с ними случилось что-нибудь не совсем обычное. Я настраиваю объективы своего полевого бинокля и подхожу все ближе. В серовато-зеленой траве лежит кто-то светло-коричневый, он-то и привлекает всеобщее внимание этих черных антилоп. Вот одна из них подошла к коричневому комочку и подтолкнула его носом. Комочек зашевелился и неуверенно поднялся на тон-

кие ножки. Он оказался новорожденным гну, видимо, первенцем этого года.

Этот первенец не только для меня, но и для всего стада — настоящее событие. Когда малыш побежал, за ним с любопытством последовало 10 или 15 взрослых гну. Вдруг он упал; самки тут же окружили его со всех сторон, стали обнюхивать и осторожно подталкивать носами. Никто не дотрагивался до него острыми рогами, однако одна из самок то и дело делает угрожающие движения в сторону других, желая их прогнать,— это, видимо, мамаша.

Через несколько недель, когда здесь появятся на свет сотни маленьких телят, ни одному гну не придет в голову проявлять к ним такой повышенный интерес, но этот — первый. Однако у первенца, по-видимому, мало шансов на то, чтобы выжить. Поблизости уже стоят четыре гиены и не спускают с него жадных глаз. Когда они подходят слишком близко, один из взрослых гну делает угрожающий выпад в их сторону, но гиены отбегают только на несколько шагов. Эти физи питаются отнюдь не только падалью. Их жертвами становятся многие, очень многие молодые антилопы и газели. Вот так оно происходит в природе.

Новички среди работников национальных парков всегда предлагают перестрелять всех гиен, но это нарушит биологическое равновесие в природе. Одно время здесь, в Восточной Африке, начали истреблять всех леопардов. Но после этого сильно размножились бородавочники и павианы, которые начали опустошать поля и огороды местных жителей, причиняя значительно больший урон, чем леопарды, утаскивавшие время от времени лишь какую-нибудь козу. Тогда леопардов снова решили охранять.

Но вот уже шесть часов. Михаэль что-то явно не торопится за мной прилетать! Ведь он отлично знает, что солнце здесь садится около семи. Если в ближайшие десять минут он не появится, значит, самолет потерпел где-нибудь аварию. А это в свою очередь означает, что мне придется здесь заночевать. Мне становится несколько не по себе, ведь у меня с собой нет ни спичек, ни карманного фонаря. Кроме того, мои часы показывают, что сейчас как раз новолуние.

Но не наша ли «Утка» гудит там, на западе? И действительно, высоко над краем кратера появляется самолет, но только не полосатый, а одноцветный, и кружит он почему-то над облесенными склонами вулканической горы Лемагрут. Меня бросает в жар: уж не потерпели ли наши аварию? Вдруг это спасательный самолет, который их ищет?

Но машина спускается внутрь кратера — они явно ищут меня. Я машу рубашкой. Теперь я вижу, что это самолетик марки «Цессна». Меня заметили, но приземляться не собираются. Недалеко от меня самолет сбрасывает коричневый кулек. Я подбегаю к нему, открываю и достаю кусок белой бумаги. На ней написано по-английски:

«Михаэль сломал шасси. Он полетел в Найроби. Никто не ранен. Иди в том направлении, в котором полетит сейчас наш самолет».

«Цессна» делает вираж, возвращается назад и, поднявшись выше, летит направо, а затем, пролетев прямо над моей головой, поднимается ввысь и наконец исчезает за краем кратера. А вот уже и звука мотора не слышно. Тишина.

Ну и ну. Я сажусь на один из ящиков. Интересно, какое направление они имели в виду — первое или второе? Первое означало бы идти на юго-восток. Там, я знаю, расположено озеро, за ним лес, позади которого есть сторожка с двумя постелями. На все 250 квадратных километров, которые занимает кратер, это единственное пристанище. Там я, безусловно, смог бы переночевать, если сумею взломать дверь. Но мне ни разу не приходилось там бывать, а добираться туда, по моим расчетам, не меньше трех часов. Стемнеет же через 20 минут. А в низине, возле озера, обитает много львов — это я сам видел во время наших полетов.

Нет уж, спасибо. Я лучше останусь здесь, на голой равнине с высохшей низкой травой. Сюда никакие животные не придут пастись, а следовательно, не придут и хищники, которые на них охотятся. Я могу быть совершенно уверен, что со мной до восхода солнца ничего не случится. Мне ни разу не приходилось слышать, чтобы здесь, в кратере Нгоронгоро, лев или даже леопард напал на человека.

Но я уверен также и в том, что целых 12 часов темноты не смогу сомкнуть глаз. К счастью, штатив киноаппарата упакован в старый спальный мешок. Вот в него я и залезу. Только я знаю уже наперед: если где-нибудь поблизости раздастся хруст или шорох, я непременно воображу, что ко мне подкрадывается гиена, а если что-нибудь блеснет, то буду думать, что это глаза льва... Вот был бы я курильщиком, обязательно имел бы при себе спички или зажигалку. Ничего не поделаешь. Насколько возможно, я вытягиваю ножки штатива, расставляю их как можно шире, а сверху набрасываю кусок брезента. Когда я лежу под этим сооружением, у меня возникает ощущение относительной безопасности. Вокруг я раскладываю ящики, алюминиевую посуду, гаечные ключи и другие инструменты: я надеюсь, что если какое-нибудь животное начнет подходить, то запах непривычных вещей его может остановить.

Да, немало бы я отдал за то, чтобы быть уже на одну ночь старше! Сколько ночей в своей жизни я уже проспал, сколько провел в кино или за письменным столом, но когда у тебя нечем зажечь огонь, то остается только одно занятие — предаваться размышлениям и считать минуты.

До южного, отвесного склона кратера гораздо ближе, чем до сторожки, может быть, час ходьбы. Там, у подножия зеленого обрыва, виднеется несколько деревьев. А под ними что-то есть. Но даже в бинокль отсюда невозможно разглядеть, что именно. Наверное, это всего лишь куст. Но не может ли это оказаться хижиной? У меня в запасе ровно 25 минут до наступления пол-

ной темноты. А темнота здесь наступает сразу, мгновенно. Если я сейчас направлюсь к этим деревьям, а потом не найду дороги обратно, то буду плутать в кромешной тьме, совершенно один и невооруженный. Чего доброго, могу зайти в высокую траву или в какой-нибудь овраг, где укрываются хищные животные. А штатив и ящики — это уже нечто, что я могу рассматривать как свое убежище или крепость в этой глуши.

Итак, времени терять нельзя, решать надо немедленно. Ровно 12 минут я могу потратить на то, чтобы быстрым шагом пройти по направлению к этой группе деревьев. Потом надо остановиться и решить, что делать дальше. Если я оттуда разгляжу, что это действительно домик, то оставшихся 12 минут мне хватит на то, чтобы до него добраться. Если же нет, я должен без промедления повернуть назад, чтобы благополучно достичь своей «штаб-квартиры». На всякий случай я разворачиваю сверток с гаечными ключами, а газету, в которую они были завернуты, привязываю сверху к штативу: я боюсь, как бы не потерять из виду эту тонконогую штуковину.

После этого я отправляюсь в путь, но по дороге все время оборачиваюсь и мысленно отмечаю: «Когда будешь возвращаться назад, ты должен ориентироваться вот прямо на эту вершину горы, виднеющуюся над северным краем кратера».

Предательские деревья! Они оказались значительно дальше, чем мне показалось. С собой я захватил только старый спальный мешок и сумку с фотоаппаратами. Иду семимильными шагами и строго слежу по часам. Через 12 минут я останавливаюсь и снова смотрю в бинокль. Деревья едва приблизились. В этом разреженном, прозрачном горном воздухе вечно недооцениваешь расстояния. Теперь я мог бы биться об заклад, что предмет там, под деревьями, всего лишь куст. Но, прежде чем вернуться, я еще раз внимательно осматриваю в бинокль местность.

Вот там, налево от меня, виднеются две тонкие вертикальные полоски. Это могут быть только люди. Или зебры: если смотреть на этих животных прямо в лоб, они выглядят точно так же. После некоторых сомнений я решаю, что это, безусловно, люди. Меняю направление и иду к ним.

Но тут передо мной возникает песчаный овражек в два-три метра глубиной. Когда я из него вылезаю, то загадочных полосок оказывается уже не две, а три. «Если бы это были зебры, то они вряд ли могли все время стоять ко мне точно анфас» — так я себя уговариваю.

А тем временем сумерки все сгущаются, и к тому же приходится пробираться по высокой, до пояса, траве, похожей на тростник. Но под ней, слава богу, сухая земля, а не болото. Теперь я ясно различаю красный огонек. Наверное, костер. На душе у меня становится легче. Это могут быть только масаи.

И это на самом деле они: шесть моранов, то есть молодых воинов, и двое мальчишек лет одиннадцати. Они только что согнали на ночь на ровную площадку, покрытую сухим навозом, стадо из 600 овец. Ни забора, ни колючей ограды. Все восемь

масаев заняты тем, что вылавливают из стада маленьких ягнят и сажают их в плетеные загоны, стоящие в самой середине этой площадки. Таким способом их, наверное, укрывают на ночь от хищников. Молодой воин огромного роста идет мне навстречу и пожимает руку:

— Джамбо (здравствуй)!

Я тоже говорю «джамбо». Из того, что этот человек говорит мне дальше, я, разумеется, не понимаю ни слова. Правда, я пытаюсь догадаться. Наполовину по-суахили, наполовину по-английски я объясняю ему, почему я очутился ночью один в степи. Наконец он, кажется, что-то понял, видимо, слово «ндеге». Но потом он оставляет меня одного: ему надо позаботиться о своих овцах.

Эти масаи, видимо, каждую ночь сгоняют сюда свои стада. Посреди площадки для ночлега овец воздвигнуто нечто вроде трехстенного сарайчика из сухих жердей. Сверху на него наброcано несколько шкур — от дождя. Перед открытой стороной разведен костер. Я, как цапля, перешагиваю через спящих овец, с трудом находя между ними местечко, куда бы поставить ногу. Лавируя в этом море теплых лохматых овечьих и козьих тел, я добираюсь наконец до шалаша. Два подобных сооружения поставлены и у другого края площадки.

Я перешагиваю через огонь и сажусь возле полуоткрытого маленького шалаша. Внутри он устлан шкурами и циновками. Все восемь масаев один за другим подходят и садятся на корточки вокруг костра. Они меня о чем-то расспрашивают, но я вынужден только пожимать плечами. По всей вероятности, они хотят меня чем-то угостить, потому что в их разговоре несколько раз повторяется слово «чакула», что на языке суахили означает «пища», «еда», «провизия». Но я отрицательно качаю головой: признаться, я побаиваюсь яств масайской кухни. Чего доброго, они предложат мне попить свежей крови или еще что-нибудь в этом роде. Я показал им кусок хлеба, завалявшийся у меня в кармане, но это их ни в чем не убедило.

По знаку самого высокого воина мальчишки притаскивают коричневую короткошерстную овцу. У самого костра ее кладут на спину и связывают ей ноги. Масаи смотрят на меня вопросительно. Что я должен сделать? Просто ума не приложу, чего они от меня хотят. Но тут высокий моран берет свое копье и всаживает его в брюхо животного. Он всовывает копье все глубже и глубже. «Жестоко так медленно закалывать животное»,— думаю я, но тут же замечаю, что крови не видно. Оказывается, масаи уже заранее задушили овцу.

Кому здесь по-настоящему приходится работать, так это только мальчишкам. Они ошкуривают животное, потрошат его, разматывают кишки.

Селезенку, печень и кусочки мяса нанизывают на деревянные шампуры. Один конец такого прута втыкают в землю, другой, на котором надето мясо, пригибают к огню.

Высокий моран, приветствовавший меня первым, вытаскивает

из брюшины прозрачную пленку, пропитанную нутряным салом. Он показывает ее мне и, без сомнения, спрашивает, хороша ли она. Я содрогаюсь при одной мысли о том, что эту пакость придется есть — все равно, будь то в жареном или вареном виде, но проявляю несвойственную мне трусость и киваю головой: «Да». Масаи смеются; не знаю, чем я себя скомпрометировал.

Старший моран протягивает мне прутик с полупрожаренной печенкой. Я беру палочку за два конца и стараюсь отгрызть кусок от этого лакомства. Между прочим, на вкус оно совсем неплохое. Они опять все смеются. Видимо, и у масаев не принято вот так откусывать прямо от целого куска. Один из них вынимает нож и протягивает его мне. Я ем нарочно медленно, потому что знаю, что, как только кончу, мне тут же подадут следующую порцию.

Мораны вешают над огнем большой котел и бросают в него куски баранины. Едят они прямо колоссальными порциями, но ведь они и поработали сегодня немало. Поскольку я отказался съесть наполовину сырое баранье сердце, то один из воинов засовывает его в щель между прутьями шалаша, в котором я буду спать: авось я ночью проснусь и съем его.

Верзила укладывается рядом со мной ногами к огню и закутывается с головой в свое шерстяное одеяло, которое он днем перекидывает через плечо наподобие римской тоги. Я залезаю в свой спальный мешок и подкладываю под голову сумку с фотоаппаратами. Остальные остаются сидеть у костра. Один из парнишек отрезает бараньи ножки и держит их над огнем до тех пор, пока шерсть и кожа не обугливаются. Наверное, это особое лакомство для масаев: эти косточки они грызут с таким же удовольствием, как мы конфеты или другие сладости.

Потом они начинают петь. Одна и та же музыкальная фраза все время поется высокой фистулой, за которой через определенные промежутки следуют две басовые ноты. Разумеется, я не могу понять, о чем поют масаи, но знаю, что они мастера сочинять насмешливые частушки. Так и есть. До меня доносятся взрывы смеха, и несколько раз я различаю слово «ндеге».

Так всегда бывает: тот, кто попал в глупое положение, насмешек не оберется!

Воин рядом со мной храпит под своим одеялом во всю мочь. Некоторые из овец тоже храпят. Я раньше не знал, что овцы, оказывается, могут храпеть. Большой щенок, которого масаи до этого все время отгоняли прочь, наконец ухитрился пробраться в сарайчик. Он улегся прямо на моих ногах. Ну что ж, так теплее.

Проспал я с десяти до без четверти четыре. Просыпаюсь и еще два часа гляжу в звездное небо. Размышляю. Михаэль сейчас в Найроби. Спит, верно, сном праведника в отеле «Нью Стенли» после душа в роскошной кафельной ванной. Но все равно я не хотел бы с ним поменяться местами. Он ведь наверняка расстроен и огорчен, что самолет опять на какое-то время вышел из строя. Но важнее всего то, что ни с ним, ни с пассажирами во

время посадки ничего не случилось. Все равно в ближайшие дни нам уже предстоит вернуться в Европу, и до тех пор, пока мы приедем сюда снова, машину сто раз успеют отремонтировать. Хорошо, что ему удалось долететь на ней хоть до ангара.

В половине седьмого светает. Я перелезаю через спящих животных, чтобы выйти прогуляться по степи. Но это почему-то выводит из себя тощих собак, охраняющих овец. Я должен оставаться в стаде. Хорошая овчарка не выносит вида отбившейся от стада овцы. Она до тех пор будет лаять и хватать ее за ноги, пока та не вернется назад.

Два королевских ворона с белыми воротниками и крепкими изогнутыми светлыми на концах клювами важно расхаживают среди овец. Одна из маток двинулась прямо на непрошеных гостей, но те и не подумали улететь, только отбежали в сторону. Не без труда овце наконец удается их прогнать.

Когда стадо выгнали пастись, один из моранов вызвался проводить меня до «campi», как называют здесь сторожку за лесом. Он никак не может понять, почему я сначала хочу пойти совсем в другую сторону. Вчерашняя группа деревьев служит мне ориентиром, и через три четверти часа мы благополучно достигаем того места, где я оставил свои пожитки. Все цело: и треножник, и чемоданы, и ящики. Один из чемоданов красноватого цвета, и, завидев его издали, масай испуганно схватил меня за руку:

— Куфа (мертвый)?

Но я успокоил его.

Вот как быть со всем этим багажом? Что касается меня, то я бы с удовольствием оставил его там, где он лежит. Ведь все равно в течение дня за мной пришлют какую-нибудь машину, и она все заберет. Но масай считает это разгильдяйством. Он втыкает свое копье в землю, поворачивается и стремительно уходит.

Пошел за ослами.

Проходит больше часа, я уже начинаю волноваться. Но он вернется, он ведь оставил в залог свое копье. Интересно, что этот моран подумал? Он ведь искренне испугался, вообразив, что кто-то разбился насмерть!

Капитан Мориц Меркер, полвека назад изучавший быт и нравы этого народа, много занимался их религиозными обрядами и поверьями. Он писал, например, что они якобы трижды в день, воздев руки к небу, молятся солнцу. У каждого масая есть свой ангел-хранитель, который его после смерти перенесет в рай.

После Меркера никто так скрупулезно не занимался масаями. Однако те, кому приходилось здесь жить в прошедшие десятилетия, не верят в рассказанные ему сказки, так сильно смахивающие на христианские поверья. Вполне возможно, что оруженосец Меркера, поведавший ему обо всем этом, наслушался всяких миссионерских проповедей. Но в одном действительно не приходится сомневаться: масаи верят только в одного бога. Для них не существует, как для других африканских племен, множества злых духов, которым основной бог, живущий за облаками, дал

власть над маленькими, слабыми людьми. Бог гордых степных воинов не слишком-то заботится о судьбе людей. Единственный вулкан, который в этих местах еще время от времени действует, масаи называют Олдонио Ленгаи, что означает «гора господня». В загробную жизнь, мысль о которой так утешает многих людей и примиряет их с тяжелой действительностью, масаи не верят. Это они сами нам говорили.

Окружной комиссар, которому подчинены масаи этого района, две недели назад нашел молодого воина, страшно изувеченного кафрским буйволом. Ноги у него были сломаны, живот вспорот. Он погрузил несчастного на свой пикап и повез в госпиталь в Арушу. Тряска в автомобиле по неровной дороге наверняка причиняла раненому невыносимые муки. Англичанин видел, как искажались черты юного смуглого лица, но ни одна жалоба не сорвалась с губ масая, он не издал ни единого крика, ни единого стона. Вскоре по приезде в госпиталь он умер. Да, это, безусловно, мужественные люди!

Когда масай умирает в своем доме, родня старается еще при его жизни незаметно снять с него все украшения — браслеты, серьги, ожерелья. Если он умрет в них, уже никто никогда не сможет ими воспользоваться. Но обычно каждая жена, каждый ребенок и даже добрые друзья получают что-нибудь на память о покойном.

Для тяжело заболевших детей или гостей срочно строят «времянку» вне стен бома́, где и ухаживают за ними. Если больные умрут внутри бома́, то все домики должны быть сожжены, а вся огромная община должна сняться с места и заново строить другую бома́. Оплачивать такое переселение обязаны родственники покойного. Таким образом, помещая больных вне бома́, стараются избавить их родню от лишних трат.

После смерти масая его братья и жены закалывают где-нибудь за пределами крааля быка, желательно под каким-нибудь деревом. Покойника смазывают салом убитого животного и укладывают в тени головой на восток. Кладут его обычно набок с поджатыми к животу ногами, левую руку подсовывают под голову, а в правую вкладывают пучок травы и прижимают к груди. К ногам привязывают новые сандалии. Трава в руке олицетворяет у масаев мирные намерения.

В первую же ночь гиены и шакалы съедают покойника. Если они его не тронули, это плохое предзнаменование. Известных шаманов или вождей племен иногда хоронят и в земле. Каждый, кто проходит мимо, должен положить на могилу камень, так что вскоре вырастает высокий холм.

Все члены семьи покойного бреют себе головы. Имя его никогда больше не должно произноситься. Если покойный носил имя, которое встречается в обыденной речи, например Оль-Онана, что означает «благородный», то его семья больше не имеет права произносить слово «благородный», а вынуждены заменять его каким-нибудь другим, например «польполь», что означает «мягкий».

Наконец вернулся мой воин, которого я здесь дожидаюсь, да еще в сопровождении двух других. Они пригнали трех ослов, а ослы, как известно, не торопятся, поэтому на все потребовалось немало времени. Ослы здесь принадлежат женам. Работать этим животным приходится примерно раз в полгода, когда семья снимается с места и перевозит свой скарб в новую бома́.

Ослам привязывают огромные карманы из заскорузлой кожи. Они такие жесткие, что нам приходится втроем втискивать в них мой багаж. Ремни врезаются в тела бедных животных.

Мы отправляемся в сторону дальнего леса. По пути я увидел 17 гиен, собравшихся в тесную кучу, хотя нигде поблизости не было видно падали. Львов, сидящих в высокой траве возле озера, масаи прогнали криками. Львы определенно боятся этих стройных воинов, даже ослы их нисколько не привлекли.

Мои провожатые хватают меня за руку и указывают на два облачка пыли вдали. Это два автомобиля, петляющие по степи в нескольких километрах отсюда. Они определенно ищут меня, но почему-то не приближаются. Позже я узнал, что издалека они приняли меня за масая.

Мы продолжаем свой путь. Тащимся уже три часа. Солнце печет мне голову, ведь у меня давно нет такой шевелюры, как у Михаэля. Перепрыгивая болотистое место, я не рассчитал, и моя нога по самую щиколотку погрузилась в вязкий серовато-белый рассол.

Наконец одна из машин догадалась подъехать. Нам предлагают поесть, но мы отказываемся, а вот воды я выпил почти два литра, и мои масаи тоже. Вместе с главным воином мы садимся в машину, остальные с осликами должны потом подтянуться. Сидящий в машине господин предлагает нам сигареты; я отказываюсь, но масай запускает в коробку всю пятерню, вынимает шесть или восемь штук и после потихоньку сует их мне. Он считает себя чем-то вроде моего сообщника. Я уговариваю его попробовать закурить, но он не знает даже, как это делается. Он зажигает сигарету, но забывает при этом втянуть воздух с другого ее конца. Тут я вспоминаю, что молодым воинам курить запрещается, курят только «старейшины»...

Европейцами, сидящими в машине, мой масай интересуется ничуть не меньше, чем они им. Он с интересом трогает прядь седых волос сидящей впереди него пожилой дамы. Потом прикасается к светлым волосам ребенка, сидящего у нее на коленях. Не меньше его занимает и «шерстистый покров» моих рук: он то и дело проводит по нему пальцами, словно гребнем, и улыбается. Его собственная гладкая, словно отполированная, темная кожа лишена всякой растительности.

От моих спутников я наконец узнаю, что случилось со всеми остальными. Оказывается, во время взлета самолет одним колесом ударился о какой-то камень. Пассажиры ощутили лишь незначительный толчок, но правой «ноги» самолета как не бывало — ее точно бритвой срезало. Михаэль заметил это только потому, что внезапно открылась дверца. Ему силой пришлось

удерживать ее на месте. Но тут, к своему ужасу, он обнаружил, что рядом с его ногой в полу образовалась огромная дыра, сквозь которую видна земля. В нее сразу же ворвался ветер. Одновременно машину резко подбросило вверх, и она стала замедлять свой ход. Если сейчас же не набрать необходимую скорость, самолет моментально рухнет вниз. Рули направления и высоты вышли из строя. Михаэль лихорадочно работал.

В такие минуты страх куда-то исчезает, бояться просто некогда — надо действовать. А вот три пассажира, сидящие в вынужденном бездействии, те видели, что на них надвигается смертельная опасность. Но прежде чем они полностью осознали, что им угрожает, опасность миновала, во всяком случае на какое-то время.

С помощью дифферента и закрылок Михаэлю удалось снова восстановить равновесие и увеличить скорость. Пот лил с него градом, но теперь он мог хоть вздохнуть и обдумать создавшееся положение. Приземляться на одном колесе — это значит рисковать жизнью. Здесь, в Серенгети, помощи ждать неоткуда. Если машина во время посадки загорится, тушить огонь некому. И для раненых здесь нет ни врачей, ни больницы. Даже в том случае, если люди останутся целыми и невредимыми, ремонт самолета в этой глуши снова затянулся бы на долгие недели, может быть, месяцы, а возможно, его пришлось бы разобрать на части и увезти. Горючего было полно, машина еще уверенно держалась в воздухе, хотя и летела не так быстро, как хотелось бы.

Михаэль решил лететь в Найроби. Прежде всего он низко пролетел надо мной и бросил мне записку. Но его отец в это время дремал на солнцепеке и едва приоткрыл глаза. Он не заметил даже, что у самолета осталась всего одна нога. В такие моменты сыновья могут проклясть даже собственных отцов.

Бензина на этот перелет потребовалось немало, но, когда машина добралась до Вильсоновского аэродрома, баки были еще наполовину наполнены. Михаэль опасался, как бы горючее не вспыхнуло во время удара корпуса о землю. Поскольку его нельзя было вылить, он еще полчаса кружил над аэродромом, чтобы истратить бензин.

Три месяца назад здесь погиб один летчик, опылявший инсектицидами поля против саранчи. Сразу же после старта он вынужден был приземлиться с полными баками недалеко от аэродрома, загорелся и погиб во время этого пожара.

Михаэль оглянулся. Лица трех его пассажиров были бледны и серьезны. Там, внизу, на земле, люди играли в теннис, на пруду кто-то катался на лодке и упражнялся на водных лыжах. Хорошо бы уже твердо стоять обеими ногами на земле и чтобы эта опасная посадка с одним колесом была позади!

Герман вспомнил про большую батарею для питания кинокамеры. Она была наполнена серной кислотой, которая при неудачной посадке могла разлиться и разъесть людям кожу... На всякий случай он выбросил ее за борт.

Это были долгие полчаса, когда Михаэль кружил над аэро-

дромом. Подлетая, он радировал о том, что с ним случилось, так что внизу уже стояли наготове кареты скорой помощи, две красные пожарные машины, суетились представители прессы, а все летное поле окаймлял бордюр из зевак.

Наконец бензин кончился. Михаэль спланировал вниз, пролетел над посадочной дорожкой, накренив машину слегка вправо, потом постепенно опустился на уцелевшее колесо и ехал на нем некоторое время по асфальту; только когда самолет совсем замедлил свой бег, он накренился и повернулся вокруг своей оси.

Это была совершенно виртуозная посадка! Ни вторая нога не обломилась, ни крыло не помялось. Тем не менее с быстротой молнии подъехали пожарные машины и покрыли пеной весь самолет, не обращая никакого внимания на протесты Михаэля.

Вот тут-то все четверо почувствовали страшный упадок сил. Они даже не были в состоянии отвечать на вопросы журналистов. Михаэль только спросил своих спутников:

— Помните, когда мы кружили над аэродромом, то все время пролетали над кладбищем? Правда ли это или мне только показалось, что там были вырыты четыре свежие могилы?

Оказывается, все их заметили, но никто не решался сказать об этом вслух, пока самолет был еще в воздухе.

На этот раз мы еще дешево отделались и в воздухе, и в кратере.

ПРО МУХУ ЦЕЦЕ

Мы рассказали вам, как бегали наперегонки с антилопами, играли с носорогами; мы познакомили вас и с трубящими страусами, и с влюбленными зебрами, но об одном из самых важных животных Серенгети мы чуть не забыли упомянуть. Хотя оно широко известно и пользуется дурной славой, тем не менее ни в одной книжке об Африке вы не найдете о нем каких-либо подробных сведений. А между прочим, это животное — единственный защитник слонов и зебр в тех случаях, когда человек пытается отобрать у них родину.

Я имею в виду муху цеце, этого переносчика сонной болезни и болезни нагана.

Так называемый коридор, то есть западная часть национального парка Серенгети, куда откочевывают наши огромные стада во время засухи, заражен мухой цеце. Если бы не это обстоятельство, там давно было бы полно деревень и ферм или же масаи пасли бы там свой рогатый скот.

— У тебя прямо какая-то слоновья кожа,— уверяет меня Михаэль.

Дело в том, что когда я во время езды раздетый по пояс сижу на радиаторе нашей машины, то к моей спине непременно прилипнут 10, а то и 15 этих кровососущих насекомых. Из кабины

их хорошо видно, но дотянуться до них и прогнать невозможно. Сам же я ровно ничего не чувствую, мне даже не щекотно, потому что я давно ко всему привык.

Когда мы проезжаем через какую-нибудь рощицу или речную долину, бывает, что вся машина в мгновение ока битком набивается этими мухами. Мне кажется, что жертву свою они находят отнюдь не при помощи обоняния: они просто-напросто преследуют любой крупный двигающийся предмет. Поэтому-то их так и привлекают автомобили.

Однажды нас окружила целая туча мух — штук 150, если не больше. Они долго преследовали нашу машину. Когда я вылез и немного прошелся пешком, ни одна из них не обратила на меня никакого внимания; автомобиль был гораздо больше, а следовательно, и привлекательнее для них, чем я. Порой они стараются сесть даже на вращающиеся колеса.

Муха цеце не больше нашей обычной комнатной мухи. Цеце водятся только в Африке, больше нигде в мире. Их там 20 видов. Муху цеце легко можно отличить от всех других. Обыкновенные мухи, в том числе и наши европейские комнатные, ползая или сидя на чем-нибудь, складывают свои крылья на спине таким образом, что они несколько расходятся косо в стороны, как веер. А муха цеце складывает крылья плотно — одно поверх другого, наподобие ножниц. Поэтому ее совершенно невозможно спутать с какой-либо другой мухой.

Если посмотреть в лупу (а у кого зрение острое, даже без нее), то на каждом крыле мухи цеце можно различить маленькую секиру: прожилки расположены таким образом, что посередине получается что-то вроде маленького топорика. Кроме того, у этих мух щупальца покрыты перьеобразными ворсинками, но это уже детали. Во всяком случае они настоящие «африканцы» и в любом другом месте чувствуют себя плохо. 20 миллионов лет назад они водились и в Америке, но сейчас, когда их вместе с какими-нибудь товарами затаскивают на самолетах в Бразилию, они там не приживаются. Во всяком случае до сих пор не приживались.

Как только такая мушиная армия врывается в машину, начинается прямо настоящая война. Но воевать с ними тоже надо уметь. Необходимо учесть, что муха цеце летает очень быстро и целеустремленно, кроме того, ее не так-то просто убить. Если ее прихлопнуть, как обычную комнатную муху, она, может быть, и упадет с поломанными крыльями и ножками, но через мгновение уже приходит в себя и нахально кусает вас с новой силой. Поэтому таких мух надо ловить руками и раздавливать между пальцами. Наш шофер Мгабо утверждал даже, что им непременно надо отрывать голову, чтобы быть уверенным, что они не очнутся!

Цеце не только кровожаднее львов и гиеновых собак, они и действуют значительно успешнее. Крупная дичь вынуждена немедленно убираться из тех мест, на которые претендует человек: ведь истреблять слонов, кафрских буйволов и целые стада антилоп совсем не трудно и не опасно. Муху же цеце не так-то просто согнать с облюбованных ею участков. Там, где ее серьезно заду-

мают уничтожить, потребуется немало времени и денег. Да и мозгами придется пошевелить.

У комаров и многих других кровососущих насекомых кровь пьют одни только самки, самцы питаются нектаром растений и другими столь же невинными продуктами. У мух же цеце кровь пьют и самцы, и самки. Никому еще не приходилось наблюдать, чтобы они питались чем-нибудь другим. На конце хоботка у них имеются острые зубчики, которыми они пробуравливают кожу; нащупав какой-нибудь мельчайший кровеносный сосуд, они протыкают его и впрыскивают туда свою слюну, чтобы кровь не свертывалась. Как только муха цеце начинает сосать кровь, ее тощее брюхо заметно набухает и краснеет.

Вряд ли кто из вас слышал о том, что муха может забеременеть. А между тем это так. Обычные мухи, да и вообще большинство насекомых, откладывают кучу яиц, откуда затем появляются личинки, большинство из которых погибает. У цеце все это происходит совсем иначе. Самка с самцом спариваются в течение часа, а иногда и до пяти часов подряд. Зато после этого самка оплодотворена до конца своей жизни. Даже в том случае, если она попадает в местность, где нет других мух цеце, она еще в течение 200 дней (продолжительность ее жизни) способна откладывать оплодотворенные яйца.

Впрочем, муха цеце не откладывает яиц. В теле самки созревает одно-единственное яйцо, которое получает питание из особых желез (наподобие зародыша в матке зверей и людей). Там же, в организме самки, личинка выходит из яйца и проходит тройную линьку, то есть те стадии развития, которые у других насекомых протекают во внешней среде. Затем на свет появляется белая личинка длиной в сантиметр.

Уже за несколько дней до «родов» самка не в состоянии больше сосать кровь просто потому, что для этого в ее утробе уже нет места. При родах она сама себе оказывает акушерскую помощь задними лапками. Новорожденная личинка закапывается в рыхлую прохладную почву, которую беременная муха обычно выбирает себе в качестве родильного дома. Через полчаса она уже исчезает под землей. В почве ее оболочка затвердевает, и личинка превращается в коричневую куколку, похожую на крошечный бочонок. Из этого бочонка через 35 дней появляется готовая муха. Она проделывает головой отверстие на одном конце своей оболочки, для чего у нее на передней части тела имеется специальный пузырь, наполненный воздухом. Как только муха оказывается снаружи, воздух из этого пузыря устремляется в приплюснутые и смятые крылья и расправляет их.

Самка ежемесячно способна производить на свет от двух до трех детенышей.

Никому бы не пришло в голову так тщательно изучать муху цеце, если бы девять ее видов не являлись переносчиками очень опасных возбудителей болезней человека и домашнего скота. Стремительный полет и характерное жужжание этих мух уже не для одного человека означали неминуемую гибель. В конце про-

шлого столетия, когда участились поездки по Африке, муху цеце заносили во все новые и новые районы, где она раньше не водилась. Когда она кусает, в ранку попадают особые паразиты крови из класса жгутиковых — трипанозомы величиной в двадцатую часть миллиметра. Они-то и являются возбудителями сонной болезни. Заболевший ею человек вначале ощущает боли в затылке, у него повышается температура, заметно опухают шейные железы. Затем у него начинают проявляться нарушения мозговой деятельности, наблюдаются признаки душевного расстройства, больной страшно худеет, впадает в какое-то полудремотное состояние и в конце концов погибает.

Из-за этой ужасной болезни обширные области Африки совершенно обезлюдели.

В наше время уже почти никто не умирает от сонной болезни, разве только в единичных случаях. Современная медицина имеет достаточно сильные лекарства, излечивающие этот страшный недуг.

Однако цеце переносят и возбудителей других болезней, постоянно живущих в организмах жирафов, антилоп, буйволов, бородавочников, гиен и большинства других диких животных Африки. У диких животных выработался природный иммунитет против этих болезней, редко какое-нибудь из них умирает по вине трипанозом. Но зато все европейские домашние животные — рогатый скот, лошади, свиньи и овцы — очень быстро погибают во время вспышек эпизоотий болезни нагана. В местностях, зараженных мухой цеце, невозможно заниматься не только скотоводством, но и впоследствии земледелием, так как там отсутствует навоз, необходимый для удобрения.

Эти обстоятельства надоумили некоего господина Ю. К. Горлея прибегнуть к страшным мерам, благодаря которым его имя будет упоминаться в истории с не меньшим негодованием, чем имя грека Герострата, сжегшего замечательный храм Артемиды в Эфесе лишь для того, чтобы увековечить свое имя.

Мистер Горлей до недавнего времени был уполномоченным по борьбе с трипанозомными заболеваниями человека и животных в Южной Родезии, расположенной в бассейне реки Замбези. Он решил, что средства уничтожения мухи цеце, успешно применяемые в других районах Африки, слишком сложны и дороги. Вместо них он изобрел собственный радикальный, но совершенно дьявольский способ борьбы.

«Если истребить сразу всех диких животных, то вымрет и муха цеце, потому что ей нечем будет питаться» — так решил этот «мыслитель».

Итак, он роздал африканцам ружья, учредил премии за каждое убитое животное, и дикая фауна стала планомерно уничтожаться.

С 1932 года таким образом было выбито 550 594 степных животных, не считая тех, которых подранили неопытные стрелки и которые медленно погибали, забравшись куда-нибудь в чащу,

В последнем годовом отчете, который попал мне в руки, гордо сообщается, что в этом году удалось уничтожить 36 552 животных, то есть больше, чем в любом прошедшем. На этот раз были убиты 3219 павианов, 61 гиеновая собака, 35 гиен, 19 леопардов, 4 льва, 55 слонов, 8 носорогов, 313 зебр, 950 кистеухих свиней, 4503 бородавочника, 377 кафрских буйволов, 50 гну, 301 водяной козел, 777 болотных козлов, 1351 черная лошадиная антилопа, 306 обыкновенных лошадиных антилоп, 291 антилопа канна, 4937 антилоп куду, 5 редчайших антилоп ньяла, 1788 бушбоков, 2259 антилоп импала, 12 566 дукеров, 1037 маленьких антилоп-прыгунов, 134 ориби, 1206 антилоп бейза.

И все это за один год! При этом мистер Горлей с гордостью сообщал, что на одно животное в среднем затрачено всего 2,6 патрона.

Повсюду, где узнавали об этой жестокой массовой бойне, она вызывала отвращение и ужас, в том числе и у жителей самой страны. Разумеется, разрастающемуся человечеству необходимо осваивать все больше пустующих земель даже в тропиках, где земля, как правило, мало пригодна для земледелия и, как показали наши наблюдения, под воздействием человека очень быстро превращается в пустыню. Но если ученый или правительственный чиновник решился применить столь дикое и страшное средство, он предварительно обязан установить опытным путем, могут ли эти меры привести к желаемым результатам и нет ли других, менее страшных. Этого господин Горлей, оказывается, не сделал из-за «нехватки денежных средств».

Он даже не удосужился выяснить то обстоятельство, что мухи цеце, после того как будут уничтожены все крупные животные, спокойно могут просуществовать, питаясь кровью мелких грызунов, а также зайцев, шакалов, лисиц, которых, разумеется, никогда не удастся полностью уничтожить. Кроме того, вся подвластная ему местность граничит с бывшей португальской колонией Мозамбик, где мероприятий по борьбе с мухой цеце не проводится. Если бы действительно удалось истребить всех диких животных Южной Родезии и мухи цеце окончательно вымрут в этих местах, то все равно они снова налетят сюда из-за границы, как только здесь начнут выпасать рогатый скот. А уж перестрелять весь зараженный рогатый скот вряд ли кому-нибудь позволят.

Вот в Зулуленде, например, очень успешно справились с мухой цеце, распыляя инсектициды с самолета. Там же имеется широко известный Ветеринарный институт и весьма авторитетное Ветеринарное управление. По его совету в Родезии наконец решили использовать удачный опыт Зулуленда и начали проводить опыливание с маленьких самолетов. Но случилось так, что пилоты повздорили с молодыми служащими из «Комитета по борьбе с мухой цеце», опыты начали проводиться не в то время года, в какое нужно, и господин Горлей решил отказаться от этого перспективного метода и продолжать свою безрассудную бойню. И снова повсюду разлагаются десятки тысяч трупов замечатель-

ных животных, представителей всемирно известной чудесной африканской фауны.

Охотники, которым выплачиваются премии за каждую голову убитого животного, разумеется, нисколько не заинтересованы в том, чтобы преследовать последние уцелевшие экземпляры, чтобы во всей местности действительно не оставалось ничего живого. Точно так же они не станут часами преследовать каждого подранка, чтобы прикончить его и избавить тем самым от мучений. Охотников интересует только число голов. Они стремятся стрелять там, где много животных держатся вместе — авось в кого-нибудь да попадешь. При таком способе охоты раненые слоны уже не раз убегали в незараженные районы и заносили туда мух цеце.

Разыгрывались столь отвратительные сцены, что возмущение этой массовой бойней в стране все возрастало. Правительство Южной Родезии было вынуждено учредить специальную комиссию для разбора этого дела. Перед комиссией выступило множество свидетелей. Все их показания честно были опубликованы в официальной брошюре. В ней, между прочим, написано, что «Комитет по борьбе с мухой цеце» ходатайствовал о том, чтобы ему дали другое название, потому что прежнее снискало себе дурную славу среди общественности. Вместо мистера Горлея назначили другого человека, которому поручили изыскание более гуманных путей борьбы [1].

Здесь, в Банаги, мухи цеце мне значительно менее неприятны, чем комары. Цеце нас хоть ночью оставляют в покое, комары же совершают и ночные налеты. Комар, проникший под москитную сетку, может часами не дать мне уснуть, потому что свои атаки он сопровождает еще воинственным «пением». Кроме того, здесь каждый третий комар — переносчик малярии. Если такому комару дать укусить подопытное животное, то в 95 процентах случаев оно заболевает. А среди мух цеце только каждая двадцатая является переносчиком сонной болезни, и заражает она лишь 10 процентов тех животных, которых кусает.

КАК И КУДА ОНИ КОЧУЮТ

Уже несколько дней горит степь. Это, правда, выглядит далеко не так страшно, как изображается обычно в кино. Никакие обез-

[1] Сколь научно необоснованной была десятилетняя горлеевская массовая бойня, показали новые исследования доктора Вайтца и доктора Глазгова о происхождении крови, высосанной мухами цеце у животных Восточной Африки. По этим исследованиям, 88 процентов проб крови принадлежало бородавочникам и кистеухим свиньям, пять процентов — буйволам. Регулярно мухи сосут кровь у домашнего рогатого скота: овец и коз; кровь лошадиных антилоп, куду и бушбоков вместе составляет около 15 процентов; конгони, топи, зебр и гну (наиболее многочисленных степных животных) мухи цеце вообще не трогают, а антилоп канн, дукеров, водяных козлов, антилоп импала, обезьян, кошек, собак, гиен и птиц жалят очень редко (Oryx. London, Bd. 5, S. 20, 1959).

умевшие от ужаса стада не бросаются в бегство, ведь огонь продвигается очень медленно и его можно обойти стороной. А там, где трава низкая, на небольшой площадке огонь при желании можно и затоптать. Но фронт пожара очень широкий, конца его невозможно найти. Там, где огонь загасили, спустя некоторое время он вновь возобновляется от ветра.

Я никогда не замечал, чтобы у животных был врожденный страх перед огнем, как это часто утверждается в книжках. Львы, например, спокойно подходят совсем близко к огню и ложатся в еще теплую золу. Однажды в Банаги мы разожгли большой костер и расселись вокруг него в шезлонгах, чтобы погреться. В это время в шести метрах от нас прошло семейство львов, не обращая никакого внимания ни на нас, ни на наш костер.

Опасен степной пожар лишь для насекомых и черепах. Непосредственно у самого фронта огня всегда держится множество птиц, которые ловят удирающих или подбирают опаленных насекомых.

Мы опасаемся, как бы ночью не изменилось направление ветра и огонь не добрался до нашего самолета. Мы предусмотрительно сжигаем вокруг машины всю траву, чтобы подползшему пламени уже нечем было питаться, но искры от подожженной нами травы попадают на изгородь из колючего кустарника, заботливо воздвигнутую нами вокруг самолета для защиты от гиен и львов. Сухие ветки внезапно вспыхивают огромным ярким пламенем. Мы поспешно вытаскиваем из земли столбы с натянутой между ними колючей проволокой, заменяющие нам ворота, и отбрасываем их в сторону. Михаэль прыгает в самолет, включает мотор и выкатывает машину из загона. Наша колючая крепость сгорает дотла. Волей-неволей приходится оставить «Утку» на открытой со всех сторон посадочной площадке.

Когда через несколько часов мы вернулись, то под одной из плоскостей увидели львицу, наслаждающуюся в тени прохладой. А на другое утро обнаружили, что пеньковый трос, которым самолет привязан к земле, изжеван гиенами. К счастью, они не догадались пожевать резиновые шины колес...

К вечеру степной пожар начинает ползти вверх по горе Банаги. Светящаяся в черной ночи красная лента, опоясавшая гору, поднимается постепенно все выше и выше. Сухие деревья вспыхивают, словно факелы, и потом еще часами продолжают тлеть темно-красным огнем. Мы стоим у двери нашего алюминиевого домика и любуемся зрелищем, которое разыгрывается в Серенгети только раз в году. При каждом порыве ветра тлеющие стволы деревьев вспыхивают ярче, напоминая причудливую световую рекламу.

Но для любого посвященного это печальное зрелище. Деревья здесь разбросаны так же редко, как в плодовом саду. Это нельзя даже назвать рощей. Каждый такой пожар ежегодно уничтожает часть деревьев и подпаливает подрост. А почва здесь остро нуждается в тени, потому что в сухое время года солнце высасывает из нее последние остатки влаги. Будь в Серенгети достаточ-

но дождей, в течение года из почвы мог бы испариться слой воды толщиной 1,7 метра. Но в действительности за 12 месяцев здесь выпадает всего 80 сантиметров осадков. Если бы эти осадки не проникали в почву за короткий срок (с ноября по декабрь и с марта по июнь), то здесь вообще ничего бы не могло расти.

Итак, если бы Серенгети был покрыт озером глубиной 1,7 метра, то солнце за год его бы высушило. Следовательно, там, где нет сухой прошлогодней травы и деревьев, служащих скупым источником тени, земля с каждым десятилетием становится все суше и суше.

Впрочем, в данный момент нас как раз устраивает, что земля стала черной и гладкой. Мы собираемся ловить зебр, да притом голыми руками. Теперь виден каждый камень и каждая яма, из-за которых здесь обычно так часто повреждаются машины.

Гну и газелей томми нам удалось перехитрить при помощи нашего «чудо-ружья». Зебры же гораздо осторожнее: они не подпускают нас на близкое расстояние. К счастью, у Гордона Пульмана есть богатый опыт ловли диких животных. От Гордона эту науку усвоили и мы, а когда знаешь, как это делается, все оказывается весьма просто.

А делается это так. Обнаружив табун, мы едем прямо на него и отгоняем четырех или пять зебр от остальных. Затем начинаем преследовать какую-нибудь одну из них. Со скоростью 50 километров в час мы ее без труда нагоняем. Это не очень спортивное и не совсем честное состязание: Гордону приходится лишь слегка нажимать ногой на газ, зебра же, спасая свою жизнь, бежит во весь дух. Уже через три или шесть минут она задыхается и начинает бежать медленнее. Тогда мы пытаемся поравняться с животным и ехать совсем рядом. Иногда мы нарываемся на настоящего скандалиста, который старается укусить машину. Есть зебры, догадывающиеся, что от нас можно удрать, резко свернув в сторону: ведь наша машина не способна совершать такие крутые виражи. Поэтому мы стали ездить сразу на двух машинах. Одна из них едет немного отступя, по другую сторону от зебры, чтобы не дать ей свернуть.

Не позже чем через пять минут мы должны поравняться с зеброй и на ходу схватить ее за хвост. Если схватить не удается и охота слишком затягивается, лучше отступиться: у животного от перенапряжения может произойти инфаркт. Зная это, мы всегда в таких случаях отпускали тигровую лошадку с миром и устремлялись за другой: ведь зебр вокруг сколько угодно!

Но весь фокус в том, чтобы удачно схватить зебру за хвост как можно выше, у самого основания, и притом удержать его! Если дать ему выскользнуть из рук, то жесткие волосы порежут все пальцы. Есть еще одна деталь, за которой необходимо следить: если животное незадолго перед этим испражнялось, то хвост скользкий и удержать его в руках невозможно.

Итак, один или два человека хватают животное за хвост, а машина постепенно сбавляет ход. В конце концов зебре приходится остановиться. В тот же миг к ней подскакивают все ловцы:

один хватает зебру за оба уха, а другой быстро обхватывает ее рукой за шею и, крепко сжимая, как в тисках, пальцами разводит челюсти. При этом надо внимательно следить, чтобы пальцы пришлись именно на то место позади резцов, где в лошадиной челюсти нет зубов.

Как правило, этот ответственный трюк поручается Гордону: он делает это виртуозно и хватка у него мертвая. Ведь зебры, как и все лошади, страшно кусаются. Хотя их передние зубы не очень остры, зато они весьма крупные и крепкие и имеют совсем иное строение, чем у собак или хищных животных. Лошадиные зубы крошат и перемалывают кости.

Зубы — это единственное, что есть опасного у зебр. К счастью, эти животные обычно не брыкаются. Мне прежде часто приходилось иметь дело с лошадьми, а каждый крестьянин или наездник знает, как при этом надо остерегаться задних да и передних копыт, как часто лошади срываются с привязи и яростно встают на дыбы. А вот здешние зебры этого никогда не делают. Возможно, они к этому моменту бывают уже слишком вымотаны погоней.

Таким образом ежедневно до обеда нам удается изловить от трех до пяти зебр, маркировать их ушными метками и украсить цветными ошейниками. После обеда погоня продолжается снова. Я пользуюсь случаем и точно проверяю по спидометру, с какой скоростью могут бежать различные степные животные. Зебры пускаются в галоп со скоростью 50 километров в час, причем без особого напряжения. Самец антилопы канны припустился со скоростью 56 километров в час, газель Томсона выжала 60 километров, гиена — 40 километров, страус бежал со скоростью 48 километров в час, газель Гранта — тоже; лишь на короткий срок она повысила эту скорость до 56 километров в час. С гепардами мне не удалось добиться полной ясности. Один, которого мы повстречали, развил скорость, не превышающую 48 километров в час, да и то, пробежав несколько сот метров, обессиленный, упал на землю.

А ведь гепарды считаются самыми быстроходными из наземных млекопитающих! Но мы не стали дальше преследовать этого беднягу: не исключена возможность, что он был чем-то болен. Поэтому я очень обрадовался, когда через несколько дней повстречал другого. Но и этот показал не очень-то блестящие результаты — всего 50 километров в час, да притом успел улизнуть в небольшую рощицу, прежде чем мне удалось прибавить скорость.

Но я не думаю, чтобы это была их рекордная скорость: ведь газель Томсона, эта обычная жертва гепардов, мчится со скоростью 60 километров в час, а в смертельном страхе, наверное, и того быстрее. Так что, не бегай гепарды проворнее этих газелей, им туго пришлось бы с добыванием пищи.

Как всегда, дело не может обойтись без моего Михаэля: он ведь у меня «всем бочкам затычка». На этот раз ему непременно

нужно самому испробовать трюк с хватанием зебры за нижнюю челюсть. Я, разумеется, категорически против:

— Ну зачем тебе это нужно? Гордон делает это так ловко, как никто. Все равно никому его не переплюнуть! Опять лезешь не в свое дело, да? Ты уже забыл, как пропорол себе горло из-за зебры?

Я себе ужасно не нравлюсь в роли заботливой наседки. Но ведь Михаэль действительно делает глупость. Скоро он примется еще и львов дрессировать!

Но тут я вспоминаю: когда я был в его возрасте, то на самом деле дрессировал тигров и ради потехи бегал с балансиром по высоко натянутой проволоке. Я устыдился своих упреков, внутренне обозвал себя «отсталым, склеротическим предком» и решил молчать. Пускай делает что хочет.

Первая же упитанная кобылка цапнула его за руку и прокусила большой палец до кости.

Михаэль был так этим возмущен, что вначале даже не почувствовал боли. Я заклеил ему палец пластырем. Только через час началась нестерпимая боль. К вечеру она усилилась, и мы решили сделать для пальца теплую ванночку. Кроме того, на всякий случай я вкатил своему упрямому сынку дозу пенициллина. На другое утро почти все уже прошло.

Но и упитанная кобылка запомнила эту историю! На ней теперь ярко-желтый ошейник, и она сразу же убегает, как только издали завидит нашу машину. С ней вместе удирает целая компания из четырех или пяти других зебр, вероятно ее ближайшая родня.

Несколько месяцев назад мы как-то целую ночь пытались ловить руками ослепленных фарами газелей. Никогда мне еще не приходилось столько бегать, как в ту ночь. Мы носились по кочкам и камням, пробирались сквозь колючий кустарник, все время рискуя наступить в темноте на льва, провалиться в яму или не успеть в последний момент вскочить в машину: ведь в такой суматохе тебя запросто где-нибудь забудут! Однако газелей фары ослепляли только на несколько мгновений, потом они привыкали к свету и убегали. Нам так и не удалось поймать ни одной.

И все-таки я не поверю в то, что это невозможно. Когда нам однажды пришлось целую ночь прокараулить возле усыпленного гну, которому мы нечаянно вкатили слишком большую порцию наркотика, мы заметили, что газели Томсона и Гранта с любопытством входили в луч нашего прожектора и по этой освещенной дорожке приближались совсем близко к машине. Я вспомнил: тогда было новолуние и кругом кромешная тьма.

Поэтому мы решили повторить ловлю газелей во время новолуния. Теперь все пошло как по маслу. За одну ночь нам удалось поймать 20 газелей и маркировать их ушными метками и ошейниками.

— Каждое животное надо ловить особым способом,— говорит Гордон Пульман.— Вот, к примеру, антилопа бейза так и норовит прошить вас насквозь своими прямыми и острыми, как кин-

жалы, рогами. Но стоит только схватить ее за рога, как она сейчас же останавливается как вкопанная и не оказывает больше ни малейшего сопротивления; теперь вы можете делать с ней все, что вам надо.

Нам необходимо маркировать как можно больше животных, чтобы иметь ясное представление о кочевках этих огромных стад по Серенгети. Теперь мы уже знаем, как и куда они кочуют, и нас это отнюдь не радует.

Правительство приняло решение отрезать ровно половину национального парка. Делается это потому, что, как здесь уже указывалось, десятки лет существует убеждение, будто бы стада гну, зебр и газелей, пасущиеся в сухое время года в низинах «коридора», в декабре и январе, во время дождей, откочевывают только до линии, по которой проводится новая граница,— ни шагу дальше на восток. По обе стороны этой линии тянутся бескрайние открытые равнины, поросшие травой. В сухой сезон они высыхают и желтеют и всякая жизнь на них замирает.

Но с первыми же дождями степь буквально на глазах оживает и снова зеленеет. В низинах образуются маленькие озерки, к которым со всех сторон прокладываются звериные тропы: животные приходят сюда на водопой. И вот уже снова по всей степи от края до края странствуют тысячи газелей, зебр и гну. Предполагали, что стада, разгуливающие в сезон дождей восточнее новой границы парка, являются туда из кратера Нгоронгоро. Этим же руководствовалось правительство при своем решении о разделе парка.

Итак, было решено и подписано: стада из «коридора» и стада из Нгоронгоро сталкиваются именно на этой линии.

Но, следуя за ними на своем полосатом самолетике, мы детально подсчитывали, сколько их, прослеживали их путь, разыскивали с воздуха помеченных ошейниками зебр и гну и теперь точно знаем, что на самом деле все это выглядит совсем иначе.

Бóльшая часть животных в июне, в конце сезона дождей, действительно откочевывает назад, в «коридор», остальные же уходят на север, где и пасутся вне границ парка, притом вовсе не в тех районах, которые было решено отдать заповеднику взамен отрезанной восточной части, а значительно западнее. Кроме того, в засушливое время отдельные стада то и дело уходят из «коридора» на север, а затем возвращаются назад.

В октябре начинаются благодатные дожди, сначала севернее парка, а затем с каждым днем грозы продвигаются на 20 километров южнее. Сегодня на очереди Банаги, а к завтрашнему дню тучи уже сгустятся дальше к югу, над Серонерой, и так далее. Выжженные степи напьются живительной влаги и вновь зазеленеют.

И вот тут-то огромные армии животных приходят в движение. Они направляются на восток, пересекают долины меж холмов и устремляются в открытую степь. Животные идут гуськом по твердо установленному маршруту, и не как попало, а по проторенным тропам, которые вначале можно принять за человеческие. С воз-

духа нам прекрасно видно, как черные гну следуют один за другим, словно бусы на нитке. И точно так же шествуют зебры. Уже по сетке этих троп, число которых от года к году не меняется, с воздуха, словно по большой карте, можно проследить основные направления, по которым движутся животные (даже если в данный момент ни одного из них не видно).

Так, например, все тропы с юга ведут к Олдувайскому ущелью, которое пересекает равнины с востока на запад. Далее они идут вдоль его южного края, сливаясь постепенно в одну общую тропу, которая затем в единственном удобном для перехода месте пересекает ущелье. Там, на другой стороне, тропы снова веерообразно расходятся в разные стороны.

Уже из одного этого видно, что животные стремятся с юга перебраться на север. Ни разу не было замечено, чтобы они подошли к ущелью с его северного края, и там нет ни единой тропинки, которая вела бы к переходу на другую сторону.

Зебры, гну и газели — животные, как известно, травоядные. Им необходимо ежедневно пастись по нескольку часов. В это время они уже движутся не гуськом, а рассыпаются по пастбищу. И хотя зебры и гну кочуют по степи примерно в одно и то же время и теми же путями, тем не менее их стада редко полностью перемешиваются. Часто, но отнюдь не как правило группа зебр возглавляет стадо гну. Даже когда они пасутся на одном и том же пастбище, зебры всегда держатся своими обособленными группками. Они значительно осторожнее и всегда готовы к бегству.

Вслед за огромными стадами копытных в степь приходят гиены, шакалы и львы. Когда антилопы и зебры рассыпаются во время пастьбы по степи, они даже не обращают особого внимания на гиен, которые рыщут между ними. Так, однажды нам удалось наблюдать и даже заснять на кинопленку, как две гиены упорно преследовали молодого, примерно двухмесячного, гну и в конце концов разорвали его на части. И все это происходило в непосредственной близости от невозмутимо пасущихся взрослых гну. Они не обратили почти никакого внимания на разыгравшуюся у них на глазах трагедию.

Однажды в конце января мы наткнулись на большое стадо гну, пересекавшее дорогу перед самой нашей машиной. Мы заметили, что между ними, растопырив крылья, мечется крайне взволнованный хохлатый чибис. Поскольку гну топали мимо него со всех сторон, он совершенно исчез в туче пыли, но не поднялся и не улетел. Когда все стадо прошло, то выяснилось, что храбрая птица оберегала от этой массы копыт двух маленьких птенцов.

Тот, кому приходилось быть свидетелем такого массового переселения животных, неизменно преисполнялся подлинного благоговения перед величием природы. Вот так же, как Серенгети, этот затерянный уголок земного шара, выглядели еще сотни лет назад все обширные степи Африки. Природа щедро рассыпáла

по ним миллионы животных — полосатых, пятнистых, рогатых, самых фантастических и разнообразных. И, несмотря на засухи, на то, что их пожирали хищники и косили болезни, жизнь все равно побеждала. Новые десятки тысяч еще мокрых и дрожащих детенышей к началу сезона дождей уже лежали в свежей, зеленой траве и неуклюже делали свои первые шаги по земле.

Точно так же, как здесь, по степям Африки, 150 лет назад бесчисленные множества копыт топали по прериям Северной Америки. Когда-то то же происходило и в Европе, но никто, обладающий даже самым богатым воображением, не в состоянии описать, как это было.

Такой могущественной была на Земле живая природа до тех пор, пока человек не дошел до цивилизации, размножился до огромного количества и полностью поработил природу. Кому в грядущие десятилетия захочется узнать, какой прекрасной была планета Земля до того, как господь бог доверил ее нашему попечению, тот должен полететь в Серенгети и понаблюдать за огромными вольно кочующими стадами.

Если они в это время еще будут там кочевать...

Ведь мы установили, что огромные массы гну, зебр и газелей во время дождей откочевывают далеко за вновь установленные границы парка: они пасутся по всей позеленевшей степи вплоть до самого подножия гигантских кратеров; затем они поднимаются к северу, где держатся вне будущих границ национального парка, после чего поворачивают на юг и возвращаются назад, частью по территории национального парка, а частью снова вне его границ. За это время трава на пастбищах вновь отрастает, и, таким образом, животные за сезон несколько раз успевают проделать свое путешествие по кругу.

Следовательно, из нового национального парка Серенгети ежегодно на несколько месяцев будут исчезать все зебры, гну и почти все газели Томсона. Все 367 тысяч его обитателей будут уходить за пределы границ парка и пастись на неохраняемых территориях. А ведь заповедник был создан в свое время именно для того, чтобы сохранить последние крупные стада копытных, которые пока еще чудом уцелели в Африке: в парке они должны были круглый год находить для себя убежище и пропитание.

Таким образом, от национального парка окажется отрезанной территория с самым живописным ландшафтом — нагорье гигантских кратеров со всемирно известным чудо-кратером Нгоронгоро, вулканы и знаменитое Олдувайское ущелье, в котором обнаружены остатки древнейшего человека. Но не это самое страшное: оставшаяся часть парка слишком мала, чтобы там сохранились дикие животные.

Вот печальные выводы, полученные в результате проделанной нами работы.

СЕРЕНГЕТИ НЕ ДОЛЖЕН УМЕРЕТЬ

Нашей доброй «крылатой зебре» сейчас приходится туго. Ей, наверное, совершенно невдомек, почему мы заставляем ее больше бегать, чем летать. Во всех возможных и невозможных местах мы направляем ее нос книзу, и, несмотря на всю досаду, она вынуждена, спотыкаясь, бежать по кочковатой земле, цепляясь за камни и путаясь в высокой траве. Стартовать в этих условиях все же легче, чем приземляться: тогда один из нас может по крайней мере забежать вперед и проверить, нет ли там каких-нибудь неожиданных препятствий.

Теперь мы уже знаем, какими путями огромные стада гну, зебр и газелей кочуют по стране; мы знаем также, что значительную часть года они проводят вне границ парка.

Но нам еще хочется узнать, почему они это делают.

Возможно, для того чтобы животные оставались в пределах новых границ парка, через некоторое время будет достаточно вокруг его территории построить забор. Такое решение вопроса приобрело бы особое значение в том случае, если степь вокруг заповедника окажется уже густо заселенной и местные жители полностью сведут леса на нагорье гигантских кратеров, опустошат чрезмерным выпасом скота степи и иссушат последние водопои, лишив их живительной тени деревьев.

Интересно, что же заставляет полчища диких животных нарушать границы национального парка? Привычка? Или упрямство? Или есть еще какие-то причины, вынуждающие их это делать?

Травоядные отнюдь не едят всю траву без разбора — это ведь не машинка для стрижки газона! В одних местах трава остается нетронутой, гну проходят мимо, даже не притрагиваясь к ней; в других местах вся растительность будто сбрита, а в третьих остаются торчать лишь отдельные кустики определенных видов.

В сезон дождей цветет большинство растений, и благодаря таким видам, как, например, *Themeda triandria*, степь приобретает коричневатый оттенок и лаковый блеск. Но заметить его можно, только стоя на земле и глядя горизонтально вдоль поверхности степи. Мы пытались определить с самолета, насколько далеко по степи распространяется это растение, но если глядеть вертикально сверху, то оказывается, что этот характерный коричневый оттенок пропадает.

Поэтому-то мы и стараемся сейчас летать как можно ниже (на высоте от 10 до 20 метров) и как можно медленнее — со скоростью 55 километров в час. Там, где нам кажется, что степь изменила свою окраску, мы приземляемся.

Чтобы разыскать все эти места на автомашине, понадобились бы месяцы и даже годы. Ведь трава растет только в сезон дождей, когда здесь ни по одной дороге не проедешь.

Это уже 79-я посадка такого рода. С нами летит Самвел Пауло, ассистент-африканец из Восточноафриканского гербария в Найроби. На каждой остановке мы обследуем примерно около 300 метров по окружности и отмечаем, какой вид травы встречается здесь наиболее часто и какой съеден. Потом мы срываем по одному растению каждого вида и наклеиваем на фильтровальную бумагу. Самвел Пауло кладет их под специальный пресс, который мы все время таскаем с собой в нашей «Утке».

Несмотря на дождливый сезон, несколько часов в день светит солнце, и тогда мы поспешно раскладываем свои трофеи на гранитных склонах Банаги. Камень на солнце очень быстро нагревается, и растения равномерно просушиваются как сверху, так и снизу.

Мы отнюдь не задались честолюбивой целью собрать все растения, которые вообще растут в Серенгети. Нам хочется выявить лишь кормовые травы, но и их оказалось уже свыше 160 видов. Кроме того, нас интересует плодородие различных почв, поэтому мы во многих пунктах берем пробу земли, насыпаем ее в мешочки из сурового полотна и посылаем в Сельскохозяйственный институт в Дармштадте. Туда же мы посылаем пробы сена, чтобы нам определили процент содержащегося в нем растительного белка.

Разбирая сотни образцов растений, носящих мудреные латинские названия, мы ясно поняли одно: стада животных в сезон дождей откочевывают именно туда, где произрастают их излюбленные кормовые травы. В тех местностях, которые животные обходят стороной, этих кормовых растений нет; там растут только те, к которым ни зебры, ни гну не притрагиваются. Питательные кормовые травы в свою очередь произрастают только на определенных почвах. Содержание растительного белка в них вполне удовлетворительное, на уровне среднего европейского лугового сена.

Кстати, выяснилась еще одна интересная деталь: гну и зебры в Серенгети испокон веков делают то, что современные скотоводы догадались ввести в практику только два десятилетия назад. Наши учебники по сельскому хозяйству все время рекомендуют крестьянам не давать траве вырастать слишком высоко, а скашивать ее заблаговременно, пока она еще молодая. Высокий травостой означает полный сеновал сена, но вместе с тем и тощих коров. Высокая трава становится жесткой, она содержит много неперевариваемых волокон. А пока трава еще низкая, в ней много растительного белка. Именно поэтому умный крестьянин разгораживает свое пастбище на несколько частей и через определенные промежутки времени перегоняет коров и лошадей из одного загона в другой, давая им таким образом возможность все время пастись на молодой траве.

Это же самое делают и дикие копытные Серенгети, когда во время сезона дождей кочуют по кругу, поедая необходимые им кормовые травы. Как только молодая, свежая травка успевает отрасти на несколько сантиметров, они уже снова тут как тут и

пасутся на ней по второму кругу. Поэтому-то зебры здесь всегда такие упитанные.

Степь степи рознь. У такого «государства для животных», как национальный парк Серенгети, нельзя отрезать один конец и вместо него в другом месте произвольно добавить то же число квадратных километров. Ведь тому, что стада устремляются именно сюда, в знаменитое сердце серенгетской степи, есть определенная и веская причина.

Во время наших скачков по степи с одного места на другое мы однажды обнаружили целую компанию грифов, сидящих на земле посреди поляны, окаймленной со всех сторон редкими деревцами. Приземлившись, мы направили самолет в их сторону. Словно черная туча, стая этих гигантских птиц поднялась в воздух и расселась на ближайших деревьях. Оказывается, они только что собрались растерзать зебру, погибшую в проволочной петле браконьера. Попав в петлю, сильное животное вырвало с корнем деревце, к которому был привязан конец проволоки. Но, таща его за собой, зебра выбилась из сил, петля затягивалась все туже и перерезала кожу на шее. Рана загноилась. Несчастное животное! Умерла зебра, видимо, только что, потому что грифы не успели еще даже вспороть ей брюхо.

Сейчас ровно половина десятого — час переговоров по радио. Мы настраиваемся на длину волны Гордона Пульмана и просим его прислать к нам Германа на нашем вездеходе.

Дело в том, что в нескольких сотнях метров от нас, в тени кустов, отдыхает семья львов — папа, пять детишек и две или три мамаши. Они наверняка заинтересуются мертвой зеброй. Нам хочется, чтобы Герман попробовал заснять львов за этим занятием рядом с нашим полосатым самолетом. Пусть даже самые недоверчивые люди в Европе убедятся в том, что львы Серенгети не обращают ни малейшего внимания ни на людей, ни на технику.

Первой подбежала львица с двумя львятами. Перед нашим самолетом она на минуту остановилась в нерешительности и внимательно его оглядела. Но львята, полные нетерпения и жадности, бросились вперед, к мертвой зебре, лежащей прямо под одной из плоскостей нашего самолета, и ей пришлось последовать за ними. Через несколько минут явился и папаша в сопровождении остальных деток, а следом за ними — еще две львицы. Теперь зебру разделают с молниеносной быстротой. Самец с необыкновенной силой и проворством отрывает от жертвы огромные кусища мяса. Вскоре у всех до этого таких чистых и желтых львов становятся красными перепачканные кровью морды.

Даже когда мы включаем мотор и пропеллер с грохотом начинает вращаться, это их пугает только на одну минуту. Они лишь на несколько шагов отходят в сторону и удивленно рассматривают эту странную, непонятную чертовщину.

Мы откатываем самолет на 50 метров и продолжаем наблюдения. Первым насытился глава семьи — он возвращается к ку-

стам и утомленно падает в тенечке в траву. Вскоре за ним последовали и остальные. Дольше всех трапезничает большая львица-мамаша.

Как только все семейство собралось в тени кустов, грифы нерешительно, по одному, снова слетаются к остаткам зебры. Вскоре серовато-коричневые падальщики настолько плотно облепили зебру, что ее уже совершенно не видно. Такое нашествие явно обеспокоило старую львицу. Она выбегает из кустов, и грифы с криком взвиваются в воздух. Одному из них она уже в воздухе отвешивает такой удар передней лапой, что перья так и брызнули во все стороны, словно огромная птица взорвалась. Но подбитый враг уцелел и спасается бегством.

К шакалам львы, видимо, относятся снисходительнее: в то время как львица отрывает куски из середины, два из них тянут за другой конец жертвы.

Когда мы на своей «Утке» снова поднялись в воздух, мне почему-то пришло в голову помахать из окна платком оставшемуся внизу Герману. Но из этого ничего не получилось. Платок не полощется по ветру, а почему-то съеживается в комок, словно старается спрятаться за моей рукой.

Сейчас мы направляемся к достопримечательному явлению природы, которое собирались посетить уже давно. Это две серовато-черные странствующие дюны прямо посреди степи. Они достигают пяти-шести метров в высоту; ветер гонит по ним песок наискось вверх, а по другую сторону вершины он отвесно ссыпается вниз. Таким образом эти внушающие ужас черные дюны каждый год продвигаются на 25 метров вперед. Они погребают под собой различных мелких животных, и на тех местах, где они прошли, еще долго потом находят массу высохших гигантских жуков и полые затвердевшие шарики навозников, из которых подросшим личинкам никогда уже не суждено выбраться.

Песок на солнце накаляется настолько, что я не смог положить на него руку и сосчитать до 10, проиграв из-за этого Михаэлю пари.

То, что трудно окинуть взглядом на земле, легко рассмотреть с самолета. Через эту часть Серенгети за прошедшие века прокатилась не одна дюжина таких странствующих дюн. Полосы, по которым они прошли, легко различаются по тому, как растет здесь трава. Перед горой Банаги все дюны, словно по команде, меняли свое направление — точно рота солдат, которой капитан во время марша скомандовал: «На-пра-во!» Наверное, у гор ветер резко сворачивает в сторону.

До чего же ровной выглядит здесь степь — как тарелка. Вот так, закрой глаза и иди целый день, и ничего, кажется, с тобой не случится, разве что споткнешься о какой-нибудь череп гну или попадешь ногой в чью-то нору.

На самом же деле уже в километре от странствующей дюны можно провалиться в отвесную пропасть глубиной 100 метров. Это всемирно известное Олдувайское ущелье. И хотя его название на языке масаев обозначает лишь то, что здесь произрастает

особый вид дикого сизаля, пригодного для плетения корзин и упаковки поклажи, тем не менее оно не раз уже фигурировало на страницах газет всего мира.

Там, где мы сейчас бредем, спотыкаясь о кустики жесткой травы, давным-давно, когда на нашей планете было гораздо больше воды, простиралось большое озеро. Оно то высыхало на несколько тысячелетий, то вновь наполнялось водой. Потом окрестные вулканы, извергаясь, стали затоплять лавой его ложе и берега. Обитавшие вокруг животные погибали. Все это откладывалось на бывшем дне исчезнувшего озера. Так на самый нижний пласт лавы наслоилось пять ясно различимых по цвету и структуре слоев. Чтобы их увидеть, не надо вести никаких раскопок, потому что водный поток прорезал здесь землю и образовал Олдувайское ущелье, которое обнажило все слои сразу. Все это выглядит как слоеный пирог, из которого аккуратно вынут один ломтик.

В этом ущелье, по которому даже в засушливое время года протекает довольно глубокий ручей, в 1913 году разбил свой лагерь доктор Ганс Рек с 50 носильщиками и рабочими.

За два года до этого профессор Катвинкель обнаружил в Олдувайском ущелье остатки доисторических млекопитающих. Чтобы продолжить начатое им дело, Мюнхенский и Берлинский геологические институты на совместные средства решили снарядить в экспедицию молодого доктора Река. Ему удалось отыскать раскопки своего предшественника, и в течение долгих недель его африканские помощники осторожно освобождали от породы громадные, рыхлые от времени кости. Их скрепляли смоченными в растворе смолы льняными бинтами и упаковывали в ящики.

Удивительные животные жили здесь миллионы лет назад: жирафы с большими рогами; слоны, у которых бивни росли не из верхней челюсти, загибаясь кверху, а из нижней и торчали, точно у моржа, книзу; маленькие лошадки с копытами из трех «пальцев»; бегемоты, глаза которых, точно перископ, далеко выступали из черепа.

«Какой рок, какие события могли собрать в одно место останки столь различных животных? Речь здесь идет отнюдь не о стаде, потому что черепа принадлежат совершенно различным видам. Но тем не менее их было много, этих животных, которых смерть соединила в общей братской могиле»,— писал тогда доктор Рек.

Недавно мне удалось найти ответ на один из его вопросов. Лесничие Гордон Харвей и Майлс Тернер как-то год назад обнаружили 50 мертвых гну; с переломанными костями они висели на деревьях, росших на склоне Олдувайского ущелья. Оказалось, что обрушившийся на степь страшный ливень смыл в пропасть целое стадо; я бы не хотел в этот момент сидеть там, внизу, в лагере, как это делал в свое время доктор Рек.

Рассказывают, что однажды вечером африканский помощник доктора Река — Маньонга, очень взволнованный, ворвался в его палатку.

— Бвана,— выпалил он,— мы нашли нечто такое, чего до сих пор никогда не видели. Мне кажется, что это араб. Он лежит на боку и спит. Там, на противоположном склоне, из-под маленького кустика выглядывал кусок белой кости. Я копнул ножом — показался череп. Потом вместе с Бакари мы стали очищать породу вокруг, пока не заметили, что перед нами вовсе не животное... Череп совсем как человеческий. Мы все оставили как есть, только закрыли предохранительными щитами, чтобы дождь не размыл костей.

Доктор Ганс Рек, весьма заинтригованный, отправился к месту находки. Там и в самом деле лежал человек.

«Невозможно описать чувства,— рассказывал он впоследствии,— охватившие меня в тот момент. Радость, надежда, сомнения, любопытство — все это обуревало меня со страшной силой. Ведь с самого начала мне было ясно одно: если этот скелет — современник вымершего животного мира, найденного в том же слое Олдувайского ущелья, то эта находка будет иметь колоссальное значение для выяснения истории возникновения человечества на Земле. Тогда окажется, что этот скелет принадлежал не только самому древнему человеку, найденному на Африканском континенте, но и древнейшему во всем мире. Стали намечаться совершенно неожиданные возможности расшифровать тайну вокруг колыбели человечества».

Сознавая всю огромную ответственность перед наукой, доктор Рек законсервировал скелет вместе с блоком породы, в котором он лежал, и привез драгоценную находку в Берлин. Она была продемонстрирована на открытой научной конференции и вызвала необыкновенный интерес не только у специалистов. Так, в берлинских газетах на другое утро появились статьи с кричащими заголовками: «Криминальная афера в эпоху делювия» или «Самое первое убийство в Африке». В них авторы изощрялись в самых фантастических догадках о том, каким способом был умерщвлен этот доисторический человек.

Скелет был найден в том же слое земли, что и кости вымерших доисторических чудовищ. Но в то же время это был уже настоящий человек, а не получеловек или какое-либо переходное звено от обезьяны к человеку с типично обезьяньими признаками (подобные ископаемые остатки в Африке действительно позже были найдены). До тех пор никому и в голову не могло прийти, что в столь давние времена на Земле уже могли существовать настоящие люди. Поэтому олдувайскую находку стали рассматривать как доказательство несостоятельности теории эволюции Дарвина, которую каждый раз блестяще подтверждали все предыдущие раскопки и находки.

Прошло немало времени, пока эта загадка была разгадана. Доктора Река во время его второй экспедиции в Восточную Африку застигла война, и он в качестве военнопленного попал в Египет. 17 лет спустя выдающийся английский археолог профессор Л. Лики взялся с новыми силами за разгадку олдувайской тайны. Сам он был уроженцем Восточной Африки, сыном

миссионера. Человек честный и тактичный, он счел своим долгом пригласить в новую экспедицию, снаряженную англичанами, и профессора Ганса Река. Во время этой экспедиции ученым удалось выяснить, что загадочный скелет человека просто соскользнул в другой, более низкий слой земли и на самом деле значительно моложе всех костей доисторических животных, найденных вместе с ним. Однако одновременно были сделаны интереснейшие находки: во всех слоях ущелья были найдены каменные орудия, изготовленные руками человека,— от грубо обтесанных каменных рубил до самых настоящих ножей и топоров из камня.

Сейчас Олдувайское ущелье считается наиболее интересным местом для изучения того, как на протяжении десятков тысяч лет происходило развитие доисторического человека, жившего в эпоху каменного века в Африке, Юго-Западной Европе и отдельных частях Азии.

17 июля 1959 года супруги Лики сделали потрясающую находку — череп доисторического человека, жившего 600 тысяч лет назад и являющегося переходным звеном между древним южноафриканским обезьяночеловеком и современными людьми. Он отличался удивительно мощными коренными зубами. Этот древний человек и был одним из первых изготовителей каменных орудий *.

И вот теперь это знаменитое Олдувайское ущелье, так же как и кратер Нгоронгоро, окажется вне охраняемой зоны национального парка.

ПРИКЛЮЧЕНИЕ НА ОЗЕРЕ НАТРОН

Мы упаковываем в свою «Утку» специальные волокуши и летим к озеру Натрон. Для этого мы держим курс прямо на «гору господню» — Ленгаи. С каждой минутой она все более угрожающе на нас надвигается. Она напоминает сахарную голову. Это молодой, действующий вулкан, который в течение последних десятилетий несколько раз извергался. Вся вершина его опоясана широким белым бордюром, но это не снег, как на Килиманджаро, а застывшие массы солей, выброшенные во время извержений.

Наш самолетик ползет все выше и выше вверх, пока под нами наконец не появляется кратер вулкана. Здесь я собираюсь сделать несколько снимков. Трудно поверить, чтобы человеку удалось подняться по этакому крутому склону, и все же это так. То был географ, профессор Ф. Эгер, облазивший в 1906—1907 годах всю область гигантских кратеров и составивший замечательную карту, в которой и по сей день не сделано каких-либо существенных дополнений. Он живет сейчас в Цюрихе и просил меня сделать для него эти снимки.

Мы пролетаем над самым кратером, на несколько минут даже влетаем в него. Он не курится, но в самой середине ясно видно

небольшое отверстие, в котором что-то кипит и бурлит. Мы летаем туда и обратно над этим адским котлом; под нами застывшие потоки лавы, спускающиеся вниз на 2200 метров.

А там, у подножия, лежит знаменитое озеро Натрон. Это и есть то озёро, к которому мы направляемся. Оно представляет собой огромный резервуар, занимающий 60 километров в длину и 20 в ширину. Местами оно розовато-красное, местами голубое. Красное — это застывшие соляные корки, покрывающие почти целиком все озеро, а голубое — это отражение неба в двух открытых лагунах.

В январе прошлого года мы здесь подсчитывали фламинго. Озеро Натрон — одно из последних крупных гнездовий этих редких птиц. Подсчитать фламинго тем же способом, каким мы подсчитывали степных животных, невозможно, потому что они взлетают тотчас же, как только мы снижаемся на высоту 500 метров. Вся стая каждый раз так ловко ускользает от нас, что совершенно невозможно подлететь к ним ближе чем на 100 метров. В то же время мы никак не хотели мешать этим птицам насиживать яйца. Если такую колонию слишком часто будут тревожить самолеты, то птицы могут совсем не высидеть птенцов и целый год не будет приплода.

Из этих соображений мы вмонтировали в пол нашей «Утки» большую аэрофотокамеру с пленкой шириной 18 сантиметров. Сидя в самолете, я могу открыть люк в полу и смотреть вниз — ощущение, к которому надо еще сначала привыкнуть. Над этой дырой устанавливается тяжелая колода фотокамеры, которая автоматически снимает 120 крупных кадров. Снимки следуют один за другим, так что потом из них можно составить полную картину озера. Надо следить только за тем, чтобы лететь строго по прямой.

Мы летели тогда на высоте 800 метров. Камера была не плотно пригнана к отверстию в полу, а возле него как раз кончается выхлопная труба мотора, так что отработанный газ попадал прямо в кузов самолета, где я сидел, склонившись над люком. Из-за этого мне пришлось срочно воспользоваться бумажным пакетом.

А поскольку от выхлопных газов можно быстро угореть и потерять сознание, мы немедленно пошли на посадку и плотно пригнали камеру к отверстию. После этого вся съемка озера заняла у нас всего 35 минут.

Потом, уже во Франкфурте, мы много дней подряд подсчитывали бесконечное множество этих птиц при помощи лупы и строчечного растра. Для удобства мы накололи все фотографии на стенку, так что перед нами как бы вновь возникли лагуны озера Натрон, только в уменьшенном виде. Птиц оказалось 163 679 штук.

Впоследствии время от времени мы снова пролетали над этим озером. В марте и апреле здесь оставалась примерно только 20-я часть колонии, гнездившейся в январе. Несколько позже число птиц снова увеличилось, но ни разу их не было столько, сколько зимой.

Фламинго — неутомимые путешественники; они разыскивают по свету всевозможные соленые озера, богатые червями, моллюсками и водорослями. Говорят, что эти красивые розовые птицы долетают вплоть до Индии, но никто еще точно не сумел проследить пути их кочевок. Это потому, что молодых фламинго никак не удается окольцевать, как это делают обычно с другими птицами. Ведь только по снятым и возвращенным с убитых птиц кольцам можно определить пути их миграций.

По плоскому, безлесному, покрытому соляной коркой берегу совершенно невозможно подкрасться к их конусообразным глиняным гнездам, расположенным на мелководье. Завидя когонибудь на расстоянии километра, взрослые фламинго улетают, а птенцы уплывают далеко в озеро.

И все-таки, несмотря на это, нам с Михаэлем очень хочется сделать несколько кадров с фламинго для нашего будущего фильма о Серенгети. Эти грациозные розовые птицы с черными крыльями необыкновенно живописно вырисовываются на темносиней глади лагуны. Мы разработали подробный план боевых действий. С этой целью мы сейчас и приземлились прямо на высохшем плоском ложе озера, затянутом белой пленкой соли. В бинокль я вижу, как где-то далеко-далеко поблескивает зеркало воды, на фоне которого неясно виднеется цепочка птиц на длинных ногах. Михаэлю хочется еще до вечера перетащить нашу тяжелую киноаппаратуру с телеобъективом, одеяла и провизию поближе к воде, переночевать там и рано утром начать съемку. Но наш багаж оказался чересчур тяжелым для алюминиевых волокуш, изготовленных специально для этой цели в Найроби. Узкие полозья врезаются в соляную корку, а под ней оказался еще вязкий, непросохший слой ила.

Я решил сначала разведать дорогу. Отметил мысленно вершину напротив и пошел прямо по этому направлению в глубь высохшего ложа озера, к воде. По пути мне попадались следы кафрских буйволов; это говорило о том, что почва должна выдержать наш груз. Лишь в тех местах, где вода во время засухи, словно на морской литорали в отлив, медленно уходила вспять, почва была еще мягкой и вязкой.

Я проваливаюсь одной ногой и с трудом вытаскиваю свою сандалию. Не дай бог угодить сюда босиком или, чего доброго, упасть в такой рассол — эта гадость разъест всю кожу. Ведь здесь и пресной воды-то нет поблизости, чтобы поскорее все смыть.

Я бодро шагаю по намеченному маршруту. То, что я вначале принял за птиц, оказалось всего лишь цепочкой следов кафрских буйволов. Каждая вмятина от копыт издали напоминала птицу, а ноги — это просто обыкновенный мираж. Глядя в бинокль, я внезапно и позади себя обнаруживаю подобные же «цепочки фламинго».

Взглянув на свои часы, я установил, что иду уже целых 60 минут, то есть прошел около шести километров. А вода ничуть не приблизилась и поблескивает все в той же дали, как и внача-

ле. Оказалось, что это тоже всего лишь мираж. Как всегда, с самолета все эти расстояния казались значительно короче.

Я поворачиваюсь на 180 градусов и, ступая в собственные следы, иду назад. Самолета на берегу отсюда что-то не видно. Впервые за все свое пребывание в Африке я ощущаю палящий зной. Озеро находится всего на высоте 610 метров над уровнем моря и со всех сторон окружено высокими горами. Хотя я в виде исключения на этот раз и надел шляпу, тем не менее белая соляная поверхность отражает лучи снизу, и мне кажется, что под подбородком и на лице у меня появились солнечные ожоги. Достигнув берега, я почувствовал себя усталым и замученным.

Пока меня не было, к самолету откуда ни возьмись подоспели три масая, и Михаэль уже полным ходом ведет с ними переговоры. Сигарет они не захотели, но зато с удовольствием напились вволю воды из специального резервуара, который мы возим с собой. Наш самолет их тоже заинтересовал: они спросили, где у этой птицы глаза и уши. Потом они принялись рассказывать, как вчера вечером кафрский буйвол напал на юношу-масая и убил его. В правдоподобность таких сообщений я никогда не верю, прежде чем не увижу убитого. Дело в том, что кафрские буйволы и антилопы канны — единственные дикие животные, мясо которых масаи употребляют в пищу. А так как кафрские буйволы находятся здесь под охраной, то рассказанная масаями история может оказаться просто выдумкой. А рассказывают они ее нам, европейцам, на случай, если мы обнаружим, что они зарезали кафрского буйвола.

Мы с Михаэлем просим их оттащить нашу поклажу на ослах по высохшему ложу озера поближе к воде. Одни только переговоры длятся целых два с половиной часа. Нам приходится оспаривать сотню доводов против возможности осуществления нашего плана. Например, такие.

Если масаи приведут ослов сегодня, то не поспеют добраться вечером к своему бома́ и по дороге могут наткнуться на львов. Если же они сегодня у нас переночуют, то женщинам и детям придется спать одним, без охраны. Ослы не приспособлены бегать по соли. У них воспалятся ноги, и они могут подохнуть. Каждый мертвый осел будет стоить 200 шиллингов. Если какой-нибудь из ослов заболеет, то нам тоже придется его купить. Они готовы сходить за ослами, если мы сегодня же вечером повезем их на самолете домой; тогда нам и платить ни за что не придется — все сделают даром. Наш багаж показался им слишком тяжелым для трех ослов, поэтому масаи его распаковали и со знанием дела детально осмотрели. Потом им пришло в голову, что если они останутся здесь до вечера, то им нечего будет есть. И так далее.

Молодые воины, которым запрещено воровать коров и вести войны, рады любому разнообразию в жизни. Вот такая беседа с европейцами их очень забавляет, и они изыскивают любые способы, чтобы ее продлить. Как только мы опровергаем один до-

вод, они сейчас же выдвигают следующий, и так до изнеможения. Я по-немецки предлагаю Михаэлю замолчать и не отвечать больше ничего. Это наилучший способ прекратить дискуссию. Мы меняем тему и начинаем беседовать между собой о том, что в эту палящую жару появляется страшная жажда. Я подсчитал, что с обеда до вечера мы вдвоем выпили 13 литров воды и 8 бутылок кока-колы, причем воду здесь рекомендуется пить из чашек, а не из стаканов, чтобы не видеть, какая она мутная...

Наш маневр удался как нельзя лучше. Поняв, что переговоры закончены, наши три морана встали, пожали нам руки, забрали свои длинные копья и исчезли. Меньше чем через час они уже вернулись и привели с собой трех ослов. Воины быстро сложили наши пожитки на волокуши, запрягли в них одного из ослов и, держа двух запасных на веревочке, двинулись в путь по соляному «насту». Но не прошли мы и 50 метров, как один из «запасных» осликов вырвался и бодро поскакал по направлению к своему бомá. Заметив это, осел, запряженный в сани, бросился следом за ним. Сани опрокинулись, ценный телеобъектив вывалился из своей упаковки, и через несколько секунд все наше имущество оказалось разбросанным по земле.

А солнце тем временем спускается все ниже. Наконец Михаэль со мной соглашается, что разумнее будет переночевать здесь, на краю высохшего озера, а не забираться в его середину. Разумеется, мы ругаем зловредных ослов. Мы ведь еще не знаем, что завтра утром будем рады расцеловать им хвосты за их сегодняшнее непослушание...

Самолет мы решили оставить на ночь там, где он стоит,— на ровной соляной поверхности дна высохшего озера; отсюда легче будет снова подняться в воздух. Для ночлега же я расставляю большой треножник от кинокамеры и накрываю его сверху единственной москитной сеткой, которая у нас с собой. Разумеется, целиком ни один из нас не может поместиться под этим сооружением: ростом мы оба, слава богу, по 1,9 метра. Поэтому голову и половину туловища с руками мы прячем под сетку, а ноги закутываем в одеяла и выставляем в разные стороны: я свои — на север, а Михаэль — на юг. Я очень горд своим изобретением.

В половине восьмого наступает кромешная тьма, ветерок совсем стихает, и становится душно. Почти одновременно москиты переходят к массированному налету. То и дело кому-нибудь из них удается проникнуть под нашу сетку, а стоит только начать в темноте от него отбиваться, как разваливается все наше шаткое сооружение. Словом, через полчаса Михаэль с проклятиями поднимается и уходит спать в «Утку», предварительно плотно закрыв все окна. Но для меня там слишком душно — я остаюсь на воздухе, лежу на спине и разглядываю звезды.

Я почему-то никак не могу найти Южный Крест, о котором непременно упоминается во всех книжках о тропиках. Я не очень-то разбираюсь в звездах. Где-то далеко, за горой Ленгаи, мигают зарницы, но ведь сейчас как раз короткий засушливый сезон, так что непогода не предвидится.

Я размышляю в приятном полудремотном состоянии: там, наверху, на небе, сейчас спутник чертит свои витки над экватором... Интересно!

А тем временем тучи сгустились. Правда, я уже давно заметил, что ночью любое безобидное облачко выглядит грозной черной тучей. Поблизости завыла гиена, потом рыкнул лев. А ведь днем все выглядело таким пустынным и безжизненным! Но животные здесь, оказывается, все же есть. Вдруг мне показалось, что лев где-то поблизости, в лучшем случае метрах в 30. Но это, конечно, плоды воображения: такие опасения внушают только ночь и одиночество.

Небо уже на две трети заволокло тучами, только на севере еще проглядывает звездный узор. Внезапно поднялся сильный ветер, и вся мошкара мигом куда-то исчезла. Зарницы сменились настоящими молниями, загрохотал гром. Мне стало как-то не по себе. Если здесь действительно начнется тропический ливень, дно озера мгновенно превратится в болото, в котором наш самолет может затонуть или во всяком случае безнадежно увязнуть. Я вскакиваю, бегу к Михаэлю и бужу его. Он сразу же кидается к управлению и включает мотор. Но за это время уже поднялся сильный штормовой ветер, который не дает ему развернуть самолет, чтобы выбраться со дна озера на сухой берег. Уже упали первые тяжелые капли дождя, а машина никак не может справиться с ветром: как только Михаэль направляет ее пропеллером к пологому склону берега, бешеный ураган заносит хвост в обратную сторону.

И тут полил ливень. Мы знаем, что нас ждет, поэтому я вылезаю из машины и при свете полыхающих молний ощупью пробираюсь вдоль корпуса самолета к хвосту и всем телом налегаю на него, стараясь сдвинуть вбок. Почва под ногами уже вся раскисла, ноги мои скользят, сандалии я уже где-то потерял, и их засосало жидкое месиво. Я стараюсь босыми ногами уйти поглубже в это соленое тесто, чтобы найти упор. Я толкаю сзади, а спереди тянет мотор в 260 лошадиных сил. Вдруг хвост с силой вырывается у меня из рук и опрокидывает меня на землю лицом прямо в эту отвратительную жижу. Я поднимаюсь на ноги и едва успеваю снова ухватиться за самолет. Наконец под потоками дождя нам удается победить ветер и повернуть машину к берегу. Она благополучно взбирается по пологому склону и вот уже наконец стоит наверху, на твердой песчаной почве с редкими кустиками травы.

Михаэль включает внутреннее освещение и прожектор на правом крыле; но луч падает лишь вперед, и нам приходится в кромешной тьме добираться до того места, где мы оставили все свое снаряжение. Каждый хватает то, что ему попадается под руку, тащит к самолету и забрасывает либо под крылья, либо через окно внутрь. Мы промокли буквально до нитки, но я даже рад этому, потому что вода, к счастью, смыла с меня всю соль.

Наконец ливень становится таким безудержным, а раскаты грома такими оглушительными, что мы вынуждены отказаться

от спасения своего добра — все равно оно безнадежно промокло. Мы забираемся в самолет и падаем без чувств на сиденья.

С нас течет. Поскольку заметно похолодало, мы предпочитаем стянуть с себя мокрые рубахи и штаны и уж лучше сидеть нагишом. Все равно нас никто не видит. А снаружи завывает ураган. Я чувствую, как он подхватывает самолет под крылья и старается оторвать от земли. Но это ему, к счастью, не удается: колеса стоят на прочных тормозах и, кроме того, я успел бросить под них еще два тяжелых ящика.

Мы накидываем себе на голые плечи кожаные безрукавки на овечьем меху и ждем. Надо мной, как всегда, протекает обшивка, и я напяливаю себе на голову старую шляпу, которая валялась в самолете.

Молнии сверкают одна за другой, а наша «Утка» стоит на возвышенном берегу плоского, как тарелка, озера. При этом мы хорошо помним, что она сделана из металла...

— По всем законам физики молния непременно должна ударить в наш самолет,— говорю я Михаэлю.— Будет чудо, если это не случится в следующий же момент.

— Да, дело дрянь,— говорит он.— Но мы же все равно ничего изменить не можем. Нам сейчас остается только одно — ждать.

Он прав. Я смотрю в окно на разбушевавшуюся стихию и думаю о том, что гроза все-таки необыкновенно величественное явление природы. Я начинаю следить за промежутками между молнией и громом; постепенно они становятся все больше. Центр грозы, видимо, уже переместился несколько дальше, но ливень все еще не прекращается. При вспышке молнии я вдруг обнаруживаю, что сухое ложе озера все заполнено водой! С содроганием я подумал о том, что было бы, если бы ослики не удрали! Мы бы сейчас очутились в воде вместе со всей своей поклажей за 10 километров от берега. По всей вероятности, к этому моменту вода доходила бы нам уже до пояса или до груди и у нас не было бы ни малейшей надежды выбраться по вязкому дну из этого рассола на берег...

На какую глубокую мудрость все-таки иногда способны ослы!

— Через десять дней, когда мы вернемся домой, в Европу,— говорит Михаэль,— люди нас опять начнут спрашивать: ну как, хорошо отдохнули на своем курорте?

И еще:

— Папуль, а ведь если нас сейчас тряхнет, все наши хлопоты пропали даром, потому что некому будет заканчивать нашу работу. Это было бы страшной оплошностью со стороны судьбы — одному из нас непременно надо остаться в живых!

Но вообще мы с ним придерживаемся такого мнения: если уж умирать, то сразу. Пусть это будет молния, авария самолета, нападение льва, инфаркт. Только бы не лежать полгода с раком кишечника и не выслушивать сердобольную ложь.

Гроза началась около 12 ночи. Сейчас два часа, и дождь постепенно стихает. Михаэль уснул, положив голову мне на плечо.

Волосы, как всегда, упали ему на лоб и щекочут мне шею. Пока они у него еще очень густые. Неужели когда-нибудь он тоже станет таким плешивым, как я? Мне просто не верится. Его мускулистые загорелые ноги в темноте кажутся совсем белыми. В нем еще так много мальчишеского. Он вообще еще очень молод и хорош собой. Как жаль, что год от года он будет становиться все старше, появятся морщины, задорные глаза поблекнут и под конец он станет таким же, как я сейчас. Как ужасно, что вся человеческая жизнь после 20 лет — это постепенное увядание. Но по-настоящему начинаешь отдавать себе отчет в этом только после сорока. Интересно, как будет выглядеть Михаэль в мои годы? Толстым он никогда не будет, для этого он слишком мало ест и слишком много нервничает. Мой отец умер, когда мне было три года. Наша добрая матушка часто рассказывала, что он совершенно не знал, как обращаться с такими маленькими детьми, какими мы тогда были. Он даже иногда завидовал своим знакомым, имеющим уже взрослых сыновей, с которыми они могли разговаривать как мужчина с мужчиной.

А вот у меня есть такие сыновья. Я знаю, какую гордость испытывает отец, работая вместе со своим сыном, делая с ним одно общее важное дело. Сын продолжает дело отца.

Я почувствовал такой прилив нежности к Михаэлю, что с удовольствием приласкал бы его и поцеловал. Но у нас это не водится. Телячьи нежности — это дело матерей, а не отцов. Если бы Михаэль в это время проснулся, то, наверное, страшно удивился бы.

Сам Михаэль гораздо лучше умеет обращаться со своим маленьким сыном Стефаном, чем умел это делать я со своими детьми, когда они были такими же маленькими. Стефану разрешается шумно будить отца по утрам, вместе с ним купаться. Когда мы в этот раз улетали, маленький человечек в первый раз заметил, что его отец уезжает. Он раскричался на весь аэродром, вцепился ручонками в Михаэля и ни за что не хотел его отпускать.

Через 20 лет Михаэль вот так же, как я, будет сидеть рядом со своим сыном Стефаном. Мои родители не дожили до глубокой старости, так что и у меня нет больших перспектив прожить особенно долго. Но Михаэль будет обо мне больше помнить, чем я о своем отце. И главное — наша работа будет продолжаться.

Если бы нас сегодня постиг удар судьбы, то никому, пожалуй, не удалось бы разобраться во всех наших бесчисленных записях и заметках, касающихся жизни степных животных. Из 20 тысяч метров цветной пленки никто бы не сумел смонтировать именно тот фильм, который мы задумали. А у животных Серенгети осталось бы еще меньше шансов выжить.

Большинству людей все это может показаться крайне маловажным и незначительным. Может быть, кое-кто даже сказал бы: «Ну что ж, эти два чудака лучшего и не заслужили. С какой стати они рисковали головой из-за каких-то там зебр и львов?» У людей ведь сейчас иные идеалы, ради которых, они считают,

стоит умирать: слава, политика, расширение границ своей страны, господство своего класса, мировоззрение...

Вечной же останется на Земле только природа, если мы ее бездумно не разрушим. Через 50 лет вряд ли кого-нибудь будут интересовать конференции, репортажи о которых сегодня заполняют страницы всех газет. А вот если даже через 50 лет на утренней заре из кустов величественно выйдет лев и огласит окрестности своим могучим рыком, у любого человека захватит дух и сильнее забьется сердце. И совершенно неважно, будет ли этот человек говорить по-английски или по-русски, на суахили или по-немецки. Любой будет стоять в немом восхищении и безмолвно схватит за руку своего соседа, когда впервые в жизни увидит, как 20 тысяч полосатых «тигровых лошадок» не спеша пересекают из конца в конец бескрайнюю степь...

Так неужели же действительно бессмысленно сейчас стараться что-то сделать для этих людей, этих львов и этих зебр, которые будут жить через 50 лет? И для тех, которые будут через 100 и через 200...

В эту ночь с 9 на 10 января мне так и не удалось уснуть: было слишком холодно и сыро. Я только время от времени очень осторожно менял позу, чтобы не разбудить Михаэля. Наконец через шесть часов начало светать.

Тогда мы встали, выжали свою одежду, одеяла и прочее барахло и развесили его по всему самолету для просушки. Наша добрая «Утка» стала похожа на прачечную, и я ужасно сожалел, что у меня нет под рукой фотоаппарата. Но не успело все наше имущество немного подсохнуть, как дождь зарядил с новой силой. Тогда мы все как есть побросали в машину, я повязал себе вокруг бедер полотенце, а Михаэль натянул на себя мокрые плавки. В таком живописном виде мы и покинули злополучное озеро.

Фламинго победили. Нам пришлось отступить и вернуться в кратер Нгоронгоро в сторожку, куда мы перебрались жить несколько дней назад. Когда мы, полуголые, вылезали из машины, то немало насмешили своих боев.

Здесь светит солнышко, и наши пожитки, разложенные на траве, через несколько минут уже подсохли.

С тем, кому приходится иметь дело с животными, часто так случается: часами, днями, иногда неделями бегаешь за слонами, чтобы их заснять, и все напрасно. И вдруг в самом неожиданном месте перед вами вырастает слон, оттопыривает уши, поднимает хобот и вообще словно позирует для того, чтобы у вас получились наиболее впечатляющие снимки.

Точно так же получилось у нас с этими фламинго. В то же утро делегация из 400 представителей этих розовых красавцев явилась прямо к нам в кратер Нгоронгоро и опустилась для кормежки на мелководье кратерного озера. На нас они почти не обратили никакого внимания. Мы быстро надели цепи на колеса нашего вездехода, чтобы он не буксовал, и въехали сначала в прибрежный ил, а затем с замиранием сердца начали продвигаться все глубже в воду. Ехать мы можем только прямо, потому что

стоит нам слегка свернуть в сторону, как колеса сейчас же зарываются в вязкое дно.

Доехав до того места, где наша смелость окончательно иссякла, мы выключили мотор, настроили телеобъективы и стали ждать. Фламинго бродят на своих длинных ногах по мелководью; клювы опущены в воду — они ищут себе корм. Нашим мощным вездеходом они нисколько не интересуются. Четыре или пять раз мы принимаем решение кончить съемку и не тратить на них больше ни одного метра дорогостоящей цветной пленки. Но потом они подходят еще ближе, появляются на матовой пластинке еще более крупным планом, и мы не можем удержаться — крутим снова. Под конец мы даже вздохнули с облегчением, когда они, прямо как по команде, расправили свои черные крылья и всей компанией поднялись в воздух, повиснув над нами, словно розовая сеть. Все в порядке — в фильме они у нас будут.

Поскольку в воде мы развернуться не можем, то выбираемся из озера на твердый берег, пятясь задом, точно рак. За это время бой наготовил для нас целую гору салата из ананасов, яблок и бананов. Мы зажариваем себе по бифштексу, а после обеда Михаэль собирается полетать над горой Ленгаи, озером Натрон и равниной Салаи, чтобы разведать, где сейчас находятся животные, которых мы собираемся снимать завтра.

Он просит меня не лететь с ним, потому что на обратном пути хочет захватить с собой двух наших помощников. Дело в том, что для проведения аэрофотосъемок нам пришлось убрать одно из задних сидений, так что теперь в самолете только три сидячих места. Если бы мы полетели вчетвером, страховая компания в случае какой-нибудь аварии непременно стала бы ссылаться на это.

Ну ладно, пусть летит один. У меня и здесь полно дел. Я только прошу его вернуться вовремя, до половины седьмого, потому что за полчаса до захода солнца я всегда начинаю волноваться и прислушиваться к каждому шороху, пока не заслышу звука нашего самолета. Не люблю я, когда он летает один. Но Михаэль заверяет меня, что если не управится до захода солнца, то рисковать не станет и заночует в Банаги.

Мы еще успеваем задвинуть на место свой вездеход, который дети масаев скатили с пригорка в кусты,— это их излюбленное занятие. Потом я сажусь за стол, пишу и не обращаю никакого внимания на то, как Михаэль уходит.

Через несколько минут шум самолета затих вдали.

Когда профессор Гржимек на следующее утро сидел за завтраком в сторожке на дне кратера Нгоронгоро, в окошко протянулась темная рука масая с запиской. Проводник принес ее по поручению лесничего. В ней было написано: «Я должен вам сообщить прискорбное известие: Михаэль погиб в авиационной катастрофе. Он лежит здесь, наверху, в моем доме».

Английский специалист, случайно оказавшийся в это время вместе со своими африканскими помощниками на безлюдной равнине Салаи, где они проводили разведку залегания грунтовых вод, видел, как полосатый самолет пролетел в западном направлении на высоте примерно 200 метров, а затем внезапно резко пошел на снижение. Поскольку его помощники стали утверждать, что это была не посадка, а авария, он немедленно выслал их на машине к месту падения самолета.

Они нашли его вдребезги разбитым, но не загоревшимся.

Тем временем стемнело. Фары на их машине были в неисправности, а спичек не рискнули зажечь из-за сильного запаха бензина. Поэтому они поспешно поехали обратно и вернулись уже с англичанином, у которого были карманные фонари. Они вытащили мертвого Михаэля Гржимека из-под обломков самолета и, невзирая на свою усталость, потратили всю ночь на то, чтобы довезти тело до домика лесничего на краю кратера Нгоронгоро.

Михаэля Гржимека похоронили в тот же день среди буйно цветущей зелени на краю кратера, в таком месте, откуда открывается вид на его равнины с пасущимися на них стадами диких животных.

При обследовании обломков самолета выехавшие на место происшествия представители британской авиакомпании установили, что в правое крыло машины с размаху врезался летящий навстречу гриф, отчего образовалась большая вмятина. При этом оказались блокированными тяги управления, и машина сильно накренилась в правую сторону, а через несколько секунд разбилась о землю.

В официальном заключении говорится, что Михаэль Гржимек был опытным, осторожным и находчивым летчиком и что авария произошла не вследствие какой-либо его оплошности или неисправности самолета, а из-за несчастного стечения обстоятельств; к сожалению, подобные случаи всегда могут произойти с легкими самолетами, летающими в этих широтах.

Исследования Михаэля Гржимека к этому моменту были уже почти закончены, завершилась и работа над фильмом, который он снимал здесь вместе со своими сотрудниками; создавал он его для того, чтобы показать мировой общественности всю красоту Серенгети и побудить ее сделать все возможное для того, чтобы сохранить все это богатство природы для будущего.

Администрация национального парка Танзании с прискорбием сообщала в некрологе, напечатанном во всех газетах Восточной Африки, что со смертью Михаэля Гржимека дело охраны природы потеряло одного из своих самых отважных и энергичных борцов. Администрация призывала общественность собрать средства для установки памятника с надписью:

МИХАЭЛЬ ГРЖИМЕК
12.4.1934—10.1.1959

Он отдал все, что имел, даже свою жизнь, за то, чтобы сохранить диких животных Африки

ЧТО СТАЛО С СЕРЕНГЕТИ?

С тех пор как в 1959 году вышла в свет эта книга, меня не переставали спрашивать, удалось ли спасти Серенгети от дальнейшего уничтожения. Принесла ли наша работа, стоившая жизни моему сыну, хоть какую-нибудь пользу?

Вскоре после авиационной катастрофы, во время которой погиб Михаэль, еще до опубликования в открытой печати результатов наших исследований, тогдашнее британское колониальное правительство приняло решение отрезать от национального парка Серенгети всю восточную часть, включая знаменитый кратер Нгоронгоро. Отрезанная область была превращена в «Ngorongoro Conservation Area» («Охраняемая область Нгоронгоро») и должна была получить самоуправление. Местной власти, назначенной правительством, поручалось сохранять в полном порядке водопои, леса и луга, в первую очередь в интересах людского населения, но и не в ущерб диким животным. Из заявления последнего британского губернатора г-на Ричарда Тернбула следовало, что «правительство намеревается всячески способствовать развитию в кратере хозяйственной деятельности человека, но одновременно охранять обитающих в нем диких животных. В случае же возникновения противоречий между их интересами предпочтение должно отдаваться людям».

Охота здесь запрещена по-прежнему, и в общем и целом масаи со своим скотом живут в мире с дикими животными, как и в прежние времена, когда они в 1860 году заселили эту область. К сожалению, в первый же год нового управления они успели истребить порядочное число носорогов: они закалывали их копьями, а рога продавали спекулянтам. Об этом уже рассказывалось в моей книге «Носороги принадлежат всему человечеству»[1].

Однако инспектору области мистеру Генри Фосбруку довольно скоро удалось прекратить такое избиение носорогов. Он добился того, что широко распространенное убийство носорогов копьями как в кратере, так и в большей части близлежащих районов полностью прекратилось. Однако число этих толстокожих все равно значительно уменьшилось по сравнению с тем, что было прежде. Ведь Генри Фосбрук не мог препятствовать заселению кратера другими племенами, занимавшимися земледелием. Они-то представляют куда бóльшую опасность для будущего диких животных, чем скотоводы-масаи.

В обмен на территории, отнятые у национального парка, исключительные по своему значению для сохранения стад диких животных, к нему прирезали новые области на севере и юго-западе. Эти новые области имеют для парка гораздо меньшую ценность как по качеству пастбищ, так и по времени, которое

[1] Эта книга под названием «Они принадлежат всем» выпущена в 1965 году на русском языке издательством «Мысль» в переводе Е. А. Геевской.— *Прим. ред.*

проводят там кочующие стада. Зато на эти новые районы не претендовали масаи, поскольку они, видимо, не очень подходили им в качестве пастбищ для их скота.

Вот что пишет господин Джон Оуэн, новый теперешний директор национальных парков Танзании:

«Имевшие большой успех книга и фильм о Серенгети привлекли внимание мировой общественности к судьбе национального парка Танзании и его четвероногих обитателей. Книга за это время была несколько раз переиздана и вышла на многих языках, а одноименный фильм является единственным немецким фильмом, удостоенным премии «Оскара» в Америке. Эта книга и фильм обеспечили нам помощь и поддержку не только со стороны нового, самостоятельного правительства Танзании, но и от различных организаций и частных лиц Европы и Америки. Без такой поддержки было бы невозможно никакое дальнейшее развитие национального парка и тем более проведение в нем научных работ, необходимых для его дальнейшего процветания. Я тотчас же принялся раздобывать для национальных парков маленькие самолетики, так как на опыте работы отца и сына Гржимек в Серенгети убедился в их громадной пользе. Я сам и еще несколько человек из администрации научились летному мастерству. Сейчас у нас в ходу уже четыре самолета. При этих покупках, а также при осуществлении многих других замыслов я пользовался неизменной поддержкой и денежной помощью профессора Гржимека и Зоологического общества во Франкфурте-на-Майне, а также собранными им добровольными пожертвованиями. Таким образом, нам удалось применить новый метод обслуживания и охраны национальных парков Африки; это можно считать настоящим переворотом в этом деле, так как благодаря скорости, маневренности и относительной дешевизне таких авиеток работа в парках существенно изменилась. Самолеты на сегодняшний день стали совершенно необходимы для управления парком и проведения в нем исследовательских работ».

Дальше директор национальных парков пишет следующее:

«В 1961 году, то есть три года спустя после работы, проведенной в Серенгети Гржимеком и его сыном, снова проводился подсчет животных с воздуха. Работа велась частично британскими военно-воздушными силами, а частично ее взял на себя молодой американский биолог доктор Ли Талбот. Он вел подсчет на несколько большей территории и проводил его позже по времени года, когда у степных животных уже появился молодняк. Эта перепись показала гораздо бо́льшее число животных, чем гржимековская. Значительные колебания численности диких животных по отдельным годам общеизвестны: видимо, в данный момент метеорологические и прочие условия благоприятствуют обитателям серенгетских степей. В 1963 году биолог Меррей Уотсон, продолжающий работу, начатую Гржимеком, снова повторил подсчеты. На этот раз прирост стада гну по сравнению с 1961 годом оказался равным 40 процентам.

Тот факт, что огромные стада за последние годы столь сильно

размножились, заставил людей, ответственных за национальный парк, задуматься о возможности его перенаселения и чрезмерного выпаса. От средств, пожертвованных на установку памятника Михаэлю Гржимеку, осталась довольно крупная сумма денег, на которую нам удалось открыть в Серенгети скромный международный научно-исследовательский центр. Туда я пригласил работать нескольких молодых, весьма энергичных ученых. Сейчас они как раз занимаются тем, что изучают взаимовлияние фауны и ландшафта, уделяя особое внимание вопросам перевыпаса. Уже первые результаты проведенных ими работ показали, что опасность перенаселения парка не столь велика, как предполагали, потому что в природе существует целый ряд регулирующих факторов. Если эти предварительные данные будут подтверждены дальнейшими исследованиями, то и у нас в Африке можно будет взять за основу классическую установку европейских заповедников: сохранять дикую природу в нетронутом виде и допускать вмешательство человека только в самых крайних случаях, когда этого просто нельзя избежать».

В Банаги, в Научно-исследовательском центре проблем Африки имени Михаэля Гржимека, построенном на средства населения Танзании, а также читателей книги о Серенгети, изданной во многих странах мира, сейчас действительно работает сильная группа биологов. Среди них есть экологи, физиологи, ветеринары и специалисты по другим областям биологии. Эти ученые следуют на вездеходах или маленьких самолетах за кочующими стадами и изучают взаимоотношения животных, растений и почв и как это все вместе отражается на общей картине ландшафта. Выявленные ими биологические закономерности, которые с каждым годом становятся все многограннее, можно будет использовать при исследовании других схожих обширных территорий Африки. Это поможет молодым самостоятельным африканским государствам как можно лучше сохранить свои естественные природные богатства и использовать их с наибольшей для себя выгодой.

Своими очень важными и полезными начинаниями Джону Оуэну удалось убедить общественное мнение Африки в огромной ценности национальных парков для жизни государства. Он открыл на территории национальных парков туристские базы для африканских школьников, организовал широкую демонстрацию кинофильмов на языке суахили, посвященных охране природы родной страны (первым среди них был фильм «Серенгети не должен умереть»); по его инициативе было выпущено множество красочных плакатов, а самолеты чертили на небе специальные воззвания. При этом национальные парки получили очень действенную поддержку со стороны нового президента Танзании, публично заявившего о своей готовности всячески способствовать делу охраны природы в стране. Он лично занялся судьбой Серенгети.

Такой интерес к этому делу президента, а также его ближайших соратников, в особенности министра земледелия, лесного и

охотничьего хозяйства, способствовал быстрому и успешному развитию национальных парков в Танзании. Когда выходило первое издание книги о Серенгети, в Танзании был только один национальный парк — Серенгети, который европейское колониальное правительство к тому же обкорнало. С тех пор как государство добилось самостоятельности, в нем возникло еще два новых национальных парка — «Озеро Маньяра» и «Кратер Нгурдото». Сейчас они уже настолько популярны, что привлекают множество туристов. Кроме того, под национальные парки подготавливаются еще следующие три местности *. Работы, которые в них проводятся, идут столь успешно, что в ближайшие два-три года эти парки уже можно будет открыть для посетителей. Все это, а также тот факт, что новое африканское правительство Танзании за последние два года повысило на одну треть сумму, отпускаемую на содержание национальных парков, как нельзя лучше доказывает, что страна стремится сохранить эти уникальные природные комплексы для будущих поколений.

Но нельзя забывать о том, что Танзания пока только развивающаяся страна; народ ощущает еще острую нехватку в больницах, школах, асфальтированных дорогах и всех прочих вещах, без которых невозможно поднять жизненный уровень страны. Национальные же парки Танзании — собственность не только ее народа, это общее достояние, принадлежащее всему человечеству. Их посещает все возрастающее число туристов, которые благодаря снижению цен на авиационные билеты получают возможность прилететь сюда, чтобы полюбоваться этим нетронутым уголком на нашей Земле. Но, восхищаясь всем увиденным, эти посетители в то же время не должны забывать, что расходы на их поездку окупают лишь очень небольшую часть тех огромных средств, которые необходимы на содержание подобного заповедника. А бóльшая их часть пока что поступает из кармана неимущих африканцев, тех самых бедных людей, которых они ежедневно встречают на дорогах во время своих автомобильных поездок по парку.

Проф. Бернгард ГРЖИМЕК

Комментарии[1]

С. 12

Галаго (Galago) — род африканских полуобезьян, включающий три вида. Судя по фотографии, у Б. Гржимека был ручной сенегальский галаго (Galago senegalensis). Этот небольшой, с длинным хвостом, пушистый ночной зверек питается насекомыми, хорошо лазает по деревьям, а по земле скачет на двух ногах, подобно нашим тушканчикам.— *А. Б.*

С. 15

В 1954 году в Алжире началось вооруженное восстание против французского господства, переросшее в революцию, которая окончилась в 1962 году победой алжирского народа. 1 июля 1962 года Алжир стал суверенным государством.— *А. П.*

С. 17

По официальным данным, в 1960 году население Алжира насчитывало 10,1 миллиона человек, в том числе 1,1 миллиона европейцев (в основном французских поселенцев). После победы алжирской революции почти все французские поселенцы покинули страну. В 1983 году численность населения Алжира составила 21 миллион человек.— *А. П.*

С. 23

Махди — шейх Мухаммед Ахмед, руководитель вооруженного восстания народов Судана против англо-египетского господства (1881—1885), основатель независимого махдистского государства, «посланник аллаха на земле». Столицей государства Махди был Омдурман. Махди умер в 1885 году. В 1898 году махдистское государство было разгромлено англо-египетскими войсками, которыми командовал английский генерал Китченер. В 1899 году Англия и Египет подписали соглашение о кондоминиуме (совладении) Суданом, которое фактически превратило эту страну в английскую колонию.— *А. П.*

С. 23

Гордон-паша — Ч. Д. Гордон. С 1874 года — один из руководителей английской колониальной экспансии в центральной и южной части бассейна Нила. С 1877 года — генерал-губернатор Судана. Убит махдистами во время штурма Хартума 23 января 1885 года.— *А. П.*

С. 25

Бенгт Берг — известный шведский натуралист, путешественник и писатель конца прошлого — начала нашего века, один из первых фотографов животных в их естественных условиях; особенно известны его великолепные фотографии птиц. Наибольшей популярностью пользуется книга Бенгта Берга «С перелетными птицами в Африку», которая неоднократно издавалась и в русском переводе.— *А. Б.*

С. 25

Мамба (Dendroaspis) — род южноафриканских ядовитых змей, родственных кобрам; включает пять видов. Они весьма подвижны, окраска их часто хорошо гармонирует с окружающей обстановкой. Яд мамб очень токсичен, и человек может погибнуть от него в течение получаса. Самая крупная из этих змей, черная мамба (D.polylepis), достигающая четырех метров длины, отличается от других мамб тем, что окрашена в черный или темно-коричневый цвет (остальные виды зеленые) и редко лазает по деревьям.— *А. Б.*

С. 26

Город Стэнливиль в 1966 году переименован в Кисангани. Административный центр Восточной провинции Заира.

[1] Комментарии, принадлежащие А. Г. Банникову, отмечены инициалами *А. Б.*, А. М. Пегушеву — *А. П.*

Бельгийское Конго стало независимым государством 30 июня 1960 года и в настоящее время называется Заиром (столица Киншаса).— *А. П.*

С. 34

Конгони и **топи** — антилопы подсемейства коровьих антилоп (Alcelaphinae), широко распространенная группа в Экваториальной и Юго-Восточной Африке, где образует много подвидов.— *А. Б.*

С. 38

Восстание мау-мау — антиколониальное вооруженное восстание африканцев Кении (1952—1956). Восставшие требовали возврата захваченных европейскими поселенцами земель, предоставления самоуправления, демократических свобод и отмены цветного барьера. Восстание было организовано подпольным политическим движением «за землю и свободу», которое колонизаторы называли «мау-мау». Колониальная пропаганда изображала мау-мау сектой фанатиков, поставившей своей целью истребить европейское население Кении и уничтожить все «завоевания цивилизации» в этой стране. Колониальные власти жестоко подавили восстание.

Р. С. Руарк — американский писатель, автор одного из наиболее известных романов о мау-мау — «Something of value» («Что-нибудь да стоит»). «Черная кожа», очевидно, немецкое издание этого романа.— *А. П.*

С. 51

Бородавочники (Phacochoerus aethiopicus) — своеобразные южноафриканские дикие свиньи, получившие свое название за три больших бородавчатых нароста с каждой стороны массивной, широкой морды, вооруженной огромными клыками. Тело этих кабанов достигает двух метров длины и почти лишено волос, которые лишь на хребте образуют гриву. Бородавочники роют большие, глубокие норы, где первое время живут поросята.— *А. Б.*

С. 52

Трубкозуб (Orycteropus afer) — своеобразное южноафриканское животное, выделенное в особый отряд млекопитающих. У этих зверей почти лишенное волос туловище длиной около метра и такой же длины хвост. Короткие, но сильные лапы вооружены мощными когтями, которыми эти звери роют землю или разламывают термитники. Кормятся муравьями и термитами, которых достают длинным, тонким и клейким языком. Свое название получили благодаря зубам, лишенным корней и эмали и имеющим вид дентиновых трубочек.— *А. Б.*

С. 56

Окончательно португальцы были изгнаны арабами с побережья современной Танганьики только к 1730 году.

С. 63

Кратко излагая историю колонизации Восточной Африки, профессор Гржимек в основном точен в фактах. Однако с некоторыми положениями, высказываемыми им в этой части книги, вряд ли можно согласиться. Первыми европейскими исследователями Африки, в частности Восточной, руководили не только стремление обратить африканцев в христианство и жажда открытий.

Не оспаривая искренности личных побуждений отдельных исследователей, таких, как, например, Ливингстон, следует подчеркнуть, что географические путешествия и экспедиции 50—80-х годов в Африку невозможно рассматривать вне связи с колониальной экспансией европейских держав в этой части мира. Так, прямой целью многих миссионерских обществ, выступивших инициаторами в организации географических экспедиций в Африку, была подготовка благоприятной почвы для колониальных захватов. Что же касается такого исследователя Африки, как Стэнли, то именно он был одним из наиболее активных поборников и организаторов европейской колониальной экспансии в Африке. Об этом убедительно свидетельствовала многолетняя деятельность Стэнли в бассейне Конго, где он по заданию короля Леопольда Второго активно участвовал в создании бельгийских колоний. Политическую цель — попытку

расчистить путь в Уганду немецкому влиянию — преследовала и упоминаемая Гржимеком неудачная экспедиция Г. Фишера.

Говоря о первых шагах «Немецкого колониального общества», Гржимек придерживается распространенной в западной исторической литературе версии, согласно которой Бисмарк был противником вступления Германии на путь активной колониальной экспансии. Гржимек пишет, что Карл Петерс, «собственно говоря, и заставил Бисмарка объявить Германскую Восточную Африку протекторатом» и что в этом ему помогло «общественное мнение» Германии. Отношение Бисмарка к участию Германии в колониальной экспансии в Африке было непосредственно связано с позицией, которую занимала в колониальном вопросе немецкая финансовая и промышленная буржуазия. «Общественное мнение», которое убедило Бисмарка поддержать Петерса, было мнением германских финансовых и промышленных кругов, которые стояли за спиной петерсовского «Немецкого колониального общества».

«Подвиги» Петерса в Восточной Африке хорошо известны. Во время возглавлявшихся Петерсом карательных экспедиций на организованных им принудительных работах погибли тысячи невинных людей.

Мало чем отличался от Петерса и упоминаемый Гржимеком другой колониальный «герой» — авантюрист Эдуард Шнитцер (Эмин-паша), имя которого связано с самыми неприглядными эпизодами в истории колониального раздела Восточной Африки.

В 1887 году колониальные круги Англии и Бельгии организовали экспедицию «по спасению Эмин-паши» от махдистов, главной целью которой было распространение английского и бельгийского влияния во внутренние районы Африки. Эту экспедицию возглавил Стэнли.

Под тем же предлогом в Восточную Африку прибыл отряд Карла Петерса, который, несмотря на то что Эмин-паша был уже «спасен» Стэнли, совершил свой очередной захватнический поход. Переманив Эмин-пашу на свою сторону, немцы использовали его для борьбы со своими главными конкурентами в Восточной Африке — англичанами. Разумеется, серьезно говорить о научных результатах экспедиции Эмин-паши в район озера Виктория, несмотря на участие в ней Штульманна, не приходится. Говоря об освобождении Эмин-пашой рабов, было бы уместно также вспомнить, что тезис о борьбе с работорговлей был одним из главных аргументов организаторов колониальной экспансии. Основной причиной всех вооруженных выступлений африканцев Танганьики, в том числе и упоминаемого Гржимеком восстания 1905—1907 годов (известно в исторической литературе как восстание Маджи-Маджи), был жестокий колониальный режим, установленный там Германией, и в первую очередь введение системы принудительных работ, практически превратившей африканцев в рабов немецких плантаторов. При подавлении этого восстания, в котором участвовала бóльшая часть населения страны, карательными войсками было уничтожено около 75 тысяч африканцев; общие потери населения превышали 100 тысяч человек.

После поражения Германии в первой мировой войне германские владения в Африке были разделены между державами-победительницами. Германская Восточная Африка была объявлена подмандатной территорией Лиги наций и под новым названием — Танганьика — перешла к Англии.— *А. П.*

С. 64

По переписи населения 1978 года, численность населения континентальной части Танзании составила 17,1 миллиона человек, Занзибара и Пембы — 476 тысяч человек.— *А. П.*

С. 66

В настоящее время площадь национального парка Рувензори (Уганда) 220 тысяч гектаров.— *А. Б.*

С. 72

В настоящее время площадь национального парка Серенгети больше указанной на карте и составляет 1 476 300 гектаров.— *А. Б.*

С. 78

Поголовье крупных животных в Серенгети за последние 20 лет увеличилось в пять раз и насчитывает свыше двух миллионов голов.— *А. Б.*

С. 83

Африканские страусы, завезенные в Асканию-Нова еще в 1892 году, вскоре стали там размножаться. Сейчас они регулярно откладывают яйца и выводят птенцов.— *А. Б.*

С. 97

Автор не совсем точен в своем понимании рас и народностей. Расы человека представляют собой исторически возникшие в определенных географических районах в различные периоды существования человечества группы людей, обладающих общностью происхождения и некоторой совокупностью морфологических признаков. Расы человека следует строго отличать от этнических общностей человечества — племен, народностей, наций.— *А. Б.*

С. 97

Увеличение среднего роста и раннее созревание человека в настоящее время, особенно хорошо заметное в Европе, объясняется не столько смешением рас или отдаленными браками, как пишет автор, сколько улучшением питания детей и общих материальных условий жизни и физического воспитания.— *А. Б.*

С. 101

Переливание крови — один из лучших способов лечения при укусах ядовитых змей. Однако в этом случае не следует делать надрезов на месте укуса, прижиганий и особенно перетягивать конечность жгутом, как это рекомендовали раньше.— *А. Б.*

С. 102

Действительно, ядовитые змеи, как правило, не могут совершать бросок больше чем на половину или одну треть длины своего тела. Однако скорость броска головы, как показали специальные замедленные киносъемки, значительно выше той, которую приводит автор.

С. 102

Африканские черношейные и ошейниковые кобры, так же как индийская кобра, действительно обладают способностью выбрасывать яд в направлении врага на расстояние до двух метров. Наружное отверстие ядопроводящего канала ядовитых зубов направлено у этих змей не вниз, как у других, а прямо вперед. Резким сокращением мускулов змея выстреливает порцию яда из ядовитых желез через это отверстие. Такой прием змеи используют, только защищаясь от крупных врагов. Змея направляет две тонкие струйки яда в глаза противнику. Это вызывает резкое жжение глаз, что обезоруживает врага. Попадние яда в глаз человека вызывает помутнение роговицы и может привести к полной слепоте. Однако змеи плохо видят и определяют глаза по их блеску. Нередко блестящие металлические предметы и стекла змея принимает за глаз и «выстреливает» ядом в объектив фотоаппарата или пряжку пояса. Автор не совсем точен в описании действия змеиного яда. О современных представлениях на этот счет см.: Жизнь животных, т. 5. М., 1985.— *А. Б.*

С. 138

Действительно, влияние европейской цивилизации (как положительное, так и отрицательное) среди масаев менее ощутимо, чем, скажем, среди их соседей — живущего в Кении народа кикуйю, который с конца XIX века живет в тесном соприкосновении с европейскими поселенцами. Однако отрицательное отношение масаев к таким «атрибутам» цивилизации, как современная одежда, жилища и т. п., объясняется скорее всего не какими-то особыми причинами, а бедностью этого народа. Их единственное достояние — скот (которого, как пишет Гржимек, ссылаясь на английского профессора Пирселла, «развелось слишком много») низкопродуктивен и не обеспечивает масаям достаточных денежных доходов. Немногочисленные состоятельные скотовладельцы-масаи охотно живут в современных домах, носят европейскую одежду, пользуются автомашинами, радиоприемниками и холодильниками.
Читателям, которых заинтересует образ жизни масаев и родственных им на-

родов, рекомендуем книгу советского журналиста и ученого С. Ф. Кулика «Кенийские сафари» (М., 1975).— *А. П.*

С. 139

В британских колониях Африки — глава административного округа, наделенный полицейскими функциями.— *А. П.*

С. 141

Гржимек излагает одну из нескольких версий о происхождении масаев, которое до настоящего времени еще точно не установлено.— *А. П.*

С. 147

Идея создания автономного государства, объединяющего масаев Танзании и Кении, была выдвинута на совещании племенных старейшин масаев, которое состоялось в мае 1960 года в Нгонге. Главным обоснованием требования автономии служили соглашения, заключенные в 1904 и 1911 годах между Англией и вождями масаев, в соответствии с которыми масаи были переселены из плодородного района Рифт-Вэлли в засушливые районы между Кенией и Танганьикой. В этом же месяце в Кении была создана политическая организация «Объединенный фронт масаев», которая в скором времени образовала совместно с некоторыми другими политическими организациями партию Демократический союз африканцев Кении (КАДУ).
КАДУ выдвинул план регионального раздела Кении после провозглашения независимости, в который, однако, требование масаев об автономии включено не было. В 1964 году, через год после провозглашения независимости Кении, КАДУ самораспустился; его лидеры, в том числе и политические лидеры масаев, вступили в правящую партию этой страны — Национальный союз африканцев Кении.— *А. П.*

С. 148

Капитан Меркер известен не только своими этнографическими исследованиями. В годы восстания Маджи-Маджи он командовал одним из карательных отрядов и прославился своей жестокостью.— *А. П.*

С. 179

В 70-х годах экспедиция Ричарда Лики, сына Луиса и Мэри Лики, обнаружила в Кении, в районе озера Туркана, новые останки доисторического человека, жившего, согласно некоторым оценкам, 1,5—2 миллиона лет назад. Изыскания Мэри Лики, осуществленные в то же время на севере Танзании, в долине Лаэтоли, в 50 километрах от ущелья Олдувай, позволили предположить, что возраст живших здесь человекообразных существ насчитывает 3 600 тысяч лет.— *А. П.*

С. 193

Со времени первого издания «Серенгети не должен умереть» в жизни Танзании произошли большие перемены. В 1961 году страна (в то время Танганьика) добилась политической независимости. Вскоре после антифеодальной революции 1964 года на Занзибаре произошло слияние двух независимых государств (апрель 1964 года) — Республики Танганьика и Народной Республики Занзибар и Пембы — в единое государство — Объединенную Республику Танзанию. Знаменательным событием в истории Танзании было принятие съездом партии Африканский национальный союз Танганьики (ТАНУ) в 1967 году Ашурской декларации, провозгласившей социалистическую ориентацию. В 1977 году в результате слияния ТАНУ и Партии Афро-Ширази (на Занзибаре) образовалась ныне правящая Революционная партия (ЧЧМ). Правительство Танзании осуществляет широкие социально-экономические преобразования, в рамках которых большое внимание уделяется охране дикой природы.— *А. П.*
В настоящее время в Танзании десять национальных парков общей площадью свыше 4 миллионов га и пять резерватов общей площадью свыше 7,5 миллиона га.— *А. Б.*

Бернгард
ГРЖИМЕК

Не щадя сил

НЕ ЗАСТАВЛЯЙТЕ МЕНЯ БОРОТЬСЯ В ОДИНОЧКУ!

История человечества учит нас: там, где какие-нибудь народы вооружались, рано или поздно вспыхивала война. Не только так называемые сверхдержавы, но и мы, немцы ФРГ, снова расходуем треть своего бюджета на вооружение.

В 1954 году вышла в свет моя книга «Для диких животных места нет», которая вызвала тогда много пересудов и возражений. В ней я писал, что население всего земного шара к 2000 году увеличится на 1 750 миллионов человек. Это вызвало сомнение. Однако на поверку вышло еще больше: уже сегодня на Земле живет 4 365 миллионов человек, на 2000 год прогнозируется население в 6 267 миллионов, на 2050 год — 10 678 миллионов *. Быстрее всего растет население Африки.

С 1882 по 1952 год пустыни и опустыненные области Земли увеличились на 140 процентов; теперь они занимают уже более четверти всей суши. Пригодных для сельского хозяйства целинных земель почти нигде уже не осталось. С 1945 года начали сводить африканские дождевые леса — от них осталась уже половина. Если так дело пойдет дальше и на других континентах, то, например, амазонские тропические леса через 27 лет больше не будут существовать. Девственные леса исчезнут за время жизни теперешнего молодого поколения, а с ними многие виды животных и растений окажутся окончательно истребленными.

В Федеративной Республике Германии, наверное, 80 из 100 молодых людей так бы никогда и не увидели крупных диких животных, если бы для того, что фактически уже потеряно, не создали в последнее столетие жалкую замену — зоопарки.

Люди упорно продолжают отравлять реки и океаны, хотя последствия этого всем известны. Китов и огромные косяки рыбы нещадно истребляют, стараясь перегнать друг друга по результатам лова. А между тем сотни миллионов людей могли бы этим питаться, когда больше питаться будет нечем. Ведь с каждым годом продовольствия на душу населения приходится все меньше и меньше.

Я хочу добиться лишь одного. Если уж человечеству суждено тесниться в бетонных ульях среди бетонных ландшафтов, то пусть хоть где-то рядом помимо запертых в тесных клетушках кур, телят и свиней живут свободно другие четвероногие обитатели нашей планеты. Именно поэтому так необходимо охранять слонов, жирафов, львов, горилл и стада зебр в Африке, в этом наиболее богатом дичью континенте.

Десятки лет я боролся за то, чтобы в Африке и в других местах земного шара обширные области, населенные богатым животным миром, заблаговременно были объявлены заповедными и таким образом ограждены от заселения человеком. Только в таких условиях эти крупные и отнюдь не безобидные для людей

животные будут в состоянии выжить и сохраниться еще долгие годы.

Африканские страны на сегодняшний день в деле охраны природы являются ведущими. Но они бедны. В своих телевизионных передачах, книгах, журналах и фильмах я привлекал вниманис общественности к этим странам, считавшимся прежде отсталыми и опасными для путешествий. Сегодня туризм в ряде африканских государств стал важнейшим источником их доходов; дикие животные как приманка для посетителей национальных парков помогают жить и зарабатывать на жизнь многим и многим людям этих стран.

Бухгалтерские книги нашего Зоологического общества, президентом которого я являюсь, ежегодно ревизуют государственные контролеры, и нам докладывают, что 99,2 процента из всех пожертвований, поступающих в «Фонд помощи исчезающим животным», действительно тратятся на те нужды, для которых задуман этот фонд, а не на администрацию, поездки, конференции и т. д.

Но поскольку еще многие страны, будь то в Африке, или в Азии, или еще где-либо, как правило, неимущи и поскольку они стараются сохранить последнее украшение нашего земного шара не только для себя самих, но и для нас с вами и для наших потомков (часто жертвуя очень многим), я прошу вас: не оставайтесь безучастными! Помогайте всем, что в ваших силах!

Бернгард ГРЖИМЕК

Внезапно мощный вожак-горилла срывается с места и с ревом бросается мне навстречу! Вот он уже совсем близко — в каких-нибудь полутора метрах от меня, но затем резко сворачивает в сторону и, описав дугу, отбегает метров на десять назад. Там он садится и равнодушно отворачивается от меня: напугал, мол, и хватит с тебя.

А у меня сердце стучит так, что его даже слышно, и от страха перехватывает дыхание, но тем не менее я не сдвинулся с места ни на шаг! В течение двадцати лет мне доводилось ездить в Африку, и я не раз задавал себе вопрос: хватит ли у меня мужества устоять на месте в момент нападения такого вот разъяренного существа весом в полторы сотни килограммов, с размахом рук, достигающим двух с половиной метров, да притом состоящего из одних сплошных мускулов? Хватит ли у меня духу не броситься удирать без оглядки? Не сдадут ли в последний момент нервы? Но я ведь знаю: самое глупое, что можно сделать в подобной ситуации,— это пытаться спастись бегством. Тогда-то уж эта махина наверняка тебя догонит и схватит за ногу, вцепится зубами в плечо или в мягкое место... Надо твердо знать: как правило, горилла ограничивается запугиванием, а не нападает всерьез (если нет на это веских оснований). Но как узнать заранее, что у нее на уме, и можно ли быть уверенным, что твои нервы не сдадут в последний момент? Вот именно этот самый Казимир, который только что сделал внезапный бросок в мою сторону, в 1966 году умертвил брата вождя пигмеев Мушебере. И почти на том самом месте, где мы сейчас стоим. В тот раз могучая горилла никак не желала отдавать труп убитого пигмея: она сама и все 18 членов ее семейства упорно не отходили от своей жертвы. Смотрителю резервата Адриену Дешриверу пришлось применить слезоточивый газ, чтобы прогнать обозленных обезьян. Аналогичный случай произошел два года назад недалеко от научно-исследовательской станции Дианы Фоссей[1], когда самец горной гориллы искромсал у одного не в меру любопытного посетителя все лицо и плечо.

Моя встреча с Казимиром произошла в Заире, бывшем Бельгийском Конго. Прилетел я туда вместе с Кристианом, пятнадцатилетним младшим сыном моего покойного Михаэля, чтобы понаблюдать за жизнью горных горилл, обитающих в новом национальном парке Кахузи-Бьега. Мой оператор Гетц Дитер Плаге совместно с хорошенькой ассистенткой из Калифорнии Ли Лайон прилетел раньше и снимал их здесь уже на протяжении нескольких месяцев.

Прежде можно было непосредственно из Брюсселя лететь на самолетах «Сабены» до Стенливиля (теперешнего Кисангани) и

[1] Исследовательница из Калифорнии, проработавшая в этих местах 13 лет.— *Прим. пер.*

сразу же очутиться в Восточном Конго, где и расположены национальные парки. Сейчас в Кисангани международного аэропорта нет. Окольный же путь через отдаленную столицу Киншаса, расположенную близ западного побережья Африки, очень неудобен. Поэтому мы решили сначала долететь из Брюсселя до Кигали, столицы соседнего маленького государства Руанда, а уже там пересесть в восьмиместный самолетик, который за какой-нибудь час подбросит нас почти до самой границы с Заиром. Оттуда уже можно на такси переехать через границу в Букаву, главный город провинции Киву. Поездка хотя и несколько затруднительна, но все же довольно интересна.

Прибыв в Букаву, мы сразу же направляемся к гориллам. У меня большой, почти двадцатилетний опыт тесного общения с этими видами человекообразных обезьян. Некоторые из них даже выросли в моем доме и, будучи еще совсем младенцами, спали вместе с нами в нашей спальне. Одна самка-горилла по сей день радостно приветствует меня, несмотря на то что уже 18 лет живет исключительно среди себе подобных и родила за это время шесть детенышей. Когда мы пожимаем друг другу руку через ограду вольеры, то оба вынуждены внимательно следить, чтобы вожак стада нас не заметил, иначе он сейчас же постарается помешать этому.

Первые «немецкие» гориллы появились на свет у нас во Франкфуртском зоопарке, так же как и первые гориллы-близнецы (первый случай в мире, когда таких близнецов удалось вырастить в условиях неволи). Надо сказать, что Франкфуртскому зоопарку вообще впервые удалось добиться размножения в неволе всех четырех видов человекообразных обезьян: к 1980 году потомство их достигло в общей сложности 56 особей (19 шимпанзе, 4 бонобо, 11 горилл, 22 орангутана). И тем не менее прошли десятилетия, прежде чем мне удалось увидеть в первый раз гориллу, живущую в естественных условиях, на воле. Потому что животные эти прячутся в глухом лесу и избегают появляться в открытой местности. Кроме того, они очень пугливы и осторожны и к тому же еще долгое время считались страшными, злобными убийцами.

Даже люди, которые неоднократно объезжали обширные районы Африки, не могут поверить, как легко сегодня увидеть гориллу. Для этого достаточно поселиться в ультрасовременном отеле в Букаву, расположенном близ озера Киву (1460 метров над уровнем моря), окруженного роскошными горными лесами. Здесь нет крокодилов, бегемотов и комаров. Круглый год держится умеренная летняя температура. У дверей отеля садишься в машину и едешь по хорошей асфальтированной дороге в новый национальный парк Кахузи-Бьега, расположенный в 500 метрах выше по склону. Дорога занимает не больше часа. А там можно уже через двадцать минут увидеть горных горилл и наблюдать за ними. Правда, иной раз для этого приходится еще пару часов пройти пешком. Но ведь это прогулка по чудесной лесистой горной местности! Уже более тысячи туристов неболь-

шими группами посетили за последние два-три года горных горилл. Кто бы мог себе это представить еще каких-нибудь двадцать лет назад, когда мы вместе с моим покойным сыном Михаэлем впервые путешествовали по Конго!

Итак, мы пробираемся гуськом по тропе. Впереди идет Адриен Дешривер — смотритель парка, за ним я, потом Кристиан, Гетц Дитер Плаге, Ли Лайон и замыкает шествие предводитель пигмеев — Мушебере с шестью пигмеями-носильщиками, несущими нашу поклажу — камеры, дождевые плащи и провиант. Разговаривать не полагается — только перешептываться. Чаще всего Адриен просто молча указывает рукой на то, на что хочет обратить наше внимание. Мы пересекаем обширную плантацию, примыкающую непосредственно к самому лесу. Всего каких-нибудь пять месяцев назад здесь с необозримых площадей сняли урожай бобов. Трудно даже поверить, что за такой короткий срок здесь разрослись непроходимые заросли из вьющихся растений, кустарника и бурьяна! Совершенно незаметно, что подо всем этим еще недавно была пашня. Только с большим трудом нам удается продираться через чащобу. Но зато перспектива найти и заснять горных горилл здесь значительно лучше, чем в высокоствольном лесу: тут они находят для себя наилучшее питание, самую свежую зелень.

Впереди виднеются отдельные куртины деревьев и высокий густой кустарник. Внезапно Мушебере указывает на куст, который странным образом шевелится. Явно не от ветра, потому что ветра нет. Значит, горилла!

Но проходит еще добрых полчаса, пока мы туда добираемся. Пигмеи прорубают для нас проход в чащобе. Временами нам приходится ползти на четвереньках, а иной раз нога по самую коленку проваливается в яму, наполненную трухлявыми ветками. Вскоре ноги сплошь утыканы какими-то колючками. Но все равно продвигаться не так уж трудно, как может показаться на первый взгляд.

Вот мы наконец приблизились к кустарнику, в котором что-то шевелится. До нашего слуха доносятся звуки, напоминающие хрюканье. По-видимому, гориллы, которые нас наверняка давно учуяли, не дают себе даже труда остаться для нас незамеченными. Куст все продолжает качаться, а мы стоим и ждем. Полчаса. Полтора часа. Потом Дешривер приходит к выводу, что вся эта черношерстая команда наверняка выйдет из кустов в противоположную от нас сторону, как они это делали все последние дни. Поэтому нам лучше обойти вокруг и приблизиться к кустарнику с другой стороны. Сказано — сделано. То и дело спотыкаясь, мы с осторожностью бредем обратно, перебираемся через ручей, карабкаемся на другом его берегу вверх по крутому прибрежному склону и через три четверти часа оказываемся наконец по ту сторону кустарника. Там мы снова ждем.

Внезапно стоящий рядом пигмей толкает меня в бок: из кустов на меня уставились маленькие зоркие глаза черного обезьяньего лица. Примерно через десять минут ветки кустарника раз-

двигаются и появляется один из молодых самцов, принадлежащих к семейству Казимира. Он стоит на четвереньках и разглядывает нас с нескрываемым любопытством. Потом отворачивается, проходит несколько шагов, усаживается поудобнее и принимается уплетать листья и побеги. Большие разлапистые листья он сжимает в кулак и откусывает только самую верхушку. Прислонясь спиной к высоким спутанным зарослям травы, он сидит удобно, как в качалке, и не спеша выбирает себе самую сочную зелень.

Через некоторое время он поднимается и идет дальше. И тут появляются все остальные члены семейства. Группа Казимира насчитывает 18 голов: три взрослых самца, примерно семь самок и молодняк различного возраста. Неподалеку от нее обитает другая группа горилл, в которой по чистой случайности тоже как раз 18 обезьян.

Я делаю попытку переместиться на более удобное для съемок место — мне хочется подойти поближе. Ведь гориллы и без того такие черные, а тут еще тучи наползли на небо, так что освещения явно не хватает. Но Адриен Дешривер делает мне знаки, чтобы я никуда не перемещался. Животные не должны замечать, что за ними наблюдают. Наоборот, когда один из самцов начинает нас дольше других разглядывать, Дешривер принимается обрывать листья и веточки и делает вид, что жует их. Гориллы ведь, как правило, не проявляют жадности к еде во время кормежки. И почему бы на самом деле этим чужим, но в сущности очень похожим на них «обезьянам» не заниматься здесь тем же самым, чем и они, то есть кормиться? Это у них подозрения не вызывает. Иногда они нас, правда, разглядывают, но с умеренным интересом, потому что уже привыкли, что в этих местах несколько месяцев как стали то и дело появляться такие вот странные «тощие обезьяны», какими мы им кажемся...

Казимир, вожак группы, личность достаточно самоуверенная. Он усаживается на довольно открытые места и то и дело подолгу не сводит с меня глаз. В такие моменты следует немедленно отвернуться, иначе он воспримет это как вызов. Ведь нечто подобное можно наблюдать и у людей. Раньше это часто практиковалось в студенческой среде: когда кого-то хотели непременно смутить, таращили на него глаза — «сверлили глазами». Мои старания запечатлеть его получше на пленку Казимир, по всей вероятности, тоже воспринимает как некую наглую бестактность с моей стороны.

Спустя полчаса вся группа уже прошествовала мимо нас, включая детенышей; некоторые из них с игривым любопытством подбегали к нам на расстояние до четырех метров. Но мы остаемся на своих местах и не идем за ними вслед. Дешривер придерживается проверенного на опыте правила: никогда не приближаться к гориллам, а ждать, пока они сами подойдут. И хотя Казимир еще время от времени пытается нас припугнуть, чтобы произвести должное впечатление и показать себя хозяином этих

мест, тем не менее и он, и все его семейство хотят жить в мире с нами, людьми.

Казимир, этот могучий, с уже поседевшей спиной самец, во время прежних визитов неоднократно делал угрожающие выпады в сторону Дешривера, когда считал, что тот подошел слишком близко. Он даже толкал его несколько раз руками, но никакого серьезного ущерба не наносил. Однажды после ложного выпада Казимира другой самец из его семейства решил, по-видимому, последовать его примеру и тоже бросился навстречу Дешриверу. Но поскольку он бежал вниз по склону, то начал скользить и тщетно пытался удержаться за черенки бамбука: те, как назло, обламывались, и растерянная горилла с размаху ударилась о Дешривера, сбив его с ног. Адриен упал, а горилла поспешила скорее прочь: так далеко ее намерения вовсе не заходили! После этого случая у того самца еще долго оставалось что-то вроде чувства неловкости. Во всяком случае он целую неделю старательно избегал встречи с Адриеном. История эта произошла примерно за полгода до нашего приезда.

Я решил попробовать на вкус все листья и побеги, от которых откусывали гориллы. Все они оказались довольно вкусными, иногда слегка кисловатыми, больше всего напоминающими, пожалуй, жерушник. Гориллы ведь чистые вегетарианцы в отличие от многих других обезьян, например павианов и тех групп шимпанзе, которые придерживаются более открытых пространств. Эти ближайшие родственники человека, точно так же как это делали и доисторические люди, при случае не прочь съесть какое-нибудь животное.

Гориллы же никогда беспричинно не причиняют боли другим живым существам. Они не тронут даже яиц в гнездах, проходя мимо них. Вероятно, история человечества выглядела бы значительно миролюбивее, если бы наши предки были более сродни гориллам, а не происходили из той же ветви человекообразных обезьян, что и шимпанзе...

В последующие за этим дни мы все снова и снова встречаем горилл. С 12 до 14 часов дня мы отдыхаем и поглощаем захваченные с собой припасы, потому что, по мнению Дешривера, в это время нет никакого смысла искать горилл: в такой полуденный зной у них нечто вроде «сиесты» — они спят где-нибудь в тени кустарника, и притом почти всегда в одно и то же время.

В один прекрасный день мы выбрали для такого дневного отдыха лужайку с небольшой группой деревьев, под которыми не было буйного подроста, так что можно было удобно усесться или улечься. На сей раз гориллы сами стали проявлять к нам повышенный интерес. Взрослые особи наблюдали за нами из кустов, а молодняк и детеныши подошли совсем близко. Малыши даже принялись резвиться, в упоении прыгая по нашим сумкам и рюкзакам.

Но так ведь было далеко не всегда. Вряд ли нечто подобное можно было увидеть в прежние времена. И то, что гориллы на сегодняшний день ведут себя здесь столь доверчиво по отноше-

нию к людям, следует полностью считать заслугой Адриена Дешривера.

Родился он в Бельгии. Десятилетним мальчиком в 1949 году вместе с родителями приехал в тогдашнее Бельгийское Конго, где и вырос. В 1951 году он впервые поехал в Европу, а потом еще всего один раз — в 1967 году. Родители уехали из Африки в 1961 году, после того как страна стала независимой. А он остался. Целых пять лет Адриен увлекался охотой. Он и сегодня еще может с расстояния 80 метров срезать метким выстрелом цветок со стебля и попадает без промаха в самую середину маленьких круглых крышечек от пивных бутылок. Известен он здесь как отличный снайпер, и это спасло ему жизнь. Когда все бельгийские служащие и многие фермеры во время гражданской войны в панике покидали страну, он не побежал*. Он построил на своей ферме деревянную вышку и, когда до него доходили слухи о приближающихся очередных беспорядках, залезал наверх и спал там с автоматом под боком. Порой ему приходилось по полгода каждую ночь залезать на вышку. В те времена вообще не рекомендовалось расставаться с оружием, неважно будь то в постели, в машине или в туалете.

Адриен Дешривер был единственным европейцем во всей округе; остальные белые — их оставалось около двухсот — жили на расстоянии более 100 километров в главном городе провинции — Букаву.

В 1961 году во время гражданской войны он женился на негритянке. Из-за военного положения ему пришлось воспользоваться при этом фальшивыми документами. И только в 1965 году ему удалось обвенчаться со своей женой в церкви. Тем не менее, чтобы получить официальное свидетельство о браке, ему пришлось сначала развестись, а потом, в 1966 году, снова скрепить свой брачный союз с соблюдением всех формальностей. К этому времени у них было уже пятеро детей.

Первое знакомство Дешривера с гориллами имеет, как и мое, примерно двадцатилетнюю давность. Тогда в районе, граничащем с парком, самец-горилла умертвил двух людей, а двух других так отделал, что им пришлось больше месяца пролежать в больнице. Дешриверу понадобилось целых десять дней на то, чтобы загнать животное назад, в границы парка. Каждый раз, когда горилла делал попытку напасть на него, он стрелял в землю перед самым его носом, и такой канонадой «брал его на испуг».

Еще один случай произошел 12 лет назад. Другой самец-горилла, известный до той поры своим полнейшим миролюбием, внезапно напал на работавшую в поле пожилую женщину, схватил ее и поволок в ближайший кустарник, где и удерживал некоторое время, не давая уйти. Он изорвал на ней одежду, женщина кричала что было мочи, горилла тоже. Прибежавшие на крик люди стали швырять в кустарник сучья и камни, чтобы испугать гориллу. Наконец он отпустил свою пленницу и убежал. И хотя платье на женщине оказалось порванным, сама она исца-

рапана и вне себя от ужаса, тем не менее никакой попытки изнасиловать ее похититель, как выяснилось, не предпринимал. По всей вероятности, это было одинокое животное, которое подыскивало себе хоть какую-нибудь компанию. Дешривер сам был свидетелем этого происшествия, потому что охотился как раз в том районе.

Незадолго до этого Мушебере, вождь пигмеев, совместно со своим братом убил отца гориллы Казимира.

— Он был очень даже вкусный! — подтверждает он и сегодня, ухмыляясь и подмигивая.

Что касается страшной мести Казимира, напавшего впоследствии на его брата и убившего его, то о ней вождь пигмеев предпочитает не вспоминать...

Как и многим другим настоящим, профессиональным охотникам, Адриену Дешриверу вскоре перестало доставлять удовольствие убивать животных, и уж в особенности таких, как гориллы. Начиная с 1965 года он стал с интересом приглядываться к жизни этих человекообразных обезьян и вскоре подружился с ними. Год спустя он уже добился объявления Кахузи-Бьега охраняемой зоной и стал ее смотрителем — поначалу без всякой оплаты, так сказать, на общественных началах. Он приобрел даже за собственные деньги авиетку для облетов и охраны парка. После гражданской войны у населения осело еще много оружия, и поэтому бороться здесь с браконьерством — дело отнюдь не легкое. Когда Дешривер в 1969 году попытался помешать противозаконному отстрелу слонов ради добычи слоновой кости, браконьеры застрелили его брата, сидящего рядом с ним в машине. Стреляли прямо из леса, а машина шла как раз по той асфальтированной дороге, по которой мы только что проехали. Брат Дешривера первый раз в жизни приехал к нему в гости в Африку и собирался через два дня улететь обратно. В другой раз браконьеры пытались столкнуть автомобиль Дешривера в пропасть, прижав его грузовиком к самому краю обрыва.

Всякое бывало. Но вот наконец в 1970 году Кахузи-Бьега был официально объявлен национальным парком, в котором запрещалось заниматься какой бы то ни было хозяйственной деятельностью — будь то пахота, разведение скота, лесоводство или даже просто постройка хижин или домов.

Кахузи-Бьега — это мощный горный массив, над которым возвышаются вершины Кахузи (3500 м) и Бьега. В национальном парке проживает от 200 до 250 горных горилл. Шерсть у них несколько короче, чем у горилл, обитающих в условиях высокогорья или на склонах вулкана, расположенного в близлежащем национальном парке Вирунга (бывший Альберта).

Когда пролетаешь на самолете над парком, то с высоты особенно четко выделяются границы между ним и теснящими его со всех сторон сельскохозяйственными угодьями: Адриен Дешривер посадил по его краям австралийские эвкалипты. Однажды он заметил, что из отдельных мест девственного леса поднимается к небу дымок, что явно означало, что там идет заготовка дре-

весного угля. Тогда он поднялся в воздух на своем сторожевом самолетике и набросал в эти места специальные шашки, хотя и безопасные, но производящие при разрыве страшный треск. Достаточно было десяти таких «бомбовых ударов», чтобы все браконьеры и истребители леса через две недели полностью исчезли из парка.

С тех пор общая площадь национального парка увеличилась в десять раз: вместо 600 она охватывает теперь 6 тысяч квадратных километров. В новом парке в безопасности обитают не только гориллы, но и конголезские павлины, золотые кошки, много шимпанзе, антилоп бонго и лесных слонов. Встречаются здесь и совинолицые мартышки (Cercopithecus hamlyni) с вертикальными белыми полосками вдоль переносицы.

В 1970 году, в год официального образования национального парка, Адриену Дешриверу впервые посчастливилось сфотографировать дикую гориллу на воле. До тех пор таких фотографий не существовало. Тогда же ему удалось договориться с пигмеями, чтобы они прекратили убивать горилл. Ведь нельзя забывать, что пигмеи испокон веку жили в лесу и привыкли охотиться там на горилл так же, как и на любую другую живность. Они использовали для этой цели сети и нелающих собак, на шею которым привязывались деревянные колокольца. Молодняк горилл в таких случаях, как правило, старался спастись, залезая на деревья, а там их удобнее всего было убивать стрелами из лука. И вот именно с этими-то немногочисленными уже пигмеями, родина которых находилась на территории национального парка, Дешривер сумел договориться о том, чтобы они впредь охотились только на разную мелкую дичь, а горилл больше не трогали. «Договор о ненападении» удалось заключить не сразу. Так, еще в 1972 году пигмеями были убиты и съедены четыре гориллы.

Но самый хитроумный «ход конем» заключался в том, что именно пигмеям, этим опытным охотникам и браконьерам, Дешривер поручил охрану парка и пригласил их на работу в качестве проводников для посетителей. Таким образом они стали зарабатывать себе на жизнь в национальном парке и сами были теперь заинтересованы сохранить горилл в целости и сохранности. К тому же, насколько возможно, непугаными.

Пигмеи, обитающие здесь, в Кахузи-Бьега, несколько выше ростом пигмеев, населяющих девственные леса Итури в Заире. И кожа у них иссиня-черная, а не желтовато-оливковая, как у тех. По-видимому, они сильно перемешались с другими этническими группами. Надо сказать, что пигмеев, населяющих эту область, никак не назовешь ни слабонервными, ни слабосильными.

Дешривер однажды убил слона, и один совершенно древний старичок пигмей съел такое огромное количество мяса, что тут же умер возле туши слона. Бывшие рядом пигмеи вырыли неглубокую ямку около трупа и забросали труп землей.

В другой раз Дешривер застрелил слона на болоте, отстоящем не менее чем на 15 километров от стоянки пигмеев. Когда он спустя некоторое время пришел к пигмеям, то увидел, что сто-

янка буквально завалена протухшим слоновьим мясом, источающим ужасную вонь. Оказалось, что пигмеи, которых послали на болото забрать слоновьи бивни, погрузили заодно на грузовик и все мясо, которое, пролежав достаточно долго в болоте, уже абсолютно разложилось и даже побелело. Увидя, что Дешривер волнуется по поводу того, что они едят подобную зловонную отраву, пигмеи принялись успокаивать его, заверяя, что «едят ведь только само мясо, а не плохой его запах...».

Монах, «белый отец», спросил у пигмея, лежащего при смерти, может ли он ему еще хоть чем-то помочь. У умирающего уже закатывались глаза, но он еще нашел в себе силы ответить:

— Дай мне сигареточку...

Я не могу считать этих людей ни особенно жестокими, ни бессердечными. Нет, это совсем не так. По крайней мере о пигмеях, обитающих в лесу Итури, среди которых мне неоднократно доводилось жить, и притом подолгу, я составил себе как раз обратное представление. Да и другие путешественники, имевшие с ними дело, не раз упоминали об их способности к сопереживанию, всегдашней готовности оказать помощь и тесной привязанности друг к другу. Не откажешь им и в чувстве юмора.

Новый директор национального парка Кахузи-Бьега — африканец. Зовут его Мусхензи Лузенге. Образование он получил во франкоязычной Школе для смотрителей парков в Гаруа, в Камеруне, созданию которой наш «Фонд помощи исчезающим животным» оказал не менее действенную помощь, чем при основании самого парка Кахузи-Бьега.

Однажды, было это в 1973 году, до Лузенге и Дешривера (продолжавшего работать вторым директором парка) дошел слух, что какие-то туристы на дороге, ведущей в парк из Кисангани, купили за десять марок детеныша гориллы. Такие малыши человекообразных обезьян, как правило, попадают в человеческие руки только после того, как бывает убита их мать, а то и вся семья сразу. Маленького горилленка удалось конфисковать (за ним выслали самолет), а затем и вскормить из рожка. Вырос он в семье Дешривера. Четыре месяца спустя Дешривер взял горилленка с собой в лес и решил понаблюдать за тем, как отнесется к нему семейство Казимира.

Первым к подкидышу подошел самец Ганнибал, чтобы узнать, что тут вообще происходит. Он приблизился к хныкающему существу на расстояние 1,5 метра, но вернулся назад, в кусты. Однако при этом раздвигал ветки таким образом, чтобы и Казимир мог увидеть детеныша. Вскоре и тот появился из-за кустарника и, громко вопя, стал медленно надвигаться на Дешривера. Горилленок испуганно закричал, закричал от волнения и сам Дешривер. Казимир же дважды прошел мимо него в каком-нибудь полуметре, он почти касался его боками. Дешриверу не оставалось ничего другого, как посадить детеныша на землю. Казимир тотчас же протянул свою длинную руку и подкатил пищащее существо к себе. Затем осторожно прижал его к груди и направился к самкам, которые к тому времени тоже появились

из-за кустов. Старый самец опустил детеныша перед ними на землю, и тотчас же одна из самок подхватила его и прижала к груди. Примечательно, что детеныш тут же успокоился и перестал кричать.

Спустя восемь дней прошел сильный град и выпало 65 миллиметров осадков. Слой града на почве доходил до нескольких сантиметров, и лед на другой день еще в отдельных местах покрывал землю. Температура воздуха упала до нуля. Все гориллы простудились и кашляли. Пигмеи, впрочем, тоже. Когда три недели спустя мы снова навестили горилл, они все еще кашляли. По всей вероятности, горилленок не выдержал тягот неожиданно разбушевавшейся стихии и погиб. Во всяком случае никто его с тех пор больше не видел.

Адриен Дешривер поначалу даже не заметил, что наблюдает не за одной и той же, а за двумя разными группами горилл,— просто в зарослях кустарника их не так-то легко отличить друг от друга. Вторая группа, опеку над которой принял на себя Мусхензи Лузенге, держится пока еще не столь доверчиво, как семейство Казимира. Так, один из самцов в 1973 году опрокинул на землю егеря Вирунга-парка Ван дер Беке. Однако ничего дурного ему не причинил.

ОПЕРАЦИЯ «ЛЕТАЮЩИЕ СЛОНЫ»

Когда мне раньше приходилось бывать в Заире, а именно в Вирунга-парке, я редко упускал случай наведаться в рыбачий поселок Витсхумби на берегу озера Эдуард. Поселок этот, расположенный посреди национального парка, являет собой, прямо скажем, инородное тело. На противоположном берегу озера, принадлежащем уже Уганде и относящемся к территории другого национального парка — Рувензори, тоже имеются рыбацкие поселки. К великому сожалению, угандийские поселки все расширяются, а жители их постоянно браконьерствуют, что служит серьезной помехой для национального парка.

Здесь же, в Заире, все выглядит иначе: рыбаки объединены в артели, сообща владеющие пристанями для лодок, машинами, коптильно-сушильными устройствами, которыми и пользуются совместно. Кроме того, им запрещено в этой местности, находящейся под строгой охраной закона, заниматься земледелием или скотоводством. Рыбацкий поселок не расширяется. Что же касается поселков, незаконно возникших по соседству, то их африканское правительство распорядилось снести.

Живущие же поблизости от рыбацкого поселка Витсхумби животные — пеликаны, бегемоты и прежде всего слоны — со временем привыкли к присутствию людей, от которых им не грозит никакая опасность. Таким образом, постепенно создался уни-

кальный пример мирного сосуществования свыше тысячи людей с дикими животными.

Однако, приезжая сюда в качестве посетителя парка, никоим образом нельзя забывать о том, что все эти слоны и бегемоты отнюдь не «ручные». Один европейский фотограф, легкомысленно подошедший слишком близко к слону, поплатился за это жизнью. С африканцами, которые заблаговременно уступают слону дорогу, ни разу еще ничего худого не случалось. А слоны в свою очередь никогда не наступают ногами на разостланное на траве для просушки белье — они непременно вежливо обойдут его стороной.

Мы приехали в Витсхумби, чтобы заснять на пленку этот удачный симбиоз между человеком и животным. Больше всего нас интересовали, конечно, громадные слоны, живущие по соседству с поселком. Причем внутрь человеческого поселения заходят одни только самцы, самки гораздо осторожнее и держатся в отдалении. В первое же утро мой оператор Гетц Дитер Плаге приступил к съемкам. Он водрузил новую камеру на треножник и нацелился заснять великолепного громадного слона, красующегося на фоне вулканов. Он так увлекся подыскиванием подходящего освещения и резкости, что не сразу заметил, что слон недоволен его присутствием: еще минута — и великан, сорвавшись с места, бросился в сторону незваного гостя. Гетц хотел убежать, но, к своему ужасу, заметил, что пристегнут: на поясе у него висела батарея, соединенная кабелем с камерой. С перепугу он опрокинул треножник с камерой и поволок все сооружение за собой, лихорадочно отстегиваясь на ходу.

Слон же остановился возле упавшей камеры и детально обнюхал и осмотрел ее со всех сторон: он с опаской потрогал ее хоботом, а затем осторожно приподнял переднюю ногу, чтобы втоптать подозрительный предмет в землю. Но на это я никак не мог согласиться. В конце концов камеру купил я, она была совершенно новая и стоила баснословно дорого — почти столько, сколько хороший автомобиль! Я бросился к слону и отвлек этим его внимание от камеры. Расчет мой был верен: слон повернулся и побежал за мной. Он преследовал меня метров двадцать — тридцать, а за это время киноаппаратуру удалось перетащить в безопасное место. К счастью, она оказалась абсолютно неповрежденной. Позже, проявляя пленку, я обнаружил, что даже успел в суматохе нажать на спуск своей фотокамеры и запечатлеть Гетца Плаге во время его поспешного бегства от слона [1]. А то ведь обычно в такие критические моменты забываешь с испугу о съемке, а потом огорчаешься, что не успел заснять такой кадр!

Было у нас во время съемок и другое происшествие. Как-то до нас донеслись громкие испуганные крики. Выскочив из машины, мы увидели, что меж рабочих лодок, причаливших к берегу,

---

[1] Снимок этот появился потом на страницах многих газет и журналов. Была выпущена почтовая открытка с изображением этого эпизода.— *Прим. пер.*

чтобы выгрузить улов, диким галопом мечется самка бегемота, преследуемая по пятам влюбленным в нее самцом. Оба носились кругами меж собравшихся у берега людей, которые с хохотом и криками расступались перед ними и радовались неожиданному спектаклю, пока оба бегемота не плюхнулись обратно в воду, растолкав лодки и подняв фонтан брызг. Затем они исчезли под водой.

Из Заира я направился в соседнюю с ним Руанду.

«Не поможете ли вы нам каким-нибудь образом спасти нашу последнюю сотню слонов? — обратился ко мне министр этой маленькой центральноафриканской страны, ответственный за дикую фауну.— Не хотите ли их получить в подарок, чтобы разместить по зоопаркам разных стран? А может быть, нам просто гнать их через всю страну, чтобы заселить ими наш национальный парк Акагера? Я бы мог выделить для такой операции тысячу человек, хоть две тысячи — только скажите».

Он только что прослушал по радио мое выступление, посвященное спасению африканской природы (причем на французском языке, что далось мне не так-то легко, потому что я его несколько подзабыл!), и вопросы, которые он мне сейчас задал, не были для меня неожиданными. Я их и сам уже обдумывал и так и эдак. Тем не менее я вынужден был ответить ему следующее:

«Нет, господин министр, ничего этого сделать нельзя. Я могу вам посоветовать лишь одно: перестрелять все стадо ваших последних слонов».

Не похоже на меня, не правда ли? Решение действительно было для меня тяжелым, но другого выхода не оставалось.

Мне уже неоднократно приходилось бывать в Руанде, большей частью после посещения Бельгийского Конго. С 1898 года и вплоть до окончания первой мировой войны эта страна входила в состав Германской Восточной Африки, с 1922 года находилась под властью Бельгии, а в 1962 году добилась независимости *. Даже во время освободительной борьбы в 1961 году я ухитрился там побывать: навещал Гви де Лейна, последнего бельгийского директора Акагера-парка и его супругу в их роскошном, построенном на холме доме. Сидя втроем на веранде, мы тогда даже не подозревали, как осложнилась ситуация в стране и какими серьезными событиями она может обернуться. Через несколько дней после моего отъезда на Гви де Лейна напали бандиты и убили его. Он один из тех европейцев, который погиб не «от диких животных», а «ради диких животных».

Руанда, эта гористая страна в самом сердце Африки, так мала, что ее площадь составляет всего две трети земли Баден-Вюртемберг. С тех пор как я впервые побывал в этой стране, население ее выросло с 50 человек на каждый квадратный километр до 158 человек *. На сегодняшний день она заселена уже гуще, чем Франция, а при приросте населения, составляющем четыре процента в год, через какие-нибудь 20 лет на каждый квадратный километр там будет приходиться уже 300 человек!

В стране нет железных дорог, нет судоходных рек, могущих связать ее с внешним миром, нет своей промышленности. Большая часть лесов сведена, отчего обмелели реки и иссякли ручьи. Женщинам приходится таскать воду на себе, зачерпывая ее внизу в долинах и перенося высоко в горы, в свои жилища.

Однако, несмотря на свое тяжелое положение, Руанда сумела основать у себя два национальных парка. Уже в 1934 году десятая часть территории страны считалась заповедной. Правда, все это земли для сельского хозяйства непригодные, но, будь это в Европе, на них наверняка бы уже выбили всю дичь. Но в Руанде такого не произошло. Там, наоборот, прибавили к охраняемым территориям еще и девственный лес, покрывающий склоны вулканов, где живут горные гориллы; и, не помешай этому в свое время бельгийские колониальные власти, опасавшиеся последствий намечавшейся уже тогда перенаселенности, коренные жители охотно превратили бы в национальный парк и священные охотничьи угодья своих прежних правителей — тутси. Ведь у африканцев в отличие от христиан и мусульман еще со времен их старых культов сохранилось совсем другое отношение к природе и ко всему живому.

И вот именно в такой стране я был вынужден дать жестокий совет убить последних слонов! Сказать эдакое, зная, что эти великолепные животные по всей Африке практически уже истреблены (если не считать национальных парков, где их скорее слишком много!). Но в Руанде дело обстояло иначе — там именно в национальном парке не осталось ни одного слона после того, как в 1938 году погиб последний. Как такое могло случиться? По всей видимости, большинство животных поубивали браконьеры, еще прежде чем местность была объявлена заповедной. Не оставалось в парке и носорогов, пока в 1957 году бельгийцы не завезли туда шестерых черных носорогов из Восточной Африки; сегодня их там уже свыше двадцати.

А последние в стране примерно 130 слонов обитали далеко от национального парка, на юго-востоке Руанды. Область эта когда-то принадлежала высокорослым тутси, которые в течение 300 лет, вплоть до самого объявления Руанды независимым государством, были правящей в стране группой. После того как их победили землепашцы хуту, пастбища были распаханы и засажены сельскохозяйственными культурами*. Для последних уцелевших слонов оставалось все меньше и меньше жизненного пространства. Их постоянно загоняли с полей в непроходимые болота и буш, осыпали отравленными стрелами и устраивали засады с проволочными удавками, впивавшимися в хобот или прорезающими им ноги до кости. Прогнать слонов днем было несложно с помощью одного только крика, которого слоны страшно пугаются. Но по ночам голод выгонял их снова на поля местных жителей, где они производили невиданные погромы, опустошая все плантации и посадки. Подранки же, как правило, становились злобными и агрессивными и начинали нападать на людей. Будь я крестьянином, я бы тоже не пришел в восторг

от подобного соседства: быть вынужденным без конца сражаться со стадом слонов, да еще озлобленным от голода!

Но что же в таком случае делать со слонами? Все зоопарки мира, вместе взятые, не в состоянии разместить целую сотню взрослых слонов, а уж самцов — тех вообще никто не возьмет. Кроме того, даже если их кто-либо согласится взять, их надо как-то доставить к побережью, в порт. А как? Погрузить эдакие махины на грузовики и везти их за тысячи километров по бездорожью никто здесь не возьмется. Отвергнуть пришлось и другой вариант, а именно переселение в национальный парк; и я объяснил министру почему. Ведь речь идет о большом стаде ставших очень агрессивными животных. Они ни за что не согласятся, чтобы их (к тому же еще против воли) гнали, словно стадо баранов, через густо заселенную людьми страну. А путь, между прочим, не близкий — целых 200 километров! Кстати, несколько месяцев спустя мне стало известно, что бельгийцы уже однажды (было это в 1957 году) предпринимали тщетную попытку перегнать слонов «своим ходом» в национальный парк. Правда, в той «операции» участвовало не более нескольких дюжин животных. Но уже через 20 километров слоны повернули назад, прорвав цепочки орущих, барабанящих и размахивающих горящими факелами загонщиков (которых было не менее двух тысяч), и вернулись назад, на свою родину.

Но я предложил другое. Для того чтобы Акагера-парк снова заселить слонами, вовсе не требуется целое стадо. Достаточно десятка только что отлученных от материнского вымени и подростковых слонят, которых легче и отловить, и транспортировать, и запереть на первое время в загоне. Таким образом, слоны из района Бугесера не исчезнут бесследно, а будут продолжать жить в своих детях и внуках. Я сказал министру, что наше Зоологическое общество возьмет на себя расходы по перевозке и акклиматизации слонят. «Фонд помощи исчезающим животным» позволяет в таких случаях действовать решительно и быстро, выделяя на это необходимую небольшую сумму денег.

Так оно и произошло.

Отстрел взрослых слонов правительство поручило одной охотничьей фирме из Восточной Африки. Предстояло застрелить сотню слонов. Вознаграждением за работу должны были послужить вырученные за шкуры и мясо деньги.

Итак, 8 апреля 1975 года началась эта операция — должен сказать, жуткое, жестокое дело! Осмотр убитых животных показал, что многие из них были подранками: из их тел торчали обломки копьев, в ноги глубоко врéзались и вросли проволочные петли, образовав незаживающие гнойные раны. Каждый шаг должен был такому животному причинять невыносимую боль. Восемь слонов сумели вырваться из облавы, перебежали через границу в соседнюю Бурунди и убили там трех человек. Однако спустя несколько дней их настигли и там. В общей сложности за одну неделю было застрелено 105 слонов!

И посреди такой вот бойни наши уполномоченные должны были отбирать и вылавливать слонят, но только таких, которые подросли уже настолько, чтобы суметь прокормиться без матери. Местные жители принимали активное участие в отлове слонят. Даже президент страны приезжал посмотреть на это необычное зрелище. После того как в животных выстреливали ампулы с усыпляющим снадобьем и они становились полностью заторможенными и беспомощными, их запирали в огромные ящики и отвозили в лагерь, где и выпускали в специально устроенные для этой цели загоны. Там им предстояло прийти в себя от перенесенного потрясения и набраться сил для дальнейшего пути. Среди отловленных слонят были и довольно большие — шести, восьми и даже одиннадцати лет. Иной раз требовалось не менее двухсот человек, чтобы втащить такое упирающееся животное на канате в транспортный ящик, а затем этот ящик водворить волоком на плот. Притом нельзя забывать, что все это происходило в страшно заболоченной местности, при полном бездорожье.

Видя, какого невероятного напряжения требует эта работа от всех участников «операции», мы решили прибегнуть к помощи вертолета. Это сильно облегчило задачу. Слонят весом до 300 килограммов связывали веревками и подвешивали к вертолету. За несколько минут их доставляли в лагерь, расположенный в двух километрах от места поимки. Работа шла часто до глубокой ночи, а иногда и до утра.

В течение всего времени, которое молодым слонам предстояло до отправки в национальный парк провести в специально сооруженных для них мощных «краалях», туда постоянно подвозили на грузовиках огромные массы зеленых кормов — ветки и скошенную траву, а главным образом воду. Наконец последний слон прибыл в загон. Благодаря деятельному энтузиазму всех участников «операции» было отловлено не десять (как планировалось вначале), а 26 слонов.

Спустя четыре недели первую пару погрузили в кузов грузовика и повезли в Акагеру — на полуостров Нямпики, входящий в общую территорию национального парка. Надо было проехать 216 километров по неасфальтированным дорогам. Но перед тем животных еще надо было заманить с помощью сладкого батата в транспортные клетки, которые затем 40 человек втягивали по наклонным сходням в кузов грузовика. На все это предприятие потребовалось около девяти часов. А до тех пор пока животные добрались до Акагера-парка, прошло еще 15 часов, потому что по дороге приходилось три раза останавливаться, чтобы накормить и напоить наших «пассажиров».

И вот ранним утром слонят наконец выпустили на волю. Расставили цепью посты, чтобы помешать им покинуть раньше времени полуостров: пусть сначала привыкнут, обживутся, почувствуют себя как дома. Все это мероприятие мы засняли на кинопленку, чтобы телезрители, которые вносили денежные по-

жертвования в «Фонд помощи исчезающим животным», могли увидеть, на что истрачены их деньги.

Маргарет Ли Лайон из Калифорнии, уже много лет работавшая в нашей группе в качестве помощника оператора (телезрителям она хорошо знакома по многим моим фильмам), попросила меня разрешить ей на сей раз совершенно самостоятельно заснять эту столь необычную операцию. Я, конечно, охотно дал свое согласие, но вот тут-то и случилось это ужасное несчастье. Было 1 июня, 11 часов утра, когда выпустили на волю одного из наших пленников. Мой микроавтобус стоял на расстоянии 30 метров от транспортной клетки со слоном. Ли Лайон пристроилась со своей камерой возле капота машины. Когда клетку открыли, молодой слон, высота спины которого не превышала 1,4 метра, внезапно бросился в атаку. Никто этого от него не ожидал. Все вокруг кинулись врассыпную и, хохоча, стали прятаться, как водится в таких случаях, за и под машиной. Побежала и Маргарет. Но в тот же миг сообразила, что пристегнута за пояс к камере (точно так же, как это было несколько месяцев назад с оператором Гетцем Дитером Плаге, даже камера была та же!). Она повернулась и скорее побежала назад, чтобы отстегнуться. А слон, который совсем уже было успокоился, довольный тем, что всех так напугал и заставил ретироваться, воспринял поведение Маргарет как угрозу. Он бросился к ней и прижал своим боком вместе с камерой к машине, стараясь расплющить. А когда она упала, пропорол ее бивнями, пригвоздив к земле... Несколько африканцев пытались прогнать слона, заставить его сдвинуться с места, но все их старания были напрасными: он продолжал стоять как вкопанный над своей жертвой. Побежали за ружьем, но и оно запоздало: девушка лежала на земле смертельно раненная. Немедленно был послан гонец к дому смотрителя парка, который тут же вызвал по рации вертолет с врачом. Все напрасно: Ли Лайон прожила всего еще пять минут. Потом ее не стало. Мы потеряли прекрасного молодого энергичного сотрудника, красивую молодую женщину, работавшую совершенно самозабвенно, не щадя своих сил. Похоронили ее на краю Акагера-парка. Мне всегда казалось само собой разумеющимся, что она переживет меня на десятки лет, и вот...

А молодые слоны в течение нескольких последующих дней объединились в две группы и вскоре почувствовали себя совсем как дома. Только два из них покинули, невзирая на охрану, полуостров Нямпики, но остались жить в пределах границ парка. Несмотря на тяжелый и напряженный переезд, ни одно из молодых животных не погибло, и теперь они живут и здравствуют на своей новой родине.

Но какой же опять страшной ценой пришлось оплатить это их благополучие!

КАК ВАМ ЖИВЕТСЯ, ДИКИЕ ЖИВОТНЫЕ КАМЕРУНА?

В книге одного немца, которая была выпущена в 1940 году, во времена нацизма, мне довелось прочесть: «Негры Камеруна по природе своей бесчестны, лживы, не способны к какой-либо серьезной умственной работе, и их следует хорошенько держать в узде». Не в столь резкой форме, но все же нечто схожее декларировалось несколькими годами позже в одном калифорнийском университете во время собеседования профессоров со студентами: у африканцев-де «квота интеллекта» в среднем несколько ниже, чем у европейцев.

— Почему же тогда на экзаменах мои познания оказались наилучшими и оценены выше, чем у всех здесь сидящих? — спросил, улыбаясь, один молодой африканец, принимавший участие в этой беседе.

— Вероятно, это можно объяснить тем, что там, у себя на родине, вас выбрали в качестве наиболее перспективного из большого числа претендентов, желающих получить образование в Америке, в то время как мы, остальные здесь, люди заурядные, со средними способностями,—ответили ему после некоторого размышления.

Молодой человек, задававший тогда свой иронический вопрос, сидит сейчас напротив меня на валуне, возле самого берега реки Бенуэ. В реке сопят бегемоты, а здоровенные коровьи антилопы, или бубалы, не спеша спускаются к воде напиться.

Зовут его Андрев Алло. Теперь он директор Школы для смотрителей парков (Ecole de Faune), открытой в Камеруне в местечке Гаруа. Образование он получил в США и там же женился на белой женщине (кстати, немецкого происхождения). Они как раз ожидают появления своего второго ребенка. Алло прекрасно говорит по-английски, но, поскольку многие из окружающих английского здесь не понимают, мне на протяжении этих нескольких недель в Камеруне приходится говорить почти исключительно по-французски.

В Камеруне и в нескольких пограничных с ним странах наверняка еще очень долго будут изъясняться по-французски, а не на различных местных наречиях — ведь Камерун как-никак в течение 44 лет был французской колонией.

Когда-то Камерун славился богатейшим животным миром. Когда португальский мореплаватель Фернандо По в XV столетии впервые увидел здешнее побережье, его поразило обилие креветок в устье реки Вури. Он решил назвать его Рио-дош-Камаройш (река креветок).

В начале прошлого столетия сюда наведались англичане на своих судах. Официальным поводом их появления была борьба с работорговцами, на самом же деле они поторопились обосновать здесь свои торговые филиалы. В 1868 году немецкое Тор-

говое общество Вёрманн из Гамбурга тоже построило здесь большой торговый дом, а за ним потянулись сюда и другие немецкие фирмы...

В 1884—1885 годах Камерун окончательно превратился в немецкую колонию. Вскоре там были заложены плантации масличной пальмы, каучуконосов и бананов. Под них вырубались огромные площади в девственном лесу, в первую очередь в районе побережья. Приступили и к постройке железных дорог. Однако сколько-нибудь крупных немецких поселений, как в немецкой Восточной Африке или в Юго-Западной Африке, здесь так никогда и не возникло: удушливо-влажный с частыми дождями климат, характерный для территорий, расположенных близ экватора, оказался не слишком приемлемым для белых...

В первую мировую войну немецкие войска уже в начале 1916 года были вынуждены покинуть Камерун, отойдя на нейтральную территорию. Впоследствии Камерун стал подопечной территорией, бóльшая часть которой подчинялась французам, а меньшая — англичанам. Во время второй мировой войны город Дуала служил в течение некоторого времени штаб-квартирой генерала Шарля де Голля. В 1960 году Камерун был провозглашен независимым государством, а год спустя северная часть страны, находящаяся под английским владычеством, присоединилась к Нигерии. Сейчас в Камеруне, который почти вдвое больше Федеративной Республики Германии, проживает не более 7,5 миллиона человек.

Длительное пребывание страны в качестве французской колонии отрицательно сказалось на состоянии ее животного мира. Ведь французы заядлые охотники.

В руках у меня книга «Незабываемый Камерун», принадлежащая перу одного австрийца по имени Эрнст А. Цвиллинг, работавшего с 1928 по 1938 год (следовательно, во «французское время») в Камеруне в качестве служащего на плантации, затем золотоискателя и профессионального охотника. В его книге я нашел фотографии диких животных 42 видов. Все они были предварительно застрелены и красовались здесь в качестве трофеев. Исключение составлял лишь один-единственный ручной шимпанзе...

Итак, одним из ежедневных рейсов «Air Cameroun» я прилетел из Парижа в Дуалу, самый крупный портовый город Западной Африки. Еще в самолете я обратил внимание на исключительно элегантных молодых африканок, одетых с большим вкусом, подчас значительно шикарнее парижанок. Достав рекламный проспект из кармана расположенного впереди меня кресла, я прочел, что «Камерун — Париж в миниатюре». Вскоре я в этом убедился и сам.

Камерун тянется от Гвинейского залива до озера Чад, следовательно, от Западной до Центральной Африки. К девственному лесу, составляющему здесь треть всей территории, примыкает саванна, переходящая затем в степь — точно так же, как это можно увидеть в Серенгети. И столь же богат и разнообра-

зен здесь животный мир. Осадки, выпадающие на прибрежные леса, составляют 6,4 метра в год, а на севере, в степи,— лишь 1,2 метра. Жители города Дуала живут при постоянной температуре в 20—35 градусов. В столице Камеруна — Яунде, расположенной на высоте 750 метров над уровнем моря, чувствуешь себя уже значительно комфортнее — здесь не так жарко. Деревни Южного Камеруна, как и в Кении, все больше и больше пустеют. Соответственно растет число безработных в больших городах.

В стране пять национальных парков. Все они были основаны только после провозглашения независимости. Во времена колониализма здесь не было ни одного — в отличие от бельгийцев, англичан и португальцев французы совершенно не занимались охраной природы в своих колониях. Жаль только, что ни один из этих парков не захватывает девственные леса, примыкающие к притокам Конго, где девять месяцев в году идут дожди. А на горе Камерун (4070 м), называемой еще «Резиденцией богов», дождь льет в течение 280 дней в году! Поэтому ее так трудно бывает разглядеть из окон многоэтажных гостиниц Дуалы — только очень редко, при абсолютно ясном небе.

Именно в этом девственном лесу обитает невероятное количество самых разных и ценных видов животных. Например, горилла. Между прочим, родоначальники большинства зоопарковских горилл родом из граничащей с Камеруном Экваториальной Гвинеи. Запрет на отстрел горилл, изданный немецкими властя- в 1908 году, был в 1930 году французами отменен. Теперь каждому охотнику разрешалось отстреливать «по одной горилле в год» или трех «для научных целей».

И лишь в 1936 году горилла была снова взята под охрану, правда большей частью только на бумаге. Тот самый Цвиллинг, который похваляется в своей книге, что в тридцатых годах собственноручно убил одну из этих человекообразных обезьян, упоминает о том, что они в те времена «причиняли большой вред на полях и плантациях». Следовательно, их тогда еще было достаточно много. Сколько их осталось на сегодняшний день, сказать трудно. Одна «зоологиня», которая совсем недавно приложила много усилий, чтобы получить возможность понаблюдать за жизнью горилл, обнаружила лишь следы их пребывания, ни одной живой гориллы ей так и не удалось увидеть. В 1974 году В. Бюцлер видел их еще в нескольких местах Камеруна.

А я в пятидесятых годах наткнулся в одном немецком иллюстрированном журнале на сенсационное сообщение об огромном самце-горилле, который, подобно знаменитому «Кинг-Конгу», ловил и насиловал женщин. Какому-то немецкому охотнику, «подвергавшемуся смертельной опасности», удалось наконец пристрелить жуткое чудовище и передать его скелет в Мюнхенский музей — «для научных целей». Помещенные в журнале снимки показались мне подозрительными. Я настоял на том, что-

бы музей сообщил мне, каков пол экспонируемого животного: опасный насильник оказался самкой...

Обитают в камерунских лесах и шимпанзе, бонго, африканский оленек, гигантская лесная свинья, встречаются различные виды дукеров и хохлатых антилоп, габунская гадюка и гадюка-носорог, зеленая мамба, древесная мамба, а также лесной буйвол, который здесь бывает рыжеватого оттенка и мельче, чем в других местах. Встречается здесь и круглоухий лесной слон, высота в холке которого не превышает 2,8 метра, в то время как восточноафриканский степной слон достигает высоты 3,5 метра. Единственными, кто здесь всегда охотился на лесных слонов, были пигмеи. Они и сейчас продолжают на них охотиться. Пигмеи неслышно подкрадываются сзади к слону и всаживают ему в брюхо копье. Потом они до тех пор преследуют убегающее животное, пока оно окончательно не выбьется из сил и не рухнет.

Водятся здесь и кистеухие свиньи, и огромная лягушка-голиаф, которую нигде в Африке больше не встретишь — только здесь да еще в соседней Экваториальной Гвинее. Вес такой лягушки достигает трех килограммов, ноги у нее полуметровой длины, а диаметр глаз около 2,3 сантиметра! Чтобы отловить несколько таких громадин, директору Дуйсбургского зоопарка доктору Вольфгангу Гевальту пришлось дежурить несколько ночей подряд возле водопадов и стремнин реки Бенуэ. А всего лишь через год их уже не стало: все шесть с таким трудом раздобытых лягушек погибли из-за того, что какая-то химическая фирма в непосредственной близости от Дуйсбургского террариума принялась разбрызгивать «средства по борьбе с вредителями»...

Весной 1978 года Дуйсбургскому зоопарку вновь посчастливилось приобрести девять лягушек-голиафов. Но зато бедному его директору доктору Гевальту не повезло: в чащобе девственного леса, куда никогда не проникают обычные туристы, он подцепил ужасную тропическую болезнь под названием «лоа-лоа». Летающие там в дневное время слепни подчас разносят микроскопических личинок нематод, которые, попав под кожу, развиваются и становятся трех-шестисантиметровыми, толщиной в конский волос червями. Они перебираются под кожей с места на место, вызывая опухоли. Иногда отдельных таких странствующих нематод можно увидеть под соединительной тканью глаза, сквозь которую они просвечивают в виде светлых тонких нитей. Избавиться от этой неприятной болезни очень трудно: при каждом очередном попадании в кровь зародышей нематод болезнь вспыхивает с прежней силой...

Из расположенного в тысяче метров над уровнем моря местечка Нгаундере (нгау — «пуп», ндере — «гора») мы спускаемся вниз на 750 метров и едем в следующий более или менее крупный город на северо-западе — в Гаруа. Однако для этой цели мы не воспользовались новым асфальтированным шоссе, а решили пересечь национальный парк Бенуэ, расположенный по

обе стороны одноименной реки. Здесь, в редком, почти уже саванноподобном лесу, обитает от двух до четырех тысяч черных степных буйволов, от 10 до 15 носорогов, от 200 до 300 слонов, а также антилопы канны, водяные козлы, конгони. Кстати, конгони здесь выглядят несколько иначе, чем в Восточной Африке.

Туристическая гостиница, расположенная на самом краю парка, носит название «Buffle noir» в честь черных буйволов. Состоит она из отдельных стилизованных круглых домиков, удачно вписывающихся в окружающую местность, чем они выгодно отличаются от огромных бетонных коробок, которые сегодня во множестве можно увидеть в парках Кении. Из окна отеля открывается сказочно красивый вид на реку с ее обитателями — бегемотами и другими представителями животного мира, приходящими сюда на водопой. Мне бросилось в глаза, что посетители парка сплошь одни французы и местные африканцы, как, впрочем, и почти во всех других национальных парках Камеруна. Туристов из-за океана, которых так много в восточноафриканских странах, здесь можно встретить лишь чрезвычайно редко.

Дороги в парке пригодны для проезда на машинах лишь с конца ноября по середину июля, сам же отель, как ни странно, открыт круглый год. Территория национального парка Бенуэ составляет 1800 квадратных километров (для сравнения: Серенгети — 12 500 квадратных километров; национальный парк Баварский Лес — 130 квадратных километров).

Когда мы покидали парк, то, к своему удивлению, увидели, что возле шлагбаума при въезде отсутствует охранник.

— Сторож ушел в деревню, у него жена заболела,— объяснили нам какие-то слоняющиеся возле въезда личности. Оказалось, что в будке нет и регистрационной книги, в которой должны отмечаться все автомобили, въезжающие на территорию парка. Чудеса, да и только!

Созданию в Камеруне в 1968 году первых четырех национальных парков, а затем в 1972 году и пятого способствовал наш «Фонд помощи исчезающим животным». Инициатором образования этих парков был Пьер Флизот, проживающий в Камеруне француз, который вскоре после провозглашения независимости с энтузиазмом взялся за работу. Мы напечатали по его заказу большие красочные плакаты с изображением различных видов африканских животных и с воззванием: «Камерунцы! Вот так выглядит ваш животный мир. Охраняйте его!»

Такие плакаты были расклеены буквально в каждой деревне.

В отличие от английских во французских колониях африканцам не запрещалось жить в общих с белыми гостиницах или ездить в первом классе по железной дороге. Правда, им это зачастую было просто не по карману. Не запрещались также и браки между африканцами и белыми, а детям от смешанных браков не приходилось опасаться каких-либо притеснений впоследствии; черные депутаты от колоний заседали в парижском

парламенте, а в пятидесятых годах там уже имелся черный министр. Французы всячески приучали африканцев гордиться своей национальной культурой. В то время как во всей остальной Африке такие названия, как «негр», «негро», «ниггер», воспринимались как оскорбительные, во франкоязычной Африке слово «negritude» воспринималось как весьма почтительное обозначение для африканской поэзии и философии*. На сегодняшний день в бывших французских колониях проживает подчас больше французов, чем во времена колониализма, в то время как в бывших британских владениях поспешили избавиться от всех англичан.

Но к охране живой природы, как здесь уже говорилось, у французов душа никогда не лежала. В этом я убедился еще во времена колониализма, путешествуя по Берегу Слоновой Кости, Французской Гвинее, Нигеру, Мали, Вольте[1] и др. Мой покойный сын Михаэль и я были первыми немцами, побывавшими в этих местах после войны. Хотя мне французский генерал-губернатор в Дакаре и показывал на карте местоположение резерватов, но когда я приезжал туда, всякий раз оказывалось, что никто о них и не слышал... Даже щитов, оповещающих, что это резерват, не было при въездах. Так, один очень приветливый вождь племени, который состоял одновременно и на французской службе, любезно проводил нас пешком до реки Белая Бандама и на наших глазах гордо застрелил двух бегемотов, хотя те по закону должны были находиться круглый год под строгой охраной. Но никто в стране и не подозревал о существовании подобных законов. Поэтому, став самостоятельными, бывшие французские колонии не имели никакого опыта в деле охраны природы.

Именно по этой причине мы и решили в 1968 году поддержать материально создание «Школы для смотрителей парков» в Гаруа. У нас уже был опыт создания подобных учебных заведений: в свое время мы купили дом для «College of Wildlife Management» в Мвеке близ города Моши в Танзании. Там на двухмесячных курсах обучаются молодые люди из англоязычных стран Африки и даже Азии для последующей работы в национальных парках и охотничьих управлениях (Game Departmens). Поскольку создание подобной же школы во франкоязычной части Африки нам казалось столь же важным, мы и решили выделить из «Фонда» сумму в 25 тысяч марок для постройки первого здания такой школы в Гаруа. С тех пор предприятие прекрасно разрослось: теперь там имеется уже 12 больших зданий с механическими мастерскими, учебными и спальными помещениями для учащихся, квартирами для преподавателей, прекрасная библиотека и читальные залы. Преподают здесь помимо африканских специалистов немецкие, голландские и французские зоологи. В данный момент здесь трудятся 11 преподавателей и обу-

---

[1] После получения независимости Французская Гвинея стала называться Гвинеей, а Верхняя Вольта — Буркина Фасо.— *Прим. ред.*

чаются 54 молодых африканца — 13 из самого Камеруна, а остальные — из 13 других франкоязычных африканских стран.

Вместе с руководителем Управления национальных парков Пьером Фотсе я несколько дней спустя облетаю на маленьком самолетике национальный парк Ваза. Расположен он почти в безлесной степи далеко на севере, ближе к озеру Чад. Территория его — 1700 квадратных километров. Согласно последнему учету животных с воздуха, здесь проживает 478 слонов, 675 бородавочников, 1021 жираф, 349 лошадиных антилоп, 794 топи, 64 страуса, 25 водяных козлов, 21 933 болотных козла, а кроме того, еще львы, леопарды и несколько гепардов. А вот носорогов не осталось ни одного. Нет здесь и зебр, и гну, как, впрочем, во всем Камеруне. С воздуха я замечаю, что в парке пасутся огромные стада рогатого скота, которые пригоняют сюда из окрестных деревень.

— А где же живут смотрители и охрана парка, которые должны следить за порядком? — спрашиваю я у Пьера Фотсе. И к своему удивлению, узнаю, что они живут вместе со своими семьями в этих самых близлежащих деревнях...

Такого, пожалуй, не встретишь в национальных парках других стран. Там смотрители, а также люди, ответственные за состояние проезжих дорог, живут в специально для них построенных поселках, расположенных либо на краю, либо посреди парка.

— Вы что же, серьезно полагаете,— спрашиваю я господина Фотсе,— что какой-нибудь смотритель парка отважится конфисковать коров, принадлежащих людям из его деревни, где проживают, между прочим, его жена и дети?

Зная быт африканской деревни, нечто подобное абсолютно невозможно допустить...

Так же как и в Кении, главная неприятность тут — браконьерство. Зачастую этим занимаются служащие и солдаты — по старым «добрым» французским образцам.

— Поэтому неудобно принимать уж очень суровые меры,— говорит несколько сконфуженно Пьер Фотсе.

Кроме того, много браконьеров приходит якобы из соседней Нигерии. И трудно поверить: когда их все же удается задержать, они отделываются лишь денежными штрафами, что при теперешних высоких ценах на слоновую кость, носорожьи рога и шкуры диких животных представляет самые обыкновенные, незначительные накладные расходы!

В парке Ваза дороги бывают надежно проезжими лишь с ноября по начало марта, остальную же часть года степь почти всюду затоплена водой. Запасы крупной дичи за последние годы сильно поубавились, а носороги, как я уже говорил, начисто истреблены. Естественно, что выжить здесь может лишь столько животных, сколько сумеет найти для себя пропитание в сухое время года. Местностей, в которые они могли бы на время откочевать, чтобы там пастись, как это происходит, например, в Серенгети, в парке Ваза нет. Правда, я вижу сверху, из самолета,

еще несколько обширных зеленых равнин, но они находятся по ту сторону граничащего с парком шоссе, не имеют к парку никакого отношения, и на них полным-полно пасущихся коров и овец. А сразу же за этими равнинами пролегает граница с Нигерией.

Между тем климат страны год от года становится засушливее. Уровень воды в озере Чад неуклонно падает. Поэтому наше Зоологическое общество субсидировало в 1972 году возведение в национальном парке Ваза небольших плотин, способствующих задержанию влаги в почве еще на несколько месяцев. До завершения строительства этих плотин воду к водопоям диких животных приходилось подвозить в цистернах. В 1973 году было создано три новых водопоя. В следующем году мы выделили из нашего «Фонда» еще 43 тысячи марок, потребовавшихся для углубления уже имеющихся водоемов и создания двух добавочных. В 1975—1976 годах потребовалось еще 16 тысяч марок на прокладку пригодных для автомобилей дорог, необходимых для того, чтобы охрана парка могла и в дождливое время на своих «джипах» быстро добираться до особо опасных в смысле браконьерства районов.

Таким образом, нам удалось за последние годы спасти от смерти тысячи животных. Уже заказан грузовичок с киноустановкой для прокручивания фильмов непосредственно в парке и микроавтобус, необходимый для того, чтобы привозить в парк учителей и представителей молодежных организаций.

Но вот какое заявление я сделал в прессе (и то же самое сказал на пресс-конференции в присутствии соответствующих министров):

— Мы будем дальше помогать только после того, как нам сообщат имена первых трех браконьеров, осужденных к тюремному заключению, а также укажут тюрьмы, в которых они содержатся.

Газеты устроили вокруг этого большую шумиху. Особенно сильное впечатление произвело мое упоминание о том, что в Танзании даже одного губернатора провинции сместили с должности и засадили в тюрьму за то, что он потихоньку застрелил двух слонов.

Как и в национальном парке Бенуэ, отель для приезжих удачно расположен не в самом парке, а рядом с ним, на склоне холма, увенчанного скалистой вершиной. Отсюда можно далеко обозревать степь. И здесь круглые, отдельно стоящие домики хорошо вписываются в окружающий ландшафт и притом снабжены электрическими вентиляторами.

Я спросил сына французского владельца отеля, рожден ли он в Камеруне.

— Né à Paris, mais fabriqué à Cameroun! — последовал ответ («Рожден в Париже, но «сфабрикован» в Камеруне!»).

В следующие дни мы, разъезжая по парку, обнаружили на искусственно созданных прудах невероятное количество водо-

плавающих птиц. А жирафы подпустили меня на довольно близкое расстояние (со слонами я держался несколько осмотрительнее! Мне рассказали, что восемь недель назад один из них затоптал какую-то неосторожную посетительницу. Оказывается, она, несмотря на запрет, вылезла из машины, чтобы фотографировать. Когда слон кинулся в атаку, она, убегая, провалилась ногой в яму и не смогла достаточно быстро ретироваться).

Надо сказать, что львы встречали нас здесь значительно приветливее, чем слоны.

Будучи охранителем природы, привыкаешь ко всякого рода разочарованиям. Их нам не занимать. На десять «проколов» приходится один успех... Но на сей раз случается чудо. Через два месяца я получаю донесение: три браконьера сидят за решеткой в городе Гаруа. Афади Агранга, возраст 28 лет, осужден судом города Кусейра к 20 месяцам тюремного заключения за охоту на бородавочников в национальном парке Ваза. За отстрел двух буйволов, двух коровьих антилоп, четырех антилоп орибих и одного бушбока отсиживают свой срок Жан-Мари Оусманду, возраст 30 лет, и Пьер Даудау 28 лет. Несколько месяцев спустя мне сообщили имена и места заключения еще десяти браконьеров.

Тогда мы перевели 40 тысяч марок на строительство поселков для семей охраны Ваза-парка и Бенуэ-парка.

Интересно, как дальше пойдут дела? В Камеруне сейчас пять национальных парков общей площадью 5950 квадратных километров. Это составляет 1,26 процента площади всей страны, а следовательно, меньше, чем в большинстве восточноафриканских стран. В парках трудятся 95 смотрителей и 123 строительных рабочих. Это все же надо считать хорошим началом. А мы будем стараться способствовать тому, чтобы эти национальные парки расширялись, а главное, обеспечивали полную безопасность своим четвероногим обитателям на благо коренным жителям Камеруна.

МЫ ЛЕТАЛИ С ГРИФАМИ НАПЕРЕГОНКИ

— Разумеется, я люблю животных,— отвечает почти каждый, кого об этом спросишь. Однако большинство имеет при этом в виду хороший, сочный свиной шницель или свежие куриные яички к завтраку... (А о том, что животных ради наших завтраков и обедов еще и жестоко мучают — об этом думать не хочется!) Но даже у тех людей, которые действительно любят животных, такая любовь бывает весьма избирательной: ведь вряд ли кто-нибудь скажет, что «любит» змей, вшей, крыс, уховерток, крокодилов или, к примеру, грифов-стервятников. Однако даже о стервятниках можно узнать захватывающе интересные вещи, надо только поближе к ним присмотреться и пообщаться с ними.

Исследователь доктор Колин Пенниквик именно так и поступил: он занялся наблюдениями за жизнью грифов, обитающих на территории национального парка Серенгети размером 1636 квадратных километров, частично в его пределах, а частично вне его. Я ему предоставил для этой цели свой мотопланер, а он записал свои наблюдения во время полетов на диктофон.

Мой планер «Шляйхер АСК-14» («Тихоход») — одноместный летательный аппарат с пропеллером и вспомогательным мотором в 26 лошадиных сил. Следовательно, он может подняться в воздух самостоятельно, без чьей-либо помощи. Как только вы достигаете на мотопланере восходящего воздушного потока — обычно это случается уже через пять — десять минут после начала полета, — можно спокойно выключать мотор, устанавливать пропеллер в нужном положении и планировать дальше без всяких хлопот. При трудных обстоятельствах полета или тогда, когда приходится преодолевать большие расстояния, где отсутствуют восходящие воздушные потоки, мотор снова можно запустить прямо в воздухе.

Особенно удобным оказался мотопланер для наблюдения за птицами во время полета. Такой летательный аппарат способен, спускаясь с определенной высоты, спланировать на более далекое расстояние, чем гриф. Гриф при полном безветрии может спланировать со стометровой высоты на 1500 метров вперед, пока не коснется земли; мотопланер с такой же высоты пролетает целых 2800 метров. Следовательно, он преодолевает расстояние почти вдвое больше и, кроме того, летит значительно быстрее, а именно пролетает за секунду 21 метр против 10 метров у грифа. Что же касается минимальной скорости снижения, то она в обоих случаях составляет 0,76 метра в секунду.

Малая скорость у грифа имеет свои преимущества в тех случаях, когда он хочет без взмахов крыльями подняться кверху. Если птица попадает при этом в восходящий поток теплого воздуха, то она замедляет свой полет, чтобы держаться все время на одной и той же высоте, всего лишь чуть-чуть опускаясь. Следовательно, для того чтобы продержаться в воздушном потоке, грифу требуется меньшая скорость, чем планеру. Грифы способны таким образом гораздо дольше продержаться в самой середине воздушного потока, где восходящие струи сильнее всего. Планеру же для этого приходится летать кругами, а самый малый круг у него все же в 4,3 раза больше, чем у грифа. Из-за таких обширных кругов планер все время выходит за пределы сильных восходящих потоков. Кроме того, даже при самой малой своей скорости планеру приходится полностью выпускать тормозные закрылки, если он не хочет оставить грифа далеко позади.

Когда пилот, летящий на планере, хочет уменьшить скорость, скажем, во время посадки, он точно так же, как и в других самолетах, выпускает закрылки. Гриф же, подобно другим птицам, тормозит, опуская прижатые к животу ноги и оставляя их свободно свисать. Доктору Пенниквику удалось это достоверно

доказать: он замораживал мертвых грифов в самых различных позах и подвешивал их в аэродинамической трубе. В такой трубе большого диаметра искусственно создается сильный воздушный поток и затем измеряется сопротивление воздуху, оказываемое подвешенной птицей: например, насколько ее тело способно подняться кверху при различном положении крыльев и ног.

Если гриф летит по воздуху, где нет восходящих потоков, или там, где холодный воздух опускается книзу, то он, как правило, увеличивает скорость полета до 20 метров в секунду. В таких случаях мотопланеру удобно его сопровождать, не будучи вынужденным кружить.

В Серенгети, как и всюду, воздух по утрам прогревается не от того, что сквозь него проходят солнечные лучи,—это происходит лишь в тех случаях, когда он сильно пропитан пылью или гарью; обычно же солнечные лучи нагревают почву, а уже с земли поднимается прогретый воздух. Во время засушливого сезона (в Серенгети он наступает примерно в июле и длится по сентябрь, а затем с конца декабря по февраль) первые восходящие потоки теплого воздуха образуются примерно около 6 часов 30 минут, и уже спустя часа два, а иной раз и через полтора грифы «ложатся» на этот воздушный поток, позволяя ему нести себя в планирующем полете. Мотопланеру же удается планировать, кружась в восходящих воздушных потоках, только начиная с 10 часов утра, а то и с 10.30. А затем эти потоки до 15 часов дня обычно усиливаются.

Между 11.30 и 13.30 начинают появляться первые кучевые облака. Образуются они из-за того, что воздух на большой высоте охлаждается и происходит конденсация водяных паров, поднятых восходящими потоками теплого воздуха. Чем теплее воздух, поднимающийся в течение дня с земли, тем на большей высоте образуются облака. При хорошей погоде первые кучевые облака возникают еще до полудня на высоте примерно три тысячи метров над уровнем моря, а к 15 часам достигают своей окончательной высоты в четыре тысячи или даже четыре с половиной тысячи метров. А поскольку Серенгети находится на высоте около 1500 метров над уровнем моря, то птицам удается использовать для планирующего полета высоту от 1500 до трех тысяч метров. Над Великим африканским разломом, отдельные места которого находятся всего лишь в 650 метрах над уровнем моря, высота таких восходящих потоков увеличивается. Но постепенно, к поздним послеобеденным часам и тем более к вечеру, теплые воздушные потоки близ земной поверхности ослабевают, пока наконец не исчезнут совсем. Однако высоко в небе, под облаками, эти теплые потоки зачастую ощущаются до самого вечера и, судя по виду облаков, держатся там порой до глубокой ночи.

Дело усложняется с появлением дождевых туч. С наступлением короткого сезона дождей, приходящегося на ноябрь — декабрь, начинают разыгрываться частые грозы с ливнями, нося-

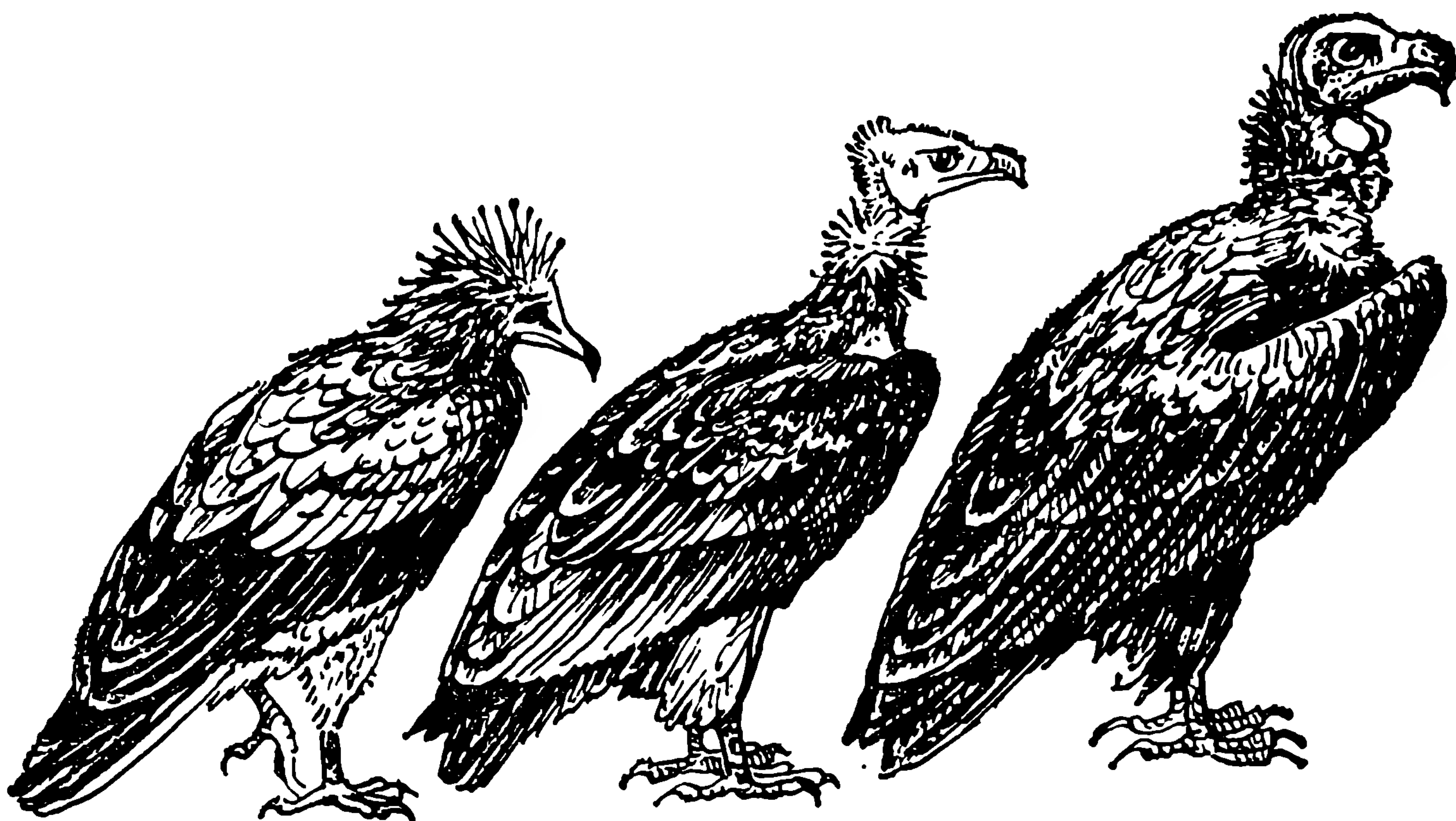
щие, правда, локальный характер: территория, охваченная дождем, как правило, бывает невелика — не превышает обычно пяти километров в поперечнике. Тем не менее сгущение кучевых облаков препятствует восхождению воздушных потоков по всей округе. Во время дождя облака спускаются еще ниже. Однако по краям дождевой тучи образуется обычно сильное завихрение поднявшегося кверху воздушного потока, которое и используется грифами самым эффективным образом. Но как только начинается дождь, возможности планирующего полета сильно снижаются и даже сводятся к нулю. Большие «мертвые зоны», образующиеся близ дождевых туч, бывает трудно преодолеть в планирующем полете не только из-за самого дождя, который можно в конце концов облететь, но и из-за низкого нависания туч над землей.

Следовательно, дождливое время причиняет затруднения не только летательным аппаратам, но и грифам. И тем не менее в году выпадает не так уж много дней, когда птицам не удается продержаться в воздухе в планирующем полете хотя бы час или два. И только в тех случаях — что происходит крайне редко,— когда весь день из низко нависающего сплошного облачного покрывала сыплет дождь, грифы не взлетают и остаются на земле.

Когда же воздушные массы, быстро кружа, поднимаются по спирали кверху, затягивая за собой пыль, образуются так называемые «пылевые столбы» или «пылевые дьяволы», как их еще называют, скорость восходящих потоков в которых достигает пяти метров в секунду. Птицы умеют использовать таких «пылевых дьяволов» в своих интересах гораздо лучше, чем планер, потому что в состоянии совершать значительно меньшие витки. Особенно ловко это удается грифам, которые всегда ухитряются держаться в самой середине такого «столба», там, где восходящий поток наиболее силен. Планер же поднимается гораздо медленнее, потому что при каждом витке вынужден выходить за пределы оси такого «пылевого дьявола».

Однажды близ Серонеры, в самом центре Серенгети, разгорелся сильный степной пожар — горела сухая трава. Внезапно налетел шквальный ветер, вихрь которого достигал в диаметре всего нескольких метров. Поднявшийся столб дыма дошел до облаков, исчез на высоте 3800 метров над уровнем моря (2300 метров от земли) в облаке и, пронзив его насквозь, стал подниматься еще выше. Когда планер покидал этот «столб» на высоте 4100 метров, скорость восходящего потока все еще составляла четыре метра в секунду. При солнечном освещении такие «пылевые дьяволы» рассеиваются, обычно еще не достигнув 300—500 метров от земной поверхности.

Если планер, попав в восходящий воздушный поток, поднимается со скоростью три метра в секунду, то это означает, что он находится в обычном для Африки режиме подъема воздушных масс. Поскольку машина, совершая круги, опускается за каждую секунду примерно на один метр, воздух должен подни-

1. Обыкновенный стервятник (Neophron percnopterus)   2. Белоголовый, или пушистоголовый, сип (Trigonoceps occipitalis)   3. Ушастый гриф (Torgos tracheliotus)

маться со скоростью хотя бы четыре метра в секунду, чтобы планер мог все же подниматься.

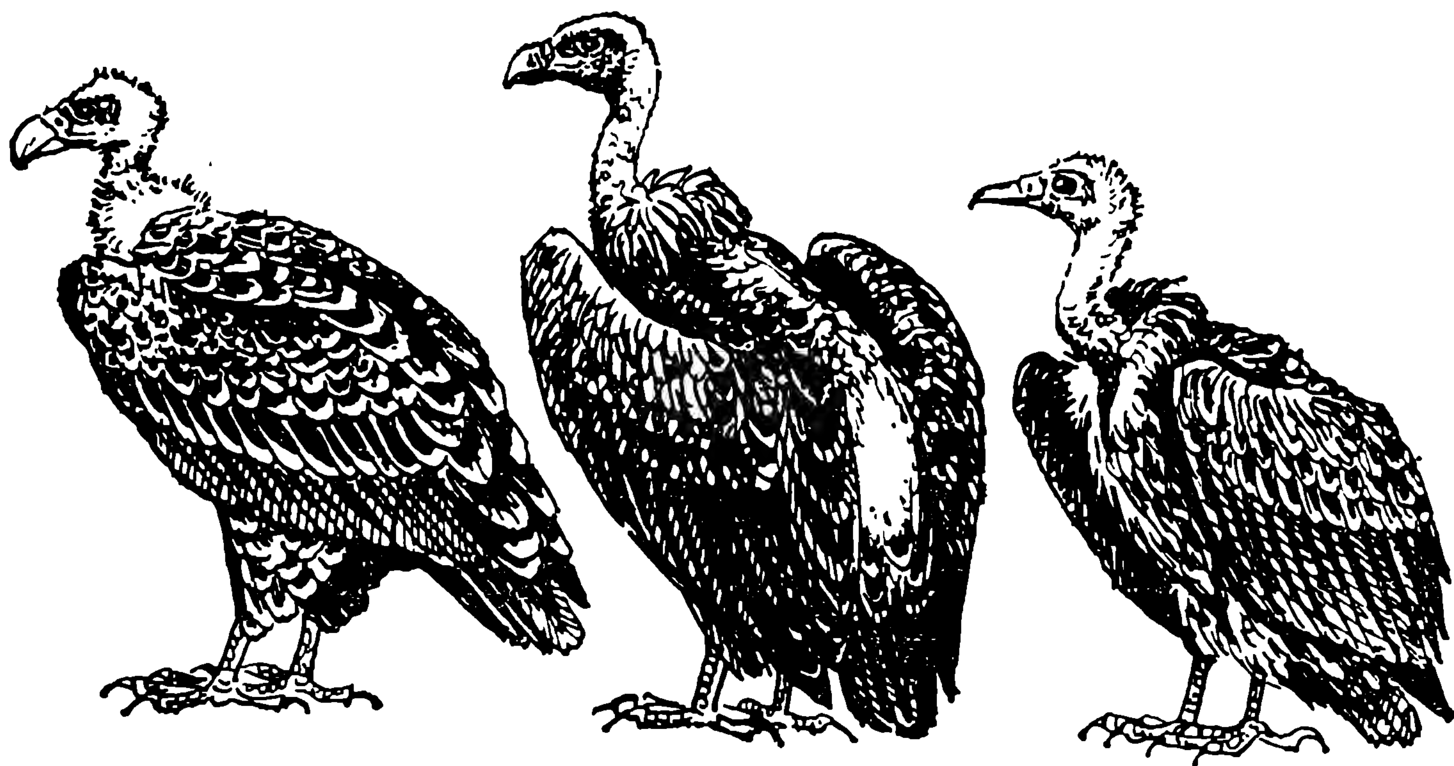
Ну а теперь — для чего же грифы используют свое летное мастерство?

Два вида грифов — белоспинный африканский гриф и большой гриф (сип) — собираются обычно большими стаями возле туш мертвых животных. За несколько часов их может слететься со всех сторон до нескольких сот. Хотя они практически способны поглощать любые части туши, тем не менее их длинные, выгнутые шеи и шершавые языки наиболее приспособлены для вытаскивания из вспоротой брюшины мягких слизистых внутренностей.

Другая группа этих падальщиков — ушастые и белоголовые, или пушистоголовые, как их еще называют, грифы; они быстрее всех появляются там, где имеется какая-нибудь пища, но прилетают поодиночке и никогда не создают больших скоплений. Эти птицы срывают более жесткое мясо с костей; при случае они могут убивать также мелких и беспомощных животных.

Третью группу составляют бурые и обыкновенные стервятники. Эти птицы значительно меньше по размеру, и клюв у них тонкий, можно считать слабый. Они склевывают самые последние остатки с объеденной со всех сторон туши, которые остаются после других видов грифов и прочих пожирателей падали. Такие мелкие грифы зачастую залетают даже в деревни и города, где роются в помойках.

Сипов и белоспинных африканских грифов при подходящей погоде можно всюду увидеть парящими в воздухе. Большей частью они парят над пасущимися стадами копытных. В поисках пищи они способны улетать за сотню километров от своих гнездовий.

4. Большой гриф, или сип (Gyps rueppellii)

5. Африканский гриф (Gyps africanus)

6. Бурый стервятник (Necrosyrtes monachus)

Колин Пенниквик неоднократно сопровождал на планере некоторых из них во время таких полетов. Средняя скорость полета птиц — без машущих движений крыльями — составляет 47 километров в час. По утрам и примерно до послеобеденных часов их обычно можно увидеть планирующими (с пустыми зобами) над стадами копытных. При этом они стараются держаться в восходящих потоках воздуха на высоте не более 800 метров от земли. Пролетев в одну сторону один или два километра, они обычно меняют направление полета. В среднем они летят со скоростью 18 метров в секунду или еще меньше. Голова во время полета опущена книзу. Если восходящие потоки воздуха в такое время слишком интенсивны или расположены слишком близко один от другого, грифы стараются не дать поднять себя высоко: тогда они свешивают ноги, чтобы увеличить скорость снижения и иметь возможность опуститься ниже.

Поедая падаль, грифы вступают в конкуренцию с различными четвероногими, и в первую очередь с пятнистыми гиенами — весьма сильными и агрессивными животными, способными отогнать грифов от своей трапезы, пока сами не насытятся. Поэтому грифам, чтобы рядом с ними прокормиться, надо стараться прилететь к добыче раньше, чем до нее доберутся гиены. А кроме того, во время насиживания яиц и выкармливания птенцов грифы осваивают значительно бо́льшую территорию, чем гиены.

Во время поиска корма гиены обычно ориентируются по грифам, внезапно пикирующим с неба на землю. Завидя это, гиены тотчас же пускаются галопом в ту сторону, где опустились грифы, даже если пункт их приземления им еще не виден. Хотя точно и неизвестно, какую скорость может развить гиена на расстоянии в несколько километров, но тем не менее ясно, что не более 40 километров в час. Когда же гриф, как утверждает док-

тор Пенниквик, с расстояния четырех километров обнаруживает добычу, он через три минуты уже возле нее (что соответствует 80 километрам в час). Гиене же на это потребуется шесть минут. Таким образом, гриф выгадывает три минуты и успевает за это время уже кое-что проглотить. Разумеется, бывает и так, что при поисках добычи гиены полагаются только на собственный нюх и отыскивают павшее животное первыми. Случается это большей частью рано утром, когда грифы еще не в состоянии планировать. Тем не менее я думаю, что грифы в большинстве случаев оказываются в более выгодном положении: прибывают к месту трапезы раньше своих конкурентов и используют это время с толком, энергично и быстро заглатывая куски.

Размер района, который у грифа подлежит облету, зависит первым делом от того, сколько раз в день ему приходится кормить своего птенца, и затем от того, как скоро он в состоянии облететь эту территорию. Исходя из прежних наблюдений (Хоустон), молодняк грифов получает свой корм только один раз в день, отец и мать охотятся порознь — один из родителей всегда остается в гнезде. Если считать, что скорость полета у грифа в среднем равняется 45 километрам в час, то птице, гнездящейся, допустим, на гранитных останцах Гола, приходится лететь целых 140 километров, а это значит добрых три часа, чтобы добраться до больших стад гну, пасущихся в западном «коридоре» национального парка Серенгети или возле реки Мара. Если папаша-гриф найдет там без особых затруднений для себя корм, то самое раннее часам к десяти утра он сумеет набить им себе зоб и вернется к гнезду где-то около 13.15. Если после этого тут же вылетит самка, она прибудет на пастбище примерно в 16.30; здесь она должна разыскать для себя пищу и остаться ночевать.

А вот сипы во время выведения потомства не утруждают себя столь длительными маршрутами. Сипы, гнездящиеся на гранитных останцах Гола, выкармливают своих птенцов во время длинного сезона дождей, когда гну пасутся в пределах 60 километров от них. В таком случае, если даже в день на это уходит пять часов — два с половиной туда и столько же обратно,— все равно остается еще семь светлых дневных часов на облет территории и разыскивание пропитания.

Между прочим, у гиен тоже свои проблемы с добычей пропитания, когда они выкармливают молодняк и при этом зависят от кочующих стад копытных. Детеныши гиены рождаются на свет совершенно беспомощными и в свой первый год жизни не в состоянии далеко уходить от норы. Мамаша-гиена, вынужденная идти на поиски пищи, приходит к ним через большие интервалы времени, чтобы покормить молоком. Исследователю млекопитающих Гансу Крууку удалось установить, что кормящая гиена иногда покидает своих детенышей больше чем на неделю, если ей за добычей корма приходится бегать дальше чем за 50 километров от своей норы. Следовательно, максимальное расстояние мест добычи корма от норы с молодняком не долж-

но превышать 30—50 километров. Если оно больше, то обеспечивает грифам значительное конкурентное преимущество, причем не только из-за большей средней скорости их передвижения, но и из-за меньшей траты мускульной энергии: они планируют, а гиене приходится бежать!

В течение трех лет доктор Пенниквик наблюдал с воздуха за гнездами грифов в период выведения птенцов, причем облеты он совершал с интервалами в две недели. В общей сложности на территории Серенгети — частью вне границ национального парка — на площади, втрое превышающей размеры Боденского озера, ему удалось насчитать 38 жилых гнезд, следовательно, одна насиживающая пара приходилась на 43,1 квадратных километра. Из 57,4 процента яиц вылупились птенцы, из которых выжило 75 процентов, став летными. Следовательно, только из 43,1 процента яиц получились полноценные молодые грифы. Относительно одного еще не летного птенца было известно, что его унес леопард. Причину гибели остальных выявить не удалось, но, по всей вероятности, они стали жертвами степных орлов. Были найдены убитыми в гнездах и три взрослых грифа; кто их убил, осталось неясным.

В 18 гнездах были обследованы остатки пищи. Каждое из гнезд оказалось выстланным лоскутьями из кожи газелей. В них были найдены копыта, кости и даже рога газелей, а также остатки множества других животных. Наиболее частой добычей грифов после газелей оказался шакал, остатки которого были обнаружены в семи гнездах. Можно сделать вывод, что в этой местности грифы питаются в основном за счет газелей. В гнездах, расположенных вблизи колодца Лемута, были найдены также остатки домашнего скота масаев.

Все эти обследования проводились в гнездах ушастых грифов, отличающихся голыми, складчатыми, пурпурно-красными шеями. Гнезда этого вида, очень большие и темно-коричневые, строятся обычно на деревьях, чаще всего на акациях, в среднем на высоте 6,3 метра от земли. В то же время 24 гнезда гораздо более мелкого африканского грифа, построенных возле берегов реки Серонера, находились на высоте 17,8 метра. Ушастые грифы в 14 случаях из 25 использовали то же самое гнездо по второму разу, лишь слегка его подремонтировав. В других 11 случаях строилось полностью новое гнездо.

У белоголового грифа, очень схожего с ушастым по манере устройства гнезд и образу жизни, в наблюдаемом районе было в десять раз меньше гнезд, чем у того, то есть на 409 квадратных километров приходилась только одна насиживающая пара. Почему их там так мало, никому не известно; случайные наблюдения в других местах позволяют заключить, что такая же картина наблюдается почти везде.

Ушастые грифы приступают к насиживанию позже, чем сипы, которые выкармливают свой молодняк с марта по май, когда кругом на равнинах пасется множество гну. Период насиживания у ушастых грифов длится примерно 55 дней, а время

до вылета птенца составляет еще 100 дней. Когда именно птенец становится окончательно летным, выяснить во время наблюдений так и не удалось, поскольку отдельные молодые грифы, уже прекрасно умеющие летать, тем не менее не покидали родительского гнезда порой даже в течение нескольких месяцев.

Совершая свои планирующие полеты над степью, сипы, а также белоспинные африканские грифы охотно присоединяются к грифам других видов (или к планеру), уже кружащим в восходящем потоке воздуха. Надо сказать, что вообще «планирующие» птицы таким способом легче находят восходящие потоки. Поэтому в подобных местах скапливаются смешанные стаи из различных видов. Нередко там кружат вместе до 50 грифов, особенно после того, как они покинули место трапезы или купания. Однако настоящих стай эти птицы не образуют; восходящие потоки они покидают чаще всего поодиночке, разлетаясь на разной высоте в разные стороны. Но случалось и так, что на высоте более 100 метров составлялись группы примерно из восьми птиц, которые совместно летали к гнездовым скалам, затем поворачивали и летели назад.

Если планер с наблюдателем пролетал достаточно медленно вдоль скал (менее 19 метров в секунду), то грифы подчас пристраивались к нему. Охотнее всего они держались позади, или над самым концом крыла (во время кружения — под ним), или просто рядом с хвостом. Случалось, что один из них зависал непосредственно над самой головой пилота и приближался к нему на расстояние всего одного метра! Но чаще всего группа из пяти или более птиц пристраивалась в хвост планеру. Когда Колин Пенниквик в один прекрасный день кружил в восходящем потоке над основным местом гнездовий белоспинных африканских грифов, к летательному аппарату пристроилось одновременно 18 грифов, которые поднялись вместе с ним на высоту 2740 метров над уровнем моря. Только после этого они разделились на небольшие группы, и некоторые из них продолжали оставаться вблизи планера.

Поиск пищи у ушастых грифов происходит аналогичным образом, только эти птицы чаще летают парами. Гнезда их расположены отдельно друг от друга на верхушках деревьев в отличие от скученных гнезд сипов и белоспинных африканских грифов. Сопровождать их на планере значительно труднее, поскольку летают они на небольшой высоте. По-видимому, у каждого из них есть свой строго ограниченный участок, поэтому они не следуют за кочующими стадами копытных, как два других вида.

Часто можно видеть ушастых грифов дерущимися в воздухе. Как-то Пенниквику пришлось наблюдать прямо в воздухе за такими двумя драчунами: они сшибались и совершали настоящие кульбиты через голову, разлетались в стороны и сходились вновь, и так в течение целых девяти минут. Ганс Круук в свое время отмечал, что ушастые грифы, несмотря на то что их значительно меньше, чем представителей других видов, прибывают первыми

к туше павшего животного. Скорее всего это объясняется тем, что они сами постоянно разыскивают на земле добычу, в то время как два других вида крупных грифов в поисках пищи преимущественно ориентируются на своих сородичей и следят за ними с высоты, чтобы в нужный момент броситься им вслед. Кстати, ушастого грифа ошибочно считают самым большим из африканских грифов из-за огромного размаха крыльев, на самом же деле он по весу значительно легче большого грифа, или сипа.

Белоголовых грифов, которых в Африке еще меньше, чем ушастых, Пенниквику приходилось встречать в полете лишь от случая к случаю. По-видимому, у них способность отыскивать добычу самим развита особенно остро, потому что из наблюдений того же Ганса Круука явствовало, что более чем в половине случаев именно белоголовые грифы прилетали первыми, несмотря на то что численность их составляла всего лишь три процента от общего числа грифов, обитавших в этой местности. Между прочим, гнездится этот вид тоже на деревьях.

Что касается бурого и обыкновенного стервятников, то те не только заметно мельче, но и летают медленнее. И хотя такая медлительность помогает им легче подниматься в восходящих воздушных потоках, зато в преодолении значительных расстояний она создает большие трудности. Их тоже сложно сопровождать на планере. Эти два вида грифов широко распространены по всей области Серенгети, но держатся преимущественно поблизости от человеческих поселений. Там они либо сидят на деревьях, либо планируют днем в воздухе, высматривая, чем можно поживиться на помойках.

Много лет назад в Кении, тогда еще британской колонии, Мервину Ковье, тогдашнему директору Королевского национального парка, пришлось по настоятельному требованию населения истреблять отравленными приманками гиен. И вот однажды утром посреди степи уже лежало 78 мертвых гиен, и день ото дня их становилось все больше. Это привлекло невиданные тучи грифов.

М. Ковье стал свидетелем того, как «принято умирать» у грифов. Как только птица, поев отравленного мяса, начинала ощущать действие яда, она тут же взлетала кверху и, планируя на распростертых крыльях, начинала подниматься по спирали все выше и выше, пока не исчезала где-то в небесах, где ее без бинокля уже невозможно было разглядеть. Там она складывала крылья и, испустив дух, камнем падала на землю. Сотни их умирали подобным образом. М. Ковье и его сотрудникам приходилось остерегаться мертвых грифов, которые то и дело, как снаряды, сыпались с неба...

Нечто подобное происходило несколько лет назад в национальном парке Серенгети. Служители парка заметили птиц, непрерывно кружащих над одним и тем же местом. Когда они

подъехали туда на машине, то обнаружили небольшую кучку мяса, вокруг которой топталось около десятка марабу. Завидев машину, пятеро из них тотчас же принялись заглатывать мясо. К большому удивлению служителей парка, эти пять марабу тут же упали замертво на землю. Пробы мяса были отправлены на анализ в Исследовательский институт Серенгети. Оно оказалось отравленным цианистым калием. Как выяснилось позже, люди племени вакуйа достают этот яд в расположенном неподалеку руднике по добыче золота. Они используют его для отравления хищных птиц, чьи перья идут у них на изготовление стрел. Птицы, проглотив яд, умирают через три — пять минут.

Доктор Пенниквик использовал мой мотопланер также для наблюдений за другими крупными пернатыми. Он заметил, что орлы-скоморохи по одному или парами зачастую используют восходящие потоки для планирования. Как правило, они поднимаются гораздо быстрее, чем грифы, и взвиваются под самые облака. Это вообще-то необычное для таких птиц поведение, потому что, как правило, они в поисках добычи носятся над землей на высоте, не превышающей 30—50 метров. Возможно, так высоко они поднимаются только с той целью, чтобы сверху спланировать вниз уже совсем в другом направлении. На той же высоте встречались и орлы, которые кружились под самыми облаками, и африканский рыжехвостый сарыч, и птица-секретарь.

Многие тысячи наших европейских аистов проводят северную зиму в Восточной Африке, а некоторые из них остаются там на весь год. Они, точно так же как грифы и орлы, используют восходящие потоки воздуха для планирующего полета, однако совсем в другой, своеобразной манере. Известно, что аисты кочуют огромными стаями, состоящими подчас из 200, а то и 500 особей. Когда такая стая летит прямиком от одного восходящего потока воздуха к другому, то птицы внутри стаи держатся на расстоянии нескольких метров одна от другой, так что весь клин растягивается на две, а то и три сотни метров. Как только какая-нибудь группа попадает в поток теплого восходящего воздуха и начинает подниматься в нем кверху, все остальные члены стаи тотчас же подлетают к ней. Если сила восходящего потока достаточно велика, вскоре уже вся стая будет тесниться в нем, образуя высокую колонну, кружащую по самому центру воздушного потока. При этом действия аистов значительно более слаженны, чем, например, у грифов. Единичные особи могут кружить в противоположном направлении, но все равно будут подниматься на воздушной струе быстрее грифов. Летают они обычно под самыми облаками или даже частично внутри облаков. Порой, кружась, они исчезают в облаке совсем.

Аисты, пролетающие через алжирскую Сахару, нашли новое применение для избыточного газа, сжигаемого на нефтяных промыслах. Алан Брамлей заметил, например, что белые аисты, пролетавшие здесь обычно днем, стали теперь летать и ночью.

Они воспользовались для этого восходящими струями теплого воздуха, поднимающегося из шестидесятиметровых труб при сжигании избыточного газа. Хорошо освещенные колышащимися газовыми факелами, аисты пролетают примерно в 20 метрах над ними, позволяя нагретому воздуху поднимать себя кверху, и не тратят на это никаких мускульных усилий. А. Брамлею удалось подсчитать, как за одну только ночь пролетело на север свыше восьми тысяч аистов. Подобное изменение в повадках аиста, как вида, весьма любопытно, потому что раньше никогда не наблюдались сколько-нибудь значительные пролеты аистов в холодные ночи над пустыней. С тех пор же, как по всей алжирской Сахаре рассеяны на расстоянии пяти километров одна от другой трубы для сброса избыточного газа, аисты возымели от этого свою выгоду...

Между прочим, на планере очень удобно парить в кучевых облаках. Иной раз в таком облаке можно подняться на тысячу метров и выше от его нижней границы. Это дает в полете некоторые преимущества, поскольку восходящие потоки воздуха в хорошо развитом кучевом облаке часто сильнее, чем под ним. А добавочная высота увеличивает возможность, скользя по наклонной; добраться до следующего сильного восходящего потока воздуха.

Пока не совсем ясно, залетают ли и аисты глубоко внутрь кучевых облаков. В связи с этим возникает вопрос: каким же образом они, не имея компаса, который всегда к услугам планериста, придерживаются нужного направления и порядка в стае? Скорее всего аисты залетают в облако только на такую высоту, с которой еще видна земля.

Марабу тоже аист. Но только такой, который частично перенял повадки грифов. Хотя марабу довольно часто можно увидеть в Серенгети, они там почти не гнездятся. Найдено всего одно или два гнезда на севере. Как-то удалось наблюдать, как около ста марабу разом поднялись в восходящем потоке теплого воздуха на высоту примерно 3500 метров над уровнем моря, а там разделились на отдельные группы. В другой раз удалось на планере, поднявшемся с посадочной площадки в Серонере (Танзания), сопровождать группу из 20 марабу и пролететь рядом с ними 17 километров. Полет происходил на высоте от 2410 до 3230 метров. Приходилось наблюдать и за абдимским аистом, африканским лесным аистом, ябиру, аистом-разиней, клювачом и за священным ибисом, планирующими в теплых потоках восходящего воздуха.

Что же касается стаи пеликанов, то те рассеиваются даже тогда, когда планер находится от них еще на расстоянии 200 метров. Это показывает, что им приходится остерегаться нападения хищных птиц. Только однажды удалось проследовать за стаей пеликанов примерно из 30 особей в течение 2,5 часа. За это время птицы пролетели 110 километров.

ГЕПАРДЫ ВЫМИРАЮТ ИЗ-ЗА СЛИШКОМ ПРИВЕТЛИВОГО НРАВА

Желто-черная молния внезапно взвивается из травы. Я уже очень долго жду и, признаться, вздремнул. Поэтому проходит несколько секунд, прежде чем я соображаю: гепард! Газель, за которой я наблюдал, как раз в этот момент опустила голову, чтобы попастись, и он этим воспользовался. Какие роскошные прыжки он совершает! Жертва хоть и старается бежать зигзагами и всячески петляет, но стремительный охотник играючи преграждает ей путь. Он несется за ней, развивая скорость не менее 100 километров в час! Вот уже его передние лапы ударили по узкой спине газели, вот он ее опрокинул и схватил зубами за горло. Все кончено.

Гепард — это воплощение молниеносной хватки хищника. К нам же, людям, он, как ни странно, относится приветливо. Слишком приветливо. Из-за этого ему теперь, наверное, придется исчезнуть с лица земли.

Уже более пяти тысяч лет назад люди догадались, что гепардов, притом и взрослых, можно легко приручить и даже использовать для охоты. С другими крупными кошками, такими, как леопард, тигр, лев или ягуар, подобное невозможно: они на это никогда не согласятся. А уж коль гепард привык к человеку, он на него никогда не нападет. Разумеется, и тут нет правил без исключения — ведь не раз случалось, что и домашние собаки, лошади и даже коровы убивали людей.

Гепарды, животные размером с леопарда, обладают такой же красивой пятнистой шкурой, и, безусловно, весьма впечатляет, когда кто-то прогуливается по улице с подобной внушительной кошкой на поводке, а то и без оного. Большинство людей путает гепардов с леопардами, недаром же в прежние времена гепардов ошибочно именовали «охотничьими леопардами».

Когда кайзер Леопольд I в 1689 году получил в подарок от султана Солимана двух гепардов, он начал охотиться с ними в окрестных долинах и Венском лесу. При этом гепард обычно сидел позади охотника на крупе лошади, спрыгивал оттуда, завидев косулю, и, схватив ее, огромным прыжком вскакивал назад на лошадь. Когда венгерские повстанцы в 1704 году ворвались в кайзеровский зверинец, то поубивали там всех животных*. Из шкур гепардов они изготовили гусарские шапки.

Знаменитый путешественник Марко Поло (1254—1324) обнаружил при дворе монгольского повелителя Кублай-хана тысячу «охотничьих леопардов». Натаскивая их для охоты, охотники точно так же как и ловчим беркутам, нахлобучивали им на голову колпак, чтобы они ничего не видели. Как только в поле зрения охотника появлялась антилопа, он быстро стаскивал колпак, гепард спрыгивал со спины лошади или ездового слона, догонял жертву и держал ее до тех пор, пока не подъезжал охот-

ник, чтобы ее убить. За каждую удачно пойманную добычу гепард получал в награду кусок мяса, после чего ему снова закрывали глаза колпаком. Подобным способом гепарды еще за три тысячи лет до нашей эры служили в качестве помощников при охоте шумеров и еще четыре тысячи лет спустя высоко ценились как у русских князей, так и в Сирии и Палестине. Даже в пятидесятых годах нашего столетия в Индии махараджа из Ксолхапора держал вместе с 300 лошадьми 40 гепардов. Каждый из гепардов имел своего собственного воспитателя, который обязан был спать с ним в одном помещении. Правда, во время охоты махараджа подвозил своих гепардов на машине на расстояние от 20 до 100 метров к намеченной жертве и только тогда выпускал.

Пять тысяч лет назад в Египте приручали гепардов и натаскивали их для охоты. Это видно из этой стенной росписи, найденной в гробнице Рекмара в Фивах

Поскольку так называемые «охотничьи леопарды» в неволе практически никогда не размножались, то их снова и снова отлавливали на воле, чем сокращали возможность их размножения в естественных условиях. Поэтому они вскоре оказались истребленными не только в Индии, но и во всей Азии, и махараджи стали пополнять свои запасы гепардов, привозя их из Восточной Африки. Точно так же поступали и зоопарки. Последних трех индийских гепардов застрелили в 1952 году севернее Бастара, ослепив их ночью светом фар. Когда недавно в Тунисе случайно задавили на машине гепарда, все были очень удивлены: считалось, что они там давно истреблены. Вполне возможно, что это был последний представитель вида... На сегодняшний день в Азии они изредка встречаются только в Туркменистане, входящем в Советский Союз и расположенном южнее Аральского моря *. В Африке они прежде водились всюду, кроме территории дождевых лесов и Центральной Сахары. Теперь же они сохранились только в отдельных крупных национальных парках. Так, в Серенгети, где, как считают, их обитает наибольшее число, при подсчете оказалось всего лишь примерно 40—50 особей. По приблизительной оценке, во всей Африке обитает сейчас минимум три тысячи, а максимум десять тысяч гепардов. Поэтому нельзя не возмущаться, узнав, что за один только 1969 год в Соединенные Штаты Америки было вывезено 3168 шкур гепардов! И можно только радоваться, что сейчас спохватились, и одному человеку, пытав-

шемуся провезти с собой гепардовую шкуру по фальшивым документам, пришлось уплатить 14 тысяч марок штрафа. Вы тоже рады?

До недавнего времени мы очень мало знали о жизни гепардов. Ведь о том, как размножаются дикие животные, каковы их взаимоотношения, какого они могут достичь возраста, мы прежде узнавали только по сведениям из зоопарков. Но там гепарды в противоположность большинству других видов кошачьих поначалу не хотели размножаться (так же, как и у махараджей). И лишь в 1956 году гепардиха, содержавшаяся в зоопарке Филадельфии, впервые произвела на свет потомство. Из немецких зоопарков Крефельдскому первому посчастливилось получить потомство от гепардов. Однако мамаша отказалась выкармливать своих детенышей, и директору пришлось их взять к себе домой и там выращивать с помощью кормилицы — домашней кошки.

Вплоть до шестидесятых годов гепарды выдерживали жизнь в неволе в среднем не более трех-четырех с половиной лет. Но за последнее время они стали успешно размножаться во многих зоопарках Европы и Америки. Так, зоопарк в Сан-Диего вырастил за последние пять лет 32 детеныша гепарда, рожденных в неволе. Весной 1976 года в Голландии, в зверинце Бредасдорпа, появилась на свет одновременно целая шестерка маленьких гепардиков.

Прежде этих быстроногих кошек содержали в зоопарках попарно в клетках или небольших загонах — точно так же как и львов, тигров, ягуаров и пум, которые в таких условиях прекрасно размножаются. Но с гепардами так не получалось. Однако теперь нам известно гораздо больше о том, что им необходимо для жизни, и за это мы должны благодарить нескольких исследователей, и в первую очередь Георга Шаллера. В течение ряда лет он вместе со своей семьей жил в Серенгети, работая в нашем Международном научно-исследовательском институте проблем Африки. Его основная деятельность была посвящена изучению львов. Одновременно он наблюдал и за гепардами. В частности, в течение 26 дней вел круглосуточные наблюдения за самкой гепарда с двумя подростками. Жена Шаллера и ассистент сменяли его по очереди. За время наблюдений семья гепардов добыла 24 газели Томсона и одного зайца. Другой зоолог, Мак-Лауглин, проследил, что одна гепардиха из 25 своих жертв была вынуждена уступить три: одну у нее отняла гиена, две других — львы. Примерно 12 процентов из того, что добывает гепард, попадает в чужие желудки.

У гепардов голова значительно меньше, чем, к примеру, у леопардов, клыки у них и короче, и слабее, чем у других хищных кошачьих. По достижении пятнадцатинедельного возраста они перестают втягивать когти в лапы, как это делают все другие кошки. Когти от постоянной беготни постепенно стачиваются и притупляются настолько, что гепард бывает уже не в состоянии удержать свою жертву или повалить ее на землю. С гепардом

легко справиться: одного гепарда, который постоянно забирался в курятник в пригороде Найроби и таскал оттуда кур, без труда загрыз датский дог. Не так давно там, прямо в городе, можно было обнаружить где-нибудь среди искусственных насаждений спящего гепарда.

Но каким же образом тогда объяснить, что при наличии столь явных недостатков гепарды — удачливые охотники? Секрет кроется в их необычайной подвижности, скорости и ловкости. На своих высоких крепких ногах, поджарые и стройные, ручные гепарды уже не раз в состязаниях в беге, устраиваемых в Англии, побеждали знаменитых борзых. При этом была зафиксирована скорость в 72 километра в час. Но в таких состязаниях участвовали содержащиеся в неволе животные, которые явно не могли проявить всех своих прекрасных качеств как в броске с места, так и в беге на дистанции. На воле уже не раз была достоверно зафиксирована скорость гепарда в 112 километров в час! Еще одно преимущество гепарда: он умеет так же искусно петлять, как и зайцы, и газели, вслед за которыми он несется.

Георг Шаллер, любезно посвятивший мне свою книгу «Среди львов в Серенгети», выявил, что основной добычей гепардов в Серенгети служат маленькие газели Томсона. Именно они составляют 91 процент всего их «меню». Охотящийся в одиночку гепард никогда не отважится напасть на животное, превосходящее его по весу (весит гепард от 45 до 60 килограммов). Он подкрадывается к своей добыче на расстояние от 20 до 100 метров, а затем внезапно срывается с места и бросается в погоню. Если он догнал убегающую жертву, он наскакивает на нее, как правило, сбоку, валит на землю, хватает зубами за горло и душит. Леопарды, львы и тигры подобным приемом умерщвляют только наиболее крупную добычу. Пока жертва перестанет биться, может пройти от 5 до 20 минут. Это звучит более страшно, чем есть на самом деле: схваченное животное впадает в состояние шока, во время которого не ощущает ни боли, ни страха. В качестве жертвы гепард выбирает, как правило, наиболее слабых животных — обычно детенышей. Но случается и так, что в стаде из восьми самцов и всего одной самочки он гоняется именно за ней. Из 31 охоты на детенышей газели, которые Шаллеру удалось наблюдать от начала до конца, все оказались успешными; когда же гепард охотился за уже подросшим молодняком и взрослыми особями, то из 56 погонь лишь 30 закончились удачно.

Основной трюк гепарда заключается в том, чтобы обхитрить намеченную жертву: он срывается с места именно в тот момент, когда ничего не подозревающее животное наклоняет голову к земле, чтобы пощипать траву, или, отвернувшись в сторону, за чем-то наблюдает. Не дальше чем через 300 метров ему необходимо ее догнать, потому что уже через 200 метров скорость гепарда, этого спринтера-рекордсмена среди всех существующих в мире наземных млекопитающих, явно падает. Один такой охотник после особенно напряженной погони долго не мог отдышаться и целых 19 минут лежал на земле в явном изнеможении.

В поисках пищи гепарды в день проводят на ногах от трех до четырех часов, пробегая в среднем около четырех километров. А сколько им требуется часов для сна? Об этом известно только из сведений, которые дают зоопарки. Во Франкфурте они могли спать от трех до пятнадцати часов в сутки, а дремали в среднем в течение 9,5 часа.

Гепард весом 45 килограммов способен заглотать в один прием 12,5 килограмма мяса. Если бы у нас с вами были такие растяжимые желудки, мы были бы способны съесть в один присест 20 килограммов мяса. Ничего себе? В среднем гепард добывает ежедневно не более десяти килограммов пищи. В засушливый сезон, когда всем животным приходится часто пользоваться одними и теми же водопоями, он добывает втрое больше пищи, чем в период дождей. Если гиены, леопарды или львы начинают явно претендовать на его обед, гепард без сопротивления уступает его и уходит прочь. Ведь он в отличие от леопарда не в состоянии залезть на дерево, чтобы укрыть там свою добычу: его лапы устроены так, что он может взобраться только на полого наклоненные к земле деревья.

В лучшие времена еще приходилось встречать гепардов большими группами; однажды видели даже группу из 47 особей. Такие группы порой могут состоять из одних только самцов или бывают смешанными. Но никогда не состоят из одних лишь самок; те друг с другом обычно не ладят. Охотясь стаей, эти быстроногие кошки способны справиться даже с зеброй и гну и другими крупными и мощными антилопами.

Джой Адамсон, широко известная писательница (убитая в 1980 году в своем лагере, построенном посреди буша), вырастила, а затем приучила снова к жизни на воле не только львицу Эльсу и других львов, но и самочку гепарда *. Эта гепардиха жила вместе с Джой Адамсон в ее палатке в национальном парке Меру в Северной Кении. Ей разрешалось бегать куда вздумается и не возвращаться домой, если ей не хотелось. Она спарилась с диким самцом на воле, и в один прекрасный день стало заметно, что она вот-вот родит. Гепардиха ушла из палатки в буш, и семь дней о ней не было ни слуху ни духу. На восьмой день она явилась, съела приготовленный для нее корм, но достаточно ясно дала понять сотруднику Джой, что сопровождать ее назад к детенышам не нужно: она просто легла поперек тропинки и не пожелала идти дальше, пока тот не ушел. Только самой Джой Адамсон (которая к тому времени вернулась из Лондона) было милостиво разрешено на десятый день проследовать за ней к ее логову. Она вела ее целых полчаса по чащобе и даже останавливалась, чтобы подождать, когда та садилась на землю, чтобы вытащить колючки из сандалий.

Позже выяснилось, что гепардиха вела свою благодетельницу в «детскую» не кратчайшим путем, а окольным — на всякий случай. Зато в последующие визиты Джой она даже оставляла на ее попечение своих несмышленышей, а сама уходила на охоту.

Завидев Джой, она терлась о нее головой, громко урчала и лизала ей руки.

Эта гепардиха и впоследствии еще несколько раз приносила на воле потомство, но всегда оставалась в дружеских отношениях с Джой.

Малыши на одиннадцатый день уже становятся зрячими, а по достижении трехнедельного возраста прекрасно бегают. Поначалу у них на спине растет нечто вроде гривы, которая по мере взросления пропадает. Постоянной «детской комнаты» у них не было. Наоборот: начиная с девятого дня жизни мать почти ежедневно перетаскивала их с места на место — метров за двести от прежнего логова, куда-нибудь под куст. И так продолжалось, пока детеныши не достигли полуторамесячного возраста. По всей вероятности, гепардиха поступала таким образом из соображений гигиены, чтобы содержать свое логово в чистоте и воспрепятствовать сильному размножению паразитов. В общей сложности удалось подсчитать, что у этой семьи было последовательно 24 «детские комнаты»!

Когда мамаша приносила добычу, детки сидели неподвижно в ожидании, пока она сама утолит голод и пригласит их принять участие в трапезе. Подзывала она их своеобразными, очень высокими по тональности звуками, похожими на птичье щебетанье, которых гепард обычно никогда не издает. Что касается взаимоотношений между гепардами, то их можно охарактеризовать как весьма сдержанные, хотя они и способны урчать, изъявляя кому-нибудь свою симпатию (из всех других крупных хищных кошек это умеет делать только еще пума). Иной раз они даже лижутся и нежно потирают друг о друга голову, как это водится у наших самых обыкновенных домашних кошек.

За первые шесть месяцев жизни половина котят гепардов бесследно исчезает. Даже орлы способны схватить их и унести, высмотрев откуда-нибудь с высоты. Уцелевшие продолжают оставаться возле матери от 14 до 18 месяцев. По достижении трехмесячного возраста мать-гепардиха начинает приучать свое потомство к охоте: старается принести еще живого детеныша газели и отпускает его на глазах у своих отпрысков, чтобы подрастающие гепардики могли потренироваться в поимке добычи. Если в помете одни самцы, они еще долго после того, как расстанутся с матерью, продолжают держаться вместе, порой даже в течение всей жизни. А самка-гепардиха вскоре снова беременеет, встретив новых партнеров-самцов, спариваясь обычно с несколькими подряд.

Теперь выяснилось, почему в зоопарках так долго не удавалось добиться приплода от гепардов: самок держали годами в общем помещении с одним и тем же самцом. Сейчас этого стали избегать: их держат раздельно в далеко расположенных одна от другой клетках и только изредка и ненадолго помещают вместе.

Гепарды способны прожить лишь одну пятую часть человеческой жизни. Недавно один из них умер в Крефельдском зоопарке в шестнадцатилетнем возрасте, что соответствует восьмидеся-

ти годам у человека. Гепардихе Чите, которую многие телезрители не раз видели вместе со мной в моих телевизионных передачах, тоже было не меньше пятнадцати лет. Ее предок частенько разъезжал со мной на машине, испытывая от этого огромное удовольствие. Любил он также лежать под письменным столом в моем кабинете. Он был выкормлен в Африке одним фермером из рожка и всю жизнь испытывал исключительную привязанность к людям. С другими гепардами, своими сородичами, он не желал иметь дела и за своих не признавал.

Тот, кто хочет приобрести себе гепарда, чтобы водить его гулять на поводке и производить впечатление на окружающих, может оказаться сильно разочарованным. Дело в том, что гепарды отнюдь не послушные домашние животные — они весьма своенравны и упрямы. Легко может случиться, что такой пятнистый спутник внезапно решит прилечь прямо посреди проезжей дороги, и ни руганью, ни понуканием, ни уговорами, и уж, боже упаси, битьем его невозможно принудить подняться и следовать дальше: он решил отдохнуть, и все тут! В таких случаях владельцу не остается ничего другого, как беспомощно переминаться с ноги на ногу и выслушивать ехидные шуточки собравшихся вокруг зевак.

И тем не менее находятся люди, мечтающие завести себе во что бы то ни стало гепарда. Дело доходит иной раз до курьеза. Так, в 1969 году в Альпирсбахе, в Шварцвальде, один девятнадцатилетний юнец совершил ограбление банка на сумму 22 тысячи марок с единственной целью купить себе молодого гепарда. Что он и сделал за восемь тысяч марок. Но когда он вывел его погулять в соседнем городке, его тут же арестовали...

СРЕДИ КРОКОДИЛОВ, БЕГЕМОТОВ И ГИГАНТСКИХ ЗМЕЙ

В отличие от многократно воспетого в стихах и песнях Рейна — нашей национальной гордости, превращенного теперь практически в зловонную сточную клоаку, реки Африки пока еще полны жизни. Только разглядеть населяющие их живые организмы бывает трудно, потому что почти все реки этого континента несут желтоватые, мутные воды. Правда, не без исключения. И именно эти счастливые исключения помогли нам провести наши тщательные наблюдения и отснять интересные и познавательные фильмы.

В Кении прямо посреди национального парка Цаво протекает удивительный источник, носящий название Мзима. Мощный и многоводный, как река, он вырывается из-под земли, вынося пять миллионов литров воды в час. Вода в этом источнике прозрачна, как кристалл, и этому есть совершенно определенное объяснение. Над плоской равниной Цаво возвышаются горы Чи-

улу вулканического происхождения, которые благодаря своей высоте «улавливают» вчетверо больше влаги, чем земля вокруг них. Но как ни странно, ни единый ручей не стекает со склонов горных вершин; не увидишь здесь и горных озер. Дело в том, что эти мощные горы представляют собой фактически груды вулканической лавы и пепла. При каждом последующем извержении вулкана наслаивались все новые пласты крупнозернистой лавы, и каждая капля дождя, попадающая на эту поверхность, впитывалась пеплом и лавой, словно губкой. Вода просачивается все глубже и глубже, пока не достигает каменистого слоя. Чисто отфильтрованная таким образом вода проходит под землей около 30 километров, а затем вырывается наружу посреди степи, образуя поначалу маленькие озерки, потом настоящее русло, и через несколько километров вновь уходит под землю. Вот таков источник Мзима.

Тридцать лет назад английские колониальные власти чуть было все не испортили: они приняли решение забрать воду от самого источника в трубы и отвести водопровод в портовый город Момбасу. То, что этому удалось помешать,— заслуга последнего британского директора национального парка Мервина Ковье, который не побоялся в открытую сразиться с вышестоящим начальством и мобилизовать общественное мнение. Он добился того, что воду заключили в трубы не у самого источника, а лишь после того, как она пробежит по долине. Дело в том, что река совершенно преобразует узкую полосу земли, по которой протекает, превращая ее в цветущий оазис и создавая совершенно иные условия жизни для здешней фауны. Ее берега— постоянное место водопоя животных. Сидя на берегу, можно наблюдать, как зебры приходят утолить жажду в сопровождении павианов. Павианы в качестве компаньонов по водопою для зебр весьма полезны: будучи очень осторожными и чуткими, эти обезьяны еще издали замечают надвигающуюся опасность и поднимают отчаянный крик.

А опасностей здесь всегда хватает. В воде она исходит от крокодилов, а на суше — от различных хищников. Так что пить в этих условиях — дело отнюдь не безопасное. Поэтому бородавочники предпочитают утолять свою жажду на мелководье, где опасность приближения крокодилов не так велика. Слонам полегче: им нечего опасаться крокодилов, и они спокойно заходят туда, где глубже. Но известен случай, когда крокодил вцепился в слоновий хобот, который он принял под водой, по-видимому, за что-то другое. Надо было видеть, как он, описав в воздухе крутую дугу, перелетел через голову слона на берег! Но это был редчайший случай. А вообще-то крокодилы и бегемоты не склонны позволять кому бы то ни было над собой шутить. Так, несколько лет назад крокодил схватил легкомысленного сына одного посетителя, уволок его в воду и утопил. Другого посетителя крокодил схватил за ногу, и спасти его удалось только потому, что вовремя подбежавшие спутники успели вырвать этого человека из пасти крокодила. Обе жертвы подверглись нападе-

нию отнюдь не в воде — они только подошли слишком близко к прибрежным зарослям.

Хотя крокодилы и считаются пойкилотермными животными (то есть с непостоянной температурой тела), тем не менее у них относительно равномерная температура — плюс 26,4 градуса с колебаниями самое большее на 3,5 градуса выше или 2,5 градуса ниже. Самые крупные крокодилы на Мзиме достигают в длину трех метров. Ударом своего мощного хвоста они сбивают жертву с ног, а затем утаскивают в воду и топят ее. Однако челюсти у крокодила хоть и велики по размеру, но недостаточно крепки для того, чтобы разорвать на части или прожевать крупную добычу. В лучшем случае они способны разве что откусить у нее уши или хвост. Именно поэтому крокодилы зачастую прячут свою жертву где-нибудь в укромном месте — под береговым навесом или в подводной пещере — и ждут, пока труп начнет разлагаться и кожа размягчится. В Свазиленде вам покажут место, где четырехметровый крокодил схватил восьмилетнего негритянского мальчика и уволок в воду. Когда его старший брат на другой день выследил крокодила и пронзил его ударом копья, из вспоротого живота достали половину туловища ребенка — по прошествии пятнадцати часов оно оказалось еще не переваренным.

Подобное же несчастье произошло не так давно возле Мзимы. На сей раз вздумалось купаться в запрещенном месте двум европейским детям. Девочка увидела, как под водой к ним стал приближаться крокодил, и убежала. А мальчик убежать не успел. Когда подоспевшие родители вместе с другими людьми принялись обшаривать всю окружающую местность, то нашли мертвого мальчика, глубоко запрятанного в тростниковых зарослях. На теле его было обнаружено только несколько укусов.

Здесь, в ясных водах Мзимы, особенно удобно было наблюдать за жизнью крокодилов. Мой оператор Алан Рут как раз снимал для меня фильм об этих огромных рептилиях. Во время съемок ему удалось заснять кадры, на которых четко видно, что крокодилы способны справиться и со свежей добычей, не дожидаясь, пока она размокнет в воде. Так, например, они вцепляются под водой зубами в утопленную антилопу импала и начинают крутиться вокруг своей оси подчас по десять раз подряд. Таким способом им удается «откручивать» и отрывать от тела жертвы большие куски кожи и мяса.

Крокодилы — существа весьма живучие. Вырезанное крокодилье сердце будет сокращаться еще в течение получаса. Могут они и пролежать более часа под водой, не поднимаясь за новой порцией воздуха. Между собой они хорошо ладят и никогда не отбирают друг у друга корм. Правда, возле источника Мзимы недостатка в питании для крокодилов нет. А вот в реке Луанга, в Замбии, дело обстоит совсем иначе. Однажды пришлось наблюдать, как вокруг одного-единственного мертвого бегемота собралось 120 крокодилов: в трех километрах ниже по реке не было видно ни одного — все поспешили к неожиданной трапезе.

Подростковые крокодилы питаются преимущественно рыбой, взрослые же охотятся на теплокровных животных. Именно поэтому крупные рыбы могут безбоязненно подплывать к окружившим свою добычу крокодилам и принимать участие в их пиршестве, как это хорошо видно в наших фильмах.

Когда такая громадина входит в воду, вес ее уменьшается больше чем на девять десятых. Крокодил весом в 200 килограммов в воде начинает весить всего лишь 15 килограммов. Может быть, именно поэтому у крупных крокодилов в животе постоянно находят камни, необходимые им для погружения.

Здесь, возле источника, можно понаблюдать и за питонами. Перед линькой они иногда заползают в воду. Удалось нам проследить также, каким способом такая змея сбрасывает свою кожу на суше. Это очень любопытно. Во Франкфуртском зоопарке молодые питоны линяют по пять — девять раз в году; взрослые — от трех до семи раз. Однажды видели, как питон на лугу предоставил возможность коровам слизывать с себя старую кожу. Длина такого африканского питона составляет в среднем 6,5 метра, но достоверно известно, что встречаются и почти десятиметровые. Тем не менее людей эти гиганты боятся и стараются не попадаться им на глаза. Сейчас идут споры, убил ли и проглотил ли когда-либо в Африке хоть один питон человека. Но доподлинно известно одно: крупные млекопитающие их не смущают. В желудке питона однажды обнаружили даже леопарда. Питон способен голодать в течение двух лет — и не умирает.

Как крокодилы, так и гигантские змеи лишь редко пытаются изловить таких мелких, быстро плавающих и юрких животных, как, например, речные выдры, которые постоянно в движении — все исследуют, переворачивая камни, и даже игриво возятся с черепахами. Птицы-ныряльщики для них тоже слишком «скоростные».

Надо сказать, что все 150 видов птиц-ныряльщиков, существующих на Земле, которые добывают себе пропитание нырянием на глубину, не особенно хорошо летают. В отличие от других птиц, которым необходимо мало весить и кости которых поэтому наполнены воздухом, ныряльщикам нужно совсем другое: их ничего не должно слишком сильно выталкивать из воды. К тому же, ныряя, приходится выдерживать немалое давление.

Одному баклану из колонии, гнездящейся на берегах Мзимы, необходимо для пропитания примерно полкилограмма рыбы в день — это больше, чем нужно взрослому крокодилу. Но ведь эта махина день-деньской ничего не делает, валяясь в прибрежном песке! А птицы в вечном движении, да и обмен веществ у них очень интенсивный. В отличие от уток, гусей, лебедей и других водоплавающих, чье оперение пропитано водоотталкивающей смазкой, оперение баклана во время заныривания намокает, и ему потом приходится просушивать его, сидя на солнце с широко расправленными крыльями. Но баклану такая водоотталкивающая защита явно ни к чему, потому что она мешала бы ему во время ловли рыбы, выталкивая из воды.

Другое животное, за которым мы тогда во время съемок вели наблюдения,— это бегемот. Какими неуклюжими и неповоротливыми ни выглядели бы эти создания на суше, в воде они кажутся легкими, почти невесомыми. Здесь, в Мзиме, им не приходится даже по-настоящему плавать — они просто расхаживают по дну, где у них протоптаны такие же утрамбованные тропы, как и на суше. Эти подводные тропы хорошо различимы сквозь воду простым глазом: они являются четким продолжением протоптанных бегемотами и спускающихся с берега троп. Боже упаси, встать на такой тропе и загородить ее! Животные, находящиеся на берегу, почувствуют себя отрезанными от своего спасительного убежища в воде. Я как-то стал свидетелем именно такого случая, кончившегося ужасно. Было это ночью в национальном парке Рувензори. Я пытался помочь юной девушке, которую бегемот укусил прямо в живот, однако ничего уже нельзя было сделать: к утру она скончалась.

В маленьких озерках Мзимы обитает около 70 бегемотов, разделенных на четыре основные группы. Днем они возлежат с большим комфортом в теплой воде. Большей частью спят, и только каждые 40 секунд их ноздри автоматически появляются над поверхностью, чтобы вдохнуть воздух. Однако при необходимости они способны без труда пробыть под водой и четыре, и пять минут не дыша.

Хотя бегемоты большей частью просто расхаживают по дну, тем не менее они отличные пловцы. Во всяком случае тридцатикилометровый пролив между островом Занзибар и континентом они уже не раз с легкостью переплывали.

Бегемоты большей частью выходят на берег ночью, чтобы попастись на траве. Невзирая на огромные размеры, такому животному необходимо не более 40 килограммов зеленых кормов в сутки для пропитания. Объясняется это тем, что у бегемота 14 отделов желудка, и поэтому он использует всю проглоченную зеленую массу до последнего остатка — в противоположность слону, который выделяет большую часть своего корма непереваренным.

Число обитающих возле Мзимы бегемотов остается строго ограниченным, потому что ограниченны и возможности пропитания — ведь зеленая растительность здесь произрастает только вблизи воды. Но зато животным, чтобы попастись, не приходится забираться далеко на берег.

Продолжительность жизни бегемота примерно 50 лет. Чувствуя приближение смерти, они обязательно уходят в воду.

Наличие бегемотов играет чрезвычайно важную роль для населения. Ведь экскременты этих животных, которые они выделяют преимущественно в воду, служат удобрением для водорослей и кормом для различных беспозвоночных, которые в свою очередь поглощаются рыбами. Там, где бегемотов уничтожают, огромные рыбные богатства африканских рек быстро идут на убыль, а вместе с ними уменьшается возможность для населения питаться полноценными продуктами, содержащими необходимые животные белки.

В прежние времена мясо самих бегемотов служило важным источником питания для местного населения. Водились они тогда во всех реках от верховьев до устьев. Бегемот, несмотря на свои округлые формы, отнюдь не жирный, а состоит из сплошного постного мяса. Если не считать некоторого количества нутряного сала, окутывающего витки кишок, в таком «толстяке» почти нет ни грамма жира. Даже у совсем тощего домашнего скота его и то больше.

Со времен колониализма, когда бегемотов просто из спортивного интереса бездушно уничтожали, население многих районов Африки страдает белковой недостаточностью. В этой связи я всегда вспоминаю книгу одного довольно известного немецкого путешественника, который без малейшего стеснения и стыда пишет: «Я взобрался на скалу посреди реки и в течение нескольких часов забавлялся тем, что отстреливал бегемотов одного за другим...»

Должен сказать, что нам стоило немалых трудов снимать этих колоссов под водой для показа по телевидению. Поначалу все шло нормально. Алан пробовал снимать их из лодки со стеклянным дном, но стекло от сырости запотевало, а кроме того, в лодке не очень-то можно было подобраться на близкое расстояние к животным. Тогда он соорудил себе железную клетку с двумя отверстиями в полу, через которые просовывал ноги и так расхаживал по дну. Сверху он закамуфлировал свое сооружение ветками и тростником, так что оно походило на маленький островок. Однако ветер все время гнал этот «островок» в одну и ту же сторону, куда Алану как раз не нужно было,— затея не оправдала его надежд. В конце концов он решился на отчаянный шаг: облачившись в костюм аквалангиста и взяв дыхательный аппарат, он осторожно спустился в воду и затесался в компанию толстокожих. К его удивлению, ни бегемоты, ни крокодилы не обратили на него ни малейшего внимания. В лучшем случае они при его приближении осторожно уступали ему дорогу. Оказывается, человека, нырнувшего под воду, бегемоты не опасаются и не проявляют агрессивности, с которой встречают его на суше или на поверхности воды. Подобное поведение свойственно, между прочим, и животным, обитающим на уединенных, безлюдных островах, таких, например, как Галапагосские.

Вскоре Алан так освоился, что без малейшего страха стал подходить к этим огромным животным и даже уговорил свою жену Джоан нырять вместе с ним. Оба становились все смелее и под конец уже отваживались отпускать толстокожим шлепки по задней части.

Чета Рут сняла великолепные фильмы об играющих под водой выдрах, о подводной охоте птиц-змеешеек и бакланов, о крокодилах, черепахах, бегемотах и змеях. Миллионы телезрителей любовались их прекрасными фильмами в моих телевизионных передачах.

Тремя годами позже супруги Рут снова снимали в водах Мзи-

мы. На сей раз они уже с самого начала не испытывали ни малейшего страха, и тут-то, как водится, и стряслась беда.

В последнее утро съемок один из самцов-бегемотов, занимающий на иерархической лестнице довольно низкую ступень, был явно взбудоражен. Такие особи никогда не ведут себя спокойно и выдержанно, как самцы высокого ранга. И надо же было случиться, что именно этому возбужденному самцу Алан и Джоан перебежали под водой дорогу! Заметив его раздражение, они быстро повернули назад и стали от него уплывать. Но поскольку они при этом страшно взбаламутили илистый грунт на мелководье и ничего уже не могли разглядеть вокруг, то решили просто лечь на дно и подождать, пока муть осядет и вода снова сделается прозрачной (ведь у них были дыхательные аппараты, так что ничего страшного, можно и полежать под водой). Однако они не подозревали, что и бегемот остановился в ожидании, притом всего в каких-нибудь семи метрах от них. Голова его оставалась над поверхностью. Он, не мигая, уставился на то место, где пузырьки воздуха поднимались кверху, и сопел. Время от времени над поверхностью воды к тому же приподнималась часть баллона со сжатым воздухом, и это тоже явно досаждало бегемоту. Будь вода в этот момент прозрачнее, животное, опустив голову в воду, увидело бы пловцов и наверняка постаралось бы уплыть, но в такой ситуации возбуждение его с каждой минутой росло, однако Алан и Джоан заметить этого не могли. Только люди, стоявшие на берегу, поняли, какая опасность угрожает пловцам.

Когда бегемот ринулся в атаку, ближе к нему оказалась Джоан. Она почувствовала сильный удар — по-видимому, животное поддело ее носом и подбросило кверху. Маска для подводного плавания оказалась продавленной под самым правым глазом, стекло треснуло под нажимом мощного клыка, но в остальном с женщиной ничего худого не произошло. Затем взбешенный зверь повернулся к Алану. Вначале он все еще не мог хорошенько различить в мутной воде «противника» и только вслепую размахивал своей могучей челюстью из стороны в сторону. Его огромные клыки повредили водолазный костюм Алана в нескольких местах, сорвав кусок кожи со спины. А потом гигант нанес Алану такой удар, от которого тот взвился кверху, и зрители на берегу увидели, к своему ужасу, как он взлетел высоко над водой, а вода кругом заалела кровавой пеной...

В своих книгах и в издаваемом мной журнале «Das Tier» («Животное») я уже не раз публиковал снимки, на которых показано, как буйволы, зебры или антилопы, схваченные львами или леопардами, не бывают убиты в тот же миг. Многим людям не хочется лицезреть подобные жестокие сцены, но умолчать о них — значило бы приукрасить и фальсифицировать подлинную жизнь дикой природы. Но должен заметить, что жертвы в лапах хищника испытывают значительно меньше страха и испуга, чем случайные зрители, присутствующие при такой сцене. Я узнал это от очевидцев — людей, схваченных и утащенных львами, но потом спасенных своими спутниками, прогнавшими хищника.

Одним из них был южноафриканский егерь Гарри Вольхутер, а другим — знаменитый миссионер и исследователь Африки Давид Ливингстон. Люди, пережившие нечто подобное, в один голос заявляют, что не испытывали ни страха, ни тем более каких-либо болевых ощущений, находясь в пасти льва, и что на них, наоборот, нападало удивительное безразличие ко всему происходящему, они впадали в шоковое состояние. Нечто подобное происходит с альпинистами, сорвавшимися со скалистой отвесной стены. Поэтому можно заключить, что и животные, ставшие добычей хищников, не испытывают перед концом тех страшных душераздирающих мучений, которые рисуют себе в своем воображении потрясенные зрители.

Происшествие с Аланом Рутом полностью подтверждает эту версию.

— Я понял,— рассказывал он потом мне,— что бегемот стиснул в челюсти мою правую ногу. Боли я не испытывал, только тупое, ноющее ощущение, что меня терзают и ломают, но без боли. Бегемот так схватил мою ногу, что зубы левой половины челюсти впились в голень, а ступня находилась между коренными зубами правой стороны челюсти. Голень оказалась прокусанной насквозь, притом три или четыре раза в одном и том же месте. Бегемот тряс меня, как кошка мышку, причем я даже ощущал прикосновение его усов на своем бедре. Потом он презрительно засопел в последний раз, выронил меня и не спеша удалился. Я же оставался лежать на илистом дне, боясь пошевелиться, чтобы не спровоцировать животное на новое нападение. Затем в почти бессознательном состоянии я приподнялся, вылил воду из маски, нашел мундштук, продул и засунул в рот. Потом опустил руку и потрогал мягкую скользкую массу — мою ногу. Только тут я крикнул: «Боже милостивый! Я же весь порван!» Тогда уже закричала и моя жена и пошла по воде мне навстречу, но я заорал, чтобы она немедленно выходила на берег, и она послушно пошла назад. А я снова лег в воду, чтобы плыть к берегу. Но шевелился я с трудом и почти не продвигался вперед. А вода кругом была красная. Тут кто-то схватил меня за руку, и я в своем возбуждении подумал, что это снова бегемот. Я громко вскрикнул, но, к счастью, это оказался мой ассистент Мартин, который с нечеловеческими усилиями выволок меня на берег.

Вытащить Алана поскорее на берег было совершенно необходимо еще и по другой причине: где-то поблизости находился трехметровый крокодил, который в последнюю неделю все время подкрадывался к съемочной группе. Его прогоняли, но он день ото дня становился все нахальнее. Алану и Джоан было яснее ясного, что его нельзя терять из виду — за крокодилом надо все время тщательно следить и вести себя крайне осторожно, только тогда можно быть относительно спокойным. Теперь же несколько человек беспорядочно и испуганно бегали по мелководью. А из Алана кровь хлестала, «как из зарезанного борова». Все облегченно вздохнули лишь тогда, когда оказались на безопасном расстоянии от воды.

На берегу, в туристической группе, которая стала невольным свидетелем всего этого ужасного происшествия, нашелся врач-итальянец, который тут же сделал Алану перевязку. Вскоре мой друг уже лежал в лендровере, который вез его в «Килагуни-лодж», и потягивал для поддержания бодрости виски. Затем его на авиетке одного из посетителей отправили в Найроби. Спустя три часа после случившегося он уже лежал на операционном столе травмопункта, где ему, между прочим, и раньше не раз приходилось бывать...

Поначалу дело было совсем плохо. Развилась раневая гангрена, при которой ткани организма разлагаются, источая страшные миазмы. Держалась высокая температура. Алана бросало то в жар, то в холод, и приходилось регулировать температуру его тела электрическим одеялом. За трое суток ему ввели девять литров физиологического раствора и пять литров крови. В рану впрыснули много миллионов единиц пенициллина. Только после этого он стал поправляться. Дырка в ноге была величиной с донышко пивной бутылки. Но к счастью, клыки бегемота повредили только мускульную ткань, не задев кости, не повредив сухожилий, артерии, крупных нервов или вен. Трудно поверить, что можно выбраться из пасти громадного бегемота со столь незначительными повреждениями!

Разумеется, никто в момент нападения бегемота на Алана и не подумал о съемках — всех присутствующих сковал страх и обуяла паника. Но потом, когда все уже позади и дело кончается благополучно, всегда немножко жалеешь об этом.

ЗЕБРА НАПАДАЕТ НА ЛЬВА
МЕРТВЫЕ СЛОНЫ СТОЯТ
КАК ВКОПАННЫЕ

Прямо обидно — несколько приезжих посетителей, попавших буквально на пару часов в кратер Нгоронгоро в Танзании, иной раз становятся свидетелями таких удивительных сцен, которые нам, исследователям и работникам национального парка, за целые годы и десятилетия увидеть не удается.

Так, некто доктор Бриан Барк из США пишет мне буквально следующее:

«Этой весной, в марте, я вернулся из Серенгети, где вместе со своими коллегами побывал в кратере Нгоронгоро. Мы подъехали на четырех лендроверах и наблюдали из машин за стадом зебр. Внезапно откуда-то из кустарника вынырнула львица и начала подкрадываться к зебрам. При этом мы заметили, что она не только привыкла к ежедневному присутствию посетителей парка, но и научилась использовать их машины в качестве удобного прикрытия. Наметив одну самку с детенышем в качестве жертвы, львица, неожиданно выскочив из-за нашего автомоби-

ля, настигла ее в два прыжка и мгновенно убила зебренка, сломав ему, по-видимому, шейные позвонки. Стадо зебр бросилось врассыпную, за исключением мамаши-зебры, которая вернулась к мертвому зебренку и ухватила львицу зубами за загривок. За этим последовало примерно двадцать крайне напряженных секунд борьбы, во время которых превосходство было на стороне зебры. Весь этот поединок нам удалось заснять на кино- и фотопленку. Закончился он тогда, когда львице удалось наконец вырваться из зубов разъяренной зебры и нанести ей передними лапами несколько глубоких царапин на морде. Зебра убежала назад к своему стаду, а львица потащила мертвого зебренка в кустарник, росший в низине, где, как оказалось, ее ожидали львята».

Еще более волнующее происшествие случилось с моим другом Майлсом Тернером, когда он работал смотрителем национального парка в Серенгети. Однажды вечером его жена была занята на кухне — она нарезала мясо для двух ручных сервалов, живущих у них в доме. При этом она заметила, что одна из диких кошек, не отрываясь, смотрит на холодильник, стоящий в передней за полуоткрытой дверью. Кошка была явно не на шутку встревожена — хвост трубой и вся шерсть дыбом! И не зря: из-за холодильника медленно начала выползать необыкновенно крупная черная, так называемая плюющаяся, кобра, которая поползла по коридору. Пока Майлс Тернер бегал за ружьем, жена его попыталась отрезать змее путь к отступлению и следила, куда она поползет. Змея скрылась в ванной, где к тому же — чтобы переполох был полным — раздался звон разбиваемого стекла: упала бутылка с каким-то пятновыводителем; змея сбросила ее с подоконника, пытаясь улизнуть через закрытое окно, перед которым она металась взад и вперед. Бутылка с треском разлетелась на тысячу осколков, что еще больше напугало змею. Когда Майлсу наконец удалось ее пристрелить, окно в ванной комнате оказалось полностью заплеванным. Длина змеи составляла два метра десять сантиметров.

Всего лишь два дня спустя после этой нервотрепки жена Тернера сидела с местным ветеринаром дома за ужином. Оба сервала мирно лежали в спальне на кровати. Внезапно до слуха хозяйки донесся какой-то неясный шорох. Одна из кошек, словно вихрь, ворвалась в столовую и бросилась к окну, тщетно пытаясь вырваться наружу сквозь металлическую сетку от мух. Когда хозяйка пошла взглянуть, в чем дело, то обнаружила, что леопард, прорвав оконную сетку, впрыгнул в спальню (следы его лап отчетливо виднелись и на подоконнике, и на кровати, стоящей у окна). И хотя по следам хищника люди дошли до расселины в скалистом холме, второго сервала так нигде обнаружить не удалось — он пропал безвозвратно...

Поразительные вещи удалось увидеть и Д. Вестерну с Ж. Уаттом во время их пребывания в Кении и Уганде. На сей раз речь шла о жирафах Ротшильда и масайских жирафах. Они, эти травоядные, как ни странно, питались остатками мертвых

животных! В одном случае жирафы поедали содержимое желудка мертвой антилопы канны и обгладывали ее нижнюю челюсть. В другой раз три самца жирафа стояли, опустив головы в одно и то же место, словно бы пили воду из лужи. Когда они подняли головы, то у одного в зубах оказалась тазобедренная кость вместе с задней ногой газели Гранта. Другие жирафы тоже явно принимали участие в поедании падали, которую они, по-видимому, старались «разжевать». В течение пяти минут четыре жирафа из семи явно поедали различные части тела газельей туши. В основном обгладывались хрящи. В национальном парке Найроби был замечен масайский жираф, изо рта у которого свисали две длинные, соединенные сухожилием кости. В течение семи минут он старательно разжевывал концы костей, причем трижды ронял их на землю и подбирал снова.

А в японском зоопарке Тама был отмечен случай, когда жирафы убили голубя и съели его. Но случается с животными и такое, во что даже и поверить трудно, да и не поверил бы никто, если бы не было такого доказательства, как диапозитивы.

Вот, например, 7 ноября 1970 года в национальном парке Тарангира (Танзания) был найден мертвый слон, погибший под рухнувшим баобабом. Известно, что слоны в засушливые сезоны зачастую ошкуривают деревья, поедая кору, или просто валят их целиком, чтобы добраться до зеленой листвы в кронах. Что же касается могучих баобабов, воспетых во многих африканских сказках и поверьях, то их так просто не повалишь. Однако для слонов это дерево особенно притягательно, потому что накапливает в своем толстом стволе много влаги. В описываемом случае группа слонов изрядно потрудилась над стволом баобаба — он оказался сильно расщепленным и размочаленным и становился все тоньше, пока этот древесный гигант в один прекрасный момент не рухнул, похоронив под собой молодого слона. Поскольку его обнаружили уже на следующий день (см. помещенную в книге фотографию), то гиены и другие падальщики еще не успели прогрызть толстую жесткую кожу, чтобы добраться до мяса и внутренностей слона. Мне бросилось в глаза, что мертвое животное голову держало высоко поднятой, словно бы оно было живое.

Но здесь речь шла не о трупном окоченении. По всей вероятности, неестественная поза мертвого животного объяснялась натяжением сухожилий, соединяющих голову со спиной. Мой друг доктор Джон Овен, проработавший десять лет в качестве директора национальных парков Танзании (до этого, как и многие другие охранители природы, он был заядлым охотником), рассказывал мне, что лет двадцать назад в Судане стал свидетелем подобного случая и даже еще более удивительного. Вот его рассказ:

«В тридцати пяти метрах от себя я увидел слона и прицелился ему в сердце. Одну за другой я всадил в него обе пули и был уверен, что попал,— вы же знаете, какой я стрелок! Слон отбежал примерно на десять метров и тяжело рухнул на колени. Но тут же поднялся и прошел еще метров десять, после чего оста-

новился, повернувшись ко мне боком. Стрелять было как нельзя удобнее, и я влепил ему еще две пули в сердце. Слон не шевелился. Я поменял ружье и выпустил ему четыре заряда в голову. Но он продолжал стоять как вкопанный, хотя я отчетливо слышал звук пробиваемой пулями кожи. Я уже было заподозрил, что на моем ружье сбилась мушка, поэтому взял у сопровождавшего меня охранника полицейское ружье и выстрелил слону еще пять раз в самое сердце. Целился я очень тщательно из положения «сидя», однако результат был все тот же, словно бы я стрелял по каменной глыбе... В течение пяти минут мы растерянно ждали, что будет дальше, не спуская глаз со странного, пуленепробиваемого слона. Стрелять я перестал. Однако расстояние между нами и слоном было слишком большим, чтобы определить, дышит ли он еще или нет. Хобот и хвост животного свисали неподвижно. Я испытывал жутковатое чувство полной беспомощности, словно в кошмарном сне... Внезапно громадное животное покачнулось и грохнулось на землю. Когда мы подошли, тщательно рассмотрели и обследовали его, то выяснилось, что все мои выстрелы попали в цель: либо в сердце, либо в крупные артерии и что по меньшей мере два выстрела в голову достигли головного мозга.

Когда я теперь обдумываю эту странную историю, то наиболее правдоподобное объяснение, на мой взгляд, кроется вот в чем: слон был убит одним из первых же выстрелов, но в момент его смерти мускулы внезапно свело судорогой, и слон застыл в стоячей позе.

Год спустя один из самых опытных охотников Кении рассказывал мне, что с ним в Замбии произошел аналогичный случай. Там слон, тоже явно уже мертвый, простоял так долго на ногах, что охотник послал своего помощника в лагерь за фотокамерой. Но когда тот вернулся, слон уже рухнул. Если мы оба начнем распространять эти истории по свету, то рискнем прослыть опасными фантазерами и даже врунами, поскольку не успели зафиксировать все на пленку...»

Мне рассказывали еще несколько подобных же случаев. Так, Г. Густав Стентон в 1939 году недалеко от Бора, в Судане, произвел восемь выстрелов по слону, целясь ему в сердце, а тот продолжал стоять на месте совершенно недвижимо. Спустя несколько минут он начал медленно оседать. Вскрытие показало, что его сердце было многократно пробито пулями.

А вот что пишет мне профессор Ж. Бёлер: «По-видимому, не так уж редко случается, что убитый слон не опрокидывается на землю, а только опускается на колени, причем голова его остается приподнятой кверху. Несколько лет назад мне довелось присутствовать при охоте на слона. Первая же пуля угодила ему в область сердца. Но слон медленно пошел прочь, так что пришлось выпустить в него еще несколько зарядов. Пройдя метров семьдесят, слон упал на колени и застыл в такой позе. Поскольку по опыту считается, что животное, голова которого не поникла безжизненно, еще неокончательно мертво, то по слону было вы-

пущено еще несколько зарядов, нацеленных в головной мозг. При каждом выстреле голова совершала несколько пружинящих движений, но не меняла своего положения. Поскольку голова явно не опиралась на клыки и земли касался лишь опущенный хобот, то единственная разгадка этого феномена кроется в исключительно сильной затылочной связке (сухожилии, связывающем голову с позвоночником). О наступлении трупного окоченения сразу после смерти здесь не может быть и речи: против этого говорит и покачивание головы при каждом новом выстреле».

Вот так все время узнаешь что-нибудь новое об африканской фауне. Из всех крупных животных в Африке чаще других на глаза попадаются бегемоты — их легче всего увидеть, хотя и не целиком: из воды высовываются обычно только голова и часть спины, а все остальное скрыто под поверхностью (во всяком случае днем). Но и эти животные, заселявшие когда-то все африканские реки от их истоков до самого устья, как я уже упоминал, были во времена колониализма во многих районах начисто истреблены — из бессмысленного хулиганства и желания попалить из ружья...

Теперь их чаще всего можно встретить в Уганде: в национальном парке Кабалега, в Виктория-Ниле и возле него, а также вокруг озера Эдуард, берега которого принадлежат как Уганде, так и Заиру. Там их пока еще десятки тысяч. Возле полуострова Мвея в национальном парке Рувензори на каждые сто метров берега приходится примерно по семь бегемотов, а на стороне, относящейся к Заиру, в среднем даже по 33 экземпляра. Белые ученые поторопились с выводами, что следует отстрелять здесь десять тысяч особей, поскольку местность, на их взгляд, казалась перенаселенной. Но то же самое проделали в 1979 году солдаты во время войны между Танзанией и Угандой. Мясо они выгодно распродавали населению. К счастью, поголовье бегемотов способно вновь восстанавливаться, важно только вовремя и энергично вмешаться.

Вот, к примеру, стоит в воде стадо бегемотов. Их может быть 15 или 20. Кто они — самки или самцы? Может быть, самец, собравший вокруг себя свой гарем и готовый защитить его от посягательств других самцов, как это водится, например, у антилоп импала? Десятки лет исследователи не могли прийти к единому выводу по поводу стад бегемотов. Дело в том, что по одной виднеющейся над поверхностью воды голове определить пол животного не так-то просто. Трудно также установить, кто выше, а кто ниже рангом. Вот в стаде антилоп топи, за которыми неделями ведется наблюдение, решить такие вопросы не представляет особого труда.

Профессор Ганс Клингель часто в сопровождении своей семьи с 1973 по 1978 год проводил много времени в национальном парке Рувензори, где вел наблюдения за этими толстокожими. Он «знал в лицо» большинство обитающих здесь бегемотов, во всяком случае «авторитетных». Различал он их по естественным

Казимир — могучий самец гориллы
с поседевшей спиной

Когда взрослый самец гориллы начинает так вот пристально смотреть на вас, следует тотчас же отвести глаза в сторону, иначе он воспримет ваш взгляд как угрозу

Настороженно и испытывающе разглядывают нас лесные великаны

С помощью «Фонда помощи исчезающим животным» удалось спасти часть слоновьего молодняка. Полезную услугу в этом деле оказал вертолет

Этот снимок обошел весь мир и печатался даже на почтовых открытках. Мой оператор Гетц Дитер Плаге снимал слона. Внезапно тот обозлился и пошел в атаку. Оператор бросился наутек, забыв, однако, что камера прикреплена проводом к батарее, висевшей у него на поясе. В последний момент ему удалось освободиться от пояса и спастись от разъяренного животного, чей гнев я отвлек на себя, сидя в машине

Птицы, как этот марабу, например, с удивлением разглядывают вертолет

Плот, оснащенный мотором, быстро переправляет по реке клетку со слоновьим молодняком

Зеленая древесная змея (Boomslang) питается мелкими животными. Она считалась неядовитой, пока однажды герпетолог Карл Паттерсон Шмидт не был укушен этой змеей и умер. Эту змею, широко распространенную в Африке, в частности в Камеруне, можно увидеть довольно часто, однако, как правило, она избегает встреч и старается скрыться в зеленой кроне дерева

Пустынная рысь, или каракал, играет с песчаной змеей, что весьма легкомысленно: укус этих змей, очень легко и проворно передвигающихся по песку, отнюдь не безопасен

Случается, что жертва еще жива, а ее уже едят... Здесь запечатлен момент охоты прайда львов на кафрского буйвола. Жертва, по-видимому, уже покорилась своей судьбе

Коровьи антилопы выглядят несколько иначе, чем конгони в Восточной Африке. Эти копытные с их узкой продолговатой головой, как правило, иноходцы

В этой местности, где живут гориллы, ватусси охотно выпасают свой скот. Хотя огромные рога и придают этим животным внушающий опасение вид, они на самом деле такие же мирные, как и обычные домашние коровы

Это мой одноместный мотопланер, который д-р Пенниквик использовал для своих новаторских исследований поведения африканских грифов

Сколько слонов вы можете насчитать на этом снимке? Аэрофотосъемка с маленьких самолетиков имеет то преимущество, что с высоты легче составить полное представление о численности животных

Паря в воздухе, грифы обнаруживают падаль быстрее, чем гиены и львы. Но они опережают зверей, если падаль мелкая. До внутренностей слона им добраться уже сложнее из-за его толстой кожи

Охотничья фирма из Найроби уполномочена правительством произвести отстрел последних слонов. Эта массовая бойня завершилась за шесть дней. Здесь вы видите, как срезают шкуру с убитых слонов

Молодые слоны нуждаются прежде всего в больших количествах воды. Ли Лайон поливает водой только что отловленного слона-подростка, так как он во время погони слишком перегрелся. Вскоре после этого Ли Лайон суждено будет погибнуть — ее растопчет один из молодых слонов...

Огромный клиновидный клюв марабу служит не только для размельчения мяса. Он разрубает им брюшину мертвых животных, чтобы добраться до внутренностей.

Удобному проникнию в брюшную полость способствует и голая голова марабу, покрытая лишь редким пухом (точно так же, как у грифов)

Чтобы разбить страусиное яйцо, стервятнику необходим инструмент, и он для этого использует тяжелый камень. Птица берет в клюв камень и бьет им по толстой скорлупе яйца или слету бросает его

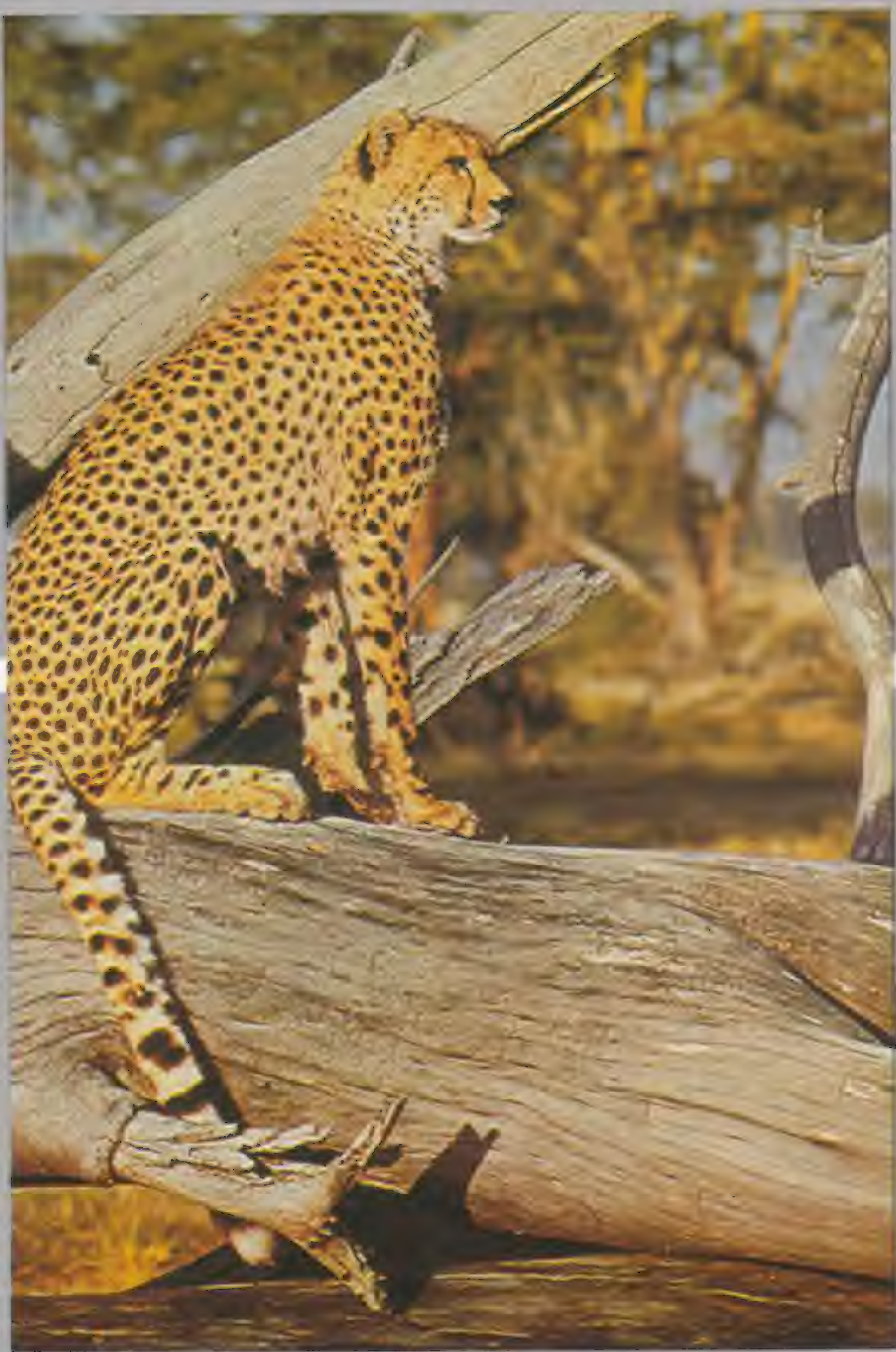
Бесчисленной вереницей проходят зебры по мелководью почти полностью пересыхающего в отдельные годы озера Ндуту в Серенгети. Вслед за матерями бегут детеныши

Гепард схватил свою жертву (газель Томсона) за глотку и уносит ее прочь

Леопард с огромным напряжением затаскивает свою добычу на дерево, чтобы пообедать в безопасности от гиен и львов

Гепард — это воплощение молниеносной хватки хищника. К нам же, людям, он, как ни странно, относится приветливо

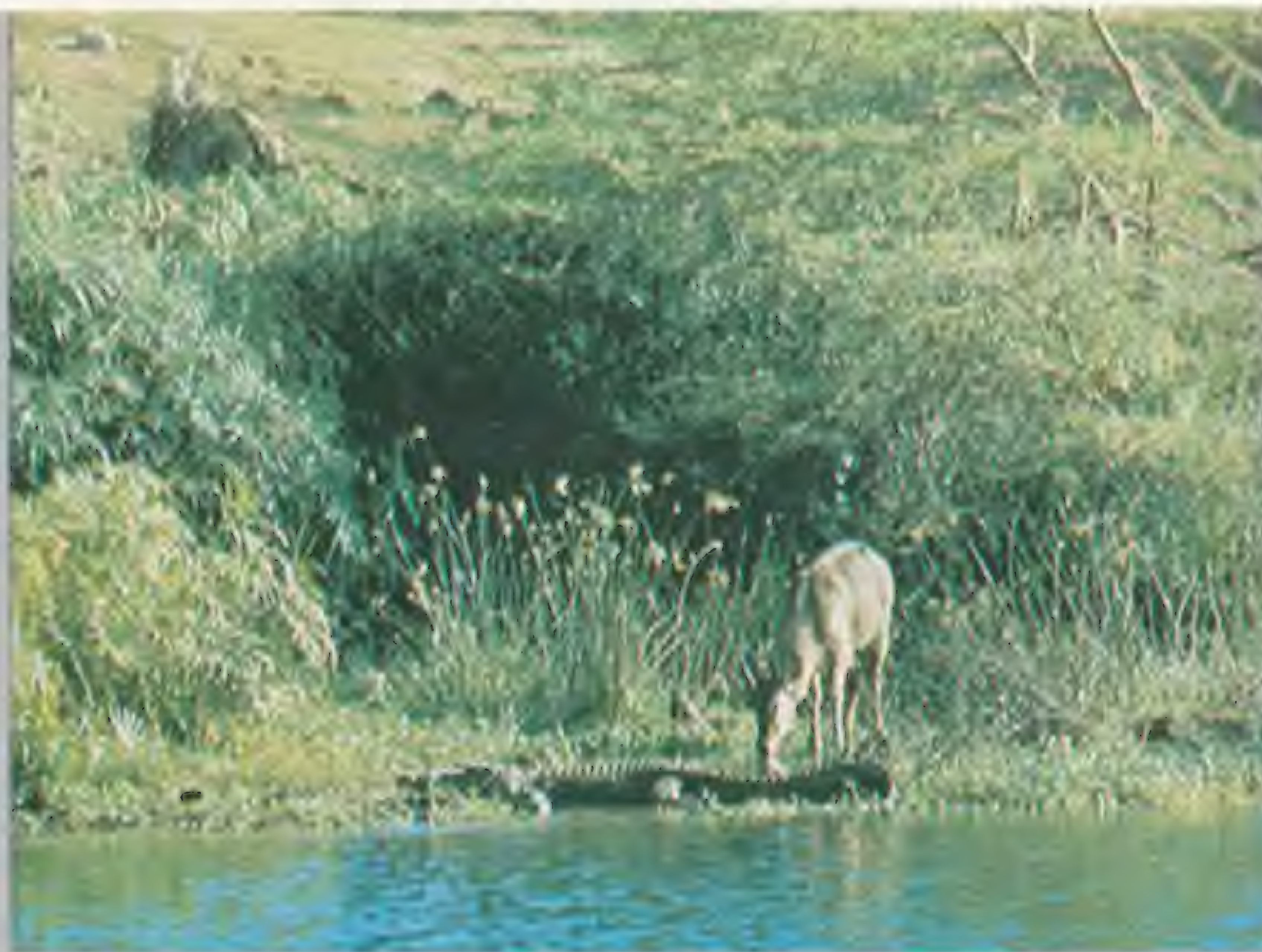

Детеныши павианов даже тогда, когда уже прекрасно умеют бегать, предпочитают ехать на своих матерях

Необычный снимок. Камера наполовину над поверхностью воды и наполовину под ней. Поэтому в кадре одновременно и плывущая в воде черепаха и змеешейка, сидящая на ветке

Под водой змеешейка плывет медленно, однако молниеносно пронзает зазевавшуюся рыбу. В отличие от уток оперение змеешейки промокает насквозь, и птице приходится каждый раз после ныряния сушиться

Ничего не подозревающая антилопа импала приблизилась у водопоя к неподвижно лежащему крокодилу. Еще мгновение — и он мощным ударом хвоста оглушит антилопу или опрокинет ее в воду

Здесь, на снимке, Алан Рут бесстрашно приближается к крокодилу, чтобы заснять его на пленку для моих телевизионных передач

Под водой можно снять удивительные вещи: здесь, на снимке, рыбы «пасутся» на бегемоте — собирают с его кожи фитопланктон, а бегемот против этого не возражает

Выдры — ловкие пловцы и ныряльщики — не прочь поиграть в воде. Здесь ручная выдра использует в качестве игрушки живую водяную черепаху

Состоит ли это стадо бегемотов из одних самок или, наоборот, из одних самцов? Или, как это бывает у некоторых видов антилоп, из одного самца и целого гарема самок? Ведь пол животных в воде различить невозможно. Совсем недавно эта загадка была наконец разрешена

В воде моему оператору удается
приблизиться к пришедшим
на водопой слонам

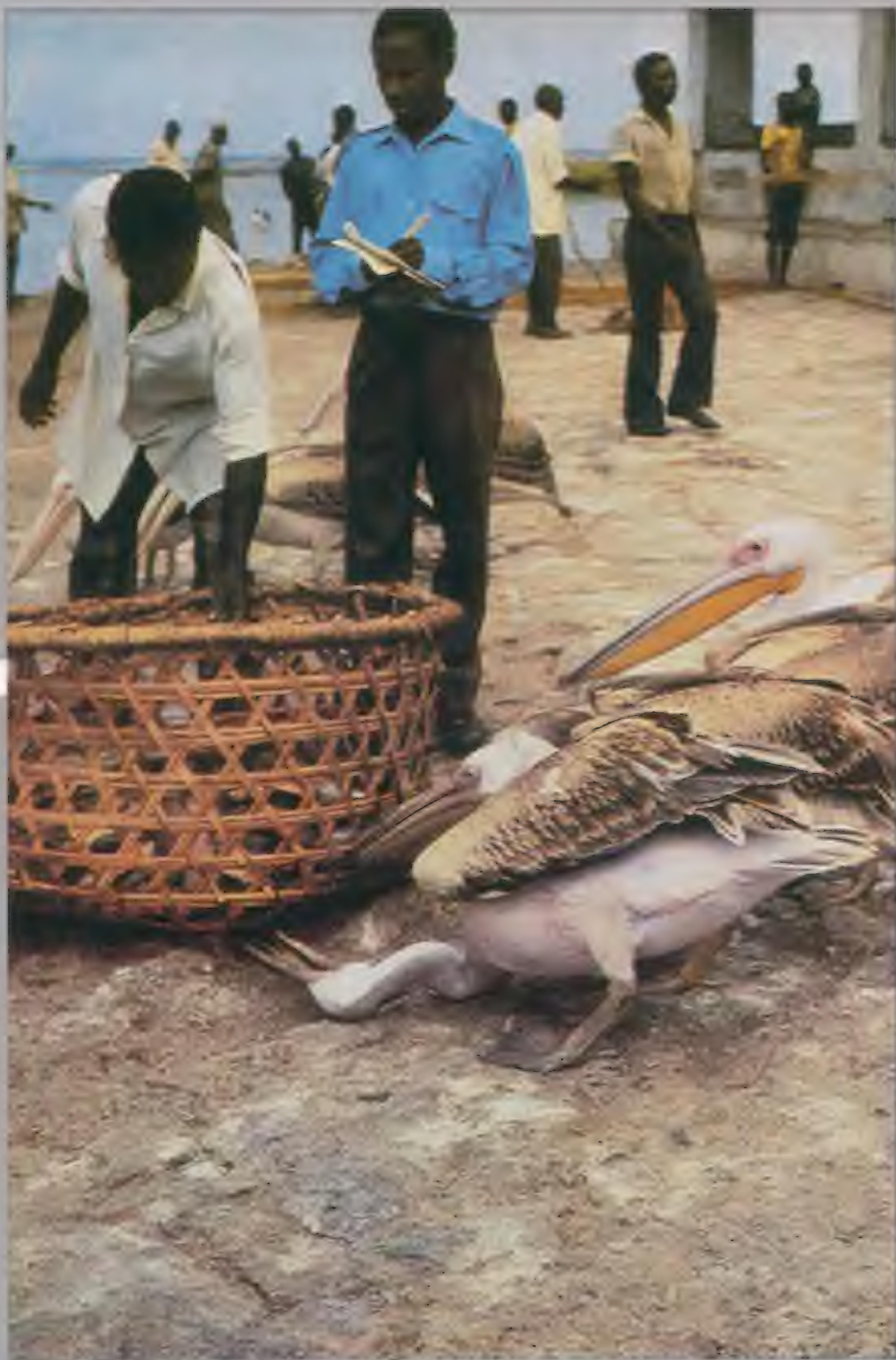
Когда наблюдаешь за потасовкой двух львов, то начинаешь понимать, зачем им густая и длинная грива — она предохраняет шею и сонную артерию от острых когтей противника

Лев имеет возможность поваляться и полентяйничать, так как в национальных парках Африки нет больше людей с ружьями. Двадцать часов в сутки лев проводит в сонной дремоте

Благодаря нескольким желудкам бегемоты переваривают даже засохшую жесткую траву. Раньше такое обилие бегемотов, как в Вирунга-парке (Заир), можно было увидеть всюду в Африке. Но их истребили

Молодые пеликаны стараются, просунув клюв в отверстие корзины, стащить хотя бы пару рыб

С быстротой молнии пеликаны хватают клювом подплывшую к поверхности рыбу. Нырять они не умеют (в отличие от пеликанов американского вида)

Даже крупные слоны запросто проходят через поселок — никто их здесь не боится

Лягушка-голиаф, встречающаяся в лесах Камеруна, достигает веса трех килограммов. Ноги у нее полуметровой длины, а диаметр глаза — 2,3 сантиметра

В озере Туркана плавают огромные нильские окуни. Некоторые из них имеют длину 1,5 метра и весят один центнер

Самцы-топи живут по-разному: и поодиночке, и в окружении гарема из нескольких самок с детенышами

Таких вот, размером с зайца, долгоногов, похожих на маленьких кенгуру, турист наверняка почти никогда не увидит, потому что они ведут ночной образ жизни. Зверьки способны совершать двух-трехметровые прыжки, а иногда во время погони за ними и восьмидесятиметровые

Здесь снято целое стадо жирафов, насчитывающее 37 особей. Всего же в Серенгети их примерно девять тысяч, а кроме них еще три четверти миллиона других крупных животных

Этого слона задавило рухнувшее дерево — баобаб. Тем не менее на мертвом теле голова поднята кверху. Как это возможно?

Когда в засушливый сезон траву поджигают и разгорается пожар, животные отнюдь не убегают в панике от огня, не разбирая дороги, как это любят изображать в некоторых фильмах

Большинство видов богомолов — уроженцы Африки. «Молитвенная поза» богомола достигается тем, что он прижимает к груди свои передние лапы. Мгновенно выбрасывая их вперед, он хватает жертву

Так происходит спаривание у богомолов

В Серенгети и в кратере Нгоронгоро в Танзании, где нет недостатка в дичи, гиеновые собаки охотятся лишь тогда, когда солнце находится у самого горизонта — рано утром и вечером. Днем же они стараются спрятаться от жары в свои прохладные норы или лежат небольшими группами в тени редких деревьев

Бывает, что подъемная сила от потока горячего воздуха недостаточно велика, как получилось здесь, над озером Найваша. На снимке ясно можно увидеть факел от горелки, поднимающийся внутрь оболочки. Однажды воздушный шар совсем опустился в воду. Его пришлось вылавливать с помощью лодок

Численность фламинго, обитающих на восточноафриканских озерах, меняется от года к году. Здесь, на снимке, в кратере Нгоронгоро в Танзании их десятки тысяч, но в иные годы может оказаться лишь пара сотен

Жирафы в Судане выглядят совсем иначе, чем в Восточной Африке. На снимке — жирафы Ротшильда. Зебры в Судане встречаются значительно реже, чем, к примеру, в Серенгети

Область Кора возле реки Тана не так открыта и легко доступна, как Серенгети. Здесь приходится целыми днями искать львов, прежде чем на них наткнешься. Поэтому Джордж Адамсон надевает «своим» львам ошейники с передатчиками. Он сейчас уловил позывные львицы Аруши. Остальные 17 львов находятся где-нибудь поблизости в кустарнике

Лагерь Джорджа Адамсона затерян среди безлюдного буша. Для защиты от львов он огорожен железной изгородью

Львы, появившиеся из-за поворота дороги, разглядывают нас с не меньшим интересом, чем мы их

У некоторых видов скарабеев самка забирается на скатанный самцом шар, и тот катит ее, словно на тележке

Из-за цесарок навозные жуки в Серенгети активны только по ночам — днем их бы живо склевали эти прожорливые птицы

Стада гну в тысячу, а то и в десятки тысяч голов переправляются через реки. Попав в ревущий водоворот, они иногда начинают тонуть, так как им не дают всплыть напирающие сзади животные

В 1970 году в Кении отловили последних лошадиных антилоп и перевезли в Шимба-Хиллс. В 1974 году там был основан национальный парк. С тех пор эти крупные антилопы размножились до 60 голов. На снимке на спине самца лошадиной антилопы сидит волоклюй (или буйволовая птица). Волоклюи склевывают с кожи животных клещей и личинок мух

Малый куду — уменьшенная копия большого куду. Но если большой куду населяет и Восточную, и Южную Африку, то малый встречается исключительно на поросших колючим кустарником равнинах и холмистых местах Восточной Африки, следовательно, имеет весьма ограниченный ареал

У африканских гиеновых собак молодняк и престарелые особи пользуются «льготами» во время общих трапез. Молодняк может проявлять себя агрессивно и даже кусать взрослых (и те не кусают их в ответ)

У змеешеек самец таскает палки и сучья, из которых самка мастерит гнездо. Насиживают оба родителя попеременно. Змеешейки превосходно приспособлены к жизни на воздухе и под водой

Змеи-яйцееды способны заглатывать очень крупные яйца. Несмотря на то что голова у них короткая, шея и пасть так широко растягиваются, что при заглатывании отдельные чешуйки кожи на шее отделяются одна от другой. Удлиненные отростки позвонков входят в пищевод и, словно острая пила, пропарывают яйцо. Скорлупа сминается, и содержимое течет в желудок, скорлупу же змея затем отрыгивает

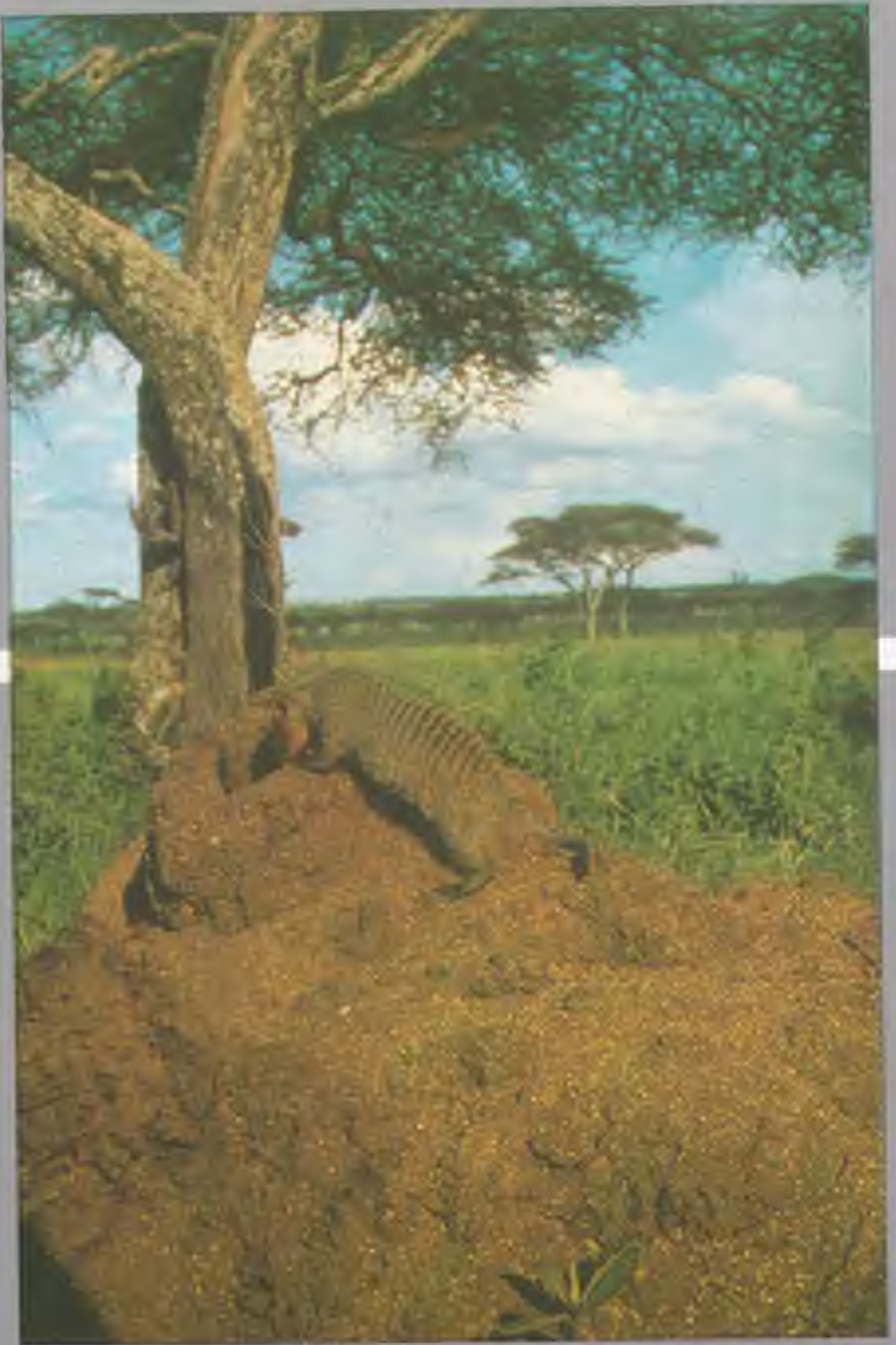
Прямо посреди столицы Кампалы, в городском парке, с начала 40-х годов нашего столетия поселились пальмовые летучие собаки (Eidolon helvum). Их здесь десятки тысяч. Висят они днем вниз головой на всех деревьях. А вечером пролетают над городом, направляясь в сторону озера Виктории на кормежку. Тогда в течение четверти часа можно увидеть в небе непрерывный поток летящих «собак»

В национальном парке Кабалега обитают белые носороги. Их завезли сюда двадцать лет назад, спасая от окончательного уничтожения. С тех пор животные уже успели размножиться

Девять из десяти жилищ африканского мангуста находятся в заброшенных термитниках

Африканские мангусты питаются в основном навозными жуками, или «скатывателями шариков»

приметам — шрамам, надорванным ушам и так далее, фотографировал этих животных и фиксировал у себя в записной книжке, а отдельных особей специально метили: их усыпляли и вдевали в ухо особую метку или цветной лоскут. Его наблюдения выявили абсолютно новые, ранее неизвестные данные о жизни бегемотов и их взаимоотношениях в стаде.

Дневное время бегемоты проводят в воде, причем группами разной численности и состава. Одни могут состоять в основном из самок с их приплодом, другие — исключительно из одних самцов. Отдельные особи, и в первую очередь взрослые самцы, часто живут поодиночке. К вечеру группы распадаются, и животные отправляются по одному или в лучшем случае по двое (мать с детенышем) на берег, где им приходится протопать иной раз многие километры, прежде чем они достигнут пастбища. При этом они пользуются всегда одними и теми же твердо утрамбованными тропами, существующими, возможно, уже целые десятилетия, а может быть, даже столетия и поэтому врезавшимися глубоко в прибрежную почву. Той же дорогой, теми же протоптанными тропами они возвращаются глубокой ночью или самое позднее под утро назад, в воду. И в воде стада снова формируются из тех же самых особей.

Весь берег поделен на отдельные участки, представляющие «частную собственность» высших по рангу самцов. Профессор Клингель выявил, что возле озера Эдуард одному самцу «принадлежало» от 250 до 500 метров береговой полосы, и притом владел он ими, не уступая никому в течение всех четырех с половиной лет наблюдений. В других местах побережья самцы владели более скромными участками: от 50 до 100 метров. Такой самец был способен удержать свой участок лишь в течение нескольких месяцев. Особенно часто происходила «смена власти», когда река Ичача меняла направление своего русла или когда случались наводнения.

В границах «своего» участка только владеющий им самец имеет право спариваться с самками. Другим самцам хотя и разрешается находиться на его территории, но только в тех случаях, когда они ведут себя скромно и беспрекословно подчиняются владельцу участка. Бои между соседями — владельцами гаремов случаются редко. Но когда дело доходит до посягательства на чужую территорию, такие поединки могут стать очень ожесточенными и закончиться тяжелыми ранениями. Земельная собственность метится духовитыми «визитными карточками» — разбрызгиванием экскрементов по прибрежным кустам. Возле протоптанных по берегу троп тоже можно найти навозные кучи. Однако Клингель считает, что подобные кучи служат скорее не «пограничными столбами», а «указателями дороги».

Но если какой-нибудь самец «объявляет» часть прибрежной полосы своей — это еще не значит, что он является производителем и способствует появлению на свет потомства. Отнюдь нет. Владения некоторых самцов самки никогда не посещают. «Частные владения» бегемотов вообще полностью отличаются от та-

ковых у всех копытных, потому что у них они совершенно обособлены от мест спаривания. Как показали многолетние наблюдения зоолога Б. Ле Бёфа, нечто схожее встречается у отдельных видов ластоногих, например у северного вида морского слона. Об этом подробно говорится в моей книге «От кобры до медведя гризли» [1].

ДОСТИЖЕНИЯ АФРИКАНЦЕВ В ДЕЛЕ ОХРАНЫ ПРИРОДЫ

Африка на сегодняшний день — единственный континент, на котором еще сохранилось относительно много крупных диких животных. Поэтому для нас, охранителей природы, и в конечном счете для всех людей, населяющих нашу планету, не безразлично, как африканцы рассматривают свою дикую фауну, как они к ней относятся.

Во времена колониализма широко бытовало мнение — частично и сегодня еще можно услышать такое,— что африканцы плохо относятся к диким животным, что для них они всего лишь «мясо». В какой-то степени это и так. Но ведь в этом они ничуть не отличаются от немецкого крестьянина или североамериканского поселенца. Те, как известно, даже успели безвозвратно истребить многие виды животных, считая, что они наносят вред урожаю на полях или представляют опасность для их детей. Точно так же как немецкий крестьянин не будет восторгаться дикими кабанами, роющимися в его картофельном поле, так и любой африканец не обрадуется слону, затаптывающему его посевы маниоки. Но не надо забывать, что единственные виды крупных африканских животных, исчезнувшие с лица земли за последнее столетие,— голубая антилопа, зебра-квагга, капский лев, бурчеллева зебра — были истреблены в Южной Африке именно белыми, а отнюдь не местным населением. И между прочим, колониальные власти только в последние 20—30 лет своего владычества спохватились и стали создавать национальные парки. И то лишь в тех местностях, которые из-за непригодных почв, распространителей сонной болезни или болезни нагана ни на что другое не годились.

Колониальные охотничьи управления организовывали специальные пышные сафари, в которых все привилегии в отстреле диких животных получали заезжие белые охотники или местные белые, потому что только им были по карману связанные с этим расходы.

Африканцев же наказывали как браконьеров, хотя для многих племен убийство опасных животных считалось неотъемлемым правом сельских и больших семейных общин. Охотничья

[1] На русском языке выпущена в свет издательством «Мысль» в 1984 году.— *Прим. пер.*

символика была непременным элементом церемоний сватовства, посвящения юноши в мужчину и воина. Еще и сегодня она у отдельных этнических групп, таких, как ачоли, бакиха и другие, живущих вокруг границ национальных парков Уганды, тесно связана с религиозными поверьями.

Именно поэтому я очень боялся, что в Африке повторится нечто подобное, что всегда случалось в Европе при каждом крестьянском восстании. В Германии и других европейских странах, где охота в течение многих столетий считалась привилегией аристократии, мятежные крестьяне обычно принимались уничтожать всех оленей и косуль. Потому что таких животных причисляли тоже к «аристократии», а следовательно, к стану врагов. Так, еще в 1848 году запасы европейской дичи подверглись подлинному уничтожению, и должно было пройти несколько десятков лет, прежде чем их удалось хотя бы частично восстановить. Чтобы заблаговременно предотвратить такой ход событий в Африке, я и постарался тогда изложить новым африканским государственным деятелям, ставшим во главе независимых африканских стран, всю огромную важность туризма для национального бюджета их государств. Я приводил им в пример такие страны, как Швейцария, Италия, Испания, Греция, процветающие в значительной степени за счет валюты, ввозимой иностранными туристами. Что касается красот ландшафтов, то Восточной Африке, разумеется, будет трудно соревноваться со Швейцарией или Скалистыми горами, объяснял я им тогда, но зато там нет столь впечатляющей, уникальной фауны, которая имеется в Африке. Ко мне прислушивались. Целый ряд наиболее дальновидных африканских политиков (первым из них был Джулиус Ньерере) энергично принялись на самом деле увеличивать число своих национальных парков, выделив на это немалые денежные средства.

А я обещал направлять к ним туристические группы. Должен признаться, что поначалу было нелегко исполнить это свое обещание и пропагандировать туристические поездки в африканский буш. Ведь Африка для жителей Европы благодаря «отважным охотникам», старающимся изобразить себя в своих книгах необыкновенными героями, казалась континентом, полным опасностей, страшных болезней, населенным дикими воинственными племенами и ядовитыми змеями, где на каждом шагу вас подстерегают какие-нибудь неприятности.

Мне пришлось в течение нескольких лет упорно разъяснять в своих ежемесячных телевизионных передачах, что Африка — мирное, вполне приспособленное для туризма место с отелями и асфальтированными дорогами, ничуть не хуже, чем в Италии. Удалось мне, опять же при помощи телевидения, сломить сопротивление крупных авиакомпаний и вынудить их согласиться на перевозку первых туристических групп в Восточную Африку по льготным тарифам. Сотни людей возвращались оттуда в полном восторге и убеждали следующие десятки тысяч в том, как прекрасна такая поездка и как бесподобны нетронутая природа и животный мир этого континента.

Нас не так уж много — охранителей природы, но сейчас мы можем с удовлетворением констатировать тот факт, что для некоторых очень важных стран Африки мы в экономическом отношении сделали больше, чем наши правительства с их официальной помощью. Ведь этим странам приходится, как правило, возвращать займы с процентами. А в Кении вот уже более десяти лет иностранный туризм является наиболее важным источником ввозимой в страну валюты. Он приносит стране больше дохода, чем экспорт кофе и чая. В Уганде до недавнего времени иностранный туризм тоже был вторым по значимости источником дохода. Ведь немцы ФРГ, к примеру, тратят в год 32 миллиарда марок на туризм, из которых значительная доля оседает в экономически слабых развивающихся странах. Так что, как видите, охранители природы независимо от правительств своих государств могут сделать очень многое для местного населения этих стран: так, в Кении, например, уже семь процентов всего населения зарабатывает себе на жизнь в сфере обслуживания туристов.

Мы, борцы за охрану природы, можем быть вполне довольны своими успехами в этой области. На сегодняшний день нам уже нет необходимости агитировать за поездки в национальные парки Африки и заботиться об увеличении туристических групп — во всяком случае в некоторые африканские страны. Ведь Африка — это своего рода «инфекция»: кто ею заболел, тот уже никогда от этого не излечится, он вновь и вновь будет стремиться туда и заражать своим восторгом других. Нам даже приходится уже бороться с нежелательной оборотной стороной дела, которую повлек за собой массовый туризм в Африку. Так, богатые гостиничные корпорации используют свое влияние, чтобы добиться разрешения на постройку гигантских отелей прямо в национальных парках, посреди девственной природы. А такой отель на сто мест может привлечь для работы около тысячи человек обслуживающего персонала, которые вместе со своими семьями поселятся в наскоро сооруженных вокруг отеля домиках. Таким образом, как правило, рано или поздно возле каждого такого отеля появляется некрасивый поселок, построенный на полусовременный лад, который вскоре разрастается в небольшой городишко,— и все это посреди девственной природы, нарушая всю ее первозданную красоту. А ведь именно ради безлюдной, нетронутой природы сюда и приезжают издалека туристы из перенаселенных индустриальных стран. Поэтому отели полагается строить вблизи национальных парков, а не в их пределах. Но если вы в Восточной Африке оглядитесь вокруг, то убедитесь, как часто за последние годы именно здесь нарушалось это основополагающее правило охраны природы. Куда приведет такое неразумное отношение к национальным паркам, можно проследить на судьбе некоторых американских национальных парков или на примере Крюгеровского парка в Южной Африке. А ведь таких ошибок, уже давно понятых в других местах, совсем не трудно было бы здесь избежать.

Кроме того, нам следовало бы подумать, чтобы поток посетителей не скапливался преимущественно в одной какой-нибудь стране, где обосновались главные гостиничные корпорации, бюро путешествий и авиакомпании. Ведь целый ряд других африканских стран создал у себя гораздо больше заповедных парков, выделив на них значительно больше из национального дохода, не попортив еще до такой степени вид живой природы суперотелями и еще не переполнив их посетителями. Нам следует позаботиться о том, чтобы и такие страны, как Заир, Руанда, Замбия, Малави, Уганда, Танзания, Камерун, Ботсвана и другие, получили свою долю валютного потока, попадающего в Африку.

Но можем ли мы быть уверены в том, что будущее хотя бы небольшой части африканской природы гарантируется пополнением национального бюджета за счет иностранного туризма? Боюсь, что нет. Причина тому — небывалый демографический взрыв, аналога которому нет во всем мире, даже в Азии. В Кении, например, в год на тысячу жителей приходится свыше 50 новорожденных, и число это все возрастает. На ту же тысячу жителей приходится 18 смертей, причем эта норма с каждым годом уменьшается еще на два процента. Половина населения Кении моложе 16 лет; в каждой семье в среднем 7,3 ребенка. Прирост народонаселения в стране составляет в год 3,6 процента и вскоре достигнет четырех процентов. Пожалуй, он самый высокий в мире. То же самое относится к Уганде, Танзании и большинству других африканских государств. Это означает, что численность населения этих стран за 17,5 года удвоится; через 35 лет число жителей увеличится вчетверо, а несколько более чем через 50 лет — в восемь раз.

Возьмем ту же Кению. Несмотря на то что только одна шестая часть земли в этой стране плодородна, именно на ней проживает приблизительно 90 процентов населения. Двадцать пять лет назад, когда создавались национальные парки, на каждого жителя Кении стало приходиться на 1,8 гектара земли меньше, чем раньше. Теперь осталось только по 0,8 гектара на человека, что даже в мировом масштабе весьма мало. Садовые участки вокруг столицы Найроби уже сейчас населены гуще, чем огородные участки Голландии. В предместьях Найроби приходится по 2500 человек на один гектар; живут они при этом в жалких лачугах, а не в многоэтажных домах.

В стране масаев, которую пересекает граница Кении с Танзанией, каждой семье необходимо иметь не менее ста голов скота, чтобы прокормиться. И здесь численность населения непрестанно растет.

Расположенные по соседству с национальным парком земли все больше и больше осваиваются землепашцами. А крестьянину, чье поле по ночам топчут слоны, трудно объяснить, что это замечательные животные и к тому же «совместное достояние всего человечества». Остается под большим вопросом, сможет ли такая страна, как Танзания, еще длительное время выделять в во-

семь раз бо́льшую, чем Соединенные Штаты Америки, долю своего дохода на содержание национальных парков, если ее население будет так бурно расти.

Руанда — страна, вся территория которой равняется всего одной трети земли Баден-Вюртемберг,— населена значительно гуще, чем Франция. Притом в стране отсутствует какая бы то ни было промышленность, нет сколько-нибудь крупных городов. Население и сегодня страдает от недоедания. И тем не менее в Руанде имеется два больших красивых национальных парка. Но смогут ли африканские государственные деятели еще долго защищать последние остатки своей дикой природы от голодного населения? И почему они должны при этом действовать более сознательно и дальновидно, чем наши собственные политики в Федеративной Республике Германии?

В нашей стране сейчас раздаются голоса, обвиняющие массовый туризм в Африку в том, что он разрушает старые африканские традиции, верования и обычаи. Такая критика подхватывается иногда и в самой Африке. Несколько лет назад мне даже довелось принять участие в многочасовой публичной дискуссии по этому вопросу — сначала с африканскими студентами и профессорами университета в Кампале, а затем по тамошнему телевидению. Но я-то уверен, что иностранные посетители национальных парков не оказывают ни малейшего влияния на местное население, потому хотя бы, что почти с ним не соприкасаются. Приехавшие провести здесь свой отпуск люди хотя и держатся раскованно и весело, но могут разве что вызвать при случае обыкновенную зависть к своему благополучию, не более; духовно они ни в чем не превосходят аборигенов. Или во всяком случае не стараются этого показать. Лисхен Мюллер [1] держит себя по отношению к африканцам приветливо, она не провозглашает ни политических, ни индустриальных лозунгов...

У нас, «белых», бытует сентиментальное представление об американских индейцах; мы знаем их по книгам, начиная от «Кожаного чулка» до Карла Мейя, как храбрых героев. Африканцев же охотно считают духовно отсталыми, не слишком-то смелыми и даже людоедами. Не верят в то, что они в состоянии создать высокие культуры. Отчасти подобными суждениями прежде старались заглушить чувство вины по поводу работорговли и бессовестной эксплуатации в колониях, хоть чем-то их оправдать. Такие предубеждения вызывают у африканцев чувства, аналогичные тем, которые испытывали древние германцы в своих соломенных хижинах по отношению к культурным и во всем их превосходящим римлянам.

Разумеется, подобные суждения абсолютно неверны. Могу привести в пример хотя бы то, что прежние верования многих африканских родов предписывали молодым мужчинам сражаться со львами, леопардами, слонами, носорогами самым примитивным оружием, и притом в чистом поле. Это ли не постоянная

---

[1] Собирательное имя обычной мещанки-обывательницы.— *Прим. пер.*

проверка отчаянной храбрости и мужества, каких за последнее тысячелетие нельзя было встретить ни на одном другом континенте?

Старые африканские верования объявляли отдельные местности «табу», где убийство животных было строжайше запрещено. Подобные религиозные запреты из боязни кары сверхъестественных сил, как правило, строго соблюдались. Преступивший закон охотник боялся, что в отместку за его непослушание боги умертвят его жену или детей. Когда вся живность вокруг таких районов «табу» бывала уже истреблена, то через некоторое время она снова пополнялась за счет беспрепятственно размножающегося поголовья из «святых местностей» *.

Я нередко заявляю в Африке, что мы, служащие национальных парков, преемники африканских жрецов. Мы пытаемся законодательным путем при помощи штрафов и популярных разъяснений добиться того же самого (кстати, с гораздо меньшим успехом!), что и старые верования в течение целых тысячелетий давали людям этого континента. Миссионеры и колониальные чиновники понятия не имели, что именно они так бездумно разрушали. Во всех африканских верованиях животные играют большую роль. Африканец чувствует незримые таинственные нити, связывающие его с душой животных, он верит в то, что его душа время от времени переселяется в тело определенного животного, что она и после смерти продолжает жить в ком-нибудь из них. В этом подобные религии отличаются от христианства и ислама, ставящего человека вне природы и над ней.

Основы современных национальных парков Африки значительно крепче, чем, например, североамериканских, не говоря уже о так называемых национальных парках ФРГ. Неимущие африканские государства жертвуют на свои национальные парки во много раз больше того, что расходуют на охрану природы, и в частности на национальные парки, Соединенные Штаты Америки; безнадежную беспомощность проявляют в этом отношении почти все страны Южной Америки.

Некоторым африканским государственным деятелям становится все более ясно, что их страны и граждане в деле, значимость которого с каждым годом будет все увеличиваться, а именно в деле охраны природы, занимают уже лидирующее место.

К сожалению, сотни тысяч иностранных туристов, приезжающих ежегодно в Африку, ничего не узнают о выдающихся культурных достижениях этих стран. Они видят африканцев только в качестве шоферов, официантов или нищих у обочин дорог. Об изумительной африканской фауне и о бескрайних девственных природных ландшафтах они обычно слышат пояснения из уст белых гидов, которые часто не испытывают никаких дружеских чувств по отношению к африканцам.

А ведь именно при таких обстоятельствах было бы удобнее всего познакомить непредвзятого посетителя из Европы или Америки с тем, что представляют собой на самом деле настоящие африканцы. Посетителей должны сопровождать не белые,

а африканские гиды, которые будут давать пояснения по дикой фауне, по национальным паркам, ландшафтам и достижениям охраны природы в стране, то есть в тех областях, в которых африканцы ничуть не отстали от белых, если наоборот — не перегнали их. Они могли бы рассказать очень много захватывающих историй, где участвуют львы, слоны, бегемоты,— историй, происходивших не только десятки лет назад, но и совсем недавно, буквально в последние несколько месяцев.

Ведь рядовой турист, как правило, ничего не знает об истории многих африканских государств. Ну кто из приезжих слышал, например о «Наполеоне племени зулу» по имени Чака — том, который применил новый способ ведения войны, покорив в прошлом веке обширные области Африки? А ведь благодаря этой новой тактике зулусы впоследствии разбили хорошо оснащенную английскую армию *. А кто знает хоть что-нибудь о христианском государстве, достигшем расцвета в конце XV — начале XVI века и впоследствии разрушенном из-за гнусного предательства приглашенных европейских помощников **?

Путешественник, который будет черпать свои знания о животном мире, ландшафте и в первую очередь о людях, населяющих Африку, из уст африканца, вернется домой с совершенно другим впечатлением об этом континенте. Но и африканские политики, и широкие массы населения очень скоро почувствовали бы гордость за свои заслуги. В таком аспекте поток туристов, принесший некоторым африканским странам в денежном отношении столько пользы, остается, к сожалению, пока еще совершенно не использованным. Африканским администрациям следует со своей стороны подумать о подготовке своих, отечественных гидов, в чем мы, деятели охраны природы, всегда готовы им помочь.

Было бы особенно важно, чтобы и в Африке не только отдельные государственные деятели, но и широкая общественность гордились тем, в чем африканцы перегнали все остальное человечество.

УДИВИТЕЛЬНЫЕ ЖИВОТНЫЕ ЭТИ ТОПИ!

Неподвижно, как каменное изваяние, стоит на высоком муравейнике крупный самец антилопы топи (Damaliscus lunatus topi). Его коричневая гладкая шкура блестит на солнце. Ноги у топи словно в ярко-желтых чулках, а на боках спереди и сзади отчетливо выделяются иссиня-черные пятна. Такое же пятно у него и на голове. Животное выглядит каким-то очень нарядным и расфранченным на фоне ярко-голубого неба Серенгети.

Стоит он там, наверху, чтобы лучше обозревать и охранять свои владения. Время от времени он спускается и рысцой, а то и галопом пробегает вдоль границ «своего» участка. Когда участок пересекают самки с молодняком, он их «галантно» сопровожда-

ет, а если какая-нибудь из них в течке, он спаривается с ней. В случае же приближения какого-либо самца, владельца соседнего участка, даже если тот и не дошел до самой «пограничной полосы», возникает драка. Правда, поединок не такой жестокий, когда летят клочья шерсти и капает кровь, как это случается, например, у зайцев, диких кроликов или оленей. Здесь ничего подобного не происходит: поединок носит чисто символический характер. Противники сначала стоят друг против друга и некоторое время в упор разглядывают один другого. Затем один отворачивает голову в сторону, за ним — другой. Потом оба одновременно падают на колени и толкаются рогами. Через мгновение они уже жмут рогами изо всех сил, пока кто-нибудь не окажется сдвинутым назад. Но иногда они и просто так могут постоять рядом, даже лениво почесываться при этом задними копытами. Никогда не увидишь здесь ни внезапного удара рогами, ни желания действительно покалечить другого или заколоть его. Такого у топи не водится. Наконец, вторгшийся на чужую территорию пришелец поворачивается и медленно уходит. А противник его никогда не преследует. Персональный участок у топи может занимать в диаметре от 200 до 400 метров.

Когда я вместе со своим сыном Михаэлем в 1957 году впервые проводил учет топи в Серенгети, их там было 5172. Четырьмя годами позже Ли Талбот насчитал в расширенном к тому времени национальном парке уже 15 тысяч, а Хуг Лампрей в 1971 году даже целых 40 тысяч! За последние 23 года поголовье крупных животных, обитающих в этих местах, увеличилось впятеро — их теперь свыше двух миллионов голов.

Топи относятся к группе лиророгих антилоп. Встретить их можно в травянистой степи повсюду, там, где вообще еще водятся крупные дикие животные. Наблюдения последних двух десятков лет дали биологам совершенно новые данные о жизни и повадках этих копытных. Так, у разных особей бывает абсолютно не сходное поведение. В то время как один самец-топи упорно стоит на страже своего участка и поджидает самок, другой преспокойно живет вместе со своей семьей, состоящей из нескольких самок и молодняка. Помимо подобных стад-гаремов существуют также холостяцкие стада, в которые собираются одинокие самцы, в первую очередь молодые.

А то в разное время года и в определенных местах семейные группы могут собираться в огромные стада — от трех до пяти тысяч голов, например в долинах Ндоха или Дутва, что в западном «коридоре» Серенгети, там, где степь простирается в сторону озера Виктория. Самцы в таких стадах устраивают себе настоящие «арены для поединков». Там трава из-за постоянного топтания и беготни не успевает отрастать и остается постоянно короткой и смятой. Соперники гоняют друг друга, раздувая ноздри и пританцовывая. У каждого самца в таком стаде есть особое место, которое он считает своим, где ежедневно откладывает помет всегда в одну и ту же кучу. «Турнирная арена», которая у стада в тысячу голов может занимать около одного квадратного

километра, как правило, бывает расположена у какого-нибудь неглубокого бочажка с дождевой водой, в котором животные охотно плещутся. Во время брачного периода на «арену» начинают заходить и самки, чтобы спариться там с самцами. Потом гигантские стада начинают понемногу снова распадаться.

Топи едят только траву. К веткам и листьям деревьев и кустарников они никогда не прикасаются. В Серенгети детеныши топи появляются на свет чаще всего в сентябре. В первые дни их жизни мамаши-топи, уходя попастись, зачастую оставляют детенышей в «детском саду» под присмотром одной или двух самок.

Когда трава в открытой саванне в засушливый сезон полностью высыхает да еще вдобавок сгорает во время степного пожара, даже горделивый самец-топи бывает вынужден покинуть свой персональный участок. Однако сердцем он по-прежнему к нему привязан, и отдельные самцы-топи готовы во время засухи протопать 15 километров, лишь бы посетить свою «вотчину». А там степной пожар уже сделал свое дело, да и кочевавшие по нему гну оставили за собой безжизненную, бесплодную равнину... Тем не менее «владелец» участка непременно пометит его духовитыми метками — жидкостью, выделяемой из подглазных желез, пополнит кучу помета на старом месте и отправится в обратный долгий путь, чтобы примкнуть к своему стаду.

Между прочим, топи умеют быстро бегать. Когда Патрику Дункану, работавшему тогда в Лаборатории имени Михаэля Гржимека в Серенгети, понадобилось отловить для научных целей 20 топи, с тем чтобы их пометить, он погнался за ними на машине со скоростью 65 километров в час. Однако ему пришлось гнаться за ними целых восемь километров, прежде чем он их догнал.

Удивительные животные эти топи!

КАК СПЯТ ЖИРАФЫ! РАЗНЫЕ ДРУГИЕ ДОСТОВЕРНЫЕ ИСТОРИИ

Я говорю «стоп» и трогаю за локоть Кристиана, сидящего рядом со мной за рулем фольксвагена; я как раз рассказывал сидящим в машине, как один жираф за время транспортировки из Восточной Африки в чешский зоопарк ни разу не прилег — так и простоял весь путь на ногах. Но теперь я невольно приглушаю голос, хотя и прекрасно понимаю, что жирафы там, в саванне, к которым мы подъезжаем, нисколько не интересуются нашими разговорами. Лихорадочно навинчиваю телеобъектив на свою фотокамеру «Rollei» и прицеливаюсь. «Только бы она сейчас не проснулась!» — думаю я. Нет, слава богу, на сей раз посчастливилось: я сумел поймать ее в кадр.

— Что ты, собственно говоря, так волнуешься из-за пары каких-то жирафов? — удивляются мои спутники.— Можно поду-

мать, что ты мало их в своей жизни видел и редко фотографировал!

Я их понимаю, этих людей. Что нового можно увидеть сейчас в Найроби-парке, где на заднем плане всегда виднеются высотные дома города, которые поднимаются с каждым годом все выше и выше. Город Найроби неудержимо расползается во все стороны, а ведь перед первой мировой войной он не был даже обозначен на карте.

На сей раз я повстречал здесь, в Кении, знакомых, которых обещал покатать по парку и показать им без особых хлопот за два-три часа хоть каких-нибудь африканских животных. Что я и сделал: посадил их в свою машину и выехал за ворота города. Правда, слонов здесь не увидишь и львов тоже. Говорят, львы переселились в предместья Найроби и охотятся там на верховых лошадей... Сейчас вообще в Кении стало трудно продемонстрировать жаждущим зрелищ заокеанским гостям настоящих диких животных, разгуливающих на воле. И хотя в зимние месяцы поток туристов увеличивается, тем не менее в национальных парках Кении дикие животные почти всюду истреблены.

Как же так, спросите вы? А очень просто: на строительство отелей и дорог было отпущено предостаточно денег, а на борьбу с браконьерством непростительно мало. И слишком поздно, только с марта 1978 года, были запрещены торговля и вывоз трофеев — слоновой кости и звериных шкур. До тех пор целые ватаги браконьеров из Сомали могли беспрепятственно разъезжать на машинах по всей стране, подкупать нужных им людей и, оснащенные современным огнестрельным оружием, отстреливать ценных животных. Теперь наконец за браконьеров взялись, но боюсь, что пройдет очень много времени, пока в природе восстановится былое великолепие.

Нельзя теперь и прямо из Кении проехать в Танзанию, чтобы посетить там замечательный парк Серенгети и девять других национальных парков: обе страны находятся в состоянии вражды друг с другом *. Так что для того, чтобы полюбоватся на огромные двухмиллионные стада крупных копытных, надо лететь из Европы прямо в Арушу или в Дар-эс-Салам или сразу уж подаваться в Уганду, Руанду, Малави, Замбию или Заир.

Как хорошо, что во время этой нашей экскурсии в Найроби-парк я все же захватил с собой свою фотокамеру и держал ее заряженной на коленях, хотя и не ожидал увидеть что-нибудь достойное внимания. Вообще-то я ее всегда беру с собой, потому что в тех редких случаях, когда у меня ее нет, обязательно какой-нибудь слон встанет на голову, и никто в это потом не поверит.

А снимок, который мне удалось сделать в тот день, имеет свою предысторию, и, между прочим, довольно длинную.

В начале пятидесятых годов мы исследовали во Франкфуртском зоопарке условия и продолжительность сна у львов, слонов и других животных. Наблюдения проводили два начинающих зоолога — Герберт Гебинг и Клаус Иммельман (который теперь

уже давно профессор Билефельдского университета). А тогда, в 1954 году, с июня по октябрь, затем повторно в 1956 году, с марта по апрель, они просидели во вновь отстроенном жирафнике и открыли совершенно ошеломляющие вещи.

Примерно через час после того, как последний посетитель покидал павильон, значит с наступлением вечерних сумерек, жирафы в первый раз опускались на пол — весь день они проводили на ногах. Обе передние ноги и одна задняя при этом подгибались под живот, а вторая задняя нога вытягивалась в сторону, причем попеременно то левая, то правая. Но шея отдыхающего жирафа неизменно оставалась поднятой вертикально. Животные то жевали жвачку, то просто смирно лежали в такой позе — мы бы назвали такое состояние «дремотным», то есть неглубоким сном. Жирафы не шевелились, только время от времени поводили ушами. Веки медленно опускались на глаза, и те оставались порой закрытыми в течение нескольких минут. Оба наблюдателя не смогли точно определить, сколько времени длится подобная «дремота», потому что ни разу не удалось точно зафиксировать ее начало и конец. Самец-жираф Отто однажды простоял десять минут с закрытыми глазами в углу. Спал ли он?

Но ни разу не случалось, чтобы жирафы пролежали так всю ночь напролет. Самое большее — через 3 часа 50 минут и самое меньшее — через 11 минут жираф снова поднимался на ноги. В среднем они вставали через каждые два часа, чтобы освободиться от экскрементов и мочи, а также для того, чтобы подкормиться. Так что жирафам, подобно слонам, приходится по нескольку раз в ночь опорожнять свой кишечник и мочевой пузырь. Чаще всего они после этого бодрствуют — стоят или расхаживают, а на воле пасутся, и проходит 45—60 минут, а порой и более двух часов, прежде чем они снова улягутся. У подопытных жирафов в течение одной ночи бывало от трех до пяти пауз для отдыха, которые составляли в общей сложности от семи до девяти часов. Чаще, чем взрослые, встает ночью молодняк.

Все бы хорошо, но... Такого рода поза с поднятой шеей и головой сама по себе ни для одного зоолога не представляет чего-либо нового и необычного. Но два этих молодых исследователя обнаружили, что время от времени жирафы способны впасть и в настоящий глубокий сон. В такие моменты они изгибали шею баранкой сбоку назад так, что нос касался пола позади щиколотки задней ноги, а нижняя челюсть приходилась на уровень голени. При этом они опускали голову попеременно то на правую, то на левую ногу.

Схожим образом поступают и другие жвачные, например коровы или антилопы, только у тех шея, хотя тоже гибкая, но гораздо короче и поэтому в подобной ситуации бывает сбоку плотно прижата к телу, а голова покоится на задней ноге. Между прочим, так спят и детеныши жирафов, шея у которых поначалу тоже еще короткая. Длинную же шею взрослых особей не удается так плотно прижать к телу: она выгибается настоящей дугой. Это была новость для нас всех.

Подобный глубокий сон у жирафов длится очень недолго, самое большее 12 минут; самый короткий — одну минуту, а в среднем — от трех до пяти минут. В течение ночи жирафы впадали в такой глубокий сон не больше пяти, очень редко десяти раз, что составляло в общей сложности не более 20 минут. Исключение и здесь представляет молодняк. Жираф Туло, рожденный во Франкфурте, нередко лежал по 15—20 минут с заложенной назад головой, что составляло за ночь около 70 минут.

Если бы тогда Клаусу Иммельману не удалось заснять одного из наших жирафов во время глубокого сна с шеей, завернутой назад дугой, нам бы никто не поверил, что речь идет о достоверном наблюдении. Однако вскоре после опубликования снимка в 19-м томе «Журнала по зоопсихологии» один весьма почтенный специалист написал, что тут речь может идти скорее всего о привычке, выработанной в неволе; в естественных условиях африканской саванны жирафы наверняка ведут себя по-другому, иначе это давно уже было бы кем-нибудь замечено. Правда, несколько лет спустя мне написал один южноафриканец, что видел жирафа, лежащего именно в такой странной позе, но фотографии у него, к сожалению, не было. Опять же несколькими годами позже Г. Темброк нашел в одной старой книге о зверинцах, изданной в 1835 году, следующее описание: «Когда жираф спит, он откидывает шею назад и опирается головой на свой зад».

Вот какова предыстория этой фотографии, и вот почему я был тогда так взволнован. Надо же было случиться, что именно во время вечерней прогулки по всем доступному и кишащему посетителями Найроби-парку мне удалось найти доказательство нашей правоты!

В тот же день Тед Госс, служитель Цаво-парка, сказал мне, что за все 18 лет, которые ему довелось провести в Африке, ему ни разу не приходилось видеть, чтобы жираф спал в такой позе. Наверное, все дело в том, что они принимают ее только ночью, когда темно.

А вообще какие только удивительные истории не происходят с животными в Африке! Старший смотритель парка с целой киногруппой в национальном парке Уганды — Кидепо едва сумел удрать от бросившегося в атаку слона. Забияка оказался самкой, которая до того разошлась, что пронзила бивнями дверцу лендровера, а потом, стараясь вытащить бивни назад, начала изо всей силы трясти машину, словно фокстерьер пойманную крысу. Когда слониха, передохнув несколько секунд, решила повторить свой маневр, машина была уже пуста. Она даже не заметила, что все сидевшие в ней люди поспешно выскочили и убежали. Да это и не смутило разбушевавшееся животное. Слонихе было достаточно выместить свой гнев на автомобиле — она разнесла в щепки дверцы и оторвала несколько металлических частей от кузова. Надо заметить, что киношники не огорчились по этому поводу — им ведь удалось заснять всю сцену на пленку.

Еще больше страху нагнал другой слон в танзанийском на-

циональном парке Микуми. Однажды ночью раздался страшный шум возле домиков для персонала, находящихся поблизости от усадьбы старшего смотрителя парка. На следующее утро явился насмерть перепуганный повар и поведал следующую историю: он спал и внезапно проснулся от того, что «слон начал трубить ему в самое ухо», или так ему во всяком случае показалось. Повар вскочил с постели и бросился к окну. Он увидел, что два здоровенных льва удирают от догоняющего их огромного, визгливо трубящего слона. Единственным убежищем, куда можно было укрыться от взбешенного толстокожего, оказалась маленькая открытая веранда домика повара. Туда они и впрыгнули, с грохотом опрокинув при этом пустой мусорный бак и металлический столик. Поднялся дикий переполох: львы прижались спиной к стене, стараясь, чтобы слон до них не дотянулся, а попасть на веранду слон не мог — для этого она была слишком мала. Один из «царей зверей» заполз в самый дальний угол, стараясь стать как можно незаметнее. Другой принял позу обороны непосредственно под окном, в которое выглядывал испуганный до полусмерти повар. Слон старался втиснуться, насколько пускала низкая крыша, на веранду и достать беглецов. Его мощный хобот раскачивался из стороны в сторону, а единственный путь к отступлению для львов он загородил своим мощным корпусом. Каждый раз, когда хобот приближался слишком близко к львам, те издавали угрожающий глухой рык, и тогда слон поспешно убирал этот свой легко ранимый орган. Так враждующие партии простояли друг против друга примерно час, пока у слона не лопнуло терпение и он не ушел. «Цари зверей», убедившись, что враг ретировался, с облегчением исчезли в ночной тьме, а повар, дрожа всем телом, снова залез в постель.

Слоны Микуми-парка порой вообще не проявляют ни малейшего страха перед людьми. Так, один очень приветливый слон, часто околачивавшийся возле туристического лагеря, был прозван Балоци (Консул), и его никто не боялся. Однажды поздним вечером он начал почему-то упорно интересоваться «фольксвагеном», припаркованным вне границ туристического лагеря. Слон просовывал хобот под левое переднее крыло и что-то там вынюхивал. Он никак не желал прекращать свою возню и становился все навязчивее, так что людям пришлось его прогнать. Когда мы заглянули под переднее крыло, то обнаружили, что внутренняя поверхность его густо забрызгана кормовой патокой из сахарного тростника. На следующее утро Консул вернулся и снова стал пытаться залезть хоботом под крыло колеса, на сей раз заднего. В своем возбуждении он толкал легкий автомобильчик взад и вперед. Боясь, что он его опрокинет, мы сообща постарались отогнать слона как можно дальше. И что же в конце концов выяснилось? Оказывается, машина приехала с сахарных плантаций в Киломберо, где, чтобы прибить пыль, дороги недавно побрызгали кормовой патокой.

В другой раз целое стадо буйволов, состоящее из одних самцов, ночью в течение часа бушевало и топало вокруг дома управ-

ляющего парком. Оказывается, они конфликтовали со львами и старались их прогнать. Шипение, сопение и рык никак не прекращались. А один из львов время от времени затаивался даже на веранде дома.

А вот еще история. В один жаркий солнечный день в помещение кассира у входа в национальный парк зашел — кто бы вы думали? — молодой лев — ни больше, ни меньше. Он только что сытно позавтракал, набив брюхо до отказа мясом добытого им гну, и решил прилечь в прохладном месте. Кассир спорить с ним не стал, а, наоборот, скрылся поскорее в примыкавшем к кассе музейном помещении. А лев, очень довольный, растянулся на прохладном цементном полу кассы. Вскоре он захотел попить и направился к маленькому фонтанчику в баре расположенного поблизости Микуми-отеля. Утолив жажду, он, в полном изнеможении, но вполне удовлетворенный, улегся посреди холла. И только некоторое время спустя явился наконец бухгалтер национального парка на лендровере и прогнал непрошеного гостя.

Нередко случается, что в гибели людей несправедливо обвиняют диких животных. Это можно продемонстрировать на следующем примере.

Двадцать четвертого апреля 1979 года Михаэль Веблей, смотритель парка в районе Нарок, в Кении, получил донесение, что в горах Мау лев убил и съел троих детей. Дело казалось из ряда вон выходящим и весьма необычным, потому что в этих местах обитает сравнительно мало львов, которым вполне хватает привычной пищи, да и вообще никогда здесь не случалось ничего подобного.

Михаэль Веблей немедленно отправился к указанной маньятте (так называется огороженное жилище масаев), откуда убитые дети были родом, и настоял на том, чтобы его отвели к месту ужасного происшествия. Отец одного из погибших мальчиков после некоторого колебания все же согласился его сопровождать. Управляющий парком и прибывшие вместе с ним охранники попросили отца, чтобы он рассказал им все, что ему известно о случившемся. Он ответил, что мальчишки ушли из маньятты четыре или пять дней назад пасти скот. В тот же день разразилась сильная гроза; вечером скот вернулся домой без детей. Родители тотчас же отправились на поиски и только четыре дня спустя нашли бренные останки своих детей. Они были уверены, что их растерзали и съели именно львы.

После довольно продолжительного марша поисковая группа во главе с управляющим парком добралась наконец до места кровавой драмы, которое находилось высоко на склоне горы. И вскоре выяснилось, что же на самом деле произошло с несчастными детьми.

Мальчики во время грозы спрятались от дождя под высоким деревом, росшим возле маленькой горной речушки. Судя по обгоревшему стволу и опаленным кустарнику и траве, в дерево угодила молния и сожгла его дотла. Прямое попадание молнии

пробило даже в земле огромную дыру. Дети наверняка были мгновенно убиты. Леопард нашел их трупы и утащил один из них в крону дерева, словно он сам добыл свою жертву, и там почти полностью съел. На стволе отчетливо виднелись следы его когтей, а в развилке ветвей все еще висели оставшиеся от несчастного ребенка тряпки. Два других трупа подобрали и съели гиены, что тоже легко прослеживалось по их следам.

Когда управляющий парком более детально расспросил отца о происшедшем, тот признался, что он, вообще-то говоря, и сам прекрасно знал, что́ именно произошло с детьми. Но он слышал, что за людей, ставших жертвами диких животных, правительство выплачивает родне неплохие деньги в качестве «компенсации за нанесенный ущерб». Вот он и решил попытаться...

НА ВОЗДУШНОМ ШАРЕ ЧЕРЕЗ КИЛИМАНДЖАРО

Лично для меня слова «Африка» и «полеты» неразделимы. Это ведь мы вместе с моим сыном Михаэлем двадцать лет назад внедрили для работы в национальных парках Африки маленькие спортивные самолеты. Михаэль, как известно, потом там и погиб из-за аварии с таким самолетом. Именно с помощью этой техники нам удалось проследить кочевки последних на Земле больших стад диких копытных по саваннам Серенгети и впервые произвести их учет. Заодно выяснилось, что с воздуха значительно легче выявлять браконьеров и бороться с ними. Ведь только сверху можно обнаружить их лагеря и изгороди с искусно запрятанными в них страшными удавками. С помощью самолета же можно наводить охранников парка на банды браконьеров, а с другой стороны, те же полеты позволяют с легкостью проверить, находится ли охрана в удаленных безлюдных районах парка на своих постах или поехала проведать родню в ближайшую деревню.

Для этой цели мы за последнее время приобрели ни много ни мало 19 небольших самолетов (большей частью подержанных, по сходной цене) и переправили их в различные парки мира, но преимущественно в африканские. Приобретались они на средства «Фонда помощи исчезающим животным». Много ли в Серенгети окажется убитых носорогов, леопардов, львов, гепардов или буйволов, сколько браконьеров предстанут перед судом — все это в большой степени зависит от того, имеются ли в распоряжении охраны парка самолеты, достаточно ли бензина, хороши ли пилоты. Не только на моем собственном самолете, но и на тех, что принадлежат администрациям парков, можно найти следы от пуль браконьеров. А один из наших пилотов во время переворота в Уганде летел, ни о чем не подозревая, из Конго в Восточную Африку. После промежуточной посадки в Уганде он проси-

дел там четыре недели в тюрьме. Когда я наконец узнал об этом, то сумел его вызволить; сам я при аналогичных обстоятельствах в Судане тоже оказался арестованным на восемь дней.

Мы выявили и третий момент пользы от наличия собственного воздушного транспорта, а именно: когда в Найроби приезжают известные политики или влиятельные бизнесмены, то бывает трудно склонить их тащиться в лендровере по плохим дорогам в отдаленные (но зато большие и прекрасные) национальные парки, такие, как, например, Серенгети или Нгоронгоро. Но когда пообещаешь, что за полтора часа они будут там, те соглашаются. А уж кто побывал в настоящем буше, посидел вечером у лагерного костра, прислушиваясь к непривычным звукам африканской ночи, тот никогда этого не забудет и уедет домой очарованным. Как часто такие визиты прекрасно окупались для наших национальных парков.

Но вот для съемок у самолетов есть недостаток — они летают слишком быстро. Именно по этой причине мне пришлось заиметь в Африке мотопланер, который способен летать значительно медленнее. Вертолеты же, которые для этой цели мне часто предлагают завести мои читатели, неудобны тем, что требуют длительного обучения вертолетчиков, а также дорогостоящих ремонтов. Мысль о том, каким новым и удобным способом можно снимать, повисая в африканском воздухе, пришла в голову Алану Руту. Познакомились мы с ним очень давно, когда он, будучи еще совсем молодым человеком, отснял самые лучшие кадры в нашем фильме «Серенгети не должен умереть». Затем он по моему заданию ездил в Индию, Австралию, Южную Америку. Вместе с ним мы пережили много разных приключений. Это он уговорил меня спрятаться позади надутого пластикового чучела носорога и наступать им на живого «соперника» (а ведь известно, что носороги шуток не любят!) и подобным же образом «интриговать» львов и слонов. И с каждым годом Алан снимал все более захватывающие фильмы.

Несколько лет назад меня во Франкфурте посетил один молодой англичанин. Он старался убедить меня в том, как удобно вести наблюдения за животными с воздушного шара. Меня это поначалу не слишком убедило, потому что мне самому уже приходилось несколько раз (правда, в Европе) подниматься в воздух на такой штуковине. На мой взгляд, человек, взлетевший на воздушном шаре, отдает себя полностью «в руки господни», потому что от него самого уже перестает зависеть, куда понесет его этот гигантский пузырь и как долго он на нем продержится в воздухе. Но тем не менее всем известно, что слава Жюля Верна, этого прозорливого француза, основателя технического фантастического романа, началась более ста лет назад именно с книги, описывающей путешествие на воздушном шаре. А путешествия на Луну, к центру Земли и на подводной лодке — это было уже потом. Именно Жюль Верн выдумал название газеты, которая якобы субсидировала этот никогда не состоявшийся фантастический полет на воздушном шаре. И вот представьте себе, сейчас

в Англии действительно издается газета именно с таким названием! Ради рекламы она и взяла на себя расходы по нашим предстоящим полетам на воздушном шаре над Африкой. Разумеется, Алан Рут сразу же загорелся этой идеей. Однако организация подобных полетов в дикой местности оказалась делом весьма затруднительным. Воздушный шар нужно было надувать легко воспламеняющимся водородом, который приходилось привозить в тяжелых железных баллонах. Когда газ быстро выпускали из шара, чтобы выбраться из восходящих потоков воздуха и приблизиться к земле для съемок, шар уже терял свою подъемную силу, а подвозить тяжеленные газовые баллоны к тому месту, где он самопроизвольно приземлился в буше, было практически невозможно.

Но все изменилось, когда решили вернуться к надуванию шара разогретым воздухом — способу, которым пользовались братья Монгольфье в 1783 году в Париже во время своих первых полетов с пассажирами на борту. Теперь достаточно было иметь с собой в подвесной гондоле небольшую канистру с газом, отвернуть самую малость кран, зажечь горелку, и пламя начнет разогревать воздух, который проникнет в полость шара и раздует его. Махина сорокаметровой высоты будет подниматься тем выше, чем горячее будет вдуваемый в нее воздух. Если закрыть кран, то горячий разреженный воздух в шаре начнет медленно охлаждаться, и летательный аппарат приблизится к Земле. Но его можно в любое время заставить снова подняться — достаточно только заправить его новой порцией горячего воздуха. Все очень просто. Правда, по-прежнему остается проблема с направлением полета: ветер гонит шар туда, куда он хочет, а не туда, куда вам нужно; единственная возможность поменять направление — это подняться как можно выше и попытаться попасть там в воздушные струи, дующие в нужном направлении.

Первые опытные полеты Алан проводил в Кении, недалеко от своего домика, возле озера Найваша. Там супруги Рут жили вместе с маленьким бегемотиком, пользующимся полной свободой и бегающим куда вздумается. Кроме него в доме жили еще полосатая гиена, дикобразы, трубкозубы и выдры. Вот такая компания. Обучал Алана полетам опытный специалист по воздушным шарам, приехавший из Англии. Не обошлось, разумеется, без аварий. Стараясь держаться во время полета как можно ближе к воде, Алан окунул пару раз гондолу, зачерпнув в нее воды, отчего она сильно отяжелела, и дело кончилось тем, что пришлось выуживать всю эту шелковую махину из озера.

Полеты на воздушном шаре требуют определенных навыков и знания некоторых коварных его особенностей. Например, пока гигантское сооружение привязано к земле, ветер зачастую гонит горячий воздух от пламени мимо входного отверстия шара, а не в него. Но стоит этой штуке подняться на воздух — пламя будет стоять строго вертикально, и шар полетит исключительно по воле ветра.

Алан вскоре заметил, что животные не слишком-то реагируют на появление непонятного «небесного пришельца». Так, по крайней мере живущие на озере птицы не обращали на него никакого внимания (между прочим, выяснилось, что прямо из гондолы можно было отлично ловить раков и жарить их тут же на пламени горелки...).

Мало беспокоил оранжевый шар и диких буйволов, пасшихся в степи в верховьях реки Мары. Чтобы спрятаться от ветра во время наполнения шара, приходилось искать прикрытие в виде куртины деревьев или густого кустарника; там же обычно прятались от жары какие-нибудь животные. Один старый кафрский буйвол постоянно стоял так близко от суетящихся вокруг шара людей и так мирно подремывал, что его вскоре окрестили «комендантом аэродрома».

Дело постепенно налаживалось. Алан получил права водителя воздушного шара и даже рискнул взять с собой в полет свою дорогую киноаппаратуру. Правда, вскоре стало ясно: не ему, а его жене Джоан следовало дать права на вождение шара. То и дело он обращался к ней во время самых напряженных съемок:

— Джоан, я надеюсь, что ты следишь за этой штуковиной, черт возьми! Чего же ты не добавляешь горячего воздуха, а?

— Я занимаюсь фотографированием!

— Ничего не знаю. Давай договоримся: когда ты слышишь стрекотание моей кинокамеры, ты ничем не занимаешься, кроме управления шаром!

Но вот однажды случилась неприятность. Когда они оба ехали домой на машине, уложив аккуратно сложенный шар в прицеп, молния вдруг раскрылась, и шелковистая оболочка шара, соскользнув вниз на дорогу, потащилась за машиной. Заметили они это только после того, как проехали много километров, оболочка шара к этому времени уже превратилась в жалкие лохмотья. Что делать? Не оставалось ничего другого, как заказать новый шар в Европе и привезти его в Африку.

Затем съемки продолжились. На сей раз — вокруг Килиманджаро, самой высокой горы Африки. Этот увенчанный снежной вершиной колосс высотой 5895 метров над уровнем моря выглядит особенно высоким из-за того, что не утоплен среди горных кряжей, как Монблан или Эверест, а одиноко возвышается на 4300 метров над окружающим плоскогорьем. Первыми открыли его в 1848 году миссионеры Крапф и Ребман, над которыми в Европе поначалу только посмеивались: они, видите ли, вздумали утверждать, что открыли снежную гору в самом сердце Африки! Первое восхождение на Килиманджаро относится к 1889 году.

В степях вокруг Килиманджаро, в национальном парке Цаво и резервате Амбосели, обитает пока еще много диких животных. Воздушный шар не производил на них особого впечатления, разве только тогда, когда быстро скользящая по земле тень от него проскакивала слишком близко от них. Или в тех случаях, когда Алан летел слишком низко. Тогда их пугало шипение газовой горелки. С воздушного шара чете Рут удалось обнаружить, что

здесь, на поросших зеленью старых лавовых потоках, обитают еще носороги. У этой лавы, вытекшей несколько тысячелетий назад из небольших вулканических кратеров и затвердевшей, очень острые края. Только слонам удалось протоптать по ней несколько троп, по которым потом уже, вслед за ними, проникли в эти места другие животные, снабженные копытами. Людям же и большинству хищников с их мягкими лапами охотиться в этих местах очень трудно. Алан и Джоан обнаружили здесь с воздуха несколько мертвых носорогов, у которых никто не срезал их ценных рогов (!). Они спустились на своем воздушном шаре и подобрали дорогостоящие рога, чтобы сдать их администрации парка.

Один из смотрителей Цаво-парка, близкий друг супругов Рут и преданный своему делу охранитель природы, решил выставить свою кандидатуру на выборах в кенийский парламент. А поскольку многие кочевники в Африке неграмотны, агитаторы охотно используют какой-нибудь нарисованный символ, обозначающий того или иного кандидата, который уполномоченные общиной избиратели опускают в урны для голосования. Супруги Рут очень помогли своему другу тем, что прицепили большое изображение его выборного символа к воздушному шару и летали с ним над поселками избирателей.

Но однажды Алан так увлекся киносъемкой, а Джоан фотографированием, что оба не заметили, как шар понесло к лесу. Вот уже внизу непроходимая зеленая чащоба: назад дороги нет и в сторону не свернешь. Группа наземного слежения, следовавшая за воздушным шаром по степи в лендровере, в лес, разумеется, проникнуть не сможет. Как быть? Если опуститься прямо на верхушки деревьев посреди леса — кто тогда сумеет отыскать в такой чащобе воздушный шар? И как вообще выбраться из непроходимых дебрей леса? Алан принял единственно возможное решение: он спустил шар у самой реки, прямо на прибрежную древесную растительность,— так хоть по реке можно будет до них добраться. Джилу и Майку, составлявшим группу наземного слежения, несмотря на то что они были отнюдь не новичками в водном спорте и уже объехали однажды на лодке вокруг всей Англии, понадобился целый день на то, чтобы добраться, идя вниз по течению, до Алана и Джоан. Винт мотора их резиновой лодки на крутом пороге водопада разлетелся вдребезги. Сопровождал поисковую группу вооруженный проводник парка африканец Михаэль Нгуре, которому надлежало защищать их от диких животных. Воздушный шар осторожно сняли с дерева, сложили и погрузили в лодку. Но и на обратном пути пришлось снова преодолевать пороги и небольшие водопады.

Разумеется, супруги Рут не успокоились, пока не добились разрешения перелететь через Килиманджаро. После двухмесячной подготовки и последующего долгого ожидания благоприятной летной погоды они наконец поднялись на высоту 7500 метров и летели в течение четырех часов над горными лесами, глетчерами и скалами. Полет удался.

Да, все было бы хорошо, если бы полет чуть не закончился совсем плохо, и я никогда бы не смог показать прекрасно отснятых кадров в своей телепередаче. Дело в том, что, перелетая через Килиманджаро, воздушный шар пересек границу и попал из одной африканской страны в другую, причем без таможенного контроля. Сразу после их приземления к ним поспешила разгневанная полиция и заявила, что должна конфисковать подозрительное содержимое подвесной гондолы. Пропали фильмы! Но Джоан пришла блестящая идея запихнуть только что отснятые кассеты себе под юбку и заявить, что она «на сносях», поэтому ее оставили в покое и вообще постарались поскорее избавиться от этой парочки. Таким оригинальным способом удалось спасти прекрасный цветной фильм и те красивые снимки, которые вы видите в этой книге.

СУДАНУ ТОЖЕ НУЖНЫ НАЦИОНАЛЬНЫЕ ПАРКИ

Я лежу в палатке в Южном Судане всего в каких-нибудь двадцати метрах от берега Нила. Лежу и жду, когда взойдет солнце. Рядом со мной спит мой сын Стефан. Живем мы очень скромно и примитивно, устроившись здесь недалеко от жилья Питера Макклинтона и его жены. Туалет наш, простите, состоит из удобной деревянной скамейки с дыркой посредине, под которой вырыта неглубокая яма в земле. Душем нам служит обыкновенное ведро с водой, веревка от которого переброшена через сук и по мере надобности подтягивается кверху. Я вынужден часто ополаскиваться водой, потому что температура воздуха здесь держится от 41 до 45 градусов в тени. Сначала я все рвался сбегать выкупаться в Ниле, но Питер Макклинтон мне отсоветовал:

— В прошлом году здесь двоих утащили крокодилы!

Несмотря на это предупреждение, я на следующий же день вижу у причала так называемого «порта» городка Джубы целую ватагу из 20—30 негритянских мальчишек, радостно плещущихся в воде. Но так оно и бывает: крокодилы всегда стараются держаться подальше от паромов и вообще от мест, где орудуют люди. Когда мы бывали в Конго, то часто плавали рядом с паромами, пока нам не стало ясно, что страшны не крокодилы, а ужасно неприятная тропическая болезнь — бильгарциоз, которую можно подцепить в воде.

Макклинтоны здесь с 1977 года. Живут скромно — жизнь в Джубе страшно дорогая. Питер находится здесь по заданию нашего Зоологического общества и с помощью видавшего виды вездехода «Унимог» и подержанного самолетика исследует запасы диких животных Судана. Мы собираемся внести на рассмотрение правительства этой страны свои предложения: где именно наиболее удобно и выгодно основать национальные парки и как таковые надо устраивать и охранять. Поскольку доходы Мак-

клинтона весьма невелики (его деятельность оплачивается из средств «Фонда помощи исчезающим животным»), он ограничился тем, что на довольно основательном расстоянии от Джубы построил себе три скромные хижины типа беседок с соломенными крышами без стен, продуваемые со всех сторон свежим воздухом. В одной спят (вместе с тремя собаками), в другой едят, а в третьей работают. И все это огорожено из предосторожности изгородью из колючей проволоки.

Я в третий раз в этой стране. Судан — самое большое государство Африки, гораздо больше любой европейской страны и чуть меньше Аргентины. Правда, добрая треть всей территории — это пустыни (Сахара и Нубийская).

Первый раз я попал в Судан в 1957 году вместе с моим сыном Михаэлем, который два года спустя погиб в Африке, столкнувшись в воздухе с грифом. Но тогда он был жив и здоров, и мы вдвоем на небольшом шестиместном самолете пересекли Средиземное море и потом, летя над Нилом к югу, добрались до Судана. Здесь, в Джубе, мы встречали Новый год, правда, на английский манер, что похоже скорее на карнавал. Губернатор-африканец пригласил нас на ужин в единственный имеющийся в городке ресторан. Как он, так и его заместитель явились туда в безукоризненно белых смокингах. Зато греческие торговцы и другие гости, сидевшие с нами за столом, вели себя так, что их поведение трудно было назвать благопристойным: они и одеты были отнюдь не празднично и вели себя не в пример своим гостеприимным хозяевам-африканцам более чем развязно. Они бросались за столом конфетти, серпантином и ватными «снежками», которые предварительно окунали в бокалы с вином. Помню, рождественский пирог оказался с сюрпризом: в него запекли маленькие суданские монетки, и не успел я опомниться, как две из них уже оказались у меня во рту. Все принялись меня поздравлять — ведь это значит, что я очень счастливый, но должен признаться, что до этого момента я их и в руки-то брезговал брать — до того они бывали грязными...

Из написанной нами впоследствии книги «Серенгети не должен умереть», выпущенной с тех пор уже тиражом около двух миллионов экземпляров на тридцати языках, многие читатели знают обо всех наших тогдашних приключениях в Судане и как мы потом через Уганду благополучно долетели до Серенгети.

Второй раз в своей жизни я попал в Джубу в 1965 году, на сей раз в качестве пленного. Да, да, не удивляйтесь — меня арестовали, и 60 солдат с двумя броневиками вели меня под конвоем: я нечаянно залетел на спортивном самолетике из Уганды в Судан, не заметив границы, и углубился на несколько километров внутрь страны. Там в то время шла гражданская война, а с этим не шутят: меня должны были расстрелять как шпиона *.

Надо же было случиться со мной такому казусу! На военном самолете я был срочно доставлен в Хартум и предстал перед судом по обвинению в шпионаже (не больше, не меньше), пока не пришла наконец телеграмма от главы государства Танзании, ад-

ресованная правительству Судана. Состоялось чрезвычайное заседание кабинета министров, которое и вынесло решение о моем освобождении.

Однако мои первые впечатления о Судане относятся, как ни странно, к очень давним годам моей школьной жизни. А дело было вот как. Некто Эмин-паша, настоящее имя которого было Эдуард Шнитцер (1840—1892) *, рожденный в верхнесилезском городке Оппельн, посещал школу в моем родном городе Нейссе, потом служил в Египте, а затем стал губернатором южной провинции Судана; во время восстания Махди ** он целых пять лет пропадал без вести, пока наконец Стэнли не нашел его возле озера Альберта целым и невредимым. Этот исследователь Африки, Эмин-паша, собрал ценные коллекции бабочек и другие экзотические сувениры, направив их в дар нейссенской гимназии. Нам, ученикам, их никогда не показывали, даже на занятиях по естествознанию. Тем более возмутительным было то, что учителя использовали биологический кабинет в качестве курилки, потому что в учительской курить запрещалось...

Одним из первых, кто заинтересовался растительным и животным миром Судана, был Альфред Брем (1829—1884), который с 1847 по 1852 год разъезжал по Судану и впоследствии написал об этом книгу. Его брат Оскар, который не умел плавать, на его глазах утонул в Ниле. В те времена Альфреду Брему понадобилось целых сто дней на то, чтобы добраться от Каира до Хартума. Отношение к животным выглядело в те времена еще, мягко выражаясь, странным. Так, Брем в Египте, находясь на корабле, занимался тем, что «палил без передыха в мельтешащих вокруг нас чаек». Стрелял он и в нильских гусей, крокодилов, дроф, застрелил 18 ибисов за один раз, а также питона, мясо которого, однако, оказалось «жестким и неприятным на вкус, и никто из нас не мог его как следует разжевать». Дальше можно прочесть следующее: «Мои обычно довольно меткие выстрелы, казалось, не слишком беспокоили бегемотов; я полагаю, что пули не могли пробить толстенную кожу на голове этих колоссов. Когда же какая-нибудь из всаженных в них пуль причиняла толстокожим боль, они испускали бешеный рев и с нескрываемой яростью вспенивали воду вокруг себя».

Вот так это выглядело. В те времена еще не было действенных средств против малярии и для обезвреживания плохой питьевой воды в пустыне. Когда Брем заболел, какой-то итальянский врач трижды делал ему кровопускания и поставил ему 64 пиявки...

Альфред Брем проник не очень далеко к югу от города Хартума, следовательно, не попал в тот самый, даже сегодня еще богатый животными, южный Судан. Но судя по его описанию, тогда даже в северном Судане водилось много животных и росла пышная зелень. Сегодня там ничего подобного уже не увидишь. Домой, в Германию, он вернулся с 1600 тушками птиц.

Некоторое впечатление о положении в Судане можно составить по документам, оставленным австрийцем по имени Златин-

паша (1857—1932). Настоящее имя его было Рудольф Карл фон Златин. В 1878 году Гордон пригласил его в Египет и позже сделал военным губернатором провинции Дарфур. В 1883 году Златин попал сначала в плен к Махди, а потом был передан его преемнику калифу Абдулле. Его поймали на том, что он тайком посылал письма Гордону, и заковали на несколько месяцев в цепи. Позже ему было предписано стоять целыми днями возле дверей калифа, служить переводчиком, читать вслух и переводить своим неграмотным властелинам письма, статьи и газеты; правда, часто его милостиво приглашали к трапезе. Златину, по-видимому, только потому удалось выжить, что он, так же как и Эмин-паша, принял ислам. А письма в те суровые времена ухитрялись пересылать тайком совершенно отчаянным способом: ослу надрезали кожу и засовывали под нее записку! Только в 1893 году Златину удалось наконец бежать в Египет.

В своих воспоминаниях о годах плена Златин сообщает кое-что и о животном мире. Так, от него стало известно, что местные жители Судана в те времена часто по многу дней, сидя под низкими травяными навесами, караулили насиживающих страусов. Как только страусята вылуплялись из яйца, их тут же хватали и уносили домой. Если прозеваешь этот момент, то на другой день таких «цыплят» уже невозможно будет догнать. Страусят выращивали в домашних условиях, а когда они подрастали, то местные жители начинали выдергивать из них перья и продавать — это и сегодня еще широко практикуется в Южной Америке. Между прочим, Махди запрещал подобные вещи из религиозных соображений.

В юго-восточных районах Судана, как описывает Златин-паша, аборигены никогда в жизни не видели верблюдов. Был случай во время правления Эмин-паши, когда, увидев верблюда, целая делегация от местного вождя Мтесы, прибывшая к губернатору, с криками бросилась врассыпную. Эмин-паша велел своему слуге привести особенно крупного и упитанного верблюда, чтобы продемонстрировать посланцам вождя, какое это полезное животное. Но когда верблюда неожиданно вывели из-за угла, пришедшие попадали в ужасе друг на друга. Эмин-паша принялся им объяснять, что это совершенно ручное и очень терпеливое домашнее животное, после чего они, превозмогая недоверие, стали подходить все ближе и ближе, пока наконец «самый смелый из них поддался моим уговорам сесть на мирно лежащего на земле верблюда. Но когда тот по моему приказанию встал, седок судорожно вцепился руками и ногами в его шерсть и принялся громко кричать от страха. Правда, через несколько минут он оправился от испуга, сел прямо и вскоре уже горделиво поглядывал на нас сверху, со своего «пьедестала», и улыбался, весьма довольный. По-видимому, по приглашению «храброго наездника» остальные члены делегации вдруг кинулись к верблюду, стараясь забраться на него, карабкались по его ногам и шее. Один ухватился даже за хвост, чтобы подтянуться наверх. От такого неожиданного нападения на сей раз испугался

уже верблюд: он стряхнул седока, а того, который повис на хвосте, лягнул так, что тот с криком отлетел, ухватившись за ушибленную коленку. Мы все очень смеялись».

Однажды один из местных проводников Эмин-паши попробовал достать мед из улья диких пчел: «Взбешенные пчелы набросились на него всем скопом и ужасно его отделали; он упал с дерева и лежал без сознания. Его лицо от бесчисленных укусов превратилось в неузнаваемый распухший шар величиной с тыкву, а раздувшийся язык вываливался из перекошенного рта. Зрелище было ужасным. Через несколько часов несчастный скончался, не приходя в сознание»,— пишет Эмин-паша.

Между прочим, меня самого однажды покусали дикие африканские пчелы. Причем именно в голову. И представьте, у меня почти ничего не распухло — по-видимому, это объясняется тем, что в детстве мы много бегали босиком и, чтобы доказать друг другу свою храбрость, нарочно наступали на пчел и давали им себя ужалить.

В другом месте Эмин-паша сообщает: «К вечеру мы наткнулись на стадо жирафов, которые в степи встречаются довольно часто. Животные испуганно бросились врассыпную. Я сидел на арабском жеребце рыжей масти, подаренном мне Гордоном. Жеребец был отличный бегун, и когда я погнался за одним из жирафов, он без труда нагнал его уже через несколько минут. Однако, заметив, что загнанное животное дрожит всем телом от страха, я решил не стрелять в него, повернулся и поскакал назад к своим людям».

Находясь в плену у Махди, Златин как-то заболел расстройством желудка. Другой пленный, который ухаживал за ним, приносил воду для религиозных омовений и для питья из Нила. Однажды он ушел и больше не вернулся. «На другой день я узнал, что его схватил один из кишащих там крокодилов; подоспевшим на помощь братьям удалось лишь вырвать у крокодила его труп».

А как же на сегодняшний день обстоит дело с живой природой, и в частности с дикой фауной Судана?

Как известно, за последние годы восточноафриканские страны полностью запретили у себя охотничий туризм. Я уже не раз слышал о том, что организаторы охотничьих сафари из Найроби теперь особенно рьяно накинулись на Ботсвану и Судан и повсюду широковещательно объявляют, как там легко и беспрепятственно можно стрелять в диких животных. Однако по сравнению со странами, куда посетители приезжают только затем, чтобы любоваться на животных и снимать их, подобная стрельба приносит родине загубленных животных гораздо меньше валюты. Ведь организаторы охотничьих сафари поселяют своих гостей обычно в каких-нибудь палатках и потчуют к тому же их собственными консервами и напитками, которые те привозят с собой на своих частных самолетах. А весьма скудно оплачиваемые егеря, которые их сопровождают во время охоты, легко со-

глашаются закрыть глаза на то, что состоятельный гость прицеливается в запретный вид или отстреливает больше, чем записано у него в лицензии. Это обеспечивает хорошие чаевые. Кроме того, такие люди здесь, в Судане, не имеют специальной подготовки — они часто не в состоянии отличить один вид животного от другого и не знают, где проходят границы заповедных зон. Не знают часто и местные политики и государственные чиновники, где и в каком количестве обитают в их стране дикие животные. Поэтому вскоре отдельные легкодоступные районы оказались полностью опустошенными.

Мне, например, рассказывали об одной такой итальянской группе охотников, которые на дикой скорости гнались за стадом зебр и на полном ходу отстреливали одно животное за другим. Зачем, спрашивается? Итальянцы вообще беззастенчивые охотники как на суше, так и под водой. Особенно много вреда они причиняют в последнее время в морской прибрежной зоне своей подводной охотой. На втором месте после них стоят французы.

Начиная с 1977 года Питер Макклинтон на самолете и лендровере обследует места обитания диких животных в южном Судане. Он в этом кое-что смыслит, потому что сам родился в Восточной Африке и десятки лет проработал в кенийском Управлении по охране и использованию дикой природы. Кроме того, он за последний год покатал по Судану многих других специалистов. В результате выяснились удивительные вещи. Оказывается, в Судане обитает вторая по размерам «коллекция» диких животных (после Серенгети с ее двумя миллионами крупных животных). Пасутся они в находящихся в 500 метрах над уровнем моря степях Бома, на юго-востоке страны, близ границы с Эфиопией. Каждый год эти огромные стада, подобно живущим в Серенгети, предпринимают кочевки протяженностью примерно 300 километров. С мая по август, когда идут дожди, копытные, разбившись на отдельные большие группы, откочевывают к югу, потому что большая часть пастбищ в это время превращается в болота. В ноябре — декабре они возвращаются назад. Здесь можно увидеть и большие стада антилоп топи (которые носят местное название «тианг»), газелей Гранта, жирафов, антилоп орикс, страусов, зебр, слонов, буйволов. Наиболее многочисленные здесь суданские болотные козлы — крупные бурые животные, похожие на восточноафриканских импала, но с бросающимися в глаза белоснежными ушами. Шея, грудь и живот у них тоже белые. Их одних Макклингтон насчитал 374 тысячи, а помимо этого еще 31 вид таких разнообразных животных, как павианы, бушбоки, крокодилы, дикдики, дукеры, антилопы канны, конгони, гиены, шакалы, малые куду, львы, леопарды, ориби, водяные козлы, лошадиные антилопы, бородавочники, марабу, гепарды. Сюда еще прибавьте десять тысяч зебр. Доктор Ватсон определил примерную численность отдельных видов животных в Судане, и получилось, что слонов там 133 тысячи, буйволов — 320 тысяч, антилоп канн — 18 тысяч, столько же жирафов, конгоней всего 324, зато топи — 750 тысяч и более миллиона белоухих судан-

ских болотных козлов. Правда, Макклинтон опасается, что из-за кочевок одни и те же стада в районе Бома в разное время года могли быть подсчитаны дважды. Но все равно это огромные цифры.

В Судане представлены все ландшафтные зоны Африки — от «чистой» пустыни до тропического девственного леса. Если на севере страны, у ее границ с Египтом, дождя почти не бывает, то в столице Хартум выпадает 16 сантиметров осадков в год, а на юге целых 97 сантиметров. На засушливом севере обитает еще 1600 диких ослов, газелей дама, сомалийских газелей и газелей доркас. Что касается деревьев, то их вокруг Хартума и на целых 300 километров к югу не увидишь — все начисто сведено. То, что застал еще Брем, исчезло навсегда. Все здесь, несмотря на засушливые почвы, вспахивается, даже если виды на урожай весьма сомнительны, а иногда их и вовсе нет.

Население Судана с 1951 по 1971 год удвоилось; с каждым годом оно увеличивается на 2,6 процента. В 1980 году перепись населения показала, что население составляет 19 150 тысяч человек. Многие сельскохозяйственные мероприятия, осуществляемые на севере Судана при денежной поддержке богатых арабских стран, способствуют уничтожению там последних остатков дикой природы. Забор воды из Нила (14,2 миллиарда кубических метров) в восьмидесятых годах превысит двадцатимиллиардную границу. Больше Судану, согласно конвенции с Египтом, забирать воды из Нила нельзя — остальное полагается Египту. Поэтому было решено провести мелиоративные работы в Судде, севернее Джубы. Здесь в сезон дождей воды Нила заливают 120 тысяч квадратных километров заболоченных земель — площадь, равную Баварии и Нижней Саксонии, вместе взятым. В период засухи вода медленно уходит назад. Через вызвавший столько споров канал вода должна скорее достичь Асуанской плотины и наконец наполнить водохранилище. Планируется также искусственное обводнение обширных пространств земли, что в жарких частях света зачастую приводит к медленному засолению почв.

Есть в Судане даже тропические дождевые леса. Тянутся они сюда из Заира. Живут в них гигантские лесные свиньи, бонго, желтоспинные дукеры, большие и малые куду, ситутунга и антилопы канны.

А вот в основанном в 1936 году на севере Судана национальном парке Диндер третья по встречаемости в стране — сомалийская газель — почти совсем исчезла. В сезон дождей она откочевывала из парка в окрестные области, а они сегодня все заселены и освоены сельским хозяйством; весь кустарник и большинство деревьев начисто сведены.

В основанном в 1954 году национальном парке Нимуле (площадь 256 квадратных километров), расположенном по обоим берегам Нила возле границы с Угандой, исчезли все белые африканские носороги. Правда, несколько носорогов мы обнаружили с воздуха в резервате Шамбе (севернее по Нилу). Может

быть, когда-нибудь соберутся перевезти часть из них назад в парк Нимуле. А поголовье слонов в этом парке даже заметно увеличилось!

Я лечу вместе со своим сыном Стефаном и Питером Макклинтоном на нашем видавшем виды одномоторном самолетике из Джубы через Нил, над болотами и бескрайней степью в район Бома, где, как мы знаем, пасутся огромные стада животных. С бензином в Судане в данный момент из-за обострившегося положения на мировом нефтяном рынке плоховато. Но у нас его как раз хватит на то, чтобы за два часа слетать в Бома — примерно 900 километров туда и обратно.

Я смотрю вниз, и сердце мое радуется: ни дорог, ни поселков, ни хижин, ни даже следов от лендровера — только неоглядная степь, кустарник, куртины деревьев, там и сям речушки, окаймленные зелеными лугами. В таких степях обычно редко браконьерствуют — сюда слишком далеко добираться по бездорожью. Я вижу стада слонов, которым никто не мешает пастись. А вот сразу 35 жирафов Ротшильда, скопление буйволов и множество суданских болотных козлов, которых совершенно нет в Восточной Африке. Но вот какая мысль мне приходит в голову: если нам сейчас придется совершить вынужденную посадку — мы пропали! Кто возьмется обшаривать в поисках пропавшего самолетика эти бескрайние степи? На лендровере это безнадежно, да и с воздуха на это ушли бы многие часы и дни. А кроме того, сейчас ведь очень плохо с бензином...

Но пока у нас все в порядке, и мы облетаем вокруг гор и холмов, что вблизи границы с Эфиопией. Питер показывает мне бурные источники, которые не иссякают весь год. Здесь вот — подходящее место для будущего дома главного смотрителя парка, а там можно построить домики для персонала, вон то место отлично подойдет для посадочной площадки, а на этом можно разбросать сторожевые посты. Он уже все обдумал.

А мы все летим и летим. Как приятно видеть в наше время обширные пространства земли, не превращенные еще в унылую пустыню и в то же время совершенно безлюдные! Точно так же как в Серенгети, на эти земли никогда никто претендовать не станет — они просто-напросто слишком сухие. Надо лишь позаботиться о том, чтобы на них не перестреляли бездумно все живое.

Все-таки я облегченно вздохнул, когда после более чем четырехчасового полета мы снова увидели зеленые берега Нила и приземлились наконец на аэродроме Джубы. Запасная посадочная полоса совершенно затоплена после ночного ливня; несколько орлов пьют там воду. Четырнадцать лет назад, когда я последний раз был в Джубе, еще случалось, что леопарды выбегали на посадочную полосу и нередко утаскивали у жителей городка кур и собак. Но теперь это уже в прошлом — ничего подобного сейчас не происходит.

А вечером мы сидим с Питером и высчитываем, сколько потребуется денег на то, чтобы превратить 17 500 квадратных ки-

лометров степи Бома в национальный парк (для сравнения: национальный парк Серенгети занимает 12 500 квадратных километров). Почти все строительные материалы можно достать поблизости, потому что дома будут проектироваться весьма скромные. Потребуется добавить лишь цемент, необходимый для постройки двух жилищ для старших смотрителей парка, двух туристических гостиниц, мастерской, десяти домиков для проводников и по четыре домика для наружных постов охраны. К этому следует прибавить покупку радиопередатчиков, микроавтобуса, трех лендроверов, машины для разравнивания дорог, тракторов, прицепов с цистернами для питьевой воды да еще жалованье для опытного и надежного управляющего парком, хотя бы только на первые три года. Получается хорошенькая сумма. Разумеется, невозможно построить отель прямо посреди затерянной дикой местности — надеюсь, что он там никогда и не появится. Но уже набиваются несколько предпринимателей с предложениями устроить здесь палаточный лагерь с бассейном для посетителей. Ведь на свете достаточно много людей, которые любят отдыхать в тихой, отдаленной от цивилизации местности и избегают переполненных туристических центров. Привозить их сюда будут самолеты специальной авиалинии. Точно так же мы начинали тридцать лет назад в Танзании и Кении, и за это время толпы посетителей стали приносить основной доход Кении. Именно таким способом мы, охранители природы, можем оказать и уже оказали помощь населению отдельных неимущих стран в разных местах земного шара.

В ГОСТЯХ У ЛЬВОВ ДЖОРДЖА АДАМСОНА

Я лечу на маленьком одномоторном самолете из Найроби на северо-восток, в сторону Сомали. Уже позади все фермы, улицы и поселки местных жителей. Под нами только зеленый буш — ни дорог, ни свободных площадок для посадки. Между прочим, пять дней назад в этом же направлении вылетел другой такой самолетик и пропал бесследно. Да и как найти в этих дебрях из сплошного кустарника и деревьев упавший небольшой самолет? Может быть, его пассажиры в это время пытаются пробраться сквозь чащобу к какому-нибудь человеческому жилью или лежат мертвые где-то там, внизу. Об этом лучше не думать, когда летишь...

Тем не менее я чувствую себя привольно, скользя вот так над прекрасной, первозданной и дикой местностью, где нигде не увидишь следов деятельности человека. Между прочим, три дня назад нам с полпути пришлось вернуться из-за дождя. Даже не дождя, а страшного ливня, который лил сплошными потоками, и тучи опускались до самой земли. Лететь «вслепую», при полном отсутствии видимости, ориентируясь только по приборам, как

это делают в подобных случаях большие пассажирские лайнеры, маленький одномоторный самолет не может.

Но сегодня, я надеюсь, мы достигнем своей цели: я хочу навестить старого друга, которого мне за последнее двадцатилетие приходилось видеть только урывками и с интервалами в несколько лет. Зовут его Джордж Адамсон, он был мужем известной писательницы Джой Адамсон.

Мой визит, намеченный на промежуток между рождеством и Новым годом, в последний момент пришлось перенести: мне успели сообщить по рации, что сейчас ему не до того. На его брата накануне напал лев и чуть не загрыз насмерть, так что его пришлось отправить на самолете в университетскую клинику в Найроби. А ведь именно на этих львов я и летел взглянуть! К лагерю они приходят только под вечер, а днем их нигде не сыщешь. Во время моего последнего визита мне их увидеть так и не пришлось, а ждать времени не было — через несколько часов уже надо было лететь дальше. Зато сейчас я намереваюсь остаться у Джорджа на несколько суток.

Наконец долетаем до реки Тана. Летим вдоль желтых огромных скал, которые то тут то там возвышаются на 80, а то и на целых 150 метров над зеленой кустарниковой саванной. У подножия одного из таких скалистых холмов и находится Кора, где разбит лагерь Джорджа Адамсона. Несколько раз я пролетаю взад и вперед над соломенными крышами, едва различимыми среди пышной зелени, пока не убеждаюсь, что меня заметили: люди выскочили из своих хижин и садятся в лендровер. Здесь так принято, потому что иначе не будешь знать, видели ли тебя хозяева или нет и приедут ли встречать к посадочной полосе, которая находится достаточно далеко. Она расчищена в буше на расстоянии семи километров от лагеря. Телефонов здесь, разумеется, нет, и, приземлившись, уже ничем не сможешь привлечь к себе внимания.

Но на сей раз все в порядке, и вот уже подъезжает Джордж Адамсон на своем старом громыхающем драндулете. Он и внешне, этот семидесятипятилетний старик, выглядит совершенно необычно. Он никогда не натянет рубашку на свой оголенный торс, не наденет брюки — всегда в шортах. Длинные белые волосы спадают ему на плечи, борода свисает на голую грудь.

— Что стряслось с твоим братом? — спрашиваю я тут же, как только вылезаю из самолета.

Брат Джорджа — Теренс на два года моложе его; последние девять лет он занимается тем, что прокладывает здесь, в резервате Кора, проезжие дороги. Для этого приходилось вырубать кустарник и выкорчевывать пни. Причем сам он не получал за это никакого жалованья. Что же касается местных жителей из близлежащих деревень, то они были рады заработать хоть какие-нибудь деньги, пусть даже таким тяжелым трудом.

Так вот, 27 декабря, рано утром, в половине восьмого, Теренс, который только что вернулся в лагерь, вылезая из своего лендровера, не заметил, что сзади к нему подкрадывается моло-

дой лев по кличке Шаде. Не успел он опомниться, как зверь схватил его сзади за шею. «Позвонки так и хрустнули под нажимом мощных клыков»,— вспоминал он потом. К счастью, вблизи оказались дорожные рабочие, которые криками и палками прогнали зверя. Повезло Теренсу и в том, что в Коре оказался в этот момент мой постоянный сотрудник и оператор Алан Рут со своим спортивным самолетом (он как раз снимал здесь больших туканов). Алан повез раненого прямо в клинику в Найроби. Во время операции и зашивания раны выяснилось, что острый клык прошел точно между сонной артерией и крупной шейной веной, не задев ни ту ни другую. Действительно, счастливчик этот Теренс — через несколько недель он был уже снова на ногах. Менее счастливым оказался повар Джорджа: того восемь лет назад лев загрыз насмерть.

Ворота из проволочной сетки, ведущие в лагерь, захлопываются за нами с грохотом. Лишенные дверей хижины обнесены здесь трех-четырехметровой шаткой изгородью из проволоки, потому что выросшие и уже ставшие громадными бывшие львята, лезущие в дом, даже Джорджу не совсем приятны. А поскольку воздух здесь теплый и влажный, то домики в лагере построены без двух противоположных стен, чтобы ветер ночью мог свободно гулять над постелями и проникать через москитные сетки. Его дуновение чувствуется и за обеденным столом, за которым мы вскоре все вместе сидим.

Парочка щетинистых ворон, которая гнездилась рядом на огромных скалах уже в 1970 году, когда здесь еще только разбивали лагерь, беззастенчиво прыгает по столу, стараясь схватить кусочек пожирнее. Но это еще ничего — вот когда у них появляются птенцы, тогда дело плохо. Те тащат все, что только можно утащить, вплоть до писем, на которые еще не успели ответить, если оставить книгу без присмотра — сорвут суперобложку. Приходят подкормиться к столу, но не столь нахально даже желтоклювые туканы, насиживающие свою кладку в дуплистом дереве недалеко от лагеря. А древесные крысы, живущие на крыше, после того как мы поели, аккуратно собирают все крошки и вообще наводят порядок на столе. Прибегают и земляные белочки, шныряют у нас под ногами, подсаживаются к столу, как званые гости, и угощаются арахисом, который мы им протягиваем. Орешки приманивают и белоголовых буйволовых ткачиков. Кого тут только нет! Рядом с душем (подвешенным ведром с проделанными в дне дырками), огороженным тростниковой циновкой, фиолетовые нектарницы построили свое крохотное гнездо, причем всего в нескольких сантиметрах от гнезда шершней. От такого соседства пестрым птичкам не грозит никакая опасность, наоборот, ни один враг не посмеет подкрасться к их птенцам. В лагерь заходят и дикие цесарки, потому что их здесь кормят, иногда они приводят с собой своих цыплят. Но на них зарится львиный молодняк, который то и дело «случайно» забегает в лагерь, и иногда им действительно удается поймать зазевавшегося цесаренка. Живут в лагере и удавчики, завидя которых гости

обычно смертельно пугаются. Но они не ядовиты — ядовитых змей, например плюющихся кобр, из лагеря немедленно выдворяют. А удавчики зарываются в песок и караулят крыс, ящериц и мелких птиц: когда те, ни о чем не подозревая, приближаются к месту, где зарылась змея, та выскакивает и хватает добычу.

Но подлинная любовь Джорджа принадлежит львам. Некоторые считают, что он немножко помешался на них, но я с этим не согласен: на меня он производит сильное впечатление. Это человек совершенно необычный. Я не смог бы назвать никого другого, да я просто не знаю, кто бы так, без оглядки на окружающих, жил как ему вздумается,— и это в 150 километрах от ближайшей деревни с почтовым ящиком!

Мы сидим за чашечкой кофе с печеньем, которое испекла молодая американка. Она уже полгода работает здесь без всякой оплаты: ведет переписку Джорджа и присматривает за его хозяйством. Другой здешний сотрудник, молодой калифорниец Тони Фитцджон, живет уже более восьми лет у Адамсона, тоже работает бесплатно и помогает ему управляться со львами. Случалось ли, чтобы на него нападали его подопечные? А как же! И не раз. Как обходится без жалованья? Да здесь деньги на свои личные нужды вообще-то почти не нужны: бегаешь целыми днями в одних шортах и поступаешь как тебе вздумается.

— Что чувствуешь, когда на тебя набрасывается лев? — спрашиваю я у Джорджа.

— Как сейчас помню,— начал он свой рассказ, поглаживая белую бороду,— было это в одно прекрасное утро, двадцать пятого октября. Я выпустил из загона двухлетнего льва Сулеймана и его сестру Шебу. Это были осиротевшие львята-подростки, которых я приручил, кормил и довольно долго выращивал у себя. Я пошел с ними погулять, а заодно решил поискать, куда задевалась львица Аруша со своим потомством. Здесь недалеко, позади лагеря, есть довольно высокая скала, ты, наверное, видел. Так вот, я поднялся немного по этой скале посмотреть, нет ли там ее логова. Поскольку ничего не было видно, я стал спускаться вниз, но тут увидел, что ко мне бегут Сулейман и Шеба, я бы сказал, в повышенно игривом настроении. В то время как я отталкивал от себя Шебу, набросившуюся на меня спереди, сзади на меня накинулся Сулейман и обхватил лапами за шею. Я поскользнулся на крутом склоне и упал, но он меня не желал отпускать. Тогда я стал отбиваться, тыча в него палкой через плечо. Это его разозлило. Он зарычал и укусил меня за шею. Нет, то была уже не игра, я тебе скажу! Совсем не игра! К счастью, у меня с собой оказался револьвер, что бывает редко. Я выхватил его из кобуры и хотел выстрелить в воздух, чтобы отпугнуть льва. Дважды нажимаю на курок — осечка! Раздается только слабый щелчок — и все, представляешь? Да, тут я действительно не на шутку испугался. Неужели я мог забыть зарядить эту чертову штуковину? С лихорадочной поспешностью открываю затвор: полностью заряжен. Пробую снова: на сей раз раздаются два выстрела, но на Сулеймана они не производят ни малейше-

го впечатления. Он только еще крепче стискивает зубами мою шею. В отчаянии я закидываю руку через плечо и стреляю прямо в него! Он меня тотчас же отпускает и отскакивает на несколько шагов назад. Там он усаживается рядом с Шебой и глядит на меня удивленными глазами: шуток, мол, не понимаешь!

А из меня хлещет кровь. «Самое лучшее, что ты сейчас можешь предпринять, это пойти к машине и как можно скорее ехать в лагерь»,— говорю я себе. Но к тому моменту я был уже почти в бессознательном состоянии.

«Тони как раз в Найроби, брат мой Теренс в дороге, наверное, еще не доехал, рация испорчена»,— лихорадочно соображаю я.

Но к счастью, Теренс все же прибыл в лагерь за несколько минут до того, как я въехал туда, едва удерживая в руках руль. Он быстро промыл мою рану и, уложив в свою машину, тут же помчался, чтобы застать на месте «летающего доктора», как его у нас называют, проживающего в ста тридцати километрах от нас. Ночью в больнице я все время думал о несчастном Сулеймане, тем более после того, как мне сказали, что его сестра Шеба под вечер вернулась в лагерь одна. Настоящее облегчение я почувствовал только тогда, когда он под утро вернулся как ни в чем ни бывало, приветливый, как всегда. Видимо, зализал свою рану. Пуля, к счастью, не пробила ключицу, а застряла под кожей — ее можно было даже разглядеть простым глазом. Моя же рана не воспалилась и почти не гноилась, что вообще-то большая редкость в подобных случаях: как правило, такие раны приводят к заражению крови. Так что я отделался довольно легко и уже скоро мог выписаться из больницы и вернуться назад к своим львам.

Я слушаю его рассказ, а сам спрашиваю себя, удастся ли мне увидеть их сегодня? Ведь времени у нас мало, а они все живут на свободе, хотя часть из них и воспитывалась в лагере в течение нескольких недель, а то и месяцев, а отдельные экземпляры прожили рядом с людьми еще дольше. Сиротами они сделались из-за того, что их матери где-нибудь в Кении задирали скот или нападали на людей, и их за это застрелили. Одна рослая львица (сама теперь уже давно мамаша) прибыла львенком из зоопарка в Бостоне. Тамошний ветеринар растил осиротевшего детеныша у себя в квартире до шестимесячного возраста и не хотел, чтобы его любимица влачила жалкое существование в клетке — пусть гуляет на воле!

На одной из львиц надет ошейник с вмонтированным в него крошечным радиопередатчиком: так Джорджу легче обнаружить, где именно находятся «его» львы, поскольку искать их в непролазном кустарнике весьма затруднительно. А так бывает достаточно лишь залезть на скалу и поднять кверху антенну.

Но сегодня что-то никаких сигналов не слышно, вероятно, львы ушли очень далеко.

— Может быть, они придут вечером к реке,— успокаивает меня Джордж,— там я их в последние дни несколько раз видел.

Ну что ж. Мы все — Эрика, Кристиан, Адамсон и я — садимся в его старенький лендровер и едем десять километров по наезженной колее, что ведет по берегу реки вверх по течению. Там наконец-то в наушниках Джорджа начинает попискивать. И вот они уже бегут нам навстречу: целых четыре льва. У Джорджа, между прочим, нет с собой никакого огнестрельного оружия, в руках у него только суковатая палка. Мы вылезаем из машины; Кристиан и я начинаем фотографировать: он — на черно-белую пленку, я — на цветную.

— Будьте повнимательнее! — предупреждает Джордж.— Там, сзади, вдоль кустарника опять крадется Шаде — тот самый, который три недели назад отделал моего братца! Двухлетние львы находятся как раз в том молодецком возрасте, когда им хочется показать, на что они способны.

С противоположной стороны из кустарника появляется громадная Аруша, подбегает к Джорджу и нежно трется головой о его колени. Мое присутствие она терпит, но только до тех пор, пока я случайно не становлюсь между нею и ее львятами, сидящими в некотором отдалении. Тут она встает и начинает сердиться. Джорджу приходится ее успокаивать, а мне срочно передислоцироваться.

Мы спускаемся вниз к самому берегу реки в надежде, что львы последуют нашему примеру. Там, внизу,— песчаные отмели и никакого кустарника, так что львов будет прекрасно видно и за ними можно гораздо удобнее понаблюдать. Итак, мы садимся и ждем: терпение прежде всего.

Джордж Адамсон во времена британского колониального владычества служил егерем в Охотничьем управлении Кении. В те времена ему приходилось отстреливать немало слонов и львов, но и ему, как многим другим моим знакомым и друзьям, работавшим в этой сфере, в один прекрасный день опротивела вся эта пальба, и он решил, что лучше заниматься охраной диких животных, чем их уничтожением. В первый раз я встретился с ним 25 лет назад в национальном парке Меру, расположенном в этом районе Кении. Занимает парк более тысячи квадратных километров и находится на землях, принадлежащих племени меру. Основанию здесь в 1966 году национального парка способствовали отчасти зрители моих телевизионных передач, щедро вносящие свою лепту в «Фонд помощи исчезающим животным».

А дело было так. Вскоре после того как Кения стала независимым государством (1963 г.), вожди племени меру предложили правительству в Найроби объявить эти земли заповедными. Однако в столице отклонили их предложение по той причине, что это стоило бы слишком дорого: нужно было прокладывать дороги в буше, построить несколько домов и нанять охрану для парка. Тогда я поместил в газетах, выходящих в Кении, объявление, что наше Зоологическое общество готово выделить из «Фонда помощи исчезающим животным» 50 тысяч марок, если правительство еще до конца текущего года в законодательном порядке объявит эту территорию заповедной. И что же вы думаете? 14 де-

кабря я получаю телеграмму от Переса Олиндо: «Только что свершилось!»

На сегодняшний день подобная операция стала бы рассматриваться как недопустимое вмешательство во внутренние дела суверенного государства. Но тогда все прошло гладко.

— Да,— говорит Джордж, не выпуская из поля зрения Шаде, который спрятался в кустах и пристально наблюдает за мной и Кристианом,— да, да, помню, вы ведь тогда меня в первый раз навестили. Мой лагерь находился еще на территории теперешнего национального парка Меру. И именно потому, что место было объявлено заповедным, мне пришлось сматываться оттуда. Но ничего. В тысяча девятьсот семидесятом году я перебрался в эту затерянную и забытую богом и людьми местность, и я доволен. Правда, жалованья не получаю, наоборот — за лагерь мне ежегодно еще приходится вносить шесть тысяч марок (в пересчете на ваши деньги) в «County Council» (Окружную администрацию). Поскольку осиротевший львиный молодняк еще не умеет самостоятельно охотиться, я вынужден еще каждую неделю резать по одному верблюду, который обходится сегодня около двухсот марок. Так что при моей небольшой пенсии мне приходится жить весьма скромно. Особенно худо было, когда сразу же после моего переезда сюда последовали один за другим пять необыкновенно засушливых лет, засуха закончилась лишь в тысяча девятьсот семьдесят шестом году. А то ведь через границу резервата Кора переходили бесчисленные толпы кочевников из Сомали, которые стали выпасать здесь свой скот — более пятидесяти тысяч голов крупного рогатого скота да еще массу овец. Во время засухи эти люди порубили много деревьев и кустарников, чтобы прокормить свой скот. Отдельные участки земли они превратили в форменную пустыню — точно так, как проделывали это в самом Сомали уже в течение многих лет. Слава богу, начиная с тысяча девятьсот семьдесят седьмого года нет недостатка в дождях. Однако вот беда: сомалийцы из ружей, а местные камба отравленными стрелами перестреляли в округе всю дичь. Они почти истребили за последние годы леопардов, а заодно и слонов. Теперь очень редко где увидишь след слона, и то это будет обязательно слониха со слоненком. Крупных же обладателей роскошных бивней вообще почти не осталось. Вот что здесь получается, когда люди в Европе стараются приобретать себе дорогие леопардовые манто и изделия из слоновой кости! Бегемотов и крокодилов — тех в этой речке еще предостаточно. А поскольку это такая отдаленная от всех туристических центров местность и посетителям парка трудно сюда добраться, то теперь в нескольких километрах вверх по реке построили туристический лагерь. Скромный, из одних лишь сборных домиков и палаток. На самообслуживании: гости готовят себе сами. Если бы только у нас была действенная охрана от браконьеров, проникающих из Сомали! Вот ведь в национальном парке Меру, который наполовину меньше резервата Кора, имеется сорок вооруженных охранников, у нас же их всего десять. А мне так хочется привезти

сюда леопардов, чтобы они снова обжили исконные места своего обитания! Так, как я сделал это со львами. Но тогда мне потребовался бы второй лагерь, да и где на сегодняшний день еще достанешь в Кении леопардов?

Мне известно, что Джордж рассорился с руководителем национального парка Меру Питером Дженкинсом. Когда тот несколько лет назад приехал к нему в гости со своей семьей, один из молодых львов вскочил на его лендровер, просунул лапу в открытое окно и поранил дочь Дженкинса. Отец хотел застрелить злоумышленника, однако Джордж категорически воспротивился этому.

Тем временем мы уже окружены со всех сторон львами. Они спустились к реке попить воды. Один из них все время злится и рычит на бегемота: ему не нравится, что тот то всплывает, то снова исчезает под водой. Другие резвятся, перепрыгивая через ручей и обратно, или играют друг с другом. Мы усаживаемся поудобнее и наблюдаем за ними. А Джордж продолжает рассказывать:

— Сулейману, который меня тогда чуть не прикончил, впоследствии дорого пришлось заплатить за свой дерзкий нрав. Полгода назад его убил здоровенный бегемот. По всей вероятности, он и его сестра Шеба из озорства принялись задирать толстокожего. Голодными они не были наверняка. Когда я утром отправился на поиски, то нашел одну лишь Шебу. Брата же нигде не было видно. А она звала меня беспрерывно, и притом была весьма возбуждена. Я сразу понял, что с ними что-то стряслось. Шеба повела меня в чащобу на берегу реки, где я и нашел Сулеймана со страшными ранами на теле — он был мертв. Было ясно, что такому трагическому концу предшествовала отчаянная кровавая схватка: кустарник вокруг был смят, вся земля взрыта. Бегемот, по-видимому, прижал Сулеймана к стволу огромной акации и прокусил его брюхо насквозь. Но что поделаешь — жизнь львов полна опасностей. Особенно для молодняка, который еще не успел набраться жизненного опыта, а силушки уже более чем достаточно. Жаль Сулеймана, но я должен сказать, что он умер как подобает льву.

Дальше Джордж поведал нам о том, как Шеба в течение двух ночей караулила труп брата. Когда крокодилы вылезали в этом месте из воды и пытались карабкаться вверх по прибрежному склону, она, рыча, загоняла их обратно в воду.

— Я похоронил Сулеймана вблизи того места, где его нашел, на такой высоте, куда не достигает вода во время половодья. Шеба сидела рядом и смотрела. Она ни за что не хотела покинуть это место. Пришлось через несколько дней изловить ее, заманив в клетку, и привезти в лагерь, где я выпустил ее в общий загон с молодыми львами Каунда и Жожо (последний после долгой отлучки снова вернулся к нам). Мне хотелось, чтобы одинокая Шеба подружилась со своими двумя новыми товарищами. Но как только я выпустил Шебу, Каунда и Жожо из во-

рот лагеря, где их ждали другие львы, они все во главе с Шебой накинулись на несчастного подростка Жожо. Я едва успел приоткрыть щелку в воротах, в которую он тотчас же шмыгнул. В сумятице потасовки меня самого укусили за ногу.

Впрочем, тому бегемоту, который убил Сулеймана, тоже не слишком повезло. Через три месяца после этого события Тони увидел в бочажке возле реки бегемота, явно тяжело раненного. Бочажок находился недалеко от места, где так трагически погиб наш лев. На следующий день я поехал туда и нашел бегемота, лежащего на прибрежной отмели в тени маленького деревца. Вид у него был плачевный: на спине ясно виднелись глубокие шрамы от когтей, а на правой ноге гноилась страшная рана. Я подъехал поближе, чтобы лучше его рассмотреть, взял свой бинокль и вылез из машины. Однако бегемот внезапно взревел и бросился в атаку. Я мгновенно вскочил в машину, но, прежде чем я смог нажать на стартер, бегемот изо всей силы ударил башкой по кузову и даже приподнял машину с одного бока. Я испугался, что он ее опрокинет. Потом он в бешенстве пропорол своими клыками переднее крыло и пошел назад к своему деревцу. Вот какой злющий! У меня нет никаких сомнений, что это и был убийца Сулеймана.

Весь тот вечер и следующие вечера мы мирно беседовали в лагере. А в нескольких шагах от нас, за тонкой проволочной сеткой, нам составляли компанию львы, которые приходили попить из специально выставленного для них корыта.

И только через день после нашего отъезда я узнал, что как раз поблизости от того места, где мы в предвечерние часы любили наблюдать за львами, другой посетитель резервата, кстати тоже немец, был убит. Звали его Франц Шниппер, он возвращался в лендровере в новый туристический лагерь, построенный при слиянии рек Бизанади и Тана. Ехал он в сопровождении местных жителей. Когда оставалось уже несколько сот метров до лагеря, по ним открыли огонь браконьеры и убили сразу двоих — Шниппера и кенийца Стенли Мулиюя. Трое других, сидящих в машине, были ранены, а шестому удалось бежать. Оставив мертвых и раненых возле изрешеченной пулями машины, бандиты напали на лагерь, подняв оглушительную стрельбу. Шесть человек, находящихся в лагере, прыгнули в реку и, проплыв вниз по течению некоторое расстояние, спаслись. Одному из них, правда, пуля попала в плечо. Двое из спасшихся прошли еще почти 70 километров, пока добрались до гостиницы Мулакана в Меру. Только оттуда они смогли известить полицию о нападении. Пока они шли по дороге, ведущей сквозь буш, им попадались навстречу львы, слоны и другие дикие животные, которые им, однако, не причинили ничего худого.

Джой Адамсон прожила десятки лет в лагере среди дикой природы, примерно в 50 километрах от лагеря своего мужа. Там она, как известно, воспитывала львов, гепардов и леопардов при вольном содержании и изучала их поведение. Спустя несколько

недель после моего посещения Джой Адамсон была зверски убита, но отнюдь не львами и леопардами!

Все-таки самыми опасными для людей по-прежнему остаются люди.

НАВОЗНЫЕ ЖУКИ ВАЖНЕЕ СЛОНОВ

— А вам известно, что то, что я сейчас держу в кулаке, важнее для сохранения национального парка Серенгети, чем вон та группа слонов? — ошарашиваю я своих спутников.

Мы как раз уселись перед своей палаткой, в которой переночевали на склоне кратера Нгоронгоро, и кипятим себе чай для завтрака.

— Такие пять слонов,— продолжаю я,— выпасаясь, поедают ежедневно около тысячи килограммов зеленых растений. Для них важно именно количество съеденного — надо съесть побольше, потому что пища у слонов переваривается значительно хуже и усваивается менее полно, чем, например, у бегемотов. Поэтому большая ее часть выделяется организмом в виде огромных навозных шаров. А что потом? Куда потом деваются эти шары? И во что вообще превращаются те огромные массы помета, которые оставляют на земле другие крупные животные? Их ведь сейчас в Серенгети уже свыше двух миллионов; число их за последние двадцать лет увеличилось почти впятеро!

— Ну что тут непонятного,— рассеянно роняет мой внук Кристиан,— этот навоз просто удобряет землю, разве не так? И Серенгети от этого всегда остается плодородной.— Он мечтательно обводит глазами бескрайнюю степь, залитую лучами утреннего солнца, еще не успевшего высушить свежую влагу росы.

— Скажи, а зачем же тогда наши крестьяне запахивают удобрения в землю? — спрашиваю я.— И притом не забудь: запахивают навоз, который предварительно уже полежал в навозной куче, где успел как следует перепреть. Здесь же, в степи, в особенности в засушливый сезон, когда месяцами не выпадает ни капли дождя, он просто-напросто засох бы на земле. Трава едва смогла бы потом пробиться сквозь корку засохшего навоза, и антилопам негде было бы пастись. Вот какая картина. Да еще мухи! Сколько настырных мух выводили бы там свое потомство и размножались бы со страшной силой! Нет, мой друг, без слонов Серенгети вполне мог бы обойтись — вот ведь тридцать лет назад, когда я впервые попал в эти места, их тут не было. А без этого маленького паршивца попробуй-ка здесь обойтись! Он стократ важнее для африканских степей, чем эти гиганты!

С этими словами я разжимаю кулак и показываю сидящего у меня на ладони темненького блестящего жучка: это так называемый «скатыватель шариков» или «священный скарабей», а вообще-то просто навозный жук.

Мы поднимаемся и идем вместе к ближайшей кучке навоза,

где я опускаю его на землю. Он деловито бежит и присоединяется к другим своим собратьям, которые как раз заняты дележкой навоза. Они лепят из него шарики и укатывают их прочь. Им приходится торопиться: жуков много, и навоз нарасхват.

В одной лишь Африке водится свыше двух тысяч различных видов навозных жуков. Самые крупные из них весят свыше 20 граммов, они в семь-восемь раз больше мелких землероек, птиц или летучих мышей. Самые же мелкие жуки-навозники весят лишь одну тысячную часть веса таких гигантов — всего до нескольких миллиграммов.

Вот тут, рядом, такие гномики уже поработали! От кучи навоза осталась на земле лишь плоская, толщиной не больше двух-трех сантиметров, сухая лепешка, состоящая из неперевариваемых остатков в помете. Но позаботились об этом отнюдь не солнце, ветер и дождь — все произошло всего лишь прошлой ночью, причем в течение получаса. Дело в том, что после захода солнца появляются целые тучи маленьких навозных жучков, которые приземляются на навозных кучах и тотчас же в них внедряются. Вскоре кучка помета превращается в плоскую подвижную массу, состоящую из навоза и жучков. Но кому это удается увидеть в темноте? А между прочим, стоило бы будить посетителей парка по ночам, чтобы продемонстрировать им эту грандиозную работу. Уже спустя четверть часа навозная куча становится непригодной для более крупных жуков-навозников — они не в состоянии сформировать из такого жидкого месива свои шарики, внутрь которых они откладывают яички. Когда разрезали готовый, уже сформированный шарик, скатанный крупным жуком-скарабеем, но затем брошенный им на полдороге, выяснилось, что в нем копошилось уже более 50 мелких навозных жучков! Следовательно, крупным жукам-скарабеям приходится очень и очень торопиться!

Другие виды навозников — средней величины, найдя навоз, поспешно принимаются рыть под ним шахты, уходящие довольно глубоко в землю; туда они и затаскивают навоз, чтобы в полной безопасности и покое отложить в него свои яички. Отдельные из жуков бывают довольно крупными, например Heliocopris dilloni, и их подземные ходы достигают метровой длины. У них крепкие ноги, причем на передних ногах есть совкообразные уплощения. Передняя часть головы у них действует наподобие гусеничного экскаватора. Чаще всего рядом орудуют семейные пары. Причем работа между супругами распределяется следующим образом: самка просверливает дыры в земле и выталкивает оттуда землю наверх. Самец же, стоя задом к дыре, задвигает туда взамен вынутой земли навоз. Его супруга, находясь внутри «шахты», принимает у него «стройматериал», формирует шарики и закладывает в каждый по яичку. Следовательно, самец находится в значительно более уязвимом положении, чем самка,— его гораздо легче схватить любому из врагов, будь то рогатый ворон, цесарки или турачи. И это вполне разумно с точки зрения продолжения рода: самка здесь важнее.

Подобные жуки-навозники встречаются ведь и у нас в Европе, например Geotrupes stercorosus, роющий в земле ходы длиной до 65 сантиметров. Другой родственный ему вид (G.spenеger) зарывает в течение своей жизни в землю такую массу навоза, которая в две тысячи раз превышает вес его собственного тела. Как удалось выявить энтомологу Г. Бирюкову, наши навозные жуки в лишенных посторонних запахов воздушных потоках способны ориентироваться по ветру, по-видимому, при помощи своих антенн. Обычно же они используют для этого солнечный свет. Исследователю удавалось в темной комнате управлять передвижением жуков с помощью лампы, которую он передвигал с места на место. Таким способом он мог заставить бежать их по кругу или зигзагами. Другой исследователь, А. Винкинг-Николаи, открыл, что наш европейский лесной навозник издает звуки, правда, не при помощи голосовых связок, а трением друг о друга волосиков и чешуй, покрывающих его брюшко.

Однако подлинной знаменитостью стали все же именно «скатыватели шариков», и среди них в первую очередь скарабеи. У них длинные, тонкие, загнутые кверху ножки, хорошо приспособленные для быстрого бега и лепки навозных шариков. Некоторые изготовляют шарики величиной всего с горошину — они и сами весят какую-нибудь тысячную часть грамма, но другие скатывают шары размером с теннисный мячик.

Одних только скарабеев существует 90 различных видов. И все они действуют по-разному. У одних самки залезают на шарик, и самцы катят их, как на тележке; у других самки катят шар вместе с самцами, принимая самое активное участие в его транспортировке; у некоторых самки просто бегут рядом. А бывает и так, что самка, завидя самца, толкающего перед собой уже готовый шар, присоединяется к нему. Яйца же в таких случаях откладываются в шар тогда, когда он уже надежно запрятан под землю.

Скарабеи, так же как и другие навозные жуки в Серенгети, не в состоянии следовать за огромными кочующими стадами диких копытных, потому что все они деятельны либо только днем, либо ночью, смотря к какому виду относятся. Кроме того, им необходимо по меньшей мере хотя бы день задержаться возле своих закопанных в землю запасов навоза, чтобы спокойно поесть и отложить яйца [1].

Так, самка «священного скарабея», самого известного навозного жука, откладывает за период размножения всего от пяти до десяти яиц. Скатанный из навоза шар с заключенным в него яйцом достигает в диаметре от пяти до шести сантиметров, а подземная камера, в которую помещается шар, размером с человеческий кулак.

Работа «священного скарабея» выглядит следующим образом: с лихорадочной поспешностью он выкапывает своим голов-

[1] Яйцо в шар самка вводит яйцепроводом, и личинка, вылупившаяся впоследствии из яйца, питается белковой пищей, содержащейся в навозе, из которого слеплен шар.— *Прим. пер.*

ным совком узкую траншею в навозе, подгребая его себе под брюшко. Он проделывает это безостановочно, двигаясь одновременно по кругу. Таким способом образуется все углубляющаяся траншея вокруг маленького холмика, который под брюшком старательного землекопа делается все выше и выше. Затем жук виртуозно формирует из этого холмика шар, а когда тот готов, он, стоя задними ногами на нем и спустив передние вниз, начинает катить его, двигаясь при этом задом наперед.

Все эти манипуляции нам с Кристианом удается здесь, в Серенгети, проследить от начала до конца, потому что некоторые виды жуков работают именно днем. А вот туристам из Европы подобного, к сожалению, видеть не приходится — они любуются лишь жирафами и львами.

Однако должен сказать, что в старину было иначе: тогда такими жуками интересовались, и даже очень. «Священный скарабей», весящий от двух до двух с половиной граммов, служил для древних египтян символом солнца; они изготовляли его изображения из полудрагоценных камней, используя их в виде кулонов, печатей, талисманов. Поскольку из безжизненного шарика, который скатывает скарабей, возникает новая жизнь, священный скарабей был провозглашен символом Создателя жизни на Земле. Жуков этих бальзамировали. Их мумии находят в Фивах вплоть до наших дней. Священнослужители в своих проповедях сравнивали даже Иисуса Христа со скарабеем. Украшения с изображением «священных скарабеев» находили во многих руинах и раскопках далеко от Египта. Изображали этих жуков в те времена иногда с человеческими, иногда с бараньими или соколиными головами.

Новые сведения о скарабеях и других навозных жуках нам стали известны благодаря исследованиям калифорнийских энтомологов Бернда Хайнриха и Георга А. Бартоломеева, проработавших длительное время у нас в Цаво-парке. Работа велась главным образом по ночам, потому что большая часть видов навозных жуков активна именно ночью, днем их редко увидишь. А вот после захода солнца их налетают целые полчища.

Есть жуки, «специализирующиеся» на помете определенных видов животных; большинство же утилизирует любые сорта навоза. Находят они его по запаху. Даже тогда, когда исследователи самой темной ночью выкладывали в виде приманки порции навоза, на них через самое короткое время слеталась масса жуков. Даже в тех случаях, когда помет имитировался из глины и лишь поливался сверху жижей из слоновьего навоза, жуки слетались на него и пытались приняться за работу, отгоняя конкурентов. Жуки одного ночного вида, за которым велись наблюдения, летели со скоростью 30 километров в час, бегали необыкновенно быстро и стремительно, и на полное изготовление шарика им требовалось всего лишь 1,1—5,3 минуты.

Между прочим, все жуки, роющиеся в земле, черви и другие мелкие организмы, вместе взятые, весят значительно больше, чем все крупные животные, обитающие на земной поверхности.

Важную роль, которую играют при этом одни только навозные жуки, можно проследить на примере Австралии. В 1788 году один английский капитан завез в Австралию шесть голов крупного рогатого скота, которые к сегодняшнему дню уже размножились до 30 миллионов голов. Каждая корова ежедневно оставляет на пастбище от десяти до двенадцати «коровьих лепешек», а весь скот, грубо говоря, больше 300 миллионов. Они покрывают от пяти до десяти процентов территории всех пастбищ. Между тем скот не любит пастись рядом с собственным пометом. Таким образом, пятая часть пастбищ просто пропадает, становится непригодной для последующего выпаса. Что же касается австралийских навозных жуков, то те интересуются только пометом отечественных животных, а к помету завезенных в страну коров, овец и лошадей даже близко не подходят. Так что он остается лежать на месте, превращаясь в пристанище для мириадов мух и отнимая у сельского хозяйства значительную часть прекрасных пастбищных земель.

Не помогли в этом отношении и навозные жуки, завезенные в начале столетия в Австралию из Германии, Мексики и Южной Америки: они не желали здесь размножаться. В конце концов по инициативе доктора Г. Борнемича в Австралию была завезена огромная масса навозных жуков с Гавайских островов: 250 тысяч штук четырех различных видов. Но особенно успешным оказалась акклиматизация одного из представителей африканских видов. В течение двух лет он размножился до миллионов экземпляров, заселил 400 километров береговой полосы и проник до 80 километров в глубь континента. Так же далеко он пролетал над водой и селился на островах. С тех пор на севере Австралии стало наблюдаться явное уменьшение количества досаждавших скоту слепней, а средний вес скота стал заметно увеличиваться.

Стоимость естественного удобрения, производимого с помощью навозных жуков, оценивается в 600 миллионов марок ежегодно. Потом стали еще добавочно ввозить новые виды навозников из Южной Африки, в особенности таких, которые летают и днем. Однако на сегодняшний день, опасаясь затаскивания в страну таких эпизоотий, как ящур или чума скота, жуков сначала моют и обеззараживают, а на волю выпускают только следующее поколение, выведенное в лабораторных условиях.

Уяснив себе, какую неоценимую пользу способны оказывать эти насекомые, начинаешь понимать, как безответственно наша промышленность снабжает ничего не подозревающие молодые развивающиеся страны ядовитыми химикалиями «для борьбы с вредителями», которые, кстати, в собственной стране чаще всего уже давно запрещены. Никто ведь не взял на себя труд прежде обдумать, высчитать и проанализировать, что́ именно в этих тропических странах в круговороте веществ погибнет вместе с «вредителями».

Для Африки домашний скот в сущности тоже является инородным пришельцем. Правда, здесь он появился на семь тысяч

лет раньше, чем в Австралии, но что значат какие-нибудь несколько тысяч лет для истории жизни на Земле! По всей вероятности, первый рогатый скот был завезен в Египет примерно за пять тысяч лет до нашей эры, а уж оттуда постепенно расселился по всему континенту. Он вытаптывал легко повреждаемые почвы засушливых степей и превращал их таким образом в бесплодные пустыни, потому что поголовье рогатого скота благодаря успешному воздействию современной борьбы с эпизоотиями, а также необдуманной, неправильной помощи нашей промышленности развивающимся странам неуемно увеличивается от года к году.

Интересно все же, почему навозные жуки в Африке перерабатывают коровий навоз, а в Австралии отказываются это делать? Мне думается, что разгадка кроется в африканских диких буйволах, так называемых кафрских буйволах. Они близкие родичи домашнего скота, и помесь от их скрещивания в отличие от помеси лошади с ослом плодовита. Следовательно, навозные жуки Африки издавна привыкли к коровьему навозу, ничем не отличающемуся от буйволиного.

Б. Хайнрих и Г. Бартоломеев во время своей работы в Цаво-парке проделали следующий опыт. У подлетающих к помету крупных навозных жуков при помощи тонких иголок измеряли температуру в грудных мускулах. Она колебалась от 39 до 45 градусов Цельсия, следовательно, на два — восемь градусов превышала температуру тела большинства млекопитающих и соответствовала температуре тела летающих птиц. Если бы температура мускулов повысилась еще на один-два градуса, насекомое неминуемо погибло бы. У более мелких видов навозников температура тела не превышала 27 градусов Цельсия, что всего на несколько градусов выше ночной температуры воздуха в Цаво-парке. Для этого есть определенные причины. Чем больше жук, тем меньше поверхность тела по отношению к его весу и тем меньше тепла выделяется с поверхности тела в окружающую среду. Именно поэтому у тяжеловесных слонов и носорогов нет удерживающего тепло шерстного покрова, имеющегося у более мелких животных. Вот почему и крупные жуки вынуждены летать только в прохладные ночи.

С другой стороны, им необходима определенная температура тела, чтобы вообще иметь возможность взлететь. Чтобы разогреться, жукам надо сначала энергично подвигаться, побегать. Скарабею, весящему 11,7 грамма, требуется целых пять минут на то, чтобы поднять температуру своего тела с 27 до 40 градусов Цельсия. Многие виды разогреваются тем, что начинают мелко дрожать, но чаще всего для этого достаточно одних «земляных работ». Если же нет надобности лететь, то пешком они способны проделать все необходимое, даже если температура их тела равняется температуре окружающего воздуха. Правда, жуки с более низкой температурой двигаются медленнее. У активных в дневное время скарабеев вида Scarabaeus catenatus во время полета температура тела составляла 41 градус, во вре-

мя изготовления шаров в тени — 28,4 градуса, а на солнце — 37 градусов. У самок другого вида, которых самцы катили на шарах, температура тела оказывалась ниже, чем у их активно действующих супругов. С разгоряченными мускулами некоторые виды жуков способны катить свой шар со скоростью 14 метров в минуту! Один экземпляр с температурой тела в 42 градуса укатывал шар в минуту на 11,5 метра, когда же его температура падала до 32 градусов — уже только на 4,8 метра. Именно поэтому жуки, прилетев, тотчас же принимаются за работу, пока они еще не успели остыть после полета и могут быстро двигаться. Тогда и работа у них идет споро, и шар можно поскорее укатить в безопасное место до того, как в него внедрятся разные другие мелкие навозные жучки.

Но удобнее всего красть уже готовые шары у других своих собратьев. Обычно в борьбе за шар побеждает только что прилетевший разгоряченный жук, еще не успевший остыть после полета. Каждый толкает шар в свою сторону, стараясь оттеснить соперника. Часто один из противников отшвыривает другого ногами на расстояние до десяти сантиметров. Побежденный приземляется, как правило, на спину, так что серьезных травм обычно не получает. Такие поединки длятся не более десяти секунд, потому что вновь прилетевшему выгодно быстро начать сражаться, а изготовившему шар — откатить его как можно дальше и упрятать в надежное укрытие под землей. Иногда имеет смысл остановиться и приняться дрожать, чтобы снова поднять температуру своего тела на несколько градусов.

Да, ничего не скажешь, в степях Танзании можно сделать немало совершенно удивительных открытий!

ПОЕЗДКА ПО НЕСПОКОЙНОЙ УГАНДЕ

В Уганде я бывал в своей жизни неоднократно, но дважды пересекал ее границы с неприятным чувством. Сегодня — в третий раз. Я запланировал в этом году вместе со своей семьей проехать на нашем микроавтобусе через всю Уганду. А в стране — война *. Что, интересно, нас там ожидает?

Уже на границе, возле таможенных пропускных пунктов, нам предлагают пачки ассигнаций: 1000 угандийских шиллингов за 100 кенийских, в то время как официальный курс 1 : 1. К счастью, за шлагбаумом нас уже ожидал егерь Паул Сали Налума, который и сопровождал нас до самой столицы — Кампалы. В тамошнем отеле вода шла только по ночам, причем с одиннадцати до часу, а свет выключали в 10 часов вечера.

Все магазины были закрыты и пусты.

— Не выходите после шести на улицу! — советовали нам осторожные постояльцы отеля.— На днях остановили даже католического епископа и отобрали у него машину!

На рынках полно бананов и разных других фруктов и овощей, продается мука, но почти нет мяса и яиц.

Поскольку я знаю, что «немедленная помощь — это помощь втройне», как говорит немецкая поговорка, то наше Зоологическое общество уже в прошлом месяце выделило из «Фонда помощи исчезающим животным» средства на починку двух небольших самолетов, принадлежащих национальным паркам Уганды. А поскольку цены к началу следующего месяца должны были возрасти на 6,5 процента, я по телефону заказал еще и четыре лендровера. Они уже прибыли на место. Ведь национальные парки Уганды во время военных действий лишились всех своих транспортных средств: их захватили солдаты и беженцы.

На следующее утро меня приглашает к себе временный президент Уганды. Я замечаю, что даже в правительственном здании в люстрах не хватает многих лампочек. Описываю ему, как сейчас обстоят дела в национальных парках и резерватах его страны: диких животных отстреливают все, кому ни лень, потому что после войны у населения осталось много огнестрельного оружия.

— Вам нужно издать указ,— советую я ему,— согласно которому все оружие, находящееся у гражданского населения, должно быть сдано к определенному сроку. Обладание оружием после этого срока должно стать наказуемым. А лицам, сообщившим о незаконном хранении оружия, следует выдавать награду.

Президент сразу же соглашается. Уже на следующий день я вижу на первой полосе новой газеты «Уганда таймс» сообщение об издании такого указа. Далее газета сообщает о том, что президент полностью согласен с моим предложением изменить устаревший, составленный еще в британские колониальные времена закон об охране природы. Он предусматривал за браконьерство лишь три месяца тюремного заключения. Теперь этот срок будет увеличен до 15 лет.

Во время моего следующего визита я излагаю президенту самое главное дело. Рассказываю, что прочел в зарубежных газетах о том, что британская компания снова пытается склонить теперь уже новое правительство Уганды построить гигантскую плотину на Виктория-Ниле прямо посреди национального парка Кабалега (прежнего Мёрчисон-Фолс). Раньше я сумел этому помешать или во всяком случае сделать все возможное, чтобы предложение не было сразу же принято. Энергичный африканский директор национального парка Френсис Катете боролся, как лев, против плана этой британской компании. Но потом он погиб в автомобильной катастрофе. Возможно, его просто убрали с дороги...

Френсис пересылал мне копии внутриведомственной переписки этих британских предпринимателей; я так никогда и не узнал, каким образом ему удавалось их раздобывать. В одном из писем говорилось: «Специалисты, которые будут заниматься подготовительной работой, должны вести себя так, чтобы не привлекать особого внимания, иначе профессор Гржимек об этом узна-

ет, взбудоражит весь мир и начнет натравливать общественность на наш замысел».

Тем не менее уже во времена британской колониальной власти было установлено, что грунт на месте, выбранном для возведения плотины, недостаточно прочен, чтобы выдержать напор огромной массы воды, а треть электрической энергии будет теряться, прежде чем достигнет промышленного района Джинджа возле Виктория-Нила. Но что самое главное — постройка такой плотины означала бы конец одного из самых замечательных национальных парков Африки.

Раньше вторым по значимости источником дохода Уганды, тогда еще одного из наиболее богатых государств Африки, был иностранный туризм. Он и сейчас может принести стране необходимую валюту, способную оказать деятельную помощь бедствующему населению. В то время как в Кению посетители готовы приезжать даже за тем, чтобы позагорать на берегу океана, в Уганде единственным притягательным моментом служат дикие животные в национальных парках. Люди со всех концов света приезжают на них полюбоваться. Возведение плотины в самом Кабалега-парке потребует участия десятка тысяч рабочих, которые на много лет должны будут поселиться прямо посреди девственной местности, а это уничтожит не только главную притягательную силу Уганды, но и общее достояние культуры всего человечества. Кроме того, Уганда на сегодняшний день недоиспользует даже уже имеющуюся у нее электроэнергию, вырабатываемую гидростанциями.

Все это я излагаю новому президенту Уганды. Он решительно качает головой:

— Нет, нет, мы никогда этого не допустим!

И это тоже подтверждается на следующий день в газете.

Поражение я потерпел тогда только по одному пункту. Дело в том, что охранникам национальных парков настоятельно требуются оружие и амуниция, без которых они не в состоянии защищаться от вооруженных с ног до головы браконьеров и солдат Иди Амина. А ведь танзанийская армия, освободившая страну от тирании Амина, наверняка согласилась бы выдать для этой цели небольшую часть захваченного ею в боях оружия. Разве нет? Но такое мое предложение отметается начисто — его даже не обсуждают.

Правительство назначает меня куратором угандийских национальных парков. О безопасности моего семейства проявляется повышенная забота, и для всей дальнейшей поездки к нам прикомандировываются два полицейских, вооруженных автоматами, которые они всю дорогу практически не выпускают из рук. Между прочим, оба они, разъезжая с нами, впервые в своей жизни увидели живых слонов, бегемотов, крокодилов, буйволов и жирафов. Они были вне себя от восторга. Ведь девять из десяти нынешних африканцев никогда не видят диких животных своей родины, живущих только в немногих расположенных на отлете национальных парках. Оба полицейских без конца рас-

спрашивали меня о названиях рек, водопадов или гор, мимо которых мы проезжали.

Время от времени нам приходится останавливаться: танзанийские солдаты в пятнистой маскировочной форме преграждают нам дорогу. Они ведь еще в течение двух лет оставались в стране, чтобы помешать возврату аминовской солдатни. Но в большинстве случаев нам это не создает никаких трудностей: я ведь по роду своей деятельности являюсь как бы служащим Танзании, и у меня есть соответствующие бумаги.

После того как в апреле 1979 года отступающая армия Иди Амина разграбила все транспортные средства и оружие, принадлежащее национальным паркам, преследующие их танзанийские солдаты принялись в отдельных местах отстреливать бегемотов и других животных и через торговцев большими партиями распродавать мясо (нечто подобное происходило и во время европейских войн). Служащие угандийских национальных парков обратились тогда в отчаянии ко мне через нашего посла, а я написал письмо министру Танзании. Сначала пришел возмущенный ответ: ничего этого, дескать, нет, это просто злостный наговор и тому подобное. Но затем в армии были приняты строгие меры. Уже осенью я получил депешу из посольства ФРГ в Кампале о том, что бойня в национальных парках за последние недели практически прекратилась, что в первую очередь можно объяснить дисциплинарными мерами, введенными в армии.

В африканских деревнях нас приветливо встречали крестьяне и крестьянки в своих ярких, пестрых национальных одеждах. Проехав 280 километров по асфальтированному шоссе, мы пересекаем наконец могучий Виктория-Нил и с северной стороны въезжаем в «Чобе-лодж» — суперэлегантный отель национального парка Кабалега. После ужина мы сидим на одной из веранд и любуемся заходом огненно-красного солнца, постепенно исчезающего за порогами реки, и массой мелких островков, разбросанных здесь по Нилу. При таком освещении кажется, что бегемоты купаются в золоте. Здесь, слава богу, ничего не разрушено, не испорчено.

На следующее утро мы отправляемся дальше. Приходится проехать 120 километров по пыльной проселочной дороге, чтобы добраться в «Пара-лодж» — самое знаменитое место Кабалега-парка. Судя по слухам, там должно быть все полностью разорено солдатами. Однако по дороге я встречаю два стада буйволов, большое стадо слонов, ориби, болотных козлов, гиен, одного или двух жирафов. Большинство деревьев здесь засохло, потому что избыточные стада слонов за прошедшие годы обглодали с них всю кору.

К моему великому удивлению, большой отель «Пара-лодж», построенный на самом берегу Нила, внешне абсолютно не поврежден. То же относится и к жилищам рабочих парка и охраны, а также к зданию музея. Целыми выглядят и машины, мастерские, школьное здание. Но это только снаружи. Внутри ни-

чего нет — мебель и портьеры растащены, электропроводка и водопроводные краны вырваны из стен. Стекла повсюду выбиты, двери разломаны. Пропали все лодки и прогулочные катера для гостей, стоявшие прежде у причала на берегу Нила. Осталась всего одна моторная лодка, да и у той срезаны пенопластовые сиденья. Шины у автомобилей проколоты.

Нет, это не солдаты сделали — я просто уверен. Никакие солдаты не станут утаскивать мебель и водопроводные краны. Поскольку вся охрана парка поспешно бежала перед нашествием солдат, отель оставался совершенно без присмотра.

Ничего не поделаешь: всякий военный переворот сопровождается, как правило, подобного рода погромами. Ведь и замки в Версале и Париже были в свое время тоже полностью разграблены.

В этой ситуации настоящим геройством следует считать тот факт, что ассистент лесничего Михаэль Адупа с десятью охранниками не покинул «Чобе-лоджа» перед лицом надвигающейся опасности. Эти люди спасли парк от неслыханных потерь и расходов. Приехав потом в Кампалу, я внес предложение выдать им крупные премии и наградить орденами.

Затем мы переплываем на единственной уцелевшей большой моторной лодке через широченный Нил к знаменитым Мёрчисонским водопадам. Как часто мне приходилось здесь бывать! И как здесь прекрасно!

Помню, в первый раз мы сюда пробрались тайком из тогда еще Бельгийского Конго. Ощущение было не из самых приятных. Нам, как немцам, тогда, в первые годы после войны, отказывали во въездных визах в британскую колонию Уганда. Поэтому мы попросили бельгийских таможенников указать нам какое-нибудь местечко, где можно перейти границу, не наткнувшись на английский патруль. Таким образом мы с временными конголезскими удостоверениями в кармане в течение более чем двух недель без разрешения путешествовали по угандийским национальным паркам.

Сначала мы посетили Мёрчисонский парк (3840 квадратных километров) с его 65 видами млекопитающих и более чем 400 различными видами пернатых. На сегодняшний день парк носит название «Кабалега» и занимает площадь, превышающую на одну треть всю Саарскую область.

Оттуда мы переехали в национальный парк Королевы Елизаветы (ныне Рувензори) возле озера Эдуард. Оба парка были основаны незадолго до этого, в 1952 году. Что касается парка Кидепо, расположенного на севере Уганды, на самой границе с Суданом, то он был создан только десятью годами позже. Парк, между прочим, мало пострадал в смутные времена, как мне недавно сообщил в своем письме тамошний егерь Бендебуле.

Итак, мы плывем по Нилу, в котором здесь полно бегемотов: одно стадо следует за другим. Я вспоминаю, что это именно то место, где много лет назад сбежал один арестованный браконьер, пытаясь спастись вплавь через Нил. Но на него напал

бегемот, схватил за ногу и серьезно поранил. Рассвирепевшее животное наверняка убило бы этого человека, если бы старший егерь Бендебуле не подоспел вовремя и не застрелил бегемота.

Есть здесь и крокодилы. Они представляют собой особую достопримечательность парка. Нигде в мире не встретишь подобных огромных сборищ крокодилов. Как всегда, я, проплывая в лодке мимо этих степенных зеленовато-серых господ, не выпускаю их из поля зрения — доверять им нельзя. А они не спускают глаз с меня — тоже не доверяют. Отдельные из них наверняка увидели свет раньше, чем первый белый появился здесь, возле берегов Нила. После того как крокодил достигнет двадцатилетнего возраста, он ежегодно прибавляет в длину лишь 3,6 сантиметра. И чем он становится старше, тем медленнее растет. Рептилии длиной более 5,5 метра, вполне возможно, уже отпраздновали свой столетний юбилей. Необычно огромный крокодил, которого однажды удалось застрелить здесь, в Ниле, достигал в длину 6,3 метра.

Может статься, что наиболее старые особи среди лежащих здесь, на песчаных отмелях, видели своими глазами британского путешественника и исследователя сира Самюэля Бейкера, открывшего в шестидесятых годах прошлого столетия эти гигантские водопады и назвавшего их в честь председателя Британского королевского географического общества его именем — Мёрчисон. Наверное, когда Бейкера провозили мимо них на лодке, эти здоровенные рептилии провожали его таким же безучастным взглядом, как сейчас нас.

Еще в 1973 году на отрезке между озером Мобуту-Сесе-Секо и водопадами Кабалега было обнаружено 96 крокодильих гнезд с кладками, из которых 34 были впоследствии разрушены хищниками. В 27 случаях разрушителями являлись павианы, в шести — медоеды, а на одно гнездо позарился варан. В 16 гнездах удалось проследить вылупление из яиц маленьких крокодильчиков. А в низовьях Танги было найдено гнездо с 59 яйцами.

Один из егерей наблюдал, как прайд из пяти львов, пришедший на водопой, испугался появления людей и бросился бежать от воды. Но в тот же миг одного из молодых львов схватил за ногу крокодил, потащил в воду и утопил. Даже пятиметрового питона приходилось извлекать из брюха крокодила! И тем не менее этих громадных рептилий нельзя назвать прожорливыми — едят они весьма умеренно. Так, во Франкфуртском зоопарке должно пройти целых 150 дней, пока вес пищи, съеденной взрослым крокодилом, приблизится к весу его тела, в то время как пеликан за одну только трапезу заглатывает порцию корма, составляющую треть веса его тела. Так что крокодилы — не обжоры!

До недавнего времени на крокодилов часто еще охотились рыбаки, поднимающиеся ночью вверх по течению Нила из озера Мобуту-Сесе-Секо. Делали они это, несмотря на запрет, потому что находятся, к сожалению, люди, которые скупают добытые

шкуры. Увы, мода на крокодилью кожу не проходит, в том числе и у нас, в ФРГ. За изделия из нее платят большие деньги.

Однажды здесь увидели целую группу крокодилов, возбужденно проплывавшую мимо «Пара-лоджа» по Виктория-Нилу. Оказывается, они преследовали две туши: бегемота и кафрского буйвола. Но поскольку ниже «Пара-лоджа» река становится весьма опасной для пребывания крокодилов (там живет много браконьеров-охотников), мы отогнали рептилий лодками от их добычи, а мертвых животных вытащили на берег. Там ими охотно поживились гиены и разные падальщики.

В районе Болиги тоже обнаружили группу крокодилов около гнезд. Возле мертвого слона, лежавшего далеко от сторожевого поста, на мелководье у самого берега Нила, насчитали целых 30 крокодилов, старавшихся оторвать от туши куски мяса.

Чтобы иметь возможность охранять обитающих возле берегов Виктория-Нила животных не только со стороны суши, но и с воды, мы уже много лет назад подарили парку хорошую моторную лодку. Позже я привез сюда «амфикар» — машину-амфибию, способную передвигаться как по земле, так и по воде. Я сам плавал на ней среди бегемотов. Помню, как здоровенный бегемот-самец, недовольный появлением странного «пришельца», подплыл под машину и приподнял ее на спине над водой. Да, немало приключалось с нами разных разностей здесь, возле водопадов Кабалега, где мощная река вынуждена протискиваться через узкую, шириной каких-нибудь шесть метров, щель в скале. Есть что вспомнить!

Но должен сказать, что наши худшие опасения во время этой поездки не подтвердились. Проехав за два с половиной часа 11 километров, мы насчитали 194 крокодила и 676 бегемотов. Это совсем неплохо. Правда, раньше случалось насчитывать и по 700 крокодилов за одну поездку. Но и сегодняшним посетителям парка есть на что полюбоваться. Кроме того, эти рептилии смогут и дальше размножаться, если мы вовремя обеспечим охрану их гнезд.

Вот птицы, те по-прежнему многочисленны, как и в былые времена; орнитолог во время такой поездки может насчитать не менее 60 различных видов птиц, начиная от статной цапли голиафа до сверкающего всеми красками радуги хохлатого карликового зимородка.

Альфред Лабонго, новый главный смотритель парка,— здоровенный малый: над моими метр девяносто он возвышается еще на полголовы. Он выстраивает перед нами своих охранников: все в лохмотьях вместо формы, без ружей. И как вообще можно охранять парк, не имея вездеходов? Я сочувствую — действительно как? Так, например, пока остается совершенно неясным, существует ли еще популяция редкостных северных «белых», или «широкомордых», носорогов, единственных во всей Африке? Я договариваюсь о том, что доктор Эдрома с исследовательской станции в Рувензори через несколько дней приедет сюда и на нашем отремонтированном и приведенном в боевую готовность са-

молетике будет методично облетать всю территорию парка в поисках этих носорогов. В случае если хоть пять или шесть из них еще сохранились, то группа охранников по крайней мере в течение всего следующего года должна будет играть роль пастухов, ни на день не отлучаясь от них.

Уродливо построенный прямоугольный короб нового «Пакуба-лоджа» оказался со всех сторон простреленным и совершенно разрушенным. Но меня это не огорчает. Надеюсь, когда его отстроят вновь, он будет выглядеть несколько лучше, чем прежде!

В «Чобе-лодж» мы возвращались после многочасовой поездки уже в сумерках. Навстречу нам попался лендровер, в котором везли тяжелораненого охранника парка. Оказывается, буйвол пропорол ему бедро до самой брюшины. Другой удар пришелся по плечу, и рог через шею прошел в полость рта. Кровь хлестала ручьем, человек не мог произнести ни слова. До ближайшей больницы больше ста километров. Довезут ли его туда живым?

Однако, сталкиваясь здесь со столь трагичными происшествиями, я тем не менее всегда помню о том, что на сегодняшний день в Африке люди в десять тысяч раз чаще погибают под колесами автомобилей, чем из-за всех диких животных, вместе взятых! Между прочим, подобное происшествие имело место десять лет назад. Тогда охранник Ума едва успел спастись от напавшего на него разъяренного буйвола. Но когда тот кинулся в атаку на человека, дорогу ему преградил другой буйвол, один из тех, которые постоянно паслись недалеко от дома. Он прогнал чужака, спасая насмерть перепуганного Уму, который успел спрятаться в доме. К сожалению, тремя днями позже его спасителя разорвали львы и сожрали, притом совсем рядом с домом. Ума очень горевал.

На другое утро я еду с Джоном Бусхарой, руководителем «Управления по охране и использованию дикой природы», в глубь охотничьего резервата Карума, охватывающего площадь 300 квадратных километров и граничащего с национальным парком Кабалега. Говорят, что его охраняют десять егерей. Охотники, которым выдают лицензии на охоту в этих местах, должны платить всего лишь по 120 марок за слона, 80 марок за буйвола, 320 марок за льва — смехотворные суммы, если сравнить их с ценами на отстрел оленей в Венгрии или Чехословакии. Кроме того, этих богатых иностранцев здесь вряд ли кто действительно может удержать от незаконного превышения отстрела, потому что егеря, получающие всего 125 марок жалованья в месяц, вряд ли могут противостоять соблазну получить щедрые чаевые. И действительно, проехав 20 километров пути, мы не увидели ни одного животного. Егеря, живущие прямо посреди парка, на ночь припирают двери изнутри кольями, боясь, что их застрелят браконьеры: ведь они безоружны.

Да, я еще раз убедился, что единственные места, где на земном шаре еще возможно сохранить живую природу и ее диких обитателей,— это национальные парки. Мы должны приложить все усилия, чтобы помочь людям Африканского континента соз-

давать новые и уберечь старые национальные парки. Для этого мы не должны жалеть всех наших, пусть даже скромных, средств.

Сейчас на очереди Уганда, которой мы постараемся помочь из средств, собранных в «Фонде помощи исчезающим животным», восстановить разрушенное хозяйство своих национальных парков. Притом безотлагательно и как можно скорее.

ЧТО ВЫ ЗНАЕТЕ О ПОЛОСАТЫХ МАНГУСТАХ?

Как мало мы знали о жизни львов, жирафов, бегемотов или носорогов, пока не появились зоопарки! И как же мы пополнили свои знания о животном и растительном мире Африки с тех пор, как были образованы Научно-исследовательский институт в Серенгети, в Танзании, и подобная ему станция в парке Рувензори, в Уганде. Там ведь, постоянно сменяясь, работают по нескольку месяцев и даже лет от десяти до двадцати ученых из разных стран мира, изучая либо определенный вид животного, либо растения. К счастью, там изучают часто и маленьких, менее заметных живых существ, на которых вечно спешащие туристы не обращают внимания. К ним относится, например, полосатый мангуст.

Что мы знаем о его жизни? Как я уже рассказывал в этой книге — и вы теперь это тоже знаете — навозные жуки для земли тропиков важнее, чем слоны. Так вот, за последние годы выяснилось, что от этих самых навозных жуков целиком и полностью зависит одно африканское животное — полосатый, или зебровый, мангуст. Вот так взаимосвязано все в природе.

В 1969 году Эрнест Нил проводил в национальном парке Рувензори, расположенном у озера Мобуту-Сесе-Секо, следующие, не совсем обычные опыты. В течение четырех месяцев пять человек прочесывали местность в поисках термитников, и если в последних оказывались пробоины около 15 сантиметров в диаметре, а вокруг валялся помет с остатками в нем хитиновых покровов навозных жуков и крупных многоножек, то находка тщательно изучалась, потому что именно в подобных покинутых термитниках и обитают семьи полосатых мангустов. Девять из десяти их жилищ находились в пустых термитниках. Эрнест Нил разрыл один из таких термитников, где проживало многочисленное мангустовое семейство, и обнаружил, что все оно спит вместе в одной, а именно средней, «комнате».

Мангусты следуют, как правило, за слоновьими и буйволовыми стадами, на помете которых и собирают жуков и многоножек. Никогда они не поселяются далеко от воды: вода должна быть не дальше чем в 300 метрах от их жилищ, а желательно в каких-нибудь семидесяти.

У мангустов отличный нюх, хорошее зрение и острый слух.

Щелчок затвора фотокамеры заставлял их настораживаться даже на расстоянии 30 метров. В их помете не находили ни шерсти млекопитающих, ни чешуй рептилий, ни остатков растительной клетчатки. Следовательно, они никакие не «пожиратели змей», как им это часто приписывают. Но все же однажды Эрнесту Нилу пришлось наблюдать следующую сцену: как-то под вечер плюющаяся кобра хотела заползти в жилище мангуста, где находился молодняк; тогда один из взрослых мангустов принял позу угрозы и двинулся на змею, приблизившись к ней на расстояние 60 сантиметров. Ядовитая змея тотчас же свернула в сторону и уползла. Если бы она начала заползать в узкий проход, ведущий внутрь норы, то не смогла бы уже отпрянуть назад для укуса в случае, если бы мангуст напал на нее сзади.

Преемники Эрнеста Нила, работавшие там после него в семидесятых годах, доктор Джон П. Руд и его жена, узнали еще больше нового и прежде неизвестного об этих маленьких жителях африканских степей.

Поскольку у мангустов по внешнему виду невозможно отличить самца от самочки, исследователи отлавливали их в ловушку, взвешивали, устанавливали пол животного и метили цветными метками. Удивительно было то, что уже попадавшие в ловушку особи никоим образом не опасались попасть туда вторично. Так в течение некоторого времени целое семейство отлавливалось подряд много раз. Оно постоянно состояло из 13 самцов и 16 самок.

Зверьки эти (латинское название которых Mungos mungo) отличаются поразительным любопытством. Когда супруги Руд сидели тихо, они порой подбегали к самой машине и тщательно обследовали ее снизу.

В парке Рувензори, на полуострове Мвея размером 4,9 квадратных километра, обитало в то время пять семейств мангустов, в которых было от 10 до 25 особей. Между этими семействами иногда возникали войны, и они нередко нападали друг на друга. Происходило это следующим образом: две примерно равные по числу участников группы начинали сходиться, звери тесно прижимались друг к другу, как говорится, шли «сомкнутыми рядами» и, сойдясь, сливались в общую кучу дико верещащих, кусающихся и царапающихся бестий. Иногда в таком побоище участвовало до 50 животных. Подобная дерущаяся компания несколько позже делилась на маленькие группы гоняющихся друг за другом мангустов, пока все члены одного семейства не собирались снова воедино для следующей общей атаки. Если сходятся неравные по числу группы, то меньшая без боя уступает позиции большей.

А вообще обычная деятельность мангустов выглядит так. Вскоре после восхода солнца вся компания покидает свое жилище и уходит на промысел. Если жара становится нестерпимой, животные заползают в нору и дремлют около четырех часов в прохладе подземелья. Появляются они оттуда только под вечер, а перед заходом солнца они уже снова дома. Большинство ман-

густов за день проходит от двух до трех километров. Как правило, они используют одно и то же жилище в течение недели. Однако разные семьи ведут себя в этом отношении по-разному: одни проводят в каждом новом пристанище только одну или две ночи и потом кочуют дальше. У других одновременно бывает по нескольку «квартир», которыми они пользуются целый месяц, а то и больше и в которые спустя какое-то время возвращаются вновь.

Поселяются мангусты в зарослях, в расщелинах, размытых водой в земле, а чаще всего в заброшенных термитниках. Иногда какое-нибудь семейство предпочитает укрытия, построенные человеком. Так, видели мангустов, поселившихся в нагроможденных друг на друга черепах бегемотов, а то и в заброшенной хозяевами уборной или в мусорном ящике. Однажды наблюдали за мангустами, притащившими свое потомство в маленький грот, находящийся всего в каких-нибудь десяти метрах от шумной закусочной.

Основная еда мангустов состоит из многоножек и таких насекомых, как навозные жуки, термиты, муравьи, цикады, уховертки, саранча и тараканы. Позвоночные животные тоже иногда попадают в пищу мангустов (лягушки, жабы, змеи, птицы), иной раз и плоды, но они не занимают сколько-нибудь значительного места в их меню.

Удивительно, что мангусты относятся к тем немногим видам животных, которые умеют пользоваться орудиями труда. Выглядит это следующим образом: мангуст становится задом к большому камню, поднимается на задние лапы, держа в передних яйцо или особенно твердого, непрокусываемого огромного жука, поднимает «руки» кверху, отклоняется назад так, что чуть ли не опрокидывается, и затем изо всей силы ударяет добычей меж широко расставленных задних ног о камень. (Мне удалось заснять на пленку подобные манипуляции мангуста.) В скорлупе или хитиновом покрове «жертвы» образуются трещины, а после следующего удара они уже открыты, и можно полакомиться содержимым. Подобным же образом расправляется мангуст с засохшими кусками помета и улитками.

Судя по проведенным наблюдениям, определенные, всегда одни и те же самцы служат сторожами в группе. Если какая-то отдельная особь потерялась и ищет своих сородичей, то она бежит зигзагами, издавая призывный зов, чтобы ее было легче найти. Часто в таких случаях один или два самца отделяются от основной группы и отправляются на поиски пропавшей.

Но самое захватывающее среди всех открытий — то, что именно самцы служат «няньками» у детей. Деторождение в каждой отдельной группе настолько согласованно, что несколько самок производят на свет свое потомство почти одновременно. Поэтому совсем не редко в семействе растет сразу от десяти до пятнадцати детенышей одного возраста. В течение первых трех недель они не покидают своей «детской» и пребывают под бдительной охраной одного или двух взрослых животных, когда остальные ухо-

дят на охоту. Все семейство собирается, как правило, вместе для послеобеденного сна, а вечером небольшими группами снова покидает свое жилище. Путем мечения животных удалось легко установить, кто уходит на промысел, а кто остается дома. При этом выяснилась совершенно неожиданная вещь: возле детенышей остаются отнюдь не кормящие самки (как этого следовало бы ожидать), а самцы, причем два совершенно определенных и всегда одних и тех же. Они-то и опекают несмышленышей.

Охрана потомства продолжается и тогда, когда подросший молодняк уже отправляется вместе со всеми на поиски пищи. При каждом сигнале тревоги взрослые тотчас же окружают со всех сторон детенышей и препровождают с открытого места в ближайшее укрытие. Такое объединение в тесную группу очень характерно для полосатых мангустов. Так же они поступают в случае любой опасности: для защиты от врага, при пересечении открытых пространств и при нападении. Стоит поблизости приземлиться орлану белохвосту, мангусты тотчас же сбегаются в кучу и начинают двигаться ему навстречу «сомкнутыми рядами». Создается впечатление, что это крадется какое-то большое непонятное животное. Орлан белохвост в таких случаях тотчас же улетает.

Однако, несмотря на то что между различными семействами часто наблюдаются войны, это не мешает членам разных семей спариваться между собой, что тоже удалось выяснить путем мечения животных.

Члены одного семейства неизменно приветливы друг с другом. Лишь изредка может возникнуть непродолжительный спор из-за корма или если два самца одновременно добиваются благосклонности одной и той же самки. А так царят обычно мир и лад: чистят и лижут друг другу шерстку, постоянно трутся друг о друга и метят сородича при этом пахучими метками, выделяемыми особыми паховыми железами. Иной раз можно наблюдать, как один катается на спине в том месте, где помочился другой. По всей вероятности, каждое отдельное семейство вырабатывает свой особый запах, по которому легче отличить своих от чужих и облегчить сплоченность отдельных членов семейства между собой. На чужаков же немедленно нападают. За время наблюдений, проводившихся в течение полутора лет, три семейства разделились на несколько самостоятельных групп.

Георг Шаллер, знаменитый этолог, исследовавший поведение живущих на воле крупных млекопитающих, живя в Серенгети, однажды поймал детеныша полосатого мангуста и принес малыша в подарок своей жене и детям. Вот что он пишет о его поимке. Несколько дней подряд он следил за семейством мангустов, изучая их режим дня и повадки. Несмотря на то что детеныши уже вполне могли самостоятельно бегать, взрослые носили их на себе. Улучив удобный момент, Георг бросился догонять удиравшую группу мангустов и схватил детеныша, которого кто-то из взрослых в суматохе обронил. Разумеется, тот сейчас же вонзил ему в палец свои крохотные, но острые зубки и гром-

ко зашипел от страха и отчаяния. Но уже спустя несколько часов, успокоившись, дома, в утепленном ящичке, мангустенок согласился попить молока из рожка, а на другой день был уже полностью ручной. Он охотно разрешал детям таскать себя по всему дому, а когда его отпускали, сам бежал за ними вслед, постоянно испуская боязливые призывы о помощи. На удивление быстро он перенес привязанность к собственным собратьям на людей.

Мангустенок уже две недели жил в доме, когда Кай Шаллер, жена ученого, сидя на веранде своего дома, заметила группу мангустов, пробирающихся мимо их сада. Она тотчас же сняла с колен мангустенка и посадила его на пол веранды, а сама спряталась за дверь, чтобы малыш, потеряв ее из виду, тут же начал издавать свой «вопль одиночества». Взрослые мангусты сразу же стали откликаться. Они смело приблизились к самому дому, и трое из них даже сделали попытку взобраться по ступенькам на веранду, хотя до этого момента никогда не подходили так близко к человеческому жилью. Но тут Кай испугалась, что сородичи заберут ее воспитанника с собой, выскочила из-за двери и подхватила его на руки.

Чаще всего она носила его с собой в кармане фартука, где он спал или выглядывал оттуда, словно кенгуренок из сумки своей матери. По вечерам он быстро отлавливал на веранде всех насекомых, слетавшихся на свет лампы, висящей над столом. Когда двум сыновьям Шаллера клали на тарелку по куску шоколада или сыра, он проворно кидался первым и выхватывал лакомство у них из-под носа. А уж схватив что-нибудь, мангустенок ни за что не соглашался вернуть украденное: он бешено защищал свою добычу, издавая злобный визг, и кусал ребят за ноги. Никакие жалобы законных владельцев не помогали: проморгал — оставайся без десерта! Так что мальчишки научились быстро съедать его, а не медлить. Перед тем как за час до захода солнца залечь спать, мангустенок любил залезть к кому-нибудь на колени, чтобы ему почесывали брюшко.

В возрасте шести с половиной месяцев он потерял свои молочные зубы, шерсть на нем стала гуще и заблестела. Однако характер у него стал явно портиться: он сделался очень зловредным — не по отношению к членам своей «семьи», а по отношению к посторонним. Иной раз он ограничивался тем, что прижимался задом к ботинку или босой ноге гостя и терся о них пахучими железами, желая продушить «своим» запахом и заглушить «чужой». Но вскоре начал нападать на тех гостей, которые ему почему-либо не нравились. В особенности он не переносил женщин и детей. Выскочив из своей засады под диваном, он злобно вцеплялся зубами в щиколотку жертвы да еще мотал при этом головой из стороны в сторону, как бы желая оторвать кусок мяса... Дошло до того, что соседи уже не решались больше навещать Шаллеров или приходили к ним только в высоких сапогах. К сожалению, жизнь мангустенка закончилась трагически: его с воздуха схватила хищная птица и прикончила.

А вот Пипа — ручной мангуст, живший у моего знакомого

егеря Брука Кинлохе, предпочитал кусать слуг за голые пятки именно в тот момент, когда они входили в комнату с полным подносом в руках... Пришлось его на время трапез каждый раз запирать.

У меня тоже жил ручной карликовый мангуст, совсем крошечный, но по отношению к гостям он проявлял не меньшую агрессивность, чем те, побольше. Когда одна дама, пришедшая ко мне в гости, посадила его к себе на колени, он внезапно подпрыгнул и намертво вцепился зубами в кончик ее носа. О ужас! Несчастная гостья ушла с кровоточащим и заклеенным пластырем носом. Мне было страшно неудобно.

Должен сказать, что это вообще маленькие храбрецы. Их смелости можно только удивляться. Однажды в Кабалега-парке наблюдали такую картину: мимо прайда львов, метрах в тридцати, не спеша проследовала группа из 12 полосатых мангустов. Одна молодая львица поднялась с места и стала медленно к ним приближаться. Вслед за ней поднялись и остальные львы, включая и совсем взрослых. Мангусты тотчас же рассеялись по трем или четырем близлежащим кустам. Львы окружили один из кустов со всех сторон. Но когда они стали делать попытки вползти внутрь, мангусты, засевшие в других кустах, подняли такой невероятный галдеж, что львы начали нервничать и оглядываться по сторонам. Вместо того чтобы продолжать поиски, львы просидели до восьми часов вечера около куста, но так и ушли ни с чем — мангусты не показались из своего убежища.

Вот таким образом даже карлики при случае могут противостоять «царям зверей», надо только держаться сплоченно и громче кричать.

Комментарии[1]

С. 200

По другим данным, население Земли в настоящее время составляет 4 415 миллионов человек, по прогнозу на 2000 год, оно увеличится до 6 119 миллионов человек.— *А. П.*

С. 207

После провозглашения независимости Конго в июне 1960 года (с 1971 года — Заир) эту страну возглавило прогрессивное правительство во главе с Патрисом Лумумбой. Однако сепаратистские и проколониалистские силы при поддержке империалистических кругов организовали мятежи. Лумумба и ряд членов его кабинета были арестованы и убиты. В стране началась гражданская война. В ноябре 1965 года в Конго произошел военный переворот, в результате которого к власти пришел генерал Мобуту.— *А. П.*

С. 213

Немецкие колонизаторы вторглись в пределы современной Руанды в 1894 году, в 1898 году страна была присоединена к Германской Восточной Африке. После раздела колониальных владений Германии в соответствии с Версальским договором 1919 года Руанда вместе с соседней страной Бурунди стала мандатной территорией Бельгии.— *А. П.*

С. 213

К 1982 году численность населения Руанды достигла 5,1 миллиона человек, а плотность населения соответственно составила около 190 человек на 1 квадратный километр.— *А. П.*

С. 214

Тутси (батутси) и хуту (бахуту) — этнические группы, образовавшие народность ньяруанда (баньяруанда). В доколониальный период в Руанде сложилось государство феодального типа. Характерной чертой его общественного строя были этническо-кастовые различия. Тутси составляли феодальное сословие, хуту — наиболее многочисленный слой зависимых крестьян-общинников. Немецкие и бельгийские колонизаторы поставили власть традиционных правителей тутси — мвами — под свой полный контроль, поощряли межэтническую рознь, что нередко приводило к серьезным столкновениям между тутси и хуту, препятствовало их объединению в борьбе за независимость.— *А. П.*

С. 223

При всех известных внешних различиях между французской и британской системами управления они были тождественны и по содержанию, и по конечным целям. В заморских, в том числе и африканских, территориях Франции практиковалась так называемая политика ассимиляции. Формально коренные жители некоторых колоний пользовались равными правами с выходцами из метрополий, чего не было в британских колониальных владениях. Однако на практике эти права ничего не значили, так как дискриминационные цензы закрывали подавляющему большинству африканского населения дорогу во все законодательные и исполнительные органы. Бережное, по утверждению Гржимека, отношение Франции к традиционной африканской культуре не мешало французским властям крайне жестоко подавлять любые проявления антиколониального протеста.

Негритюд — культурно-философская концепция, получившая в 30—50-е годы нашего века распространение среди африканской интеллигенции французских африканских колоний (преимущественно в Западной Африке). В основу этой концепции, направленной против культурной и духовной колонизации, положены утверждения о якобы различном складе ума черного и белого человека, об особенностях «африканской личности» и своеобразии «африканской души».— *А. П.*

С. 238

Имеется в виду освободительная война венгерского народа 1703—1711 гг. под руководством Ференца Ракоци против империи Габсбургов.— *А. П.*

---

[1] Комментарии, принадлежащие А. Г. Банникову, отмечены инициалами *А. Б.*, А. М. Пегушеву — *А. П.*

С. 239

Гепард, видимо, исчез с территории СССР. Последние достоверные встречи на юге Туркмении (в Бадхызе) отмечены в 1957 г., а на северо-западе (Устюрт) — в 1973 г. Возможно, отдельные особи сохранились еще на Устюрте. Главная причина исчезновения гепарда определялась резким падением численности его основной добычи — джейранов. Гепарды хорошо размножаются в неволе. Потомство гепардов получено во многих зоопарках, в том числе в Московском.— *А. Б.*

С. 242

По многим данным, Джой Адамсон, трагически погибшая в январе 1980 года в Кении, стала жертвой грабителей-браконьеров.

С. 263

Здесь и в других книгах Б. Гржимек весьма бегло касается сложного вопроса о роли традиционных африканских верований и культов в жизни современной Африки. Читателям, которых заинтересует этот вопрос, рекомендуем изданную в русском переводе книгу известного французского африканиста Б. Оля «Боги Тропической Африки» (Москва, 1976).— *А. П.*

С. 264

Чака Зулу (ок. 1787—1828) — один из организаторов политического объединения зулусских племен в Южной Африке (на территории современной ЮАР) в первой трети XIX века. Он был талантливым военачальником, создателем наступательной тактики и новых видов традиционного оружия, сделавших зулусское войско одним из наиболее боеспособных в Тропической и Южной Африке в XIX веке. В 1879 г. зулусы, возглавляемые своим правителем Кетчвайо, в битве у горы Изанзлвана нанесли сокрушительное поражение частям регулярной английской армии.— *А. П.*

С. 264

Имеется в виду государство Конго (XIII—XVIII веков), существовавшее на обширной территории к северу и югу от устья реки Конго, в пределах современных Заира и Анголы. В конце XV века маниконго (правитель) Конго принял христианство, ставшее государственной религией. Христианизация страны осуществлялась насильственным путем и способствовала втягиванию Конго в сферу влияния Португалии.— *А. П.*

С. 267

Имеется в виду обострение отношений между Кенией и Танзанией во второй половине 70-х годов в связи с развалом Восточноафриканского сообщества — межгосударственного экономического объединения Кении, Уганды и Танзании (созд. в 1967 г.). В начале 80-х годов отношения между этими двумя странами вновь улучшились, в частности были восстановлены нормальное сообщение и связь.— *А. П.*

С. 278

В годы военных режимов Аббуда (1958—1969) и Нимейри (1969—1985) резко обострилась так называемая проблема юга, доставшаяся Судану в наследство от колониальных времен. Географически и этнически Судан разделен на две части. Северные провинции населены арабами-мусульманами (свыше 70% всего населения), юг страны — негроидными племенами (динка, нуэр, бари и др.), исповедующими христианство или придерживающимися традиционных верований. Попытки насильственной арабизации и исламизации юга встречали вооруженное сопротивление его населения; созданные на юге политические организации выдвигали широкие политические и социально-экономические требования.— *А. П.*

С. 279

Об Эмин-паше см. комментарий к «Серенгети не должен умереть» на с. 63.— *А. П.*

С. 279

О восстании Махди см. комментарий к «Серенгети не должен умереть» к с. 23.— *А. П.*

С. 300

Б. Гржимек в очередной раз посетил Уганду вскоре после падения диктаторского режима Иди Амина в 1979 г., поставившего страну на грань катастрофы. Свержение Амина было осуществлено силами патриотической организации Фронт национального освобождения Уганды (ФНОУ), находившейся в Танзании, и при поддержке регулярных частей танзанийской армии.— *А. П.*

Послесловие

Представлять советскому читателю Бернгарда Гржимека не надо. Ученого хорошо знают в нашей стране как энергичного и вдумчивого пропагандиста охраны природы, яростного обличителя преступлений против нее, талантливого публициста, неутомимого путешественника, прекрасного фотографа-натуралиста.

Бернгард Гржимек написал более двадцати книг, они много раз издавались во всех странах мира. На русский язык переведены десять книг, полюбившиеся советскому читателю рыцарской заботой о спасении диких животных, любовью к братьям нашим меньшим и гневом к охотникам «пострелять» в бегемотов и слонов.

Среди всех великолепных книг Б. Гржимека «Серенгети не должен умереть», изданная двухмиллионным тиражом на тридцати языках мира, стала классическим произведением не только по манере изложения, сочетающей научный анализ с художественным стилем повествования, но особенно по своему научному содержанию, по впервые выдвинутой идее спасения богатой африканской фауны. Это третье издание книги в нашей стране, на этот раз вместе с новой книгой — «Не щадя сил».

Успех Гржимека, литератора и публициста, прежде всего следствие огромной общечеловеческой значимости того дела, которому он посвятил свою жизнь и которое стало стержневой темой его книг. Именно Б. Гржимек впервые обосновал необходимость защиты и сохранения животных Африканского континента, богатейший мир которого чрезвычайно оскудел. Его книги зовут к действию, а сам Гржимек действительно не щадит своих сил, делая все от него зависящее для спасения дикой природы от нависшей над ней угрозы уничтожения.

Со всей страстностью и гневом Гржимек обличает «туристов», которые в погоне за наживой и просто ради забавы убивали слонов, бегемотов, львов, антилоп и других животных. Надо сказать, что сейчас лишь единицы их приезжают «пострелять» в животных. Большинство же хотят хоть раз в жизни увидеть слонов, жирафов и других животных на воле, а не за решеткой зоопарков.

Дикие животные Африки — собственность не только африканцев, а достояние всего человечества. Бернгард Гржимек влюблен в природу этого континента и своей любовью заражает читателя, увлекая его картинами девственной природы Африки. С каждым годом все труднее разыскать на Земле место, где еще сохранилась нетронутая природа и ее дикие животные. А то, что становится редким, делается дороже и привлекательнее.

Среди национальных парков Африки Серенгети — один из самых богатых и интересных. И остался он таким благодаря исключительным усилиям отца и сына Гржимек.

Национальный парк Серенгети в Танзании сейчас занимает площадь 1476 300 гектаров. Это один из последних участков земли в Африке, где еще можно встретить огромные стада крупных животных. Численность их превышает два миллиона голов и за двадцать лет увеличилась в пять раз. До Гржимека никто не пытался разобраться в этом царстве копытных, подсчитать их, выявить пути их миграций.

Значение исследований Б. Гржимека в Серенгети далеко выходит за пределы этого национального парка. Цель была — дать научное обоснование границ заповедной территории, провести учеты животных на огромной площади (более одного миллиона гектаров). Это были первые учеты животных с воздуха. Следующие исследователи подтвердили большую точность авиаучетов Б. и М. Гржимек. Теперь усовершенствованные авиаучеты в национальных парках Африки проводятся регулярно. Также впервые Б. Гржимек применил массовое мечение диких копытных цветными метками и ошейниками в целях выявления путей их миграций.

Можно сказать, что исследования, проведенные Бернгардом и Михаэлем Гржимек в Серенгети, были новаторскими. Они впервые для Экваториальной

Африки дали количественную оценку животного населения, впервые установили его плотность, характерные миграции.

Удалось ли спасти Серенгети от дальнейшего уничтожения? Принесли ли исследования Б. Гржимека и работа М. Гржимека, стоившая ему жизни, какую-нибудь пользу?

Благодаря научным исследованиям, пропаганде идей охраны природы и их популяризации в странах Африки сейчас применяют самые современные принципы охраны животного мира. Стало очевидно, что охрана природы выгодна для развивающихся африканских стран. Доходы стран от контролируемых посещений национальных парков туристами составляют значительную долю общих доходов.

В настоящее время в Африке много делается для развития национальных парков. Сейчас в Танзании уже десять национальных парков общей площадью свыше четырех миллионов гектаров и пять резерватов (7,5 миллиона гектаров). Научный центр в Серонере, созданный по инициативе Б. Гржимека, стал базой, на которой проводятся исследования экосистем саванны, а также исследования отдельных видов животных. В научном мире широко известны блестящие исследования жизни львов, гепардов и других крупных хищников, проведенные Георгом Шаллером, наблюдения Джейн Левик-Гудолл за пятнистыми гиенами и К. Пенниквика с планера за грифами.

Не забыт трагически погибший во время авиаучетов Михаэль Гржимек. Три школы носят его имя, учрежден «Фонд памяти М. Гржимека». На средства фонда построен Международный институт биологических проблем Африки имени Михаэля Гржимека в Бомако, в котором работают зоологи, почвоведы, ботаники всех стран мира.

Велика научная ценность этих центров исследований африканской дикой природы. О некоторых современных исследованиях, проведенных на базе этих центров, с присущим Б. Гржимеку мастерством рассказывается в книге «Не щадя сил». Как и в предыдущих своих книгах, Б. Гржимек широко подходит к проблеме охраны природы Африки, ее отдельных регионов. Описывая свои путешествия по Камеруну и Судану, он проектирует новые национальные парки в этих странах. Снова и снова, со все нарастающей силой убеждения Гржимек отстаивает право на жизнь и процветание живых существ дикой природы, призывая сохранить эти ценности для будущего человечества.

Пропагандой идей охраны всего живого Бернгард Гржимек воодушевляет людей, заставляет понять, поверить в необходимость сохранения уголков дикой природы.

Охрана окружающей среды принадлежит к числу тех глобальных проблем, которые касаются всех людей вне зависимости от их национальной или расовой принадлежности, политических убеждений. Однако Б. Гржимека особенно волнует судьба дикой природы в развивающихся и капиталистических странах — там, где проблема охраны окружающей среды стоит особенно остро.

В этой связи уместно напомнить, что защита дикой природы, как и в целом охрана окружающей среды, в СССР является общенародным, общегосударственным делом. Ежегодно в соответствии с Государственным планом экономического и социального развития на охрану окружающей среды и рациональное использование природных ресурсов, включая ведение лесного хозяйства, расходуются значительные средства. Проблема решается комплексно: осуществляются мероприятия по охране водных источников, оздоровлению воздуха городов, защите почвы от водной и ветровой эрозии, охране лесов от пожаров, охране и расширению действующих и созданию новых заповедников; на обширных площадях проводятся лесоустроительные и лесовосстановительные работы.

Разумеется, многое еще предстоит сделать, необходимо шире использовать опыт, накопленный в странах социалистического содружества и других государствах различными научными и общественными фондами и организациями. В этом плане вклад Гржимека в дело защиты дикой природы, включая его книги, представляет реальную ценность.

Книги Гржимека знакомят нас с некоторыми специфическими проблемами, возникающими в связи с организацией охраны дикой природы в странах

Африки. Одна из них — браконьерство, наносящее огромный ущерб животному миру Африки.

То, что браконьерство — большое зло, с которым необходимо решительно бороться, совершенно очевидно. Однако вопрос о браконьерстве в Африке, как и в целом вся проблема охраны дикой природы на этом континенте, имеет определенные культурно-исторические, социальные и этнические особенности.

Небывалый рост браконьерства, начавшийся после колониального подчинения Африки, был прямо связан с растущим спросом в Европе на слоновую кость, носорожьи рога, шкуры различных животных и другие «предметы африканской экзотики». Именно тогда началось и разрушение ранее существовавшего экологического равновесия между традиционными африканскими обществами и дикой природой.

Следует сказать, что быстро растущее браконьерство беспокоило колониальные власти. Однако отдельные охранительные меры (организация первых небольших заповедников, введение ограничений и запретов на охоту на отдельные виды животных и т. д.), принимавшиеся в колониальный период, не решали и не могли решить эту проблему. Часто они приводили к обратным результатам, поскольку преследовали коммерческие цели, осуществлялись без учета особенностей ранее сложившихся местных систем хозяйства, жизненного уклада и традиций, ущемляли интересы больших групп населения — земледельцев, профессиональных охотников, сборщиков дикорастущих плодов и растений, обжигальщиков — заготовителей древесного угля и т. д. Так нередко в число охраняемых попадали животные, портившие посевы, например кабаны. Высокие лицензии на охоту были недоступны простым охотникам-африканцам и стимулировали поэтому вынужденное браконьерство, которое для многих из них было и остается до сих пор средством к существованию, а не обогащению.

Постепенно «легальная» охота во многих районах Африки становилась своего рода социальной привилегией, доступной небольшой прослойке местных, преимущественно белых, охотников или богатым приезжим, для которых специально организовывались дорогостоящие охотничьи «сафари». Именно о них с негодованием и горечью пишет Гржимек в книге «Серенгети не должен умереть». Произвольное установление границ заповедников и введение запретов на заготовку некоторых видов древесины зачастую лишало большие группы населения жизненно важных источников топлива, вынуждало их заниматься «нелегальными» заготовками древесного угля.

С учетом сказанного следует, очевидно, оценивать положение с браконьерством в современной Африке и все, что пишет в этой связи Гржимек, различать так называемое профессиональное и вынужденное браконьерство.

Книга Б. Гржимека приводит к выводу, что проблема защиты дикой природы не может быть решена изолированно. Она тесно увязана с общими задачами социально-экономического развития африканских стран. И в этом плане, несомненно, очень важно, какой путь общественного развития избран той или иной страной.

А. Г. БАННИКОВ
А. М. ПЕГУШЕВ

Содержание

Бернгард и Михаэль ГРЖИМЕК

СЕРЕНГЕТИ НЕ ДОЛЖЕН УМЕРЕТЬ

ПОЛЕТ ТУДА — 7
В КРАТЕРЕ НГОРОНГОРО — 27
ЛЬВЫ ИЗ СЕРЕНГЕТИ — 39
ГЕРМАНСКАЯ КРЕПОСТЬ В АФРИКЕ — 51
МЫ СЧИТАЕМ ЖИВОТНЫХ — 64
КАК ПОКРАСИТЬ ЗЕБРУ В ЖЕЛТЫЙ ЦВЕТ? — 78
МЫ ОБНАРУЖИВАЕМ БРАКОНЬЕРОВ — 91
ПРО ЯДОВИТЫХ ЗМЕЙ — 98
СЛОЖНЫЕ МАНИПУЛЯЦИИ С «ЧУДО-РУЖЬЕМ» — 104
ПОХОД ПРОТИВ БРАКОНЬЕРОВ — 117
МУЖЕСТВО ПО СХОДНОЙ ЦЕНЕ — 127
ТАКОВЫ УЖ ЭТИ МАСАИ — 138
КАК Я НОЧЬЮ ЗАБЛУДИЛСЯ В КРАТЕРЕ НГОРОНГОРО — 149
ПРО МУХУ ЦЕЦЕ — 160
КАК И КУДА ОНИ КОЧУЮТ — 165
СЕРЕНГЕТИ НЕ ДОЛЖЕН УМЕРЕТЬ — 173
ПРИКЛЮЧЕНИЕ НА ОЗЕРЕ НАТРОН — 179
ЧТО СТАЛО С СЕРЕНГЕТИ? — 190
Комментарии — 194

Бернгард ГРЖИМЕК

НЕ ЩАДЯ СИЛ

НЕ ЗАСТАВЛЯЙТЕ МЕНЯ БОРОТЬСЯ В ОДИНОЧКУ! — 200
ВИЗИТ К ГОРНЫМ ГОРИЛЛАМ — 202
ОПЕРАЦИЯ «ЛЕТАЮЩИЕ СЛОНЫ» — 211
КАК ВАМ ЖИВЕТСЯ, ДИКИЕ ЖИВОТНЫЕ КАМЕРУНА? — 218
МЫ ЛЕТАЛИ С ГРИФАМИ НАПЕРЕГОНКИ — 226
ГЕПАРДЫ ВЫМИРАЮТ ИЗ-ЗА СЛИШКОМ ПРИВЕТЛИВОГО НРАВА — 238
СРЕДИ КРОКОДИЛОВ, БЕГЕМОТОВ И ГИГАНТСКИХ ЗМЕЙ — 244
ЗЕБРА НАПАДАЕТ НА ЛЬВА. МЕРТВЫЕ СЛОНЫ СТОЯТ КАК ВКОПАННЫЕ — 252
ДОСТИЖЕНИЯ АФРИКАНЦЕВ В ДЕЛЕ ОХРАНЫ ПРИРОДЫ — 258
УДИВИТЕЛЬНЫЕ ЖИВОТНЫЕ ЭТИ ТОПИ! — 264
КАК СПЯТ ЖИРАФЫ. РАЗНЫЕ ДРУГИЕ ДОСТОВЕРНЫЕ ИСТОРИИ — 266
НА ВОЗДУШНОМ ШАРЕ ЧЕРЕЗ КИЛИМАНДЖАРО — 272
СУДАНУ ТОЖЕ НУЖНЫ НАЦИОНАЛЬНЫЕ ПАРКИ — 277
В ГОСТЯХ У ЛЬВОВ ДЖОРДЖА АДАМСОНА — 285
НАВОЗНЫЕ ЖУКИ ВАЖНЕЕ СЛОНОВ — 294
ПОЕЗДКА ПО НЕСПОКОЙНОЙ УГАНДЕ — 300
ЧТО ВЫ ЗНАЕТЕ О ПОЛОСАТЫХ МАНГУСТАХ? — 308
Комментарии — 314
Послесловие — 316

Гржимек Б., Гржимек М.

Г81 Серенгети не должен умереть (3-е изд.). Гржимек Б. Не щадя сил: Пер. с нем./ Авт. послесл. и коммент. А. Г. Банников, А. М. Пегушев.— М.: Мысль, 1986.— 319 с., 32 л. ил., карт.

В пер.: 4 р. 50 к.

Книга состоит из двух произведений: дважды издававшегося в нашей стране «Серенгети не должен умереть» и нового — «Не щадя сил». В первом рассказывается о поездке в национальный парк Танзании и об изучении обитающих в нем животных; во втором — о достижениях африканских стран в деле охраны уникального природного мира Африки и горячем участии в этом Бернгарда Гржимека. Так же как и другие книги ученого, она насыщена сведениями о жизни животных континента и пронизана страстным призывом охранять прекрасную природу Африки.

Г $\frac{1905020000\text{-}049}{004\ (01)\text{-}86}$ 151-86 ББК 28.688

Михаэль и Бернгард ГРЖИМЕК
СЕРЕНГЕТИ НЕ ДОЛЖЕН УМЕРЕТЬ
Издание третье

Бернгард ГРЖИМЕК
НЕ ЩАДЯ СИЛ

Заведующий редакцией Ю. О. ГНАТОВСКИЙ
Редакторы Б. Н. МАЛКЕС, Ю. С. МАКАРЕВИЧ
Редактор карты О. В. ТРИФОНОВА
Младший редактор А. П. КУЛИК
Оформление художника А. А. БРАНТМАНА
Художественный редактор Е. М. ОМЕЛЬЯНОВСКАЯ
Технический редактор О. А. БАРАБАНОВА
Корректор И. В. ШАХОВЦЕВА

ИБ № 2624

Сдано в набор 22.08.85. Подписано в печать 28.01.86. Формат 60×90 1/16. Бумага типографская № 1. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. печатных листов 24 с вкл. Усл. кр.-отт. 37. Учетно-издательских листов 29,74 с вкл. Тираж 100 000 экз. Заказ № 1519. Цена 4 р. 50 к.

Издательство «Мысль». 117071. Москва, В-71, Ленинский проспект, 15

Ордена Октябрьской Революции и ордена Трудового Красного Знамени МПО «Первая Образцовая типография» имени А. А. Жданова Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 113054, Москва, Валовая, 28

